С57
Ом75
v. 60

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР
ОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
ИНСТИТУТ им. А. М. ГОРЬКОГО

ВОПРОСЫ ФИЛОЛОГИИ

Ученые записки
выпуск 60

Омск 1970

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР
ОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
ИНСТИТУТ им. А. М. ГОРЬКОГО

ВОПРОСЫ ФИЛОЛОГИИ

Ученые записки
выпуск 60

Омск 1970

Редакционная коллегия:

В. К. ГЕЙНЦ, Г. Г. ЕДИГ (ответственный редактор),
Е. А. РОСТОВЦЕВ.

108754

The person charging this material is responsible for its return to the library from which it was withdrawn on or before the **Latest Date** stamped below.

Theft, mutilation, and underlining of books are reasons for disciplinary action and may result in dismissal from the University.

To renew call Telephone Center, 333-8400

UNIVERSITY OF ILLINOIS LIBRARY AT URBANA-CHAMPAIGN

APR 0 1980

L161—O-1096

ОПРЕДЕЛИТ ... ГОВОРЕ

1. 1. Синтак ... подчиненного комплекса могут ... субъектно-предикативных от ... речи главного состава, ... В общей сложности можно ...

1. Отношение ... между собой части сложноподч ... субъектные и предикативные ... т.е. связь, при которой оба ... из-за своеобразных субъект ... в (как главный, так и прида ... свободное (валентное) мест ... вом[1]. Следовательно, в да ... плекса в структурном и см ... ение прерванной предикативно ... елятивного элемента устраня ... вую. Графически данный вид ... е:

ve:ɐ nox niç jəje:tə ha:ft // zol fu:ts ko:mə
Wer noch nicht gegessen hat, soll sofort kommen.

də t'in'ɐ häitə uk bäid // vu: də aulə häitə
Die Kinder heissen auch beide, wie die Alten heissen.

2. Отношение односторонней связи. При этом виде связи грамматически

1. W. Admoni. Der deutsche Sprachbau. Leningrad 1960, S. 194; W. Schmidt. Grundfragen der deutschen Grammatik. Berlin 1966, S. 242 ff.; H. Brinkmann. Die deutsche Sprache. Gestalt und Leistung. Düsseldorf 1957, S. 457.

Редакционная коллегия:

В. К. ГЕЙНЦ, Г. Г. ЕДИГ (ответственный редактор),
Е. А. РОСТОВЦЕВ.

108754

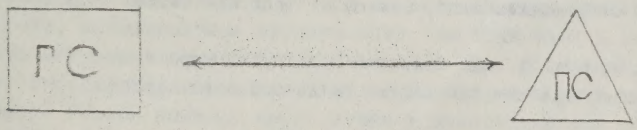
Г. Г. ЕДИГ

ОПРЕДЕЛИТЕЛЬНЫЕ ПРИДАТОЧНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В НИЖНЕНЕМЕЦКОМ ГОВОРЕ АЛТАЙСКОГО КРАЯ

1. Общие замечания

1. 1. Синтаксические отношения между компонентами сложноподчиненного комплекса могут быть различными в зависимости от своеобразия субъектно-предикативных отношений и валентности глагола и других частей речи главного состава, способных управлять придаточным предложением. В общей сложности можно выделить пять видов этих отношений, а именно:

1. Отношение двусторонней связи. Этим способом соединены между собой части сложноподчиненных комплексов, в состав которых входят субъектные и предикативные придаточные предложения. Двусторонняя связь, т.е. связь, при которой оба компонента зависимы друг от друга, возникает из-за своеобразных субъектно-предикативных отношений: каждый из составов (как главный, так и придаточный) оставляют открытым одно обязательное свободное (валентное) место, которое должно быть заполнено другим составом[1]. Следовательно, в данном случае обе части сложноподчиненного комплекса в структурном и смысловом отношениях синсемантичны. Восстановление прерванной предикативной линии путем введения в главный состав коррелятивного элемента устраняет лишь структурную синсемантию, но не смысловую. Графически данный вид связи может быть представлен в следующем виде:



ve:ɐ nox niç jəje:tə ha:ft // zol fu:ts ko:mə
Wer noch nicht gegessen hat, soll sofort kommen.

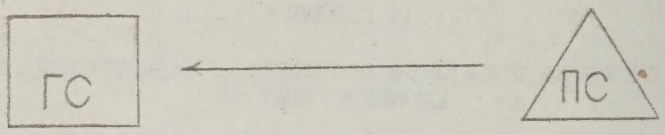
də t'in'ɐ häitə uk bäid // vu: də aulə häitə
Die Kinder heissen auch beide, wie die Alten heissen.

2. Отношение односторонней связи. При этом виде связи грамматически

1. W. Admoni. Der deutsche Sprachbau. Leningrad 1960, S. 194; W. Schmidt. Grundfragen der deutschen Grammatik. Berlin 1966, S. 242 ff.; H. Brinkmann. Die deutsche Sprache. Gestalt und Leistung. Düsseldorf 1957, S. 457.

зависим лишь подчиненный состав сложного предложения, в то время как главный состав обладает известной грамматической независимостью. Односторонняя зависимость вытекает из валентности глагола главного состава, который оставляет открытым лишь одно факультативно свободное место; второе место занято подлежащим[2].

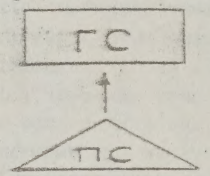
Этот вид связи наблюдается между главными составами и дополнительными и обстоятельственными придаточными предложениями. Графически он может быть изображен так:



ät' fəšto: nox ämə niç // vaut dy: foh mi: väst
Ich verstehe noch immer nicht, was du von mir willst.

məri: koum i:əšt no hys // ous-ət aul gauns di:stə ve:ə
Marie kam erst nach Hause, als es schon ganz dunkel war.

3. Отношение опосредованной связи. Оно наблюдается в сложноподчиненных комплексах с определительными придаточными предложениями. Особенность этого вида связи заключается в том, что подчиненный состав включается в общую схему предложения через один из именных членов группы подлежащего или сказуемого главного состава. Графически это может быть представлено так:



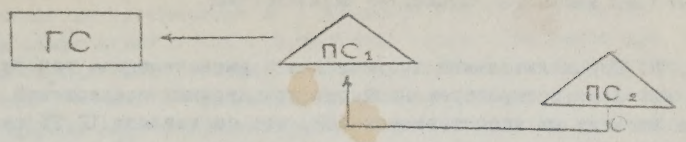
də t'äi // vou jəmol't'ə zän // lo:tə vi: op-ə väid
Die Kühe, wo gemolken sind, lassen wi auf die Weide.

də məäi:n // vou ät' mät fo:rə zol // äs dox kəput
Die Maschine, mit der ich fahren soll, ist doch kaputt.

4. Отношение ступенчатой связи. При этом виде связи, как и при односторонней, зависим только подчиненный состав, в то время как главный состав обладает известной грамматической независимостью. Особенностью его является то, что подчиненные составы различных степеней включаются в главный состав последовательно один за другим через сказуемое. Графически

2. W. Admoni. Der deutsche Sprachbau, S. 72 ff.; H. Brinkmann. Die deutsche Sprache, S. 463; K. Ammer. Einführung in die Sprachwissenschaft Bd. I. Halle (Saale) 1958, S. 163; H. Glinz. Der deutsche Satz. Wortarten und Satzglieder wissenschaftlich gefasst und dichterisch gedeutet. Düsseldorf 1957, S. 38.

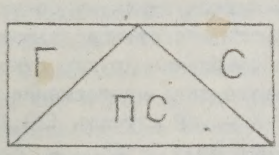
это может быть показано так:



ät' väit // daut-ɐ niç t'ämt // vi:ls-ɐ mi: niç väl
Ich weiss, dass er nicht kommt, weil er mich nicht will.

5. Отношение аппликативной связи. В этом случае связь между главным и придаточным составами чрезвычайно свободная: придаточное предложение непосредственно не подчинено ни одному из членов главного состава, его содержание как бы свободно накладывается на содержание главного состава в целом. Это означает, что оба состава (как главный, так и придаточный) относительно автосемантичны.

Аппликативная связь наблюдается в сложноподчиненных комплексах с изъяснительным придаточным предложением. Графически она может быть изображена следующим образом:



ny: äs-ɐ va:dɐ bi: onst // vaut ons aulɐ zäiɐ freit
Nun ist er wieder bei uns, was uns alle sehr freut.

1. 2. Определительные придаточные предложения, как указывалось выше, относятся к третьему типу связи. Поскольку они включаются в структуру главного состава через один из именных членов группы подлежащего или сказуемого, то обычно и примыкают непосредственно к управляющим словам. Однако характерные особенности устной диалектной речи (высокая степень ситуативности, эмоциональная окрашенность, быстрый темп и др.) открывают возможность нарушения общего правила порядка слов в сложноподчиненном комплексе: определительное придаточное предложение в речи носителей рассматриваемого говора поэтому часто стоит в препозиции или постпозиции по отношению ко всему главному составу. Вынос за рамку определительного предложения, естественно, приводит к известным изменениям в интонационном членении сложноподчиненного комплекса, например:

də maun // vou briγad'ir ve:ɐ // koum fondo:γ trid'
Der Mann, wo Brigadier war, kam heute zurück.

vou briγad'ir ve:ɐ // də maun // koum fondo:γ trid'
Wo Brigadier war, der Mann, kam heute zurück.

də maun koum fondo:γ trid' // vou briγad'ir ve:ɐ
Der Mann kam heute zurück, wo Brigadier war.

1. 3. Определительные предложения в нижненемецком говоре Алтайского края довольно распространенный вид придаточных предложений (в наших полевых записях их насчитывается 163, что составляет 12,3% от общего числа зафиксированных сложноподчиненных предложений).

По способу подчинения главному составу определительные придаточные предложения могут быть относительными, союзными и бессоюзными. Преобладающей является относительная связь, союзная и бессоюзная встречаются значительно реже. Зафиксированные примеры в этом отношении распределяются следующим образом: относительное подчинение - 136 случаев или 83,4%, союзное подчинение - 16 случаев или 9,8%, бессоюзное подчинение - 11 случаев или 6,7%.

В современном немецком литературном языке определительные придаточные предложения чаще всего вводятся относительными местоимениями der и welcher, другие относительные местоимения, наречия и союзы употребляются реже. В описываемом нижненемецком говоре, наоборот, определительные предложения почти никогда не подчиняются главному составу с помощью относительного местоимения vounɐ "welcher", а относительное местоимение däi "der" встречается очень редко. Употребление других относительных местоимений, наречий и союзов распределяется так: местоимение vaut "was" - 62 случая (38%), наречие vou "wo" - 48 случаев (29,5%), наречие vu: "wie" - 14 случаев (8,6%), местоимение ve:ɐ "wer" - 3 случая (1,8%), сочетание местоимений däi vaut "die was" - 6 случаев (3,6%), союз daut "dass" - 12 случаев (7,3%), союз of "ob" - 4 случая (2,4%).

Таким образом, в немецком литературном языке и рассматриваемом немецком говоре наблюдаются противоположные тенденции в употреблении подчинительных слов в сложноподчиненных предложениях с придаточным определительным.

2. Относительные определительные предложения

2. 1. Выше уже было отмечено, что в говоре определительные придаточные предложения очень редко вводятся с помощью относительных местоимений däi "der" и vounɐ "welcher". Единичные примеры, с этими местоимениями, зафиксированные нами в данном диалектном районе, встретились в речи носителей говора старшего поколения, хорошо знающих немецкий литературный язык. При этом местоимение däi "der" зафиксировано как в именительном, так и в объектном падеже, а местоимение vounɐ "welcher" лишь в объектном падеже, например:

do:ɐ koumə də ma:nɐ // däi mät mi: zänt jəfo:rə // än noumə mi: mät "da kamen die Männer, die mit mir gefahren sind, und nahmen mich mit".

ət pi:ət // op vounəm häi zout // ve:ɐ fəvunt "und das Pferd, auf welchem er sass, war verwundet".

Представители младшего поколения, которые в большинстве своем слабо

владеют немецким литературным языком, не употребляют указанные относительные местоимения совсем. Это наводит на мысль, что и представители старшего поколения не употребляют их в домашней обстановке, иначе они должны были бы закрепиться в языке в качестве нормы. Следовательно, мы имеем в данном случае дело со стилистическими вариантами: местоимения däi "der" и vourn "welcher", заимствованные из немецкого литературного языка, употребляются лишь в официальных беседах, их употребление вызвано стремлением говорить "правильнее", как здесь иногда заявляют представители старшего поколения.

2. 2. Самым распространенным относительным местоимением, употребляющимся в говоре для подчинения определительных предложений, является местоимение vaut"was". Оно заменяет местоимения däi "der" и vourn "welcher", например:

dam bolt t'a:n ät' // vaut do:ɐ šaufə de:d teəmorjəs "den Bolt kenne ich, was (der) da am Morgen arbeitete".
än dam dou vi: də t'a:lvɐ drän't'ə // vaut vi: dräimo:l də da:x drän't'ə "und dann tränken wir die Kälber, die wir dreimal am Tag tränken".

Как и в большинстве других нижне- и верхненемецких говорах, в данном говоре относительное местоимение vaut "was" может быть усилено с помощью местоимения däi "der"[3]. Правда, это усиление здесь не получило такого широкого распространения как в других немецких говорах, но оно зафиксировано нами в речи представителей всех поколений. Это свидетельствует о том, что усиление и здесь явление не случайное:

än do:ɐ ve:rə ən po:ɐ t'i:ədls // däi vaut zäiɐ le:jə kunə "und da waren ein paar Burschen, die was sehr lügen konnten".
dan štäk't-vi: də hy:pəs aun // däi vaut do:ɐ nox ve:rə // än le:də ons do:l "dann steckten wir die Haufen an, die was da noch waren, und legten uns".

Усиление относительного местоимения vaut "was" в говоре служит для более сильного выделения определяемого имени существительного и содержания придаточного предложения из сложноподчиненного комплекса. Однако предел простым усилением относительного местоимения еще не достигнут. Высшая степень наблюдается в тех случаях, когда наряду с усилением относительного местоимения в главный состав включается дополнительно коррелятивное местоимение däi "der", например:

än däi vaut do:ɐ šaufə de:d də šofɐ // däi jin't' op b'ul'et'en' "und der was da arbeitete der Fahrer, der bekam einen Krankenschein".

2. 3. Из косвенных падежей относительных местоимений родительный падеж нами не зафиксирован. Он описывается аналитической конструкцией, со-

3. H. Wunderlich und H. Reis. Der deutsche Satzbau. Stuttgart/Berlin 1925, Bd. II, S. 368 ff.

стоящей из относительного местоимения в дательном падеже, притяжательного местоимения в именительном падеже и относительного наречия vou "wo", например:

" än de äine reibe // de:m zi:n pi:ət vou-re ziç jəno:mə haud // t'ämt oube nox mol trid' "und der eine Räuber, dem sein Pferd wo er sich genommen hatte, kommt aber noch einmal zurück".

Как видно из приведенного примера, подчинительное словосочетание разъединено именным второстепенным членом - дополнением. Дополнительное введение в состав определительного предложения относительного наречия vou "wo" свидетельствует о том, что подчинительная сила сочетания de:m zi:n "dem sein" стерлась; в сознании носителей говора оно в самостоятельном употреблении стало восприниматься как определение к опорному слову и лишь подкрепление его дополнительным элементом vou "wo" возвращает его в разряд подчинительных словосочетаний.

Часто подчинительное словосочетание de:m zi:n подкрепляется также относительным местоимением vaut "was", например:

äs daut de klausə // de:m zi:n broudə vaut än barnau:l äs "ist das der Klassen, dem sein Bruder was in Barnaul ist?"

Таким образом, родительный падеж относительного местоимения на всей территории распространения говора заменяется двумя равноценными вариантами подчинительных словосочетаний.

Вместо дательного и винительного падежей относительного местоимения немецкого литературного языка в рассматриваемом говоре, как правило, употребляется форма субъектно-объектного падежа местоимения vaut "was":

än däzə tit // vaut vi: do:r ve:rə // ha: ät' jəmo:kt fi:f reis "und in dieser Zeit, was wir da waren, habe ich fünf Fahrten gemacht (= welche wir da waren).

Иногда в речи носителей говора можно также услышать форму дательного падежа относительного местоимения däi "der", например:

kaunst-əm šle:d ne:mə // mät de:m vi: än-ə štaut ve:rə "kannst den Schlitten nehmen, mit dem wir in der Stadt waren".

Однако, как уже было указано выше, эта форма употребляется лишь носителями говора, хорошо владеющими немецким литературным языком или одним из окружающих данный языковой островок верхненемецких диалектов. Отсюда напрашивается предположение, что она является либо стилистическим, либо территориальным вариантом исконной формы относительного местоимения vaut "was".

У носителей нижненемецких говоров, переселившихся из Украины в тор.

Томск, мы зафиксировали также дательный падеж относительного местоимения vounɐ "welcher":

daut äs dox daut ma:sɐ // mät vounəm vi: brout šni:də "das ist doch das Messer, mit welchem wir Brot schneiden"; houl-əm šle:tl // vounəm nox ha:st "Hole den Schlüssel, welchen noch hast".

Этот факт, возможно, свидетельствует о том, что формы däi "der" и vounɐ "welcher" носителями говора были утрачены после переселения на Алтай.

2. 4. Относительное местоимение ve:ɐ "wer" очень редко употребляется как подчинительное слово в сложноподчиненных комплексах с определительным придаточным предложением. В наших полевых записях оказалось всего два таких примера. В первом примере определительное предложение относится к существительному "Frage" (вопрос):

däi šta:lə-əm uk fu:ts də fro:γ // ve:ɐ häi ny: ve:ɐ "der stellte ihm auch gleich die Frage, wer er nun sei".

Подобные конструкции, на наш взгляд, обязаны своим существованием влиянию немецкого литературного языка; речи носителей говора они не свойственны. Носители говора описываемого района, как правило, описывают их сложноподчиненным предложением с придаточным дополнительным:

däi fru:x-əm uk fu:ts // ve:ɐ häi ny: ve:ɐ "der fragte ihn auch gleich, wer er nun sei".

Второй пример, напротив, представляет собой подлинно диалектное образование, но это, к сожалению, единственный пример такого рода, обнаруженный в наших записях:

än hi:ɐ kaun ji:dɐ mänš li:rə // ve:ɐ daut moɐ kaun "und hier kann jeder Mensch lernen, wer das nur kann".

2. 5. Относительные местоимения däi "der" и vounɐ "welcher" может заменять в данном говоре также относительное наречие vou "wo". В большинстве случаев относительное местоимение vaut "was" и наречие vou "wo" взаимозаменимы, носители говора их строго не различают:

də plauntə // vou (vaut) rytjətrokə zänt // däi vo:rə fräš fəplaunt "die Pflanzen, die herausgezogen sind, werden frisch verpflanzt".

Но относительное наречие vou "wo" имеет и более специализированное значение, в котором не может быть замещено местоимением vaut "was": оно служит для подчинения всех тех определительных предложений, которые зависят от обстоятельства места главного состава, т. е. таких, которые по своему содержанию соприкасаются с придаточными предложениями обстоятельства места, например:

ən dan fu:ɐ-vi: no: dəm hys // vou vi: ons haud bərə:d də fan'ərə tu nə:mə "und dann fuhren wir zu dem Haus, wo wir uns verabredet hatten, Furnier zu nehmen"; koum ät' ha:n än daut da:rp // vou ät' ha:n vul // ve:ɐ do:ɐ di:-stɐ "kam ich hin in das Dorf, wo ich hin wollte, da war es da schon dunkel"

2. 6. Значительно реже в качестве подчинительного слова в определительных придаточных предложениях выступает относительное наречие vu: "wie":

daut äs-ə bərə:d // vu: də t'a:st vo:ɐd därçjəfi:əd vo:ɐrə "das ist eine Beratung, wie die Hochzeit durchgeführt werden wird".
ha:st äviç sovetə[4] // vu: aulət tu mə:kə äs "hast ewig Ratschläge, wie alles zu machen ist".
daut äs ny: də groutə fro:γ // vu: däi daut zou fi:n mə:kt "das ist nun die grosse Frage, wie der das so fein macht".

В определительных придаточных предложениях, относящихся к имени существительному с временным значением, относительное наречие vu: "wie" выступает в звуковой форме vi:s, например:

än gro:ds däzəm momänt // v':s-ə daut zou dän't'ə de:d // t'riçt-ɐ mät ämo:l än pəpi:ɐ "und gerade in diesem Moment, wie er das so dachte, bekommt er auf einmal ein Papier".

3. Союзные определительные предложения

3. 1. Определительные придаточные предложения, подчиненные главному составу с помощью союзов, в рассматриваемом говоре, как и в современном немецком литературном языке, встречаются редко. Из подчинительных союзов употребляются лишь союзы daut "dass", of "ob".

3. 2. Определительные придаточные предложения, подчиненные главному составу с помощью союза daut "dass", могут зависеть от имен существительных с самой различной семантикой. При этом во многих случаях в главный состав включается в качестве коррелятивного элемента неопределенное местоимение zounə "so ein", что сближает данный вид определительных предложений по значению с уступительными, например:

ät' ha: zounə o:ɐbəd // daut ät' niç yt-əm da:rp ko:n "ich habe so eine Arbeit, dass ich nicht aus dem Dorf komme".
däi haud zounə vaunt // daut do:ɐ jin't' hin'ɐtušta:lə ən be:t "der hatte so eine Wand, dass man sich da ein wenig dahinterstellen konnte".

Если определительное предложение зависит от имен существительных, об-

---

4. Русизм: советы (мн. число).

разованных от глаголов субъективной оценки, то в главном составе коррелятивного элемента нет. По значению такие определительные предложения близки к дополнительным, например:

> poleštšuk ve:ɐ än de mäinin' // daut maun a:m aunsštaut daut ra:çte vu:ed än aundret vu:ed jeza:çt haud // vaut-ɐ niç vist "Polestschuk war der Meinung, dass man ihm anstatt des richtigen Wortes ein anders gesagt hat, das er nicht kannte".

3. 3. Определительные придаточные предложения, подчиненные главному составу с помощью союза of "ob", в говоре встречаются очень редко. Они зависят от имен существительных, образованных от глаголов говорения, и по значению близки к дополнительным предложениям, например:

> än mi: t'vë:ld oubɐ de fro:γ // of däi do:ɐ bäne äs "und mich quälte aber die Frage, ob der da drinnen ist".
> dan vul-vi: fu:ts ne rešen'e mo:ke// of vi: daut fäi dri:ve vo:ɐre oudɐ niç // oubɐ daut gouf nušt "dann wollten wir gleich einen Beschluss fassen, ob wir das Vieh treiben werden oder nicht, aber daraus wurde nichts".

4. Бессоюзные определительные предложения

4. 1. В речи носителей данного нижненемецкого говора бессоюзные определительные предложения встречаются чаще, чем в современном немецком литературном языке, хотя и здесь бессоюзный вид синтаксической связи в количественном отношении значительно уступает союзному[6]. Возможность более широкого использования бессоюзной связи заложена в своеобразии протекания устного общения: большая ситуативность устной речи, ее эмоциональная насыщенность позволяют говорящему до известной степени пренебрегать четким выражением связи между главным и придаточным составами. Недостающие лексические единицы в таких случаях компенсируются интонацией, ритмикой и порядком следования частей сложноподчиненного предложения.

4. 2. Чисто логическое подчинение определительных придаточных предложений в говоре ограничено теми случаями, когда в подчиненном составе следовало бы ожидать употребление союза daut "dass". В отличие от немецкого литературного языка, в котором в бессоюзном определительном предложении обязательно употребление сослагательного наклонения глагола, в говоре единственными средствами связи между главным и подчиненным составами являются порядок слов, интонация и ритмика. Бессоюзное определительное предложение может стоять только за главным составом; на последнем ударенном слоге главного состава резче повышается интонация, чем при союзном подчинении; пауза между частями сложного предложения несколько больше обычной. Например:

> häi äs de mäinin' // häi šla:pt bi: zi:n tovo:riš "er ist der Meinung, er

---

5. Русизм: решение.
6. H. Jedig. Die Nebensätze in der niederdeutschen Mundart des Altai-Gaus. Altaier Büchenverlag 1961, S. 20 - 21.

schlafe bei seinem Freund".

ha:ft fondɔ:ɣ ãn tələgram jət'riçt // zi:nə fry: ãs jəštorvə "hat heute ein Telegramm bekommen, seine Frau sei gestorben".

5. Употребление временных форм глагола в определительных придаточных предложениях

5. 1. Дифференциация временных форм в определительном придаточном предложении в речи носителей говора проводится довольно последовательно.

Для выражения действия, относящегося к моменту речи, и действия со значением универсальности употребляется презенс, например:

ãt' ha:b mi: fəpfliçt // däzə fäiɐ briga:dəs // vaut do:ɐ zãn // mãt mi:nə məši:n daut nãidiçstə // vaut da bruka // uk brãnštof // daut aulɐ bi:tuforə "ich habe mich verpflichtet, diesen vier Brigaden, die da sind, mit meiner Maschine das Nötigste, auch Brennstoff, das alles beizufahren".

В определительных предложениях встречается также исторический презенс:

ãn jäit / ãn jäit / ãn jäit də riçtuŋ op tou // fon vou daut jəšaul he:ɐt'ãnt "und geht immer in der Richtung, woher das Geschalle kommt".

Для выражения длительности действия, относящегося к настоящему времени, в говоре употребляется аналитическая форма, состоящая из презенса вспомогательного глагола douna "tun" и инфинитива полнозначного глагола, например:

ãn dan no:he:ɐ koum də švo:ɐts dan nox ha:n // ous bu:xhaltɐ vaut do:ɐ ny: šaufə de:d "und dann, nachher kam der Schwarz dann noch hin, der nun da als Buchhalter arbeitet".

5. 2. Формы прошедшего времени в определительных придаточных предложениях встречаются все три (претерит, перфект и плюсквамперфект). Нормы их употребления в основном соответствуют нормам современного немецкого литературного языка.

Претерит является формой рассказа о прошедших событиях, например:

dan fu:ɐ vi: də aundrə da:x v:dɐ trid' no: zi:nəm da:ɐp // vou häi zi:nə ku:t haud // vou zi:n jəbi:t ve:ɐ "dann fuhren wir am anderen Tag wieder zurück in sein Dorf, wo er sein Haus hatte, wo sein Gebiet war".

Длительность действия, как и в настоящем времени, обозначается аналитической формой, состоящей из вспомогательного глагола douna "tun" в претерите и инфинитива полнозначного глагола:

daut ãs onzə štə:d // vou vi: dan vounə däidə "das ist unsere Stätte, wo

wir dann wohnten".

Перфект употребляется для выражения действия, завершенного в прошлом, но результат которого существует в момент речи, например:

daut ãs jo: daut vãçtiçstə // vaut ãn mi:nəm le:və zou fe:ʁjəgo:nə ãs "das ist ja das Wichtigste, was in meinem Leben so vor sich gegangen ist".

Плюсквамперфект служит для обозначения прошедшего действия, предшествовавшего прошедшему действию глагола главного состава:

koum uk va:dɐ no: dəm vi:ədshys // vou zi:nə bräidɐ ve:rə na:xt jəble:və bi:m ha:ngo:nə "kam auch wieder in das Wirtshaus, wo seine Brüder beim hingehen übernachtet hatten".

5. 3. Для выражения действия, относящегося к будущему, чаще всего употребляется футурум первый, например:

za:çt ãt' nox tu a:m // dãzə tit // vaut ãt' do:ɐ un'ə vo:ɐ zänə // zol-ɐ nušt rouflo:tə 2sagte ich noch zu ihm, er solle diese Zei., da ich da unten sein werde, solle er nichts hinunter lassen".

Однако, как и в современном немецком литературном языке, для выражения будущего времени может употребляться также презенс:

daut ãs də dãš // vaut ãt' ny: no: hys ne:m "das ist der Tisch, was ich nun nach Hause nehme".

Форма футурума первого в определительном придаточном предложении употребляется также в модальном значении. Она выражает намерение и по значению приближается к сочетанию модального глагола wollen с инфинитивом:

ãn gro:ds də na:xt // vou zə vo:ɐrə də bry:t šte:lə // vort də bri:goum kra:nk "und in der Nacht, wo sie die Braut stehlen wollen, wurde der Bräutigam krank".

Интересно отметить, что в данном случае футурум первый употребляется в значении, совпадающем со значением исторического презенса.

Из изложенного следует, что определительное придаточное предложение в устной диалектной речи по своей структуре очень близко к определительному предложению современного немецкого литературного языка. И все же оно отличается от последнего рядом особенностей, к которым относятся: более свободная позиция в сложноподчиненном комплексе, более свободный порядок слов, своеобразие в употреблении подчинительных слов и временных форм глагола.

Г. Г. ЕДИГ

ПРЕДИЦИРОВАННЫЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ВРЕМЕНИ В НИЖНЕНЕМЕЦКОМ ГОВОРЕ АЛТАЙСКОГО КРАЯ

1. Общие замечания

1. 1. Предицированные обстоятельства времени, или придаточные предложения времени могут быть соединены с главным составом сложноподчиненного комплекса как отношением односторонней и ступенчатой связи, так и отношением двусторонней связи.

Отношение односторонней связи наблюдается тогда, когда придаточное предложение следует за сказуемым главного состава. В этом случае изменяемая часть сказуемого главного состава оставляет открытым одно валентное место факультативно. Поэтому главное предложение сложноподчиненного комплекса относительно автосемантично, оно может существовать и без придаточного. Например:

päitr t'ämt i:əšt äm da:rp trid' //(van-ət aul di:str äs)
Peter kommt erst ins Dorf zurück, (wenn es schon dunkel ist).

Отношение ступенчатой связи может наблюдаться как при постпозиции, так и при препозиции придаточного предложения времени по отношению к главному составу. В этом случае придаточное предложение времени непосредственно не связано с главным составом, оно входит в него через другое придаточное предложение, которое является по отношению к нему ведущим. Поэтому главный состав сложноподчиненного комплекса в сочетании с ведущим подчиненным составом относительно автосемантичен, он может и в том и в другом случае существовать без придаточного предложения времени. Например:

ät' väit // daut-r niç no hys t'ämt //(bat-r fo:rdiç äs)
Ich weiss, dass er nicht nach Hause kommt,(bis er fertig ist).
daut däi niç va:ç kaun //(van-r ha:nt'ämt)// äs dox zäçr
Dass der nicht weg kann, (wenn er hinkommt), ist doch sicher.

Отношение двусторонней связи наблюдается тогда, когда придаточное предложение предшествует сказуемому главного состава. В этом случае изменяемая часть сказуемого главного состава оставляет открытым одно обязательное валентное место, которое должно быть заполнено придаточным предложением. Поэтому содержание главного состава без подчиненного

синсемантично. Главное предложение без придаточного времени существовать не может. Например:

ous vi: dan va:çjin'ə // za:çt-ɐ // ze:lə va:dɐ ko:mə
Als wir dann weggingen, sagte er, wir sollen wieder kommen.

1. 2. Придаточные предложения времени выполняют в сложноподчиненных комплексах функцию временных уточнителей. Они обозначают либо момент совершения действия сказуемого главного состава, либо продолжительность процесса протекания этого действия.

В рассматриваемом говоре придаточные предложения времени являются одним из самых распространенных видов придаточных предложений. В наших полевых записях насчитывается 316 сложноподчиненных предложений с придаточным времени, что составляет около 24% от общего числа.

1. 3. Придаточное предложение времени в говоре всегда подчиняется главному составу с помощью союзов, относительные и бессоюзные предложения не встречаются.

В сложноподчиненном комплексе придаточное предложение времени чаще всего стоит в препозиции по отношению к главному составу и выступает, таким образом, обычно в качестве "темы" высказывания, в то время как главное предложение выполняет функцию "ремы". В тех случаях, когда говорящие наделяют функцией "темы" высказывания главное предложение, они либо вводят в него наречие с временным значением, либо выделяют его интонацией из сложноподчиненного комплекса[1].

В зафиксированных нами примерах придаточное предложение времени в 278 случаях стоит в препозиции по отношению к главному составу (около 88%), в 35 случаях – в постпозиции (около 11%) и лишь в 3-х случаях – в интерпозиции (около 1%).

1. 4. Позиция придаточного предложения времени в сложноподчиненном комплексе в известной степени обусловлена значением подчинительных союзов. После одних из подчинительных союзов наблюдается тенденция к препозиции подчиненного состава, после других, наоборот, совершенно отчетливо проявляется стремление выдвигать на первое место главный состав сложноподчиненного предложения. Так, например, после союзов "als" и "wenn" постпозиция придаточного предложения времени встречается довольно редко, после союза "wie" и некоторых других постпозиция его нами не зафиксирована совсем, а после союза "bis" преобладает постпозиция.

Таким образом, в устной диалектной речи отчетливо проявляется тенденция к препозиции придаточных предложений времени, действие которых либо предшествует действию сказуемого главного состава, либо протекает параллельно с ним. Если же придаточное предложение выражает действие, которое совершается позже действия главного состава, то оно обычно стоит в постпозиции. Однако, как уже было указано выше, речевая ситуация и интонация дают носителям говора возможность в процессе общения свобод-

1. H. Bossert. Neue Untersuchungen zum Wesen und zur Struktur des deutschen Satzes. Berlin 1956, S. 60.

но перемещать придаточное предложение времени из одной позиции в другую, не изменяя при этом его основной коммуникативной нагрузки.

1. 5. В процессе устного общения носители рассматриваемого говора часто выделяют из состава придаточного предложения времени наречия и предложные группы с временным значением и предпосылают их ему, например:

ān dan // ous hāi va:kə vort // štunt ān bo:ə fär-əm
Und dann, als er erwachte, stand ein Bär vor ihm.

de aundrə da:x // ous-ət di:stə vort // jin'ə-zə auf

Am anderen Tag, als es dunkel wurde, gingen sie ab.

В подобных конструкциях придаточное предложение лишь раскрывает содержание обстоятельственного уточнителя с более общим значением, который в силу своей позиции в сложноподчиненном комплексе оказывается возведенным в члены предложения первой степени и включенным в состав главного предложения. Таким образом, в приведенных примерах придаточное предложение времени связано с главным составом отношением опосредованной связи, как это имеет место в сложноподчиненных комплексах с определительным придаточным предложением. Выделение из подчиненного состава обстоятельства времени устраняет неполноту предикативной линии главного состава таким же образом, как в других видах сложноподчиненных предложений коррелятивные элементы[2], т. е. главный состав приобретает потенциальную автосемантичность и может существовать и без подчиненного состава.

1. 6. Весьма значительно различие в частотности употребляемых здесь подчинительных союзов. Так, например, союз ous "als" зафиксирован в 221 примере, т. е. вводит около 70% всех зафиксированных нами придаточных предложений времени, в то время как союз van "wenn" встречается лишь в 42 примерах, союз vi:s "wie" – в 14 примерах, союз bat "bis" – в 19 примерах, e: "ehe" – в 5 примерах, союз ande:m "indem" – в 3 примерах, союз ve:rənt "während" – в 2 примерах и т.д. Следовательно, в данном говоре для подчинения придаточных предложений времени употребляются в основном более древние союзы "als", "wenn", "wie", "bis", а союзы "ehe", "indem", "während" и др. являются лишь их стилистическими вариантами, заимствованными из современного немецкого литературного языка и окружающих верхненемецких говоров.

2. Подчинительные союзы и согласование времен

2. 1. Употребление союза ous "als" в описываемом говоре отчасти совпадает с его употреблением в современном немецком литературном языке. Так, например, он вводит придаточное предложение времени обозначающее прошедшее действие, которое протекает одновременно с действием главного

---

[2] Б. В. Гулыга. Некоторые вопросы теории сложноподчиненного предложения. Иностранные языки в школе, 1. Москва, 1966, стр. 7 – 11; Г. Г. Едит. Придаточные предложения в функции главных членов сложноподчиненного комплекса. Вопросы диалектологии и языкознания. Ученые записки Омского педагогического института им. А. М. Горького, выпуск 44, Омск, 1969.

состава, например:

än nou // ous ät' nänkoum va:dɐ // la:ɐ daut t'int än hilə op-m ba:d "und dann, als ich wieder hineinkam, lag das Kind auf dem Bett und weinte"; ous vi: däi i:əšt vulə aufje:və/ də švi:n // vulə-zə də švi:n niç aunne:mə "als wir die erst abgeben wollten, die Schweine, wollten sie die Schweine nicht annehmen".

Кроме того, союз ous "als", как и в современном немецком литературном языке, используется для введения придаточных предложений времени, обозначающих действие, которое предшествует действию, выраженному в сказуемом главного состава, например:

än ous vi: i:əšt tväi do:ʔ mušt jəe:tə haudə // out-vi: uk daut "und als wir erst mal zwei Tage lang nichts gegessen hatten, assen wir auch das"; ous vi: də de:ɐ i:əšt haud toujəfli:t // dan kroup-vi: op-m da:k nop än vulə dan də šerstain touštopə "als wir die Tür erst zugeschlossen hatten, [illegible] wir aufs Dach hinauf und wollten den Schornstein zustopfen"; ous-t fe:rdiç ve:ɐ // jin't'-ɐ "als er fertig war, ging er".

Возможно и обратное соотношение: придаточное предложение времени, вводимое союзом ous "als", может выражать прошедшее действие, которое совершается позже действия главного состава, например:

ous ät' nänkoum // haud-ɐ daut aul auləs jəmo:kt "als ich hineinkam, hatte er das schon alles gemacht"; ous vi: mäd-ə məši:n ha:nkoumə // haudə-zə də tšast'i aul polutšeit "als wir mit der Maschine hinkamen, hatten sie die Ersatzteile schon erhalten"; ous də vi:əd rytkoum // haud-vi: də de:ɐ aul toujədräit "als der Wirt herauskam, hatten wir die Tür schon zugedreht".

Как видно из приведенных примеров, в тех случаях, когда действие главного состава предшествует действию придаточного предложения, носители говора вводят в него дополнительно различные наречия времени, которые дополнительно указывают на факт предшествования действия главного состава. В качестве таких дополнительных временных опор чаще всего выступают наречия aul "schon", äntliç "endlich":

ous ät' dan mät gor'utšə trid'koum äm da:rp // haud-ɐ dəm daumpɐ änt'iç aufrəmonti:ət "als ich dann mit Brennstoff ins Dorf zurückkam, hatte er das Motorrad endlich remontiert".

Согласование временных форм глагола после союза ous "als", обязательное для современного немецкого литературного языка, в устной речи носителей говора не соблюдается сколько-нибудь последовательно. Отклонения от нормы особенно часто возникают из-за того, что носители говора прибегают к историческому презенсу, чтобы оживить свой рассказ. Таким образом и

говоре после союза ous "als" возможны следующие комбинации временных форм в сложноподчиненных комплексах с придаточным предложением времени.

1) Действия главного и придаточного предложений, протекающие параллельно в прошедшем времени, перемещаются в план настоящего времени; поэтому в обеих частях вместо претерита употребляется презенс:

än zou / ous zə bat dəm douɐ dan do:ɐ ko:mə // špriŋ't-ət fu:ts op "und so, als sie bis zu dem Tor dann da kommen, springt es sofort auf"; än ous-ɐ bat də osə do:ɐ t'ämt // do:ɐ nämt-ɐ än biŋ't tso:γəl aun tso:γəl "und als er bis zu den Ochsen da kommt, da nimmt er und bindet Schwanz an Schwanz"; ous-ɐ-ət zit // väl-ɐ-t "als er es sieht, will er es".

2) Из двух действий, протекающих параллельно в прошедшем времени, в настоящее время перемещается только действие главного предложения. Поэтому в главном предложении употребляется исторический презенс, а в придаточном сохраняется претерит:

ous där što:nə bläif // dan za:çt-ɐ // vou äs də ji:əd "als der stehen blieb, dann sagt er: wo ist der Gerhard"; än op älmo:l / ous ät' bytə ve:ɐ än dəm gaunsə droum // fa:ŋ mi: də fäit aun tu fre:rə "und auf einmal, als ich aus dem Traum war, fangen mir die Füsse an zu frieren".

3) Из двух действий, совершающихся параллельно в прошедшем времени, в настоящее время перемещается только действие придаточного предложения. Поэтому в придаточном предложении употребляется исторический презенс, а в главном сохраняется претерит:

än fu:ts / ous zə ziç tra:fə // fru:γə zə de:m // vaut ha:st dy: ny: jəfuŋə "und sofort, als sie sich treffen, fragten sie den: was hast du nun gefunden?"; na än ous-ɐ mi: äm jəzäçt nänknault mäd-m za:k // noum ät' än knault -əm mäd-m flintəjəša:ft aun-əm o:rəm "na und als er mir mit dem Sack ins Gesicht schlägt, nahm ich und schlug ihn mit dem Flintengeschäft auf den Arm".

4) Из двух действий, протекающих разновременно в прошедшем времени, в настоящее время перемещается действие главного предложения, в то время как в придаточном предложении сохраняется прошедшее время. Таким образом в сложноподчиненном комплексе возникает последовательность временных форм плюсквамперфект (в придаточном предложении) - презенс (в главном предложении):

ous ät' än än' jəgo:nə haud // noult-ɐ än naga:n ryta "als ich ein Stück gegangen war, holt er einen Revolver hervor"; ous ät' ytjəšmi:k't haud // za:çt-ɐ // ko:m mät "als ich ausgeraucht hatte, sagt er: komm mit"; ous ät' mi: daut aulət zou toupjəla:çt haud // t'ämt-ɐ aun mät zi:n broudɐ "än väl mi: daut fu:ətne:mə "als ich mir das alles so zusammengelegt hatte, kommt er an mit seinem Bruder und will mir das wegnehmen".

5) Из двух действий, протекающих разновременно в прошедшем времени, в настоящее время перемещается действие придаточного предложения, в то время как в главном предложении сохраняется прошедшее время. Таким образом в сложноподчиненном комплексе возникает последовательность временных форм: презенс (в придаточном предложении) - плюсквамперфект (в главном предложении):

än ous ät' mi: daut fo:ɐt'əl houlə väl // haud-ɐ-rət ziç jəno:mə "und als ich mir das Ferkel holen will, hatte er es sich genommen"; ous ät' mi: do:ɐ ha:hsit // ve:ɐ do:ɐ än no:γəl än-ə ba:ŋk nänjəšlo:γə "als ich mich da hinsetze, war da ein Nagel in die Bank geschlagen".

6) Действия главного и придаточного предложений, протекающие разновременно в прошедшем, могут оба употребляться в историческом плане. При этом предшествующее действие стоит в форме результативного прошедшего времени, а последующее - в настоящем времени. Здесь возможны два случая:

а) Действие придаточного предложения предшествует действию главного предложения. В этом случае в придаточном предложении вместо плюсквамперфекта употребляется перфект, а в главном предложении вместо претерита - исторический презенс:

ous-ɐ daut jəmo:kt ha:ft // jäit-ɐ no: hys än la:çt ziç do:l als er das gemacht hat, geht er nach Hause und legt sich schlafen"; ous-ɐ dəm ho:z aufjəla:dɐt ha:bə // väl-ə-ə de:m ko:kə "als sie den Hasen abgeledert haben, wollen sie den kochen".

б) Действие главного предложения предшествует действию придаточного предложения. В этом случае в главном предложении вместо плюсквамперфекта употребляется перфект, а в придаточном предложении вместо претерита - исторический презенс:

än ous-ɐ trid't'ämt // ha:ft-ɐ dəm hunt aul aufjəla:dɐt "und als er zurückkommt, hat er den Hund schon abgeledert"; än ous də məši:n što:nə blift // äs-ɐ uk daut liçt nox ytjəgo:nə "und als die Maschine stehenbleibt, ist ihm auch das Licht noch ausgegangen".

7) Союз ous "als" в данном говоре может быть использован для введения придаточных предложений времени, в которых соотношение временных форм иное, чем в описанных выше случаях. Так, например, глагол главного предложения может стоять в презенсе или футуруме первом, в то время как в придаточном предложении глагол стоит в форме претерита или плюсквамперфекта, например:

ät' ve:ɐ ji: mal nə t'li:nə jəšiçt fəta:lə fon dan // ous ät' nox mä:t'ə ve:ɐ "ich werde euch mal eine kleine Geschichte erzählen von dann, als ich noch Mädchen war"; zol ät' fon dan fəta:lə // ous ät' än-ə štaut ve:ɐ "soll ich von dann erzählen, als ich in der Stadt war?"

В подобных комбинациях временных форм футурум, по сути дела, выступает в своем модальном значении и соприкасается со значением аналитической конструкции, состоящей из модального глагола wollen в сочетании с инфинитивом. Предложение в целом также может быть отнесено к сложноподчиненным комплексам с придаточным времени лишь с оговорками. В современном немецком литературном языке такие конструкции не встречаются; здесь в таких случаях возможны лишь сложноподчиненные предложения с придаточным определительным. Однако, как видно из приведенных примеров, в говоре указанные предложения содержат в главном составе наречие с временным значением, которое уточняется придаточным предложением. Это обстоятельство придает и придаточному предложению временной характер.

Из указанных комбинаций временных форм после союза ous "als" в современном немецком литературном языке возможны лишь комбинации, приведенные под пунктами 1 и 6 (ср. у Уланда: Und als er sprengen will über die Brück', da stutzet das Ross und bäumt sich zurück; Als er das Tier zu Fall gebracht, da fasst er erst sein Schwert mit Macht). Но и в этих двух случаях в литературном языке отдают предпочтение союзу "wie" (ср. у Гете: и Шиллера: Und wie er sitzt, und wie er lauscht, teilt sich die Flut empor; Und wie er erwachet in seliger Lust, da rauschen die Wasser ihm um die Brust).

Комбинации временных форм в придаточном предложении времени, приведенные под пунктами 2 - 7, в современном немецком литературном языке невозможны, так как в литературном языке перемещение в другой временной план сказуемого одного из составов сложноподчиненного комплекса влечет за собой перемещение сказуемого также второго состава. Это явление, следовательно, характерно только для устной речи. Перемещение временных форм из плоскости прошедшего в плоскость настоящего времени, как известно, вызвано стремлением говорящего к более живому и образному изображению прошедших событий и состояний. Употребление союза ous "als" во всех указанных случаях, по всей вероятности, объясняется тем, что говорящий при языковом оформлении своей мысли не имеет сразу ясного представления о предложении в целом, а изменяет и перестраивает его в процессе повествования в зависимости от ситуации и душевного состояния. При этом он иногда не обращает внимания на менее главные элементы предложения, в нашем случае - союзы. Учитывая исключительно высокую частотность в употреблении союза ous "als", можно предположить, что отклонения здесь стали правилом именно благодаря "оговоркам".

2. 2. Употребление союза van "wann" в устной речи носителей говора соответствует употреблению союза "wenn" в современном немецком литературном языке. Он служит для введения придаточных предложений времени, обозначающих неоднократность действия в плане настоящего времени. Сказуемое в данном случае стоит в обеих частях сложноподчиненного комплекса в форме настоящего времени. Содержание придаточного постоянно в большинстве случаев обобщается в главном составе корреляционным наречием "dann", которое обычно стоит в начале постпозитивного главного предложения и, таким образом, восстанавливает прерванную предикативную линию, например:

än van ät' daut do:ɐ ha: // dan go: ät' no hys "und wenn ich das da getan habe, dann gehe ich nach Hause";van daut yt äs / də ja:st aulɐ co:ɐ zänt // dan vo:ɐd uɲkast ytjəräid "wenn das aus ist, die Gäste alle da sind, dann wird Abendtrot ausgerichtet".

Однако обобщающее коррелятивное наречие dan "dann" может стоять и в середине главного состава. В этом случае коррелятивный элемент не в силе восстановить предикативную линию: непокрытый глагол постпозитивного главного состава оставляет открытым одно обязательное валентное место, которое должно быть заполнено придаточным предложением:

än van də o:vənt i:əšt tu än' äs // go: ät' dan šlo:pə "und [illegible] erst zu Ende ist, gehe ich dann schlafen"; van də t'e:j [illegible]t's zän // dro:γə vi: dan vi:ləs näna "wenn die Kühe gemolken sind, tragen wir dann Streu hinein".

Обобщающий коррелятивный элемент нередко употребляется [illegible] т. е. наречие dan "dann" выступает как в главном [illegible] составах. В таких предложениях наречие занимает в [illegible] вое место и восстанавливает прерванную предикативную [illegible] ном составе оно стоит либо в середине, либо обособляется от [illegible] ствует ему, например:

än van vi: dan trid' zän fon-ə o:ɐbəd // dan äs də klok zou dräi / fäir "und wenn wir dann zurück sind von der Arbeit, dann ist die Uhr so drei - vier"; van-ɐ dan no hys t'ämt // no: brin't-ɐ də v'in'ɐ mädəpu:n [illegible] "wenn er dann nach Hause kommt, dänn bringt er den Kindern Konfekt mit"; än dan/ van daut äs // de:d t'ra:k't zou də bri:goum "und dann, wenn das (geschehen) ist, tut dasselbe auch der Bräutigam".

Значение союза van "wenn" в говоре часто поддерживается различными наречиями, которые дополнительно подчеркивают повторяемость выраженного в сказуемом действия. К этим наречиям относятся [illegible] "jedesmal" и maunçmo:l "manchmal", например:

ji:dəsmo:l van ät' vaut mo:kə väl // zänt ja:st do:ɐ "jedesmal wenn ich etwas machen will, sind Gäste da"; ämɐ van vi: roupə // dan ko:mə-zə "immer wenn wir rufen, dann kommen sie".

Широко распространено в говоре также употребление союза van "wenn" для введения придаточных предложений времени, выражающих одноразовое или многократное действие в плоскости будущего времени. Будущее время в подобных предложениях чаще всего выражается формой [illegible] как подчинительные союз и все содержание главного предложения достаточно полно характеризуют данное действие, как относящееся к плоскости будущего:

za:çt-zə // van ät' do:ɐ nopko:m // zi: ät' diçt bi: də zon "sagt sie, wenn ich da hinauf komme, bin ich nahe bei der Sonne"; van-ət di:stɐ äs// go:nə vi: lous "wenn es dunkel ist, gehen wir los".

Сложноподчиненные комплексы, в которых сказуемое придаточного предложения стоит в форме футурума первого, встречаются довольно редко:

van dy: fondo:ɣ no hys vo:ɐ̯ət ko:mə // dan t'riçst dy: pre:jəl fon di:n pa: "wenn du heute nach Hause kommen wirst, dann bekommst du von deinem Papa Prügel"; van dət ävi:nstaul vo:ɐd touphä:ivə // dan ve:rə zə e:vvgo:nə "wenn der Schweinestall einfällt, dann werden sie übergehen".

Наконец, союз van "wenn" служит для введения придаточных предложений времени, обозначающих действие, предшествующее действию главного предложения. При этом в говоре возможны три случая.

1) Придаточное предложение времени обозначает действие, предшествующее действию главного состава в плоскости настоящего времени. В этом случае сказуемое придаточного предложения стоит в форме перфекта, а сказуемое главного предложения - в форме презенса:

van vi: i:əšt ytjamäst ha:bə // dan la:çt daut fäl ziç do:l "wenn wir erst ausgemistet haben, dann legt das Vieh sich nieder"; van-ɐ bat do:ɐ jəgo:nə äs // dan t'ämt-ɐ trid' "wenn er bis dahin gegangen ist, dann kommt er zurück".

2) Придаточное предложение времени обозначает действие, предшествующее действию главного состава в плоскости будущего времени. В этом случае сказуемое придаточного предложения стоит в форме перфекта, а сказуемое главного предложения - в форме презенса или футурума первого:

ät' ko:m tu mädar i:əšt // van ät' mi:nə o:ɐbəd do:ɐ ha: jəgo:nə "ich komme erst zu Mittag, wenn ich meine Arbeit da getan habe"; va:xt mot / daut vo:ɐ̯ət dy: mi: fəta:lə // van ät' no hys ko:m "warte nur, das wirst du mir erzählen, wenn ich nach Hause komme".

3) Придаточное предложение времени обозначает действие, предшествующее действию главного состава в плоскости прошедшего времени. В данном случае сложноподчиненный комплекс выражает повторяемость действия в прошлом; сказуемое придаточного предложения поэтому стоит в форме плюсквамперфекта, а сказуемое главного предложения - в форме претерита:

van-ət än än' jahaukt haud / daut bi:lt'ə / dan must də ri:zə äm borəm näna yträimə "wenn es ein Stückchen gehakt hatte, das Beilchen, dann musste der Riese in den Brunnen hinein ausräumen"; van ät' dəm za:k fol haud // dan šla:pt ät' de:m än-əm da:rp "wenn ich den Sack voll hatte, dann schleppte ich den ins Dorf".

Нарушение общепринятых правил согласования времени отмечено в устной речи носителей говора и при союзе van "wenn". Так, например, в придаточных предложениях времени, обозначающих одновременность действия с сказуемым главного состава в плоскости прошедшего времени, может быть употреблен исторический презенс, в то время как сказуемое главного предложения стоит в форме претерита:

ду: / van ät' do:ɐ zi: // koum op äimo:l no: mi: op äin ruks än śofɐ "nun, wenn ich da bin, kam auf einmal auf eine Weile ein Fahrer zu mir".

В приведенном примере мы имеем дело со смешением союзов van "wenn" и ous "als". Смешение союзов и временных форм глаголов, как уже было указано выше, основано на известной вольности и небрежности в языковом выражении мысли говорящим. Он начинает оформление мысли, прибегая к историческому презенсу для оживления своего сообщения, но забывает о своем первоначальном намерении и переходит в плоскость прошедшего времени. Таким образом возникает известная контаминация: придаточное предложение, оформленное с помощью союза и временной формы для выражения настоящего времени, соединяется с главным предложением, предназначенным для выражения прошедшего времени.

2. 3. Для подчинения придаточных предложений времени, выражающих одновременность действия по отношению к действию главного состава, в говоре часто употребляется союз vi:s "wie". В отличие от союзов ous "als" и van "wenn" союз vi:s "wie" употребляется в тех случаях, когда необходимо указать на моментальность, неожиданность наступления действия. Этот оттенок присущ союзу "wie" и в современном немецком литературном языке.

Происхождение звуковой формы союза vi:s не вполне ясно. Наречие и союз "wie" немецкого литературного языка в говоре почти всегда выступает в звуковой форме ve:. Форма vi:s, как правило, употребляется лишь в придаточных предложениях времени. По нашему мнению, эта форма является заимствованием из соседних верхненемецких говоров, в которых союз "wie" контрагируется с безличным местоимением "es" в vi:s, например: vi:s ankfanə hat tsu re:γrə (wie es anfing zu regnen). Носители нижненемецкого говора этой области, по всей вероятности, сначала перенесли эту стяженную форму в безличное придаточное предложение, заменив свое исконное безличное местоимение ät "es" верхненемецкой формой "es". Об этом свидетельствует тот факт, что в настоящее время безличное придаточное предложение на всей территории распространения говора конструируется без безличного местоимения, например: än vi:s aunfunk tu re:jnə // koumə vi: niç mäiɐ vi:dɐ (und wie es anfing zu regnen, kamen wir nicht mehr weiter); än vi:s zoo läifliç äm vault tu śaulə aunfunk // bläif-ɐ śto:nə (und wie es so lieblich im Wald zu schallen anfing, blieb er stehen).

Надо полагать, что после того, как заимствованная форма союза закрепилась в качестве нормы в безличном придаточном предложении времени, она была перенесена и в личное предложение.

Придаточные предложения времени, введенные союзом vi:s "wie" могут выражать:

1) Одновременность действия придаточного предложения с действием главного предложения в плоскости настоящего времени, например:

än vi:s də šla:xt dan e:vɐ äs // t'ämt-zə dan tou ziç "und wie die Schlacht dann vorüber ist, kommt sie dann zu sich"; än vi:s zə dan aulläin zän // dan za:çt-ɐ, häi ha:ft äinə bäd aun a:r "und wie sie dann allein sind, dann sagt er, er habe eine Bitte an sie".

2) Одновременность действия придаточного предложения с действием главного предложения в плоскости прошедшего времени. Глагол в данном случае стоит в обеих частях сложноподчиненного комплекса в форме претерита, например:

vi:s-ɐ nänkoum // ze:d-ɐ // zol mätko:mə "wie er hineinkam, sagte er, ich solle mitkommen"; vi:s ät' do:ɐ ha:nkoum // za:x ät' nox mäiɐ "wie ich da hinkam, sah ich noch mehr"; än vi:s-ɐ daut haud // ze:d däs bi:l // nu: mote vi: go:nə "und wie er das gemacht hatte, sagte der Biel, nun müssen wir gehen".

Союз vi:s "wie" в говоре может быть заменен союзом zou ous "so als". Этот вариант является исконно диалектным и, по всей вероятности, использовался в более ранние периоды развития говора для введения придаточных предложений времени, выражающих неожиданность наступления действия:

än zou ous də bo:ɐ än-ə šluxt än-ə häçt ko:mə de:d // zou šit-ɐr-əm uk dout "und so als der Bär die Schlucht heraufkommen tut, so schiesst er ihn auch tot"; zou ous də ša:t' bat do: ko:mə de:d // mo:kt-ɐ äin šprun, än äs uk do:ɐ e:vɐ "und so als der Scheck bis dahin kommen tut, macht er einen Sprung und ist auch darüber hinweg".

Как видно из приведенных примеров, союз zou ous "so als" соответствует союзу "sowie" современного немецкого литературного языка.

Тот факт, что придаточные предложения обстоятельства времени, выражающие одновременность действия по отношению к действию главного состава, все же до настоящего времени чаще подчиняются главному составу с помощью союза ous "als", в то время как союз vi:s "wie" употребляется лишь для обозначения неожиданности наступления действия, причем наряду с ним в том же значении выступает союз zou ous "so als", еще раз свидетельствует о том, что форма vi:s "wie" является заимствованием из соседних верхненемецких говоров, которое еще не успело закрепиться в качестве нормы в рассматриваемом нижненемецком говоре. В последнее время наблюдается быстрое расширение сферы применения союза vi:s "wie", особенно в речи представителей младшего поколения, которые интенсивно общаются с носителями соседних верхненемецких говоров.

2. 3. Довольно широко в говоре распространено подчинение придаточных предложений времени с помощью союза bat "bis", который обозначает предел действия главного предложения с учетом момента начала этого действия. В смысле ограничения действия главного состава возможны при этом три случая.

1) Действие главного предложения ограничено действием придаточного предложения в плоскости настоящего времени. В этом случае в обеих частях сложноподчиненного комплекса глагол стоит в презенсе, например:

dan la:jə-zə // bat-ət di:stɐ äs "dann liegen sie, bis es dunkel ist"; bat zə dan no: hy:s ko:mə // vo:ɐd-ət aul gauns di:stɐ "bis sie nach Hause kommen, wird es schon ganz dunkel".

2) Действие главного предложения ограничено действием придаточного предложения в плоскости прошедшего времени. В этом случае в обеих частях сложноподчиненного комплекса глагол стоит в форме претерита, например:

dan haud ät' de:m fäiɐ mounat tys lid'ə // bat daut bäin dan upa jə'n' "dann hatte ich den vier Monate lang zu Hause liegen, bis das Bein dann aufging"; dan ve:r-it fi:f jo:ɐ va:ç // bat ät mol va:dɐ trid'kum no: zibirjə "dann war ich fünf Jahre weg, bis ich mal wieder zurückkam nach Sibirien".

3) Действие главного предложения ограничено действием придаточного предложения в плоскости будущего времени. В этом случае глагол главного состава стоит в форме футурума первого, а глагол подчиненного состава в форме презенса:

däi vo:ɐ ät' ny: foudrə // bat-zə däi t'e:nə aufje:və "die werde ich nun füttern, bis man sie abgeben kann"; däi boum vo:ɐd do:ɐ zou la:ŋ što:nə// bat-əm mol mät fi:ɐ roufšmi:tə de:d "der Baum wird da so lange stehen, bis er mal durch Feuer heruntergeschmissen wird".

Если необходимо подчеркнуть завершенность действия придаточного предложения, то в нем выступает глагол в форме перфекта; в плане прошедшего времени глагол придаточного предложения стоит в форме плюсквамперфекта (при претерите в главном составе):

doxt ät' zou // ät' vo:ɐ än be:t va:xtə // bat-zə ziç i:əšt jəno:mə ha:bə "dachte ich so: ich werde ein bisschen warten, bis sie sich erst genommen haben"; də aulə zout hin'ɐ-rəm boš än va:xt // bat vi: nopjəkry:pə ve:rə "der Alte sass hinterm Busch und wartete, bis wir hinaufgekrochen waren".

Союз bat "bis" в говоре может быть использован также для введения придаточных предложений времени, обозначающих предшествование действия по отношению к действию, выраженному в сказуемом главного состава. В

этом случае в придаточном предложении употребляется перфект для обозначения предшествования в плане настоящего времени и плюсквамперфект для обозначения предшествования в плане прошедшего времени; глагол главного состава стоит соответственно в форме презенса или претерита:

än bat ät' mi: do:ɐ ha: romjədräit // pipt-ɐ äimo:l än ha:st mi: jəzäinə

"und bis ich mich da ein wenig herumgedreht habe, pfeift er einmal, und hast mich gesehen"; dan haud ät' la:ŋ jəva:xt // bat-ɐ va:dɐ trid'koum "dann hatte ich lange gewartet, bis er wieder zurückkam".

2. 4. Из союзов, употребляемых в современном немецком литературном языке для обозначения предшествования действия по отношению к действию главного состава, в данном говоре встречается лишь союз e: "ehe". Но и этот союз нами зафиксирован лишь в речи носителей говора, хорошо знакомых с литературным языком. Таким образом, мы имеем здесь дело со стилистическим вариантом, заимствованным из литературного языка:

aulə o:vənt // e: də zon un'ɐgo:nə de:d // koumə do:ɐ däzə vilə kozə ha:n "jeden Abend, ehe die Sonne unterging, kamen da die wilden Ziegen hin"...

Следует отметить, что носители говора употребляют союз e: "ehe" также в форме сравнительной степени. Эта форма в сочетании с отрицательной частицей niç "nicht" является эквивалентом союза "bevor" современного немецкого литературного языка, например:

häi väl ni: niç mäiɐ än zi:n älɐhys nänko:mə // niç äiɐ häi ziç än de:m zi:n bloud də hän' jəvaušə ha:ft "er will nicht mehr in sein Elternhaus zurückkommen, bevor er sich in seinem Blut die Hände gewaschen hat"; mi:n maun t'ämt niç tys // niç äiɐ ät' de:m roupə dou "mein Mann kommt nicht nach Hause, bevor ich ihn rufe".

2. 5. Союз ve:rənt "während" также употребляется в основном носителями говора, знающих немецкий литературный язык, например:

ve:rənt ät' do:ɐ fo:ɐ do:ɐ bo:və // la:t ziç än samol'ot roufa "während da oben fahre, lässt sich ein Flugzeug herunter".

Однако и эти носители говора предпочитают данному союзу другие, более распространенные союзы. Он обычно заменяется сочетанием какого-нибудь союза с различными наречиями, а именно:

1) сочетанием союза daut "dass" с местоименным наречием, например:

än do:ɐrop daut häi do:ɐ tout'it'ə de:d // bräit mät äimo:l sra:t'liç da va:x op "und darauf dass er da zuschaute, schrie auf einmal schrecklich die Wache auf".

2) сочетанием союза vi:s "wie" с наречием; при этом наречие одновременно подчеркивает значение длительности действия, например:

ăn un'dăscn vi:s zə dɔ:r aulə zäint // dan fa:rt-at ăiir aun tu re:jnə
"und unterdessen wie sie da sind, dann fängt es stark zu regnen an"; ăn
dăivi:l vi:s dɔ:r zeu groutə ăla:xt ăs // dan hi:rə-zə noun hura:jabräl
"und dieweil wie da so eine grosse Schlacht ist, hören sie so ein Hurra-geschrei".

3) сочетанием союзов anda:m "indem" и daut "dass", например:

anda:m daut ăi' epstə: ăm ăiaup // smit ăt' da gitarr roufə "indem dass
ich am Schlaf aufstehe, schmeisse ich die Gitarre herunter".

Из сказанного следует, что в рассматриваемом говоре [illegible] союзов для выражения длительности действия придаточного предложения. Союз ve:rənt "während" из-за редкой встречаемости еще не закрепился в качестве нормы, поэтому в речи носителей говора в качестве [illegible] вариативность.

2, б. Кроме перечисленных союзов в говоре для подчинения придаточных предложений времени используется союз zeu lan "solange". Этот союз, как нами, выступает всегда в сочетании с союзом wie "als". Это сочетание мы записывали как в речи представителей старшего, так и в речи представителей младшего поколения.

ăn zeu ha: ăt' ə ni:ə̆ə̆ə̆ tli:s // zeu lan, ə̆ə̆ ăt' la:və ə̆ə̆ // ha: ăt'
ăə̆t bin iäl gesaufə "und so lange ich die meiste Zeit, so lange als ich
leben tue, habe ich immer ein Viel gesoffen"; zeu lain ə̆ə̆ vi: ə̆ə̆
t'lii:n ve:rə // ăie't' ə̆ə̆ut ə̆ə̆ə̆ kə̆ə̆ə̆ kak "so lange als wir noch klein waren, ging das noch irgendwie".

Суммируя сказанное, мы можем отметить, что в нижнетавдинском говоре Алтайского края для подчинения придаточных предложений времени используются преимущественно более древние союзы и более или менее последовательно выражаются лишь наиболее простые временные отношения между придаточным и главным предложениями. Употребление временных форм в основных чертах соответствует нормам современного немецкого литературного языка. Отклонения от этих норм возникают по той причине, что носители говора часто прибегают к историческим временным формам, чтобы оживить свое сообщение.

Е.А.ГРИГОРЬЕВА

МОРФОЛОГИЯ ИМЕНИТЕЛЬНОГО ПАДЕЖА СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ НИЖНЕНЕМЕЦКОГО ГОВОРА ОМСКОЙ ОБЛАСТИ

По категории падежа рассматриваемого нижненемецкого говора нет специальных работ, но так как она является одним из основных средств синтаксической связи, то заслуживает особого внимания.

Мы рассматриваем эту категорию в нижненемецком говоре не просто в синхронном плане, но привлекаем материал из других германских языков (английского, фризского, нидерландского, саксонского) и их диалектов. Материал этот неравноценный. Бо́льшая часть его— письменные источники.

Как известно, в древнегерманских языках различали склонение гласных и согласных основ. В среднегерманских языках наблюдается резкая разница между исходной формой слова, им. падежом ед. числа и им. падежом мн. числа. В связи с этим типы склонения стали различаться по образцу им. падежа мн. числа I, II, III, IV, V склонение. В дальнейшем мы и придерживаемся такого деления.

ЕДИНСТВЕННОЕ ЧИСЛО

Именительный падеж - это исходная форма имени, обозначающая названия предметов и понятий. Это прямой падеж, основная функция которого называнная функция. В сравнении с другими падежами им. падеж более свободный, более независимый. Но не всякая форма и не всякая флексия имени является падежом[1] при определении падежа важен учет единства формы (морфологической формы) и содержания (синтаксической функции).

Как известно, им. падеж выполняет синтаксическую функцию субъекта и предикатива.[2]

В древнесаксонском, древнефризском, древнеанглийском, древнеидерландском имена существительные относились к различным классам склонения в зависимости от их основ. Различались гласные основы на -a (-ja , -wa), -e (-jo , -wo), -i , -u , согласные основы на -n , -nd , -r и корневые основы. Основными классами в древнегерманском считаются склонения существительных на -a , -o , -n .[3]

---

1. Р.А. Будагов. Введение в науку о языке . Изд. " Просвещение", М., 1965. стр. 267.
2. C.C.O. C u r r e e. A Grammar of the English Language. Vol.2. pp.127,136. (" Readings of the theory of Grammar. Изд. " Просвещение", М., 1967. стр. 55).
3. E.S i e v e r s. Abriss der altenglischen (angelsächsischen) Grammatik (10 Auflage neubearbeitet von K.Brunner). Halle (Saale), 1941. M. H e y n e. Kleine altsächsische und altniederfränkische Grammatik. Paderborn, 1873.

Существует мнение, что не стоит изучать и принимать во внимание древние основы, если их основообразующие суффиксы почти не сохранились. С.М.Москальская считает, что это неверно,[4] потому что именно старые основы явились причиной того, что существительные имеют несколько различных типов склонения.

В древнегерманских языках имена существительные различных основ в им. падеже обнаруживали большое разнообразие окончаний. В одном и том же падеже было широко развито синонимия окончаний. Так, в им. падеже ед. числа можно встретить 18 фонетически отличающихся друг от друга морфем.

Т А Б Л И Ц А
с и н о н и м и и им. падежа ед. числа[5]

Склонение	Древний период				Средний период			Совр. период	
	Основа	М.	Ср.	Ж.	М.	Ср	Ж	М	Ср Ж
Сильное	a	—	—		(e), –	(e), –	e, en, –	Нет флексий	
	ja	i, e(e)	i, e, –		e	e	e(n)		
	wa	eo, u, eow	eo, u, eow	u(u), io, ia	ê	ê	e		
	ô			a(e), u, o, –			e		
	jô	u, o		u, o	e	e			
	i	– ie (e)	i –	i –	–	–	–		
	u	u, o e(e) u –	u –	e u, u –	e	e			
Слабое	n	u, a, i, a	n	a(e), e					
	wn	u, o		a?	er, e	er, e			

4. С.М.Москальская. История немецкого языка. Учпедгиз, 1959, стр.109.
Идея таких синонимии и омонимии развивается у Х.Р. Гинтер и Т.Р.
5. Строевой – см. "Историческая морфология немецкого языка". М., 1969, стр.64).
Таблица составлена по следующим источникам: К.Б р у н н е р. История английского языка. ч.II. М., 1956. С.А.М и р о н о в. Морфология имени в нидерландском языке. Изд. "Наука". М., 1967. С.А.М и р о н о в. Нидерландский (голландский) язык. Изд. МГУ, 1965.

E.L. S e v e r s. Abriss der altenglischen (angelsächsischen) Grammatik (10. Auflage neubearbeitet von K. Brunner). Halle a. S., 1943/1951. Moritz Heyne. Kleine altsächsische und altniederfränkische Grammatik. Paderborn, 1873. A. T a s s y. Altniederdeutsche Grammatik. Halle a. S., 1914. E.L. F i s c h e r. Grammatik und Wortschatz der Plattdeutschen Mundart im Französischen Sachsenlande. Halle a. S., 1886. D. H o o p m a n. Plattdeutsche Grammatik des niedersächsischen Dialekts. Bremen. Herz, Chr. S a s s e u w. Die Flexionen der Mittelniederdeutschen Sprache. København, 1924. A. L ü b b e n. Mittelniederdeutsche Grammatik. William F o e r s t e. Geschichte der niederdeutschen Mundarten. Berlin- Bielefeld- München. J. G. Hinter. Grammatik der mecklenburgisch-pommerschen Mundart. Rostock und Schwerin, 1832. Hubert G r i m m e. Plattdeutsche Mundarten. Berlin und Leipzig, 1922.

Наиболее часто встречаются :

I) нулевая флексия (-ø = основы) ;
2) -ы , -ø (-jø -, -ы = основы);
3) -ы , -ø , -е (-ø -, -jø -, -ие = ы -ь = основы);
4) -а , -е , (-а - основы);

Причины возникновения этой синонимии различны :

I. сходство образования существительных м. и ср. рода ;
2. процесс аналогизации, уподобления, вызываемый редукцией конечных безударных гласных. Во многих случаях это абсолютные синонимы . 17 из этих фонетически различных окончаний омонимичны. Речь идет о грамматических омонимах ,т. е. о грамматических аффиксах, совпадающих по звучанию, но несовместимых по значению .[6] Во многих случаях омонимия характеризуется системностью .

Т А Б Л И Ц А

о м о н и м и и окончаний им. падежа ед. числа

Основы / Окончания	Мужской род										Средний род										Женский род									
	а	я	о	ё	ы	и	ь	й	ø	е	а	я	о	ё	ы	и	ь	й	ø	е	а	я	о	ё	ы	и	ь	й	ø	е
а						ø			(ø)																					
ая										‡																				‡
ам																			(‡)											
ам		(ø)																												
о				‡		‡ ø		‡ ø															ø	=						
я				‡		‡ ø																	ø			ø				
е	(‡) ø					ø					ø			(ø)												ø			ø	
ею		‡																												
ею		‡										‡																		
ею										‡																				
и	‡			‡							‡			‡ ø										‡	(‡)					
ия																														
ии												(‡)										(‡)								
ие																														
ие																														
ейм												‡																		
нуль	‡ ø	ø	ø		‡ ø	ø		‡ ø	‡ ø	ø	‡ ø	ø			‡ ø								ø		‡ ø	ø			‡ ø	ø

Обозначения: ‡ - омонимичность, (‡) - условная, ø - отсутствие

Наиболее характерна омонимия -а , -о , -и м. и ср. рода , а также -е и нулевая флексия всех трех родов.

Омонимия, как мы дальше увидим, является одним из важнейших факторов, приведших к сокращению количества падежей, напр., в английском, а в некоторых языках и к их исчезновению, напр., в бурском.

Рассмотрев систему окончаний им. падежа ед. числа, можно отметить следующее :

I. Окончания м. и ср. рода сильного склонения, как правило, совпадают.
2. Типичными окончаниями м. и ср. рода сильного склонения являются :

---

6. О.С.Ахманова. Словарь лингвистических терминов. Изд. Сов.энц..М.,1966, стр.287.

а) нулевая флексия (-а - основы), напр., дрсакс. dag-, word-;
дрфриз. dom-, beth- ; дрангл. dæg-, word-;
б) -i , -e (-ja -, -i - основы ; здесь основообразующий гласный становится флексией : дрсакс. end-i, kunn-i; gast-, win-i;
дрфриз. end(e), bed-e; benk-, wine; дрангл. ende, rīc(e) (Reich).
в) -u , -o , -e (-o , -jo , -wo, -u - основы) : дрсакс. beadu,-o, sunu,-o;
дрфриз. sune ; дрангл. sunu, - o ;
г) -a , -e (-n- основы) : дрфриз. guma (mask.), hërte (neutr.);
дрангл. ȝuma , eaȝe ;

В пунктах б, в, г редуцированное - е является формой от а, о, u, которая, как правило, употреблялась в словах с долгосложной основой. В этих же словах - е часто употреблялось факультативно, что объясняется усилением ударения на коренном гласном и максимальным ослаблением конечного гласного, вызванное ослаблением функциональной нагрузки. Данное явление типично для средненижненемецкого и особенно для современного нижненемецкого говора Омской области .

3. Склонение существительных женского рода отличается от м. и ср. рода.

4. Окончания существительных слабого склонения заметно отличаются от сильного. Особенно четко отграничены окончания ж. рода от м. и ср. рода.

В средненижненемецком усиленная редукция падежных окончаний влечет за собой более четкое выделение морфологических признаков категории мн. числа, особенно в бесписьменных диалектах. Тенденция к унификации падежей выражается еще более отчетливо, чем в древнегерманских языках. В безударном положении наблюдается новое фонетическое явление: наряду с конечным -е отпадает также конечное -n . Сохраняются только самые продуктивные основы на -а - (-ja -), -u -, -o , -n -.

Важным фактором развития любого языка является, кроме того, так называемое "давление системы" (Systemzwang), т.е. грамматическая аналогия [8].

Интенсивный процесс разрушения падежной флексии происходит не только в результате редукции безударных окончаний (-е -, -en), но и в результате выравнивания по аналогии и вытеснения синтетических падежных форм аналитическими конструкциями. "Изобиловать флексий все больше устраняется. Признаком падежа существительного становятся окончания артикля, местоимений, а также сильного прилагательного. Однако бедность в окончаниях в конечном счете все же привело к смешению падежей. Все чаще стало наблюдаться смешение: именительного и винительного, винительного и дательного, уподобление дательного винительному и именительному [10]. Вследствие этого количество падежей сократилось.

В нижненемецких диалектах бывшей Восточной Пруссии не было вин. падежа. В средненидерландском артикль стал ведущим средством выражения рода существительных и основным выразителем падежных отношений. Но постепенно, благодаря выравниванию парадигмы склонения артикля, который все более семантически переосмысляется, становясь выразителем определенности и неопределенности, появляется все больше омонимичных форм и происходит их унификация, напр., м. род им. падеж steen ; ср. род been - нулевая флексия); ж. род erde ; слабое скл. м. род here (Herr); ср. род ore (das Ohr). Парадигма м. и ср. родов бывших - n- основ почти не отличается от парадигмы ж. рода .

---

7. В.М.Жирмунский, Немецкая диалектология. М.-Л., 1956, стр.382.
К.Бруннер, История английского языка. М., стр.12-13.
8. Л.Р.Зиндер, Г.Б.Строева, Историческая морфология немецкого языка. Л., 1968, стр. 24,25.
9. там же, стр. 61.
10. См.сноску 5.

В среднеанглийском также наблюдается тенденция переноса окончаний из более крупных групп в более мелкие, а также упразднение некоторых падежных различий. Различается по форме только родительный падеж. Одновременно отмирает грамматическая категория рода. Вместо синтетических форм все чаще используются предложные конструкции. Синтаксическая функция лишенной падежной флексии формы имени поддерживается развивающимся одновременно с отмиранием флексии устойчивым порядком слов.

Анализируя окончания им. падежа ед. числа среднего периода, мы видим, что во всех языках и диалектах все окончания редуцируются в -е или отпадают, напр., срнидерл. erde, here; steen ; срннем. ende, dach, wort.

Современный период характеризуется распадом флективной системы вследствие указанных выше причин: уподобления, аналогизации, а также развития новых синтаксических средств связи. Количество падежей нидерландских диалектов сокращается до двух: общего (субъектно - объектного) и притяжательного (родительного) падежа. Двухпадежная система нидерландского больше всего сходна с аналогичной системой родственных языков (английского, датского, шведского и норвежского). Фризский и бурский утратили категорию падежа. В них только наблюдается остаточная флексия генитива.

Нижненемецкий говор Алтайского края [11], а также Омской области в ед. числе не имеет окончаний. Здесь еще сохранилось два падежа: именительный и дательный. Им. падеж ед. числа нижненемецкого говора, как видно из следующих примеров, утратил все окончания.

Им. падеж ед. числа

с опред.артиклем:	(м)	də maun; də top; də mänš; də opkəl; də fo:odə;
	(ср)	daut bäin; daut t'int; daut hys; daut buk; daut t'it'el
	(ж)	də stund; də fry; də bloum; də mutə;
с неопр.артиклем:	(м)	äin (an, ən, ə) maun;
	(ср)	äin t'int;
	(ж)	äin fry;

Им. падеж узнается в предложении по его синтаксической функции и значению. Эти два фактора позволяют семантически верно понять смысл высказывания, т.е. разграничить субъектно - объектные отношения. Г.Г.Едиг показал это на следующем примере: də t'li:nə ha:ft də ho:on an u:ay japäk't. (der Kleine hat der Hahn ins Auge gepickt).

Таких примеров много и в английском, и в бурском, и в нидерландском.

М Н О Ж Е С Т В Е Н Н О Е Ч И С Л О

В древний период им. падеж мн. числа, также как и ед. числа, характеризовался разнообразием флексий, т. е. синонимией. Как видно из данной ниже таблицы синонимии, в древний период синонимия в м. роде очень сильно развита. В ср. и ж. родах она снижается; в средний период она имеет по одной форме во всех языках; в современный период синонимия опять возрастает.

---

11. Jedig. Laut-und Formenbestand der niederdeutschen Mundart des Altai- Gebietes, Berlin, 1966.

ТАБЛИЦА
СИНОНИМИИ им. падежа мн. числа[12]

		Древний период			Ср. период			Современный период		
		М	Ср	Ж	М	Ср	Ж	М	Ср	Ж
Сильное	а	as, as(e), an, ie, ie(i), a, an	-, u, o, e, a					нидерл.	- en, -s	
	ja	as(e), os(a), ar, an, (er)	i, (e)					англ.	-s	
	wa	as	i(u), a, ie	i(u), a, ie	s	s	s	бурск. 1 - e, 2 - s, 3 - ers, ere и смешан.		
	e			a, e	e-	-	e	Немец:	ГС Единг:	Автор:
	i	as, a, ar, er, an	i, en(a), e	i, a, e, (u)				1 - e	1 - ə	1 - ə
	u	i, a, u, o, as	ö	-, a				2 -	2 - ə	2 - ə
Слабое	n	on(an, un), a, e	u, on, a, an	un, on(an), a	en	n	en(e)	3. - er	3. - s	3. - s
	na	os, a						4. - en	4. - s	4. - s
	wan	er, a, e		(i), a, -o	-			5 - es	(5. - re)	5. - нуль
	7	er, a(an), as, ar, ru		ar, ra, or	er	er	er(e)			

Многие окончания мн. числа также омонимичны. Самыми распространенными являются:

- **а** – м. и ж. род в дрфриз., причем наблюдается частое совпадение -i -, -u - основ с -a - основами.
- **е** – в м., ср. и ж. роде в дрфриз. и дрангл. (часто факультативно).
- **an** – наиболее характерно для м. рода в дрфриз. -a -, -i -, -n - основах.
- **as** – наблюдается только в м. роде; чаще всего в дрангл. -a (-ja -, -wa-) основах.
- **ar** – встречается в м. роде дрфриз.

Приведенная ниже таблица показывает, что из 17 фонетически различных морфем выделенные 5 (-a , -e , -an , -as , -ar) легли в основу образования мн. числа как в средний, так и в современный период.

В конце древнего периода , а особенно в средний период, заметную роль приобретает артикль, который является не только показателем грамматического рода, но и падежа. С течением времени артикль все больше приобретает омонимичные формы и перестает характеризовать падежную форму существительных, становясь выразителем определенности и неопределенности .

В среднеинижненемецком[13] вследствие выравнивания и распада падежных окончаний старые классы основ только частично сохранились . Отмечается тенденция четкого формального разграничения и противопоставления ед. числа множественному. Существительные по способу образования мн. числа делятся на пять классов. Флексия становится все более продуктивным показателем множественности . Есть, правда, случаи, где форма мн. числа не отличается от ед. числа; примером могут служить двусложные слова, корневой гласный которых не может изме-

---

12. Даны флексии грсакс., дрфриз., дрангл.; срнидерл., срнемец.; совр. нидерл., совр. англ., згрским, совр. немец. Таблица составлена по следующим источникам: см. сноску 5 , а также Г.Г. Едиг. Имя и служебные слова нижненемецком говоре Алтайского края. Германские языки. Новосибирск, госпединститут, 1967, стр. 123. Г.Г. Едиг. Очерки по синтаксису нижненемецкого говора Алтайского края. Омск, 1969, стр. 156-157.

13. W. F o e r s t e. Geschichte der niederdeutschen Mundarten. Berlin-Bielefeld. 1966.

няться по умлауту, и потерявшие в результате редукции конечное – e [14] напр., die Lehrer , die Meister , die Fenster .

ТАБЛИЦА

омонимии окончаний им. падежа мн. числа

Основы / Оконч.	Мужской род									Средний род									Женский род								
	a	ja	wa	o	wo/jo	i	u	n	nd/korn	r	a	ja	wa	o	wo/jo	i	u	n	nd/korn	r	a	ja	wa	o	wo/jo	i	u	n	nd/korn	r
a	(+)	(+)				•	⊙	•	+	•	•					(•)		•						+ ⊙		⊙	⊙	•		•
as	+ ⊙	⊙	⊙				⊙			⊙																				
az	•	•				•																								+
an	•	•				•		⊙		(•)								⊙										⊙		
o							⊙				⊙																			
os	+								+																					
oz										⊙																				⊙
on								+ ⊙										+										+		
u						(⊙)	⊙				⊙																			
un								(+)										+										+		
e	⊙	(⊙)		•				(•)		•				⊙										(•) ⊙						
er	(•)	(•)				•				+																				
i						+	+					+				+										+				(+)
ios	+					+																								
i(u)a		(•)										(•)										(•)								
ie												•										•								
нуль		+							⊙	+ ⊙	+	+										+								+ ⊙

Обозначения: + древнесаксонский, • древнефризский, ⊙ древнеисландский

Общая тенденция выделения окончаний им. падежа мн. числа проявляется в рассматриваемых языках по – разному .

В нидерландском унификация всех флексий не может иметь место, т. к. нет полного стирания родовых признаков. Поэтому в средненидерландском [15] наиболее продуктивными являлись следующие окончания: 1) – en ; 2) – e ; 3) – s ; 4) – er ; 5) – нуль.

Модель I – en – heer – heren (господа); die menschen (сакс., голл.).[16]

Модель II – (e) образуют в основном – o – основы и – i – основы. bome (Bäume), viesche (Fische) (браб.). Сюда можно также отнести голл. breedere, friende, manne.

Модель III – s : По поводу происхождения этого окончания много различных суждений. Наиболее полно история вопроса освещена Э.Эманом.[17]

---

14. В.М.Жирмунский .История немецкого языка. Изд.лит. на ин. яз., М., 1948, стр.168.

15. С.А.Миронов. Морфология имени в нидерландском языке.Изд."Наука", М., 1967, стр. 200.

16. Там же,стр. 206-207.

17. В.М.Жирмунский. Немецкая диалектология ,М.-Л, 1956,стр. 390. E.Öhmann. Der -s plural im deutschen." Annales Academiae scientiarum Fennicae", ser. B, XXIII, Helsinki, 1924.

die dorpers (крестьяне), gede ridders (gute Ritter).
Возможно это -s распространилось по аналогии из окончания -s род. падежа ед. числа.[18]

Модель IV- er : гласный часто синкопируется (kinder-kindre; cleder-cleed-re) (Kleider) и к суффиксу присоединяется окончание - e .

Модель V- нуль: флам.: die dinc (вещи); onse wijf (наши жены), die man (люди); alle dink (голл.); alle denc (лимбург.).

В современный период в нидерландском (в XVI-XVII вв.) происходит перестройка малопродуктивных моделей (II, IV, V) по ведущей модели (I) и значительно шире распространяется 3-я модель (-s).

В XVII веке I и III модели закрепляются. Таким образом, самыми продуктивными окончаниями мн. числа в нидерландском становятся - en и -s .
Умлаут, т.е. внутренняя флексия, в нидерландском почти не наблюдается для образования мн. числа. Основная нагрузка падает на внешнюю флексию, т.е. на окончания).[19]

В среднеанглийском во мн. числе чаще всего встречались : I) формы на -s (из дрангл. окончания -as основ на - i-, -u -); 2) формы на -n(старые - n- основы); oxen (волы) из дрангл. oxa ; childer ; children; eyen (из дрангл. eajan ; sustren (дрангл. sweostor , swustor)[20].

3) формы на -er (древние основы на -es/ - os): lamber (дрангл. lambru).

4) формы с нулевой флексией (существительные среднего рода с долгим корневым гласным , у которых ед. и мн. число совпадают): þing (совр. англ. thing, alle þing (мн. число),(swine -совр. лит.нем . Schweine).

В современном английском флексия -s является почти единственным признаком мн. числа.

В бурском языке четыре типа образования мн. числа[21]:

I - e : boek- boeke; kennis- kennisse; geselskap -geselskape;

II - s : I.tafel-tafels; storm-storms;
2.vader-vaders; mode-modes; broer-broers;
3. weduwee-weduwees (witwe) - многосложные;
4. voetjie- voetjies; huisie-huisies (уменьшительные);
5. buro's (иностранного происхождения);

III - a) - ers, -ere : eier-eiers; lam -lammers, kind-kinders (kindere), lied-liedere .
б) -e, -a :hotel-hotelle-hotels; professor-ssore-ssors;
в) из латинского: kritikus-sse-kritici .

IV - смешанное образование мн. числа: lewe-lewens; vrou-vroue (vrouens);

В средненижненемецком наиболее типичными были следующие окончания мн.чис -

---

19. С.А.М и р о н о в .Морфология имени в нидерландском языке, Изд."Наука" М., 1967,стр. 246.
19. Там же, стр. 200.
20. К.Б р у н н е р.История английского языка, ч.II, стр.20,21.
21. Dr. Marcel R. B r e y n e.Lehrbuch des Afrikaans für den Schul - und Selbstunterricht. München 13.(1954),S. 89-101.

ла [22]:

I – e : (с умл. и без умл.) : dach-dage; jère, swîne, lande; gast-geste (ср.: дрсакс. gast-gesti); huse.

II – es : sone-sones; herde-herdes;

III – er(e): vadere, vedere; kindere; lam-lammer-lemmer; honere-honere;

IУ – en(e): namene, jaren; doden (Tote); v-ûwen; wëdewen; tunge-tungen; herte-herten;

У – смешанный тип : man-man(ne), mannen, mans, mannes, menne; broder-brodere; vrunt, vrunde(vrende), vrunt (vrünt), vrundes; wîf-wîve, wîver, wîven (wîfs);

Для современных нижненемецких диалектов большинство авторов тоже дает 5 типов образования им. падежа мн. числа, напр., Д. Хупман [23]:

I – e (с умл.) : de Boom- de Böme; de Kraft – de Kräfte; dat Fleet de Fleete;

II – er (с умл.) : de Mann- de Männer; de Dochter- de Döchter; dat Book – de Böker;

III – er , – e (чередование согласных , умл.) : de Band – Bänner ; de Hand- Hänne; dat Land –Länner; de Monet-Monade; de Rath –de Räthe; dat Blatt de Bläder; dat Roof –de Rowe (ср. совр. англ. roof крыша) ; dat wîef –de wieber (das Weib).

IУ – en : de Staat –de Staaten (der Staat); dat Oge –de Ogen;

У – s : ед. число на – el , – en , –n , –er принимает в им, падеже мн. числа –s : а) de Straten- de Gastens или de Strate –de Straten; de Gaaten de Gastens , de Gaate – de Gaaten;

б) de Slötel – de Slätels (der Schlüssel); de Vader- de Vaders;

Е. Фишер [24]:

I – sch : de Vädasch, de Muttasch (то, что в средний период было – er).

II –нуль умл.) : e Bom – Bôm ; e Kä – Kôj ;

III – es : de Herr – de Herres; de Frû – de Frûes ;

Г.Г.Едиг [25]:

I – ɐ (из среднинижненем. – er) : da mâup – da ma:nɐ ; da ha:r – da ha:rə ; daut t'int – da t'in'ɐ ;

II –ə (редуцированное из – en) : da tuŋ –da tuŋə ;

III – s : da hyt – da hyts:

IУ – š : da traktɐ-da traktes ;

У – нуль : en' – en'

---

22. Chr. S a r a u w .Die Flexionen der mittelniederdeutschen Sprache . Mittelniederdeutsche Forschungen.2. København, 1924. A. L u b b e n.Mittel – niederdeutsche Grammatik. William F o e r s t e. Geschichte der niederdeut – schen Mundarten (Sonderdruck aus " Deutsche Philologie im Aufriss), Berlin-Bielefeld-München.A.L e s c h. Mittelniederdeutsche Grammatik (Haale a. S.), 1914, S.192-203.

23. D. H o o p m a n.Plattdeutsche Grammatik des niedersächsischen Dialekts. Bremen, 1895.

24. E.L. F i s c h e r.Grammatik und Wortschatz der plattdeutschen Mund – art im Preussischen Samlande. Haale a. S. ,1896.

25. H. J e d i g. Laut- und Formenbestand der niederdeutschen Mundart des A t a i –Gebietes. Berlin, 1966.
И.Е.А в д е е в. Фонологические оппозиции согласных фонем в нижненемецком говоре Алтайского края. Германские языки. Новосибирск, 1967.стр.75. Г.И.В а л л. Суффиксальное образование в нижненемецком говоре Омской области. Труды каф. гум. наук.Омский пединститут им. А.М.Горького , стр. 102-116.

В нижненемецком говоре Омской области мы обнаружили 5 типов образования мн. числа [26]:

I – ə : də maur-də ma:nə (монофтонгизация, чередование из – er); daut hys- də hy:zə ;daut Bu:k- də be:t'ə (Uml.); daut t'int-də t'in'ə (во всех этих примерах чередование согласных); liet- li:tə .

II – ə : I. də mänš -də mänšə = (də li:d -pluralia tantum).də bloum – də bloumə ; də štunt-də štundə ; daut ha:ft – də ha:ftə ;

2. də ölrə (pl.tant.);də bat'sə (pl.tant.);

3. də weist-də wa:stə (монофтонгизация, долгий гласный);

4. də plaun-də plenə ,də staut-də štetə ,taj l-ta:ajlə (чередование коренного гласного);

III – s : də oŋkəl-də oŋkels; də fry- də fryəs ; də juŋ -də juŋəs ; daut mät'ə – də mät'əs ; goedə – goedəs ; o:və – o:vəs (Ofen);

re:tsəl – re:tsəls ; tsa:dəl – tsa:dəls (Zettel);

IУ – s : də fo:ədə – də fo:odəš ; də mutə – də muteš; də šofə – də šofeš; də no:obə – də no:obəš; də vi:zə – də vi:zəš ;

У –нуль : I. daut diŋ – aulə diŋ , də rejjl – də rejjl ; də rej – rej ; daut t'it'əl-də t'it'əl –ед. и мн. число совпадают .

2.a)da:x-doəy (чередование); boeç-boej ; rin't'- rin' ;

3. də my:s- də mi:z (умл.);

də baŋk -də ben't'("); də top – də ta:p;

4. aupəl –a:pəl ;də waunt – ven'(монофтонгизация).

СИНТАКСИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ ИМЕНИТЕЛЬНОГО ПАДЕЖА

Именительный падеж, т. е. исходная ,назывная форма существительного, в предложении выступает

I. в роли подлежащего ,выражающего предметное понятие [27]:

Sachsenspiegel: ... unde můz wol o r d i l vindin... Somelich b i s c h o f van deme riche...Hir endit der p r o l o g u s unde be – gint S p i e g e l derSaissin [28]:

Textus prologi:...dat uns sine w i s s a g e n gelerit hain.

Дрфриз. : Sa mot thiu m o d e r hire (kindes) erue setta and sella ,... (So muss die Mutter ihres Kindes Erbe versetzen und verkaufen...). God scop thene eresta meneska...(Gott schuf den ersten Menschen)... Ohn fleesk w u f f , di up en bsendaip tirig wiss uhn dunste, kreyg tidîng van jum volck, dat ju sihke m o h n sturfen wiss,...(Ein friesisches Weib ,das auf einer Kindtaufe lustig war und tanzte, bekam Nachricht von ihrer Familie, dass ihr kranker Mann gestorben sei,...).

---

26. Примеры даны автором на основании сделанных им (магнитофонных) записей речи носителей говора с.Лузино,с.Приветное,ст.Колония и др.

27. Г.Г.Ейг. Очерки по синтаксису нижненемецкого говора Алтайского края, Смский госпединститут, 1969, стр.89.

28. Marta Asdahl H o l m b e r g. Der Harffer Sachsenspiegel vom Jahr 1295 (Landrecht). Lund, 1957, S. 95,96, 105-106.

Сев.Фриз. : An K l e e b sannar Biard as ûsh an Bre i sannar Salt (ein Kuss ohne Bart ist wie ein Brei ohne Salz). Som F a s k a r mâgi 't weedar giummagh.(Einige Fische machen das Wasser trübe).

Fonologie van het Nederlands en het Fries:[30] Uit dit initiatief en de daarop gefolgde besprekeningen-de eerstevond in december 1955 plaats- is de Nederlandse en Friese F o n o l o g i e ontstaan.

Фриз. [31] : Op I november 1818 stierf de bekende L e i d e n a a r C.J. Kneppelhout, de v a d e r van de Leidse student...

Сев.Фриз.: de longe (lad) fen de bakkers;it hûs fen ûs burman (our neighbour) [32].

Нем. [33] : 1. Een F r u n d inner Noth,
Een F r u n d in Dod,
Een F r u n d achter Ruggen,
Dat sunt starke B r u g g e n (предикатив).

2.Een K i n d ,keen K i n d ,twe K i n n e r Speelkinner ,dree K i n n e r vel K i n n e r.

3. Wenn de K a t t e nich to Hus is, so danzet de M ü s e upm Disk.

1) ...de M a n n ,de in den keuhlen Schaddenvon de Lauv satt,... (Fritz Reuter , Mecklenburg).

2) Jeedeen v o l k verlangt von sien Dichters, dat se jüm (ihnen) ehr Moderspraak rein un eddel to bruken weet (Robert Garbe, östlich Hamburg).

3) In de Schoosterkaat weer grote F r e u n d (Freude).

4) De B r e e f weer mit en lejf.ge Hand schreven,...(Johann Hinrich Fehrs ,Hollstein).[34]
Khein b r ü d e g a m , die eine frie k ö s t e dhon will, schall jennige g i f t e edder g a v e n mher geven, allein der brudt, erem vader, moder, broder und schwester ein par scho und ein par pantuffelen. Un kum vergingen een paar D a g. Nu was da een Dorp, ...; De O g e n gau mi tau -; H e i m a t, dat is uck de schmale Padd...[35]

In'r Nähe von'r Huse is ook gewöhnlich so'ne lütje ... G r a s - f l ä c h e mit 'nen lütjen Hütte ...[36]

Нидерл. [37] : ..it is al langetlene detter in Rune een m a n woonde,... Dat dit d i a l e c t tot de zuidelijk - centrale gehoort,...
Een derde d o r p e l i n g (Bauer) Klaas aan... Het k i n d j e, dat zij op haar arm had, houdt zij krampachtig tegen zich aange-

---

29. Chr.J o h a n s e n. Die Nordfriesische Sprache nach der Fohringer und Amrumer Mundart. Kiel, 1862,S.24.

30. Fonologie van het Nederlands en het Fries, 's Gravenhage(Martinus Nij - hoff, 1961, S.VII.

31.Erw. W a s s e n b e r g h en de Friese Lexikografie Rede ...ande rijksuniversiteit to Leiden of 5 February1965 dor Dr. E.G.A.Galama. Universitaire pers Leiden, S.5.

32. P.S i g m a. Phonology of Grammar of modern west Frisian.Deutsche Grammatik von Hermann Paul, H.-(Saale), 1958. S.58.

33. K.E i c h w a l d. Niederdeutsche Sprichwörter und Redensarten gesammelt und mit einem Glossar versehen.Leipzig,1860,S.9,40,43.

34. Dr.Joh. S a s s.Kleines plattdeutsches Wörterbuch...,Hamburg,1957,S.99.

35. Hans Fr.R o s e n f e l d.500 Jahre Plattdeutsch in Grieswald, Rostock, 1956, S. 12,22, 23, 66.

36. D.H o o p m a n. Plattdeutsche Grammatik des niedersächsischen Dialekts. Bremen.1895,par.51.

37.Prof. Dr. A.W e i j n e n. Nederlandse Dialektkunde, Assen, MCM LVIII,379.

drukt. Die m a n was te ver (zu fern) [38].

Африкаанс [39]: Die v r o u is oorlede, haar h u i s word verkoop.(Die Frau ist gestorben,ihr Haus wird verkauft).Die k i n d sit op die stoel. Die k a t vang die muis. In alle lande van die wereld, in Duitsland sowel as in Suidafrika, skyn die s o n (-schien die Sonne).

Нем. Ом.обл. [40]: da äupl fält nic vi:t fam štaum(Der Apfel fallt nicht weit vom Stamm= Baum).num e:tə gounə auladin' be:tə (Nach dem Essen geht alles besser). framdət rit'tum brinət t'ein zaə (Fremder Reichtum bringt keinen Segen).uk dai be:t'ə musta rein ən gaunts zanə (Auch die Bücher mussten rein und ganz sein).äin l i i r ə vul dein ši:lə ən äinə di:tšə šoul daut vu:ət " vundə " toubrinə=akli:rə(Ein Lehrer wollte den Schülern in einer deutschen Schule das Wort" Wunder" beibringen).tvai p o g fäulə ən einem šmäunttop (Zwei Frösche fallen in einen(m) Tppf mit saurer Sahne).äin junət mi: t'ə häud ämə äin(ən) vonš zic mät äinəm ytläunde bekauntumo:kə .(Ein junges Mädchen hatte immer einen Wunsch, sich mit einem Ausländer bekanntzumachen).dan däidə dai t'in'ə špelə (Dann taten die Kinder spielen=spielten die Kinder).

2) Существительные в нем. падеже также выступают в качестве предикативного именного сказуемого . Глаголами - связками являются глаголы: zän(ə) (sein), vo:rə (werden), haitə (heissen), bli:və (bleiben), ši:nə (scheinen) [41].

Срннем.: de Mann,...,was de Pachter; dat Gaut, wotau de Geren huurte, was ein Pachtgaut (Fritz Reuter). Heimat, dat is uck dat stille Dörp.He was de bemüdigste man .

Ннем.Омской области [42]: daut ve äin ga:s äinənfaftic; daut vä:rə nə mə ə äin(das war ein Gas einundfünfzig; das war eine Maschine). mi:nə mutə dai as äul y:grousmutə (Meine Mutter die ist schon Urgross - mutter).disi mäši:n blift mi:nə mäši:n, zeid at'(Dieses Lastauto bleibt meine Maschine). ən zou ve:rə zə li:rerin jəvordə (Und so war sie Lehrerin geworden).daut-s 'n šeinət mäintə (Das ist ein schönes Mädchen). daut t'int häit ja:s (Das Kind heisst Jascha). ät' vi šofə (ich war Chauffeur).

СОКРАЩЕНИЯ

браб.	брабантский	ннем.	нижненемецкий
голл.	голландский	нидерл.	нидерландский
дрангл.	древнеанглийский	сакс.	саксонский
дрсакс.	древнесаксонский	ср.нидерл.	среднеидерландский
дрфриз.	древнефризский	срннем.	среднеижненемецкий
лимбург.	лимбургский	флам.	фламандский

---

38. С.А.М и р о н о в. Нидерландский (голландский) язык.Изд.МГУ, 1965, стр. 133.
39. Dr.Marcel R. B r e y n e. Lehrbuch des Afrikaans für den Schul- und Selbstunterricht. München,13,1954,S.86,88.
40. Примеры собраны автором.
41. Г. Г. Е д и г .Очерки по синтаксису нижненемецкого говора Алтайского края. Омский госпединститут, 1969,стр.96,98.
42. Примеры собраны автором.

Г.И. ВАЛЛ

О СЛОЖНОПРОИЗВОДНЫХ ОБРАЗОВАНИЯХ В НИЖНЕНЕМЕЦКОМ ГОВОРЕ ОМСКОЙ ОБЛАСТИ

Сложнопроизводные слова или сращения образуются, как известно, на базе синтаксических словосочетаний (разложимых, а также устойчивых)с помощью аффиксации или путем субстантивации опорного слова словообразующей основы. Слова этого структурно-семантического ряда широко представлены в немецком языке и известны под термином Zusammenbildung. Они встречаются также в исследуемом нами говоре.Примеры:

o:vəza:tɐ "Ofensetzer"; tväiro:dɐ "zweirädriges (Fuhrwerk"; təjo:šə(šaublə)"vorjährige(Bohnen); fräšma:l'tšə(kou)"frischmelkende (Kuh)"; ho:xme:zjə(məja:l);"hochnäsiges(Mädel); daut hin'rəm-plo:xgo:nə "das Hinter-dem-Pflug-Gehen; änfuprə "eintaschen , in die Tasche stecken"; e:vəna:xtə "übernachten"; hin'ɐvengs"unterwegs".

В лингвистике нет единого мнения относительно места этого способа образования слов в системе словообразования в целом.

В русской филологической литературе сложнопроизводные слова или сращения обычно относят к одному из типов сложных слов, а способ их образования -к словосложению [1]. Профессор М.Д. Степанова объясняет это тем, что русские сложные слова представляют в большинстве случаев сращения [2].

И.В. Арнольд также относит структуры английского языка типа honeymooner, образованные на базе словосочетания с одновременным осложнением опорной основы суффиксом, к категории сложений [3].

О. Бехагель. Б. Хенцен, В.Шмидт и др. исходят при определении места способа образования сложнопроизводных слов в общей системе словообразования из того, что слова этого типа создаются в результате тесного взаимодействия двух процессов - словосложения и деривации, в связи с чем выделяют его в категорию особых видов словообразования. [4].

Согласно взглядам других исследователей сращения следует отнести к производным словам, а процесс их образования - рассматривать как особый вид деривации. Так, М.Д. Степанова относит сложнопроизводные образования

---

1. Грамматика русского языка, т. I, АН СССР. М., 1953 г., стр. 276. См также Н.М. Шанский. Очерки по русскому словообразованию.М., 1968 г., стр. 274-275.
2. М.Д. Степанова. Словообразование современного немецкого языка.М., 1953 г., стр. 80.
3. И.В. Арнольд. Лексикология современного английского языка.М.-Л., 1966 г., стр. 98.
4. O.Behaghel. Die deutsche Sprache.11 Auflage,Halle(Saale),1954,S.224. W. Henzen, Deutsche Wortbildung.3.Auflage,Tübingen,1965, S. 337. W.Schmidt. Deutsche Sprachkunde,Berlin, 1967, S.133.

к моделям производных слов (безусловно - производных и суффиксальных)[7].

Г. Крамер видит в этом способе словообразования "более высокую форму деривации"[8]. Он рассматривает создание сложнопроизводных слов как высшую ступень развития словообразования в языке (höchste Stufe werbildenden Sprachlebens), представленную в говорах, но достигающую своего расцвета лишь в литературном языке[9]. Разделяя, очевидно, неудовлетворенность С. Бехаргеля[10] немецким термином Zusammenbildung Г. Крамер выдвигает термин " zusammengesetzte Ableitung".

Деривационный характер сложнопроизводных слов и сущность процесса их образования убедительно показал в интересной статье Г. Старке[11]. При этом он, на наш взгляд, совершенно обоснованно сужает (по сравнению с Хенценом и др.) понятие сложнопроизводных слов[12].

В нашем исследовании мы относили к сложнопроизводным словам такие структурные единицы, которые при трансформации обнаруживают:

а) элемент, состоящий из двух основ производящей основы, компоненты которой в таком сочетании самостоятельно в говоре не функционируют;

б) неузуальность опорного слова производящей основы, сейчас утраченного архаизма или подвергшегося субстантивации.

Синтаксические отношения между компонентами производящей основы выявлялись методом превращения сложнопроизводных слов в трансформы с последующим их анализом.

В говоре сложнопроизводные слова встречаются в сфере существительного, прилагательного, глагола и наречия.

1. Сложнопроизводные имена существительные

Сюда относятся имена деятеля (nomina agentis), образованные на основе глагольного словосочетания, состоящего из переходного глагола и прямого дополнения. Опорное слово осложнено суффиксом -ер < срнн.-er

Примеры: ažizdait'ер "Umschlecker"; ažrpaiir "Hosenspanner"; furt'aiirr "Taschenlauser ,Taschendieb"; ѐpo:smo:ǫkr "Spassmacher".

В связи сопоставлением с литературным языком отметим, что в говоре реже малоупотребительный образований этого ряда с компонентом -мэ:ǫкр "-macher". Такие сложнопроизводные встречаются главным образом в виде окказиональных, часто эмоционально окрашенных единиц. Ср.: šuldəmo:ǫkr " Schuldenmacher".

В говоре функционируют и такие сложнопроизводные имена деятеля с суффиксом -ер , которые образованы на базе глагольного словосочетания, состоящего из глагола и наречия типа

toušlo:ne"zuschlagen", šlo:n ten"schlug zu", tougašlorye"zugeschlagen" ,

---

6. М.Д.Степанова. Методы синхронного анализа лексики..., 348 с., стр. 16.
8. G.Kramer. Zur Abgrenzung von Zusammensetzung und Ableitung. Ein Beitrag zum inhaltbezogenen Wortbildungsbegriff. Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur. 1962, 84, 3, S. 434.
7. G.Kramer. Там же, стр. 435
8. C.Behaghel, цит. работа стр. 117.
9. G. Kramer. Там же. стр. 435.
10. [illegible]. Zur Problematik der Zusammenbildung [illegible] der [illegible] Sprache. Deutsch als Fremdsprache. 1968, 3, стр. 148-159.
11. G.Starke. Там же , стр. 150.

Мы здесь исходим из того, что глагольные основы с наречиями представляют не сложные слова, а словосочетания [12]. Примеры: touślo:rt "Zuschlager d.h.Hammerschmied"; änza:tr "Einsetzer - er setzt das Getreide in den Dreschkasten ein"; va:ǫra:nr "Ausreisser"; tout'it'r "Zuschauer"; no:zätr "Nachsitzer".

Имена орудия действия (nomina instrumenti) с суффиксом -r образованы на базе именных словосочетаний, состоящих из имени существительного и определения (числительное, прилагательное). Примеры:

äinspaunr "Einspanniges Fuhrwerk"; tväiläipr "Gewehr mit zwei Läufen".

Имена действия (nomina actionis) сложнопроизводного происхождения представляют собой безаффиксные деривати, образованные путем субстантивации инфинитивной группы: инфинитив+существительное; инфинитив+наречие; инфинитив + предложное сочетание. Примеры: daut štaulutferjə "das Stallausfegen"; daut ǫr'-tu:n-zätə "das Auf-dem-Zaun-Sitzen"; daut fəlär'st'm-da:rp-jo:yə "das Entlang-dem-Dorf-Jagen"; daut opə-zi:d-lid'ə "das Auf-der-Seite-Liegen"; daut bät'sari:tə "das Hosenzerreissen";

К этому структурно-семантическому типу примыкают сложнопроизводные существительные, образованные на основе сочетания связочного глагола zänə "sein" + существительное или наречие (глагол vo:rə"werden" нерелевантен).

Примеры : daut bo:dzänə "das Hirtesein"; daut auläinzänə "das Alleinsein"

II. Сложнопроизводные имена прилагательные

Сложнопроизводные имена прилагательные говора образованы на базе именных, редко глагольных словосочетаний с помощью суффиксов -š или -ç. Примеры:

tväimaunšat (ba:d);"ein Bett für zwei Personen"; ditjo:rše(e:tšokə)"diesjährige(Kartoffeln); təjo:ršr(veit) "vorjähriger(Weizen).

Часть прилагательных этого типа образована на базе словосочетаний, опорное слово которых является названием части тела или части растения (расширенные бахувриихи). Они служат для обозначения качества или свойства людей , животных, растений, предметов. Примеры:

bräitsulrjr (t'iədl) "breitschultriger(Kerl"; špätsne:zjət(švi:n)
"spitznasiges(Schwein)"; routba:kjə(a:pəl) "rotbäckige Äpfel";

Отдельные образования этого типа служат для обозначения характера людей. Ср.: groutmuljr bän'əl "grossmauliger Bengel".

Не все названия частей тела обладают соответствующей валентностью и поэтому не вступают в морфологическую связь с деривационными морфемами -š и -ç [13]. К таким нерелевантным в системе образования сложнопроизводных прилагательных названиям частей тела принадлежат в говоре munt "Mund"; haunt "Hand"; li:f "Leib";ho:t"Herz"и др. Интересно отметить, что авалентность основы ho:t"Herz" привело к её деэтимологизации в сложнопроизводном слове tru:otiç "treuherzig"(ср.нд. trouwhartig с тем же значением), вследствие чего носители го-

---

12. Ср. М.А. Левковская. Лексикология современного немецкого языка, М., 1968 г., стр. 139.
13. Ограниченная валентность именных основ отдельных семантических полей (названия , обозначающие родство, отрезки времени) в системе деривации прилагательных отмечена нами в статье "Суффиксальная деривация имени прилагательного и наречия в нижненемецком говоре Омской области" Труды кафедр гуманитарных наук.Омский политехнинститут, 1968 г., стр. 125-133.

вора воспринимают её, вероятно по аналогии с функционирующей в говоре лексемой groute:tiç"großartig" как производное, образованное с помощью модуссуффикса -o:tiç "-artig".

Сложнопроизводных прилагательных, образованных на базе глагольных словосочетаний, в говоре очень мало. Пример: fri:je:viç "freigebig".

III. Сложнопроизводные глаголы

Они образованы на базе глагольных словосочетаний с предложной группой, в которой существительное вербализуется. Так лексема ainstecken " in die Tasche stecken, einstecken" образована на базе словосочетания äns fup ätepa"in die Tasche stecken" ; слово opdäše"auftischen" образовано на основе глагольного словосочетания op'm däš šta:le "auf den Tisch stellen". Нередко встречаются и такие сложнопроизводные глаголы, в которых вербализованное существительное заимствовано из русского языка. Ср.,например, глагол ankvause"einsäuern". Он образован на основе словосочетания с заимствованным из русского языка существительным kvaus "квас".

Следует отметить, что данный тип сложнопроизводных слов в говоре очень продуктивен.

IУ. Сложнопроизводные наречия

К функционирующим в говоре сложнопроизводным наречиям относятся hin'ävewęs"unterwegs"; aulrvetęs "allerwegen"; hi'näträt's "hinterrücks". Деривационной морфемой здесь является суффикс -s. Однако он не всегда присутствует. Ср.: eivasa:x "[illegible], tara". Как видно из примеров сложнопроизводные наречия говора образованы на базе словосочетаний, состоящих из имени существительного и наречия.

Выводы

На основе изложенного и других наблюдений можно сделать такие выводы:

1. Сложнопроизводные образования представлены в нижненемецком говоре Омской области в сфере имени существительного, прилагательного,глагола и наречия.

2. Основными деривационными морфемами, с помощью которых осложняется опорная основа при суффиксальном образовании сложнопроизводных слов говора являются: в сфере существительного - суффикс -e в прин.-ен ; в сфере прилагательного - суффиксы -š и -ç ; в сфере наречия - суффикс -s.

3. В говоре не функционируют абстрактные имена действия сложнопроизводного типа, соответствующие структурам литературного языка на -ung,-heit,-keit.

4. Имена деятеля и имена орудия действия отличаются большей узуальностью, чем имена действия.

5. Имена прилагательные сложнопроизводного типа образованы в большинстве случаев на базе именных словосочетаний.

К. И. МИТРОФАНОВА

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ МОДЕЛИ ПРОСТЫХ ИМЕН ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ В СРЕДНЕВЕРХНЕНЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

1. 1. В предлагаемой статье мы ставим перед собой задачу описать словообразовательные модели простых имен прилагательных в средневерхненемецком языке. Основным методом такого описания является метод членения лексических единиц на НК. Однако этот метод, в зависимости от поставленной цели и конкретного языкового материала, может быть дополнен методами субституции и трансформации[1].

Как известно, описание лексических единиц методом их членения на НК предполагает три ступени анализа, а именно:

а/ выделение лексической основы слова и его грамматической части;

б/ анализ грамматического отрезка, отсеченного от основы;

в/ анализ лексической основы.

Последний этап при корневой основе равняется нулю, при других основах он складывается из одной или нескольких ступеней[2].

1. 2. Словообразовательные модели лексических единиц описываются, как правило, в синхронном плане, т. е. на словарном материале данного состояния языка. Диахронический подход при этом не исключен; он предполагается в тех случаях, когда необходимо объяснить причины возникновения и изменения определенной модели. Но диахронический подход играет все же подчиненную роль по сравнению с синхроническим.

Само собой разумеется, что полнота и точность описания словообразовательных моделей лексических единиц зависят от того, насколько полно инвентаризирован словарный состав языка описываемого периода. Это обстоятельство в нашем случае имеет немаловажное значение. Выполнению поставленной задачи здесь препятствует целый ряд объективных трудностей.

Во-первых, средневерхненемецкий период в истории немецкого языка занимает зна-

---

1. М. Д. Степанова. Методы синхронного описания лексики. Москва, 1968, стр. 106 - 130; К. Г. Крушельницкая. Трансформационный метод и проблема значения. "Иностранные языки в высшей школе", тематический сборник, I МГПИИЯ им. М. Тореза, вып. 3, Москва, 1964, стр. 3- 4; П. А. Соболева. О трансформационном анализе словообразовательных отношений. "Трансформационный метод в структурной лингвистике", АН СССР, Москва, 1964; Е. С. Кубрякова. Что такое словообразование? Москва, 1965; Л. С. Бархударов. О некоторых проблемах трансформационной грамматики/на материале английского языка/. Научные доклады высшей школы. "Филологические науки". 1965, № 3.

2. М. Д. Степанова. Указ. соч., стр. III - 114.

чительный промежуток времени, который отдельными исследователями определяется в 300 – 400 лет, в зависимости от тех фонетических, морфологических и иных признаков системы, которые положены в основу периодизации[3]. За такой длительный промежуток времени словарный состав языка, естественно, претерпел значительные изменения: исчезла часть словаря, обозначавшая устаревшие понятия; большая часть слов подверглась переосмыслению; появилось много новых слов, заимствованных из других языков и территориальных диалектов. Значительные изменения произошли также в оформлении словообразовательных элементов /лексических основ и деривационных аффиксов/, несмотря на их более устойчивый по сравнению со словарным составом характер.

Во-вторых, словарный состав средневерхненемецкого состояния языка инвентаризирован далеко не полностью: с одной стороны, сохранившиеся письменные памятники далеко не отражают всего многообразия употреблявшихся в тот период слов, с другой стороны – сами эти письменные памятники до настоящего времени изучены и обработаны еще неудовлетворительно. Это не исключает возможности того, что некоторые словообразовательные модели не получили отражения ни в письменных памятниках, ни в имеющихся словарях, составленных на их основе.

В-третьих, средневерхненемецкий язык не является чем-то единым, а отличается чрезвычайной диалектной раздробленностью[4]. Это обстоятельство, при неполноте наших сведений о диалектах данного периода, не исключает возможности необоснованного обобщения некоторых словообразовательных моделей, переноса некоторых словообразовательных моделей из одного диалекта в другой, установление вариантности словообразовательных моделей там, где ее фактически нет и т. п.

Несмотря на это обобщение моделей словообразования средневерхненемецкого периода возможно, как оно возможно и по другим уровням системы /фонологии, морфологии, синтаксису/, т. к. деривационные аффиксы отличаются не меньшей устойчивостью, чем грамматический строй.

2. I. Материалом для исследования послужили имена прилагательные, выбранные из 28-го, 29-го и 30-го изданий средневерхненемецкого карманного словаря Маттиаса Лексера[5]. В общей сложности из этого словаря выбрано 5049 лексических единиц, в том числе:

а/ простых прилагательных	– 512	/около 10, 1%/;
б/ производных прилагательных	– 2806	/около 55, 6%/;
в/ сложных прилагательных	– 634	/около 12, 6%/;
г/ сложнопроизводных прилагательных	– 462	/около 9, 2%/.

2. 2. В качественном определении и ограничении семантического объема имен существительных большую роль играют адъективированные причастия. Из обстоя-

---

3. А. Бах. История немецкого языка. Москва, 1956; В. М. Жирмунский. История немецкого языка. Москва, 1956; О. И. Московская. История немецкого языка. Москва – Ленинград, 1955; Н. И. Филичева. История немецкого языка, курс лекций. Из-во МГУ, 1959; М. М. Гухман. От языка немецкой народности к немецкому национальному языку, ч. I – II. Москва, 1955 – 1959; H. Moser. Deutsche Sprachgeschichte. Stuttgart 1955.

4. М. М. Гухман. От языка немецкой народности к немецкому национальному языку, ч. II. Москва, 1959, стр. 8 – 68.

5. Matthias Lexers mittelhochdeutsches Taschenwörterbuch, 28., 29. und 30. Aufl. S. Hirzel Verlag Leipzig 1956, 1959, 1969.

сла выписанных нами лексических единиц-прилагательных приходится:

а/ на долю причастия первого – 71 единица /около 1, 3%/;

б/ на долю причастия второго – 542 единицы/около 10, 8%/.

2. 3. Как известно, средневерхненемецкий период характеризуется значительным влиянием французского языка. В этот период заимствуется из французского языка большое количество лексических единиц, относящихся к различным сторонам рыцарской жизни. Это в основном имена существительные; глаголов, имен прилагательных, наречий и других частей речи значительно меньше[6]. Интересно отметить, что в карманном словаре Лексера приводится всего 22 заимствованных имен прилагательных, что составляет лишь около 0, 4% от общего числа.

3. 1. В течение средневерхненемецкого периода происходили значительные изменения в структуре слова, как-то: редукция безударных гласных, фонологизация умлаута, дифтонгизация старых долгих гласных, монофтонгизация старых дифтонгов, расширение узких дифтонгов и др. Так как эти изменения происходили лишь постепенно, в течение длительного отрезка времени и неравномерно в различных диалектных областях, то в этот период наблюдается значительная вариантность в структуре слова. С одной стороны, варьируются производящие основы и деривационные аффиксы, с другой стороны – простые производящие основы с производными. Так, например, наряду с производящей основой senfte употребляется вариант semfte "нежный, мягкий, кроткий, ласковый"; наряду с производным прилагательным senec /senic/ употребляются варианты seneclich, senlich, senedec, sendelich, sendec "страстный"; наряду с простой производящей основой aeze употребляются варианты aezec, ëzzec "съедобный" и т. д.

3. 2. Особенно большой вариантностью отличаются простые имена прилагательные в связи с тем, что многие простые основы в средневерхненемецком начинают вытесняться производными, а старые i-основы теряют в результате дальнейшей редукции свое окончание -e. Из 512 простых прилагательных, выписанных из словаря Лексера, 210 /около 43%/ имеют по нескольку вариантов, а именно:

а/ по два – 127 лексических единиц, т.е. 60,4%, например: blâz – blut "голый", blîche – bleich "бледный";

б/ по три – 47 лексических единиц, т.е. 22,3%, например: gâch – gâ – gache "быстрый", hart – herte – hert "твердый";

в/ по четыре – 20 лексических единиц, т.е. 9,9%, например: lâ – lâb – lâw – læwe "мягкий", na – nach – næhe – nahe "близкий";

г/ по пяти – 7 лексических единиц, т.е. 3,3%, например: lërc – lirc – lurc – lürc – lürph "хромой";

д/ по шести – 7 лексических единиц, т.е. 3,3%, например: was – wasse – wesse – wahs – wehse – wetze "режущий";

е/ по семи – 1 лексическая единица, т.е. 0,4%, например: rasch – resche – resch – risch – rösch – rösche – rosch "быстрый, сухой";

ж/ по восьми – 1 лексическая единица, т.е. 0,4%, например: sarf – scharf – scharp – sarph – scharph /scharpf/ – scherpfe – scherfe – scherf "острый".

---

6. А. Бех. Указ. соч., стр. 116 и сл.; Г. М. Жирмунский. Указ. соч., стр. 39 и сл.; О. И. Москальская. Указ. соч., стр. 168 и сл.

Как видно из приведенных примеров, основной причиной многовариантности[7] словообразовательных моделей в сфере средневерхненемецких непроизводных имен прилагательных являются те кардинальные фонетические изменения, которые происходили при переходе от древневерхненемецкого к средневерхненемецком языку в течение средневерхненемецкого периода, длившегося четыре столетия. Однако существенную роль сыграло также начавшееся в этот период вытеснение непроизводных основ прилагательных производными. Из указанных 512 непроизводных основ 86 имеют производные варианты, что составляет 16,8% от общего числа.

Следует отметить, что деривационные аффиксы в средневерхненемецком не отличаются устойчивостью; они тоже варьируются наряду с основами. Одна и та же непроизводная основа может быть расширена двумя или несколькими деривационными аффиксами, которые придают ей один и тот же оттенок значения, например: sieblich - zître-sam "изящный", vinsterî - vinsterîn "темный", sües-ec - sües-lich - süez-ec-lich "сладковатый" и т.д.

4. 1. Непроизводные имена прилагательные средневерхненемецкого языка в генетической точки зрения объединяют несколько различных словообразовательных пластов. Основную массу /364 лексические единицы или 71%/ составляют древние общеиндоевропейские и общегерманские прилагательные как, например: gël "блестящий", halz "хромой", val "бледный", stille "тихий", zage "нерешительный", grim(me) "ожесточенный", hô(ch) "высокий", hart, hert(e) "твердый" и т.д.

Простые имена прилагательные, образованные путем конверсии, т.е. перехода основ других частей речи, в основном существительных в парадигму имен прилагательных, судя по карманному словарю Лексера, в средневерхненемецком языке встречаются редко. Мы выписали всего 30 полосных лексических единиц, что составляет лишь 6% от общего числа простых прилагательных. К этой группе относятся такие прилагательные как ernest "серьезный", от основы ernest "серьезность", gëcke "глупый" от основы gëc(ke) "шут", glanz "светлый, блестящий" от основы glanz "отблеск", kint "молодой, детский" от основы kint "ребенок" и некоторые другие.

Незначительную часть /всего 22 лексические единицы или 4,3%/ составляют также имена прилагательные с корневой основой, заимствованные из романских языков /французского и латинского/. К этой группе относятся, например, такие слова как grant из франц. grand "большой", pur из франц. pur лат. purus "чистый", franc из франц. franc "свободный", scher из франц. cher "дорогой, любимый" и др.

Довольно значительная доля в группе простых имен прилагательных /96 лексических единиц или 18,7%/ приходится на основы, образованные с помощью суффиксальных детерминативов /определителей/. В имеющемся у нас словарном материале можно прослеживаются следующие из них.

Суффикс -le- /25 лексических единиц или 4,9%/: vol "полный", michel "большой", tunkel, dunkel "темный", gengel "распространенный", îsel "тщеславный", schravel "резкий", simpel "простой", strobel "лохматый", vesel "плодородный",

---

7. В понятие вариант не включены орфографические варианты типа: teig - teig "мягкий", fier - vier "гордый", dürchel - dürhel "просверленный" и т.п.

8. О. С. Ахманова. Словарь лингвистических терминов. Москва, 1966.

tüchtel "головокружительный", wackel "хромый", warbel "подвижный", wesel "слабый", zorftel "ясный", zwîfel "неуверенный" и др.

Суффикс -me-/[illegible] лексических единиц или 0,3%/: arm "бедный", warm "теплый".

Суффикс -ro-/38 лексических единиц или 9,9%/: bitter "горький", wacker "бодрый", magar "худой", linster "левый", nwajner "[illegible]", helter "веселый", lungar "[illegible]", sicher "[illegible]", selger "медленный", vinster "сумрачный", vûrer "дальний" и др.

Суффикс -to-/10 лексических единиц или 1,8%/: alt "старый", ehte "слизкий", durft "необходимый", galt "[illegible]", kalt "[illegible]", huoste "[illegible]", hold "склонный", scalk "[illegible]", tôt "мертвый", viuhte "сырой".

Суффикс -no-/4 лексических единиц или 1,5%/: eigen "собственный", helden "[illegible]", hûlwen "[illegible]", juven "молодой", tunken "темный", ôden(e) ровный", gern "желающий", brûn "коричневый".

Суффикс -ko-/2 лексические единицы или 0,5%/: karc "умный, хитрый", starc "сильный".

4. 2. Большая часть детерминативов перестала быть продуктивными элементами словообразования уже в общегерманском[9]. Их вычленение оправдано лишь при сравнительно-историческом анализе структуры слова /в диахроническом плане/ и то лишь с учетом тех преобразований в структурном оформлении слова, которые имели место в ранние периоды обнаруженного[illegible], общегерманского и отдельных германских языков[10]. Э. А. Макаев считает, что детерминативы могут быть вычленены лишь в том случае, если: а/ сначала представлены производная и производная основы; б/ обнаруживается достаточно тесная семантическая связь между производной и производной основой, содержащей детерминатив; в/ этимологический анализ лексем производится при строгом соблюдении хронологического среза, на котором находится данная лексема[11].

С этой точки зрения неоправдано вычленение словообразовательных аффиксов /этого детерминатива/, как оно проводится, хотя и с оговорками, некоторыми исследователями в структурном и историческом грамматиках немецкого языка и в трудах по сравнительной грамматике[12]. Более того, при описании определенного хронологического среза привлечение материала родственных языков оправдано лишь в том случае, если оно преследует цель объяснить возникновение и изменение данной словообразовательной модели. Однако, когда описываются словообразовательные модели определенного синхронного среза, то могут быть привлечены для анализа лишь производящие и производные основы данного языка.

4. 3. Если исходить из данного положения, то для рассматриваемого периода можно из перечисленных древних детерминативов считать сохранившимися как деривационные аффиксы в сфере простых прилагательных следующие :

---

9. Э. А. Макаев. Из наблюдений над детерминативами в германских языках. Сравнительная грамматика германских языков, т. II, Минск, 1964, стр. 3; Э. А. Макаев. Проблема детерминативов в индоевропейском и германских языках. ВЯ, № 1, с. 1965.

10. Э. А. Макаев, указ. соч., стр. 8.

11. Э. А. Макаев, указ. соч., стр. 18.

12. W. Wilmanns. Deutsche Grammatik, Bd. II, Strassburg 1899; O. Behaghel. Mittelhochdeutsche Grammatik. München 1923; P. Sperber. Der Ursprung der indogermanischen Bezeichnung. Göttingen 1947.

а/ детерминатив -lo-, служащий для образования имен прилагательных от основ глаголов: (s)wankel "колеблющийся", от основы swanken "колебаться";

б/ детерминатив -ro-, служащий для образования имен прилагательных от основ глаголов и имен существительных: wacker "бодрый", от основы wachen "бодрствовать", sunder "южный" от основы sunden "юг";

в/ детерминатив -no-, служащий для образования имен прилагательных от основ имен существительных[13]: touqen "тайный" от основы touge "тайный советник".

Однако чрезвычайно низкая продуктивность и редкая встречаемость этих старых детерминативов в средневерхненемецком языке дают нам основание считать их элементом основы наряду с другими, уже не вычленяемыми на данном хронологическом срезе детерминативами.

5. 1. В средневерхненемецком языке получило чрезвычайно широкое развитие употребление имен прилагательных в краткой форме[14], например:

Им. пад.: ... so war ein gut knecht "так как он был хороший слуга";

Род. пад.: ich han es alles sculde, des schaden scedelich "я в этом всем виноват, в этом преступном деле";

Дат. пад.: ich han durch michele not nach dir gesant helet got "я из-за большого несчастья послал за тобой, добрый рыцарь";

Вин. пад.: sie trogen riterlich gewant "они носили рыцарское платье"[15].

Л. Р. Зиндер и Т. В. Строева считают, что прилагательные в таком употреблении вообще не обладают категориями рода, числа и падежа[16].

5. 2. Из сказанного следует, что для корневых имен прилагательных средневерхненемецкого языка, с учетом их многовариантности, можно установить два варианта словообразовательных моделей.

Первый, основной вариант $W = L\ /l_1 \ldots n/ + O$ и $L\ /l_1 \ldots n/ + Gr$ учитывает те формы имен прилагательных, которые в парадигматике и синтагматике обладают грамматическими категориями рода, числа и падежа.

Второй, подчиненный вариант $W = L\ /l_1 \ldots n/$ учитывает те формы имен прилагательных, которые в синтагматическом плане не обладают грамматическими категориями рода, числа и падежа.

---

13. Здесь не учитываются детерминативы, развившиеся в немецком языке в реляционные и продуктивные деривационные аффиксы.

14. Л. Р. Зиндер и Т. В. Строева. Историческая морфология немецкого языка. Ленинград, 1956, стр. 169 - 170.

15. Примеры приведены из: König Rother, 2. Aufl. Halle (Saale) 1901.

16. Л. Р. Зиндер и Т. В. Строева, указ. соч., стр. 170.

17. По К. Л. Степановой, указ. соч., стр. 112: W - слово /в полном/; L - лексическая основа исходной формы слова: l - лексическая основа, отличающаяся от исходной формы /и включают алломорфы одной морфемы/; Gr - грамматический отрезок.

Л. Б. РУНКОВА

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ И СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПРИЧАСТИЯ 1 В ДРЕВНЕВЕРХНЕНЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ XI ВЕКА

По вопросу о функциональных и семантических особенностях причастия 1 в немецком и других древних германских языках существует обширная литература. Причастие 1 этих языков рассматривается генетически как индоевропейское отглагольное прилагательное, постепенно включившееся в глагольную парадигму благодаря соотнесенности с инвентной основой глагола[1], в результате чего оно приобрело глагольные категории времени и залога как вторичные[2].

В зарубежном языкознании конца XIX-начала XX вв. германское причастие на - nd - (ие. - nt -) сопоставлялось обычно с активным причастием настоящего времени латинского и греческого языков[3], на основании чего ему приписывалось значение активного причастия настоящего времени[4]. В советском языкознании последних лет германское причастие 1 изучалось в противопоставлении причастию II[5], однако оказалось, что при таком подходе смысловые различительные признаки причастия в группах переходных и непереходных глаголов не совпадают: оба причастия переходных глаголов составляют оппозицию по залоговым и вида-временным признакам, в то время как причастия непереходных глаголов противопоставляются только по вида-временным признакам[6]. Дифференциальными признаками причастия1 переходных глаголов признаются значение активности, длительности и одновременности, тогда как причастие 1 непереходных глаголов характеризуется как обладающее семантикой длительности и значением одновременности с действием финитного гла -

1. K.Brugmann. Grundriss der vergleichenden Grammatik der indoeuropäischen Sprachen. Bd. 2, Strassburg. 1886. S.446-451.
2. G.K.Solta. Gedanken über das -nt-Suffix. Österreichische Akademie der Wissenschaften. Phil.-hist.-Klasse. Sitzungsberichte, Bd.231. Abt.1. Wien, 1958.
3. H.Gering. Über den syntaktischen Gebrauch der Participia im Gotischen. ZfdPh. Bd.5. Halle. 1874, S. 245-290.
4. O.Erdmann. Grundzüge der deutschen Syntax nach ihrer geschichlichen Entwicklung. Abt.I, Stuttgart, 1886, S.85-86.
5. И.С. Веденькова. Выражение временной соотнесённости действий в древневерхненемецком и средневерхненемецком языках. Канд. дисс., Л., 1962; М.М. Гухман. Причастие II германских языков. Учёные записки МГПИИЯ. т.XI, М., 1957, стр. 65-148; Б.М. Задорожный. Значение и употребление причастий в германских языках. Докт. дисс., т.2, Львов, 1964; Н.Н. Смирнова. Причастия в современном немецком языке. Канд.дисс., М., 1963.
6. М.М. Гухман. Развитие залоговых противопоставлений в германских языках. "Наука", М., 1964, стр.113.

гола[7].

Можно считать установленным, что значение активности всегда присуще причастию 1 переходных глаголов. Может быть, это залоговое значение причастия 1 определяется наличием в германских языках категории переходности/непереходности глагольного действия[8]. Об этом свидетельствует, например, материал хеттского языка, в отношении которого установлено, что единственная, засвидетельствованная в этом языке форма причастия на - nza -, имеет активное или пассивное значение в зависимости от переходности или непереходности глагола[9]. Интересный факт обнаружен при изучении древнеисландского языка: как отмечают исследователи, причастие 1 образовывалось в этом языке первоначально только от непереходных глаголов[10] и, повидимому, не обладало залоговым значением. Видовые и временные значения причастия 1, т.е. значения длительности и одновременности, также не могут считаться для германских языков постоянными, поскольку исследователи, изучавшие свойства причастия 1 и причастия П в их противопоставлении, обнаружили у причастия 1 случаи нейтрализации этих смысловых признаков, в результате чего оба причастия иногда выступают в качестве контекстуальных синонимов[11].

Отмеченные факты дают право предполагать, что изучение свойств причастия 1 в германских языках вообще и в каждом отдельном языке в частности не может ещё считаться законченным. В связи с этим представляется целесообразным подойти к проблеме изучения свойств причастия 1 иначе, именно, попытаться выяснить его смысловые признаки не путём построения оппозиции причастие 1/ причастие П, которая является оппозицией только в плане содержания, а путём сопоставления причастия 1 с такой формой, которая была бы близка этому причастию по происхождению самой формы. Такой формой в германских языках является инфинитив, который генетически рассматривается как отглагольное имя, включившееся затем, как и причастие 1, в глагольную парадигму благодаря наличию у него соотнесённости с презентной основой глагола[12].

Исходя из именного происхождения инфинитива, учёные отмечают, что основным семантическим свойством германского инфинитива является нейтральность в отношении глагольных категорий времени и залога[13]. Нейтральность в отношении категории залога выражалась в том, что единственная форма инфинитива употреблялась в германских языках и с активным, и с пассивным значением. Пассивное значение приписывалось, например, немецкому инфинитиву в сочетании с глаголами sehen, hören, lassen, heissen (при невыраженном субъекте инфинитива) и предлоговому инфинитиву при употреблении его в сочетании с некоторыми прилагательными и глаголом sein[14], например, в предложении:

---

7. Б.М.Задорожный. Указ. соч. стр. 578-585.
8. М.М.Гухман. Развитие залоговых противопоставлений... стр. [illegible]
9. Э. Бенвенист. Индоевропейское именное словообразование. М., [illegible], стр. [illegible]
10. A. Heusler. Altisländisches Elementarbuch. 2.Auflage von K.Krahe. Heidelberg, 1913, S. 152.
11. Б.М.Задорожный. Указ. соч. стр. 578.
12. Сравнительная грамматика германских языков. т. 4. "Наука", М. 1966, стр. 271.
13. E. Herzog. Die Syntax des Infinitivs. NJofPh., Jhg. 19. Leipzig, 1873, S.8.
14. J. Grimm. Deutsche Grammatik, Bd. 4, Gütersloh, 1898, S.64.

zellene ist iz lang. В отношении категории времени отмечалось, что зависимый от финитного глагола инфинитив мог выражать относительное время в плане одновременности/разновременности[15], хотя сама по себе форма инфинитива имела вневременное значение[16]. На способность инфинитива выражать время относительно времени действия финитного глагола указывал ещё В.Гумбольдт[17].

В чём же форма инфинитива и причастия 1 в семантическом отношении соответствуют друг другу, а в чём они расходятся? Выделенные исследователями семантические свойства обеих форм сводятся к следующему:

инфинитив	причастие1
1. относительное временное значение,	1. относительное временное значение,
2. название действия в его протекании,	2. длительность действия,
3. нейтральность в отношении к залогу	3. активность причастия 1 переходных глаголов

Сопоставляя семантические свойства той и другой формы, можно установить, что обе формы обладают общим значением относительного времени, в то время как видовые и залоговые значения у них не совпадают. Следовательно, инфинитив и причастие 1 могут быть противопоставлены друг другу с точки зрения их семантики.

Мысль о возможности сопоставления форм инфинитива и причастия 1 по их семантическим признакам не является новой. Применительно к древневерхненемецкому языку попытки такого сопоставления предпринимаются в работах К.Рика[18] и Т.Верналекена[19]. О необходимости сопоставительного исследования инфинитива и причастия 1 писал также К.Майер[20]. Возникает вопрос, правомерно ли сопоставление таких казалось бы неоднородных форм? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо рассмотреть их структурные особенности.

Особенности структуры двн.инфинитива и причастия 1 выступают более чётко в формах, представленных в памятниках 8-9 вв., сохраняющих ещё полные гласные в неударных слогах, поэтому целесообразно рассмотреть в первую очередь именно структуры этих форм 8-9 вв. Поскольку в древневерхненемецкий период тематический гласный -а- сильных глаголов противопоставляется ещё гласным основы слабых глаголов, представляется возможным отнести этот гласный к основе глагола, как предлагал Ф.Бопп[21]. Поэтому общим показателем инфинитива всех морфологических типов глагола в двн. языке является суффикс -n-, рассматриваемый генетически как именной суффикс[22], с помощью которого в определённом ареале индоевропейских языков (индо-иранские, германские, италийски языки, греческий язык) образовывались имена со значением действия.

15. C.Behaghel. Deutsche Syntax.Bd.2. Heidelberg,1924, S. 309-349.
16. R.Meyer. Erstarrte Infinitiva.ZfdWf.,Bd.6,H.3.Strassbg,1906.S.160-61.
17. W.v.Humboldt. Über den Infinitiv.ZfvglSpfg,Bd.2,Berlin,1853,S.250.
18.K. Rick. Das prädikative Participium Praesentis im Ahd.Bonn,1906,S.38.
19. Th.Vernaleken. Deutsche Syntax.Bd.I, Wien, 1861, S. 23-28.
20. K.Meyer. Zur Syntax des Participium Praesentis.im Ahd.Marbg.,1906,S.6.
21. Fr.Bopp. Vergleichende Grammatik des Sanskrit, Send, Griechischen, Lateinischen, Litauischen, Deutschen, Bd. 3. Berlin, 1850, S. 310.
22. Fr.Bopp. Ibd., S. 249.

Индоевропейской форме bheronom, , которая интерпретируется в сравнительно-историческом языкознании как форма винительного падежа существительных среднего рода основ на -о-[23], должна была соответствовать прагерманская форма beranan, , давшая в результате действия законов конца слова в древних германских языках формы двн. beran, да. beran, го. bairan. В западно-германских языках засвидетельствованы также склоняемые формы инфинитива, а именно, формы родительного и дательного падежей существительных среднего рода двн. berannes, beranne. Удвоенное -nn - в этих формах заставляет предполагать наличие в прошлом вариантной формы инфинитивного суффикса - nja-(ие. - njo-). Существование этих форм свидетельствует в пользу именного происхождения инфинитива, хотя его форма в древневерхненемецкий период не воспринимается уже как имя, а входит в глагольную парадигму.

При сопоставлении словоформ инфинитива и личных форм различных групп соответствующих глаголов в настоящем времени можно выделить в структуре каждой группы общую основу(тематическую -ТОГ- у сильных, - j - презентных сильных, претеритопрезентных сильных и слабых глаголов 1 класса, производную -ПОГ- у слабых глаголов II и III классов и корневую -КОГ- у атематических глаголов), к которой присоединяется суффикс инфинитива - n - :

faran	fara-mes				
wizza-n	-		salbo-n	salbo-mes	ПОГ
neffe-n	hefte-mes	ТОГ	lebe-n	lebe-mes	
suocne-n	suocne-mes		ge-n	ge-mes	- КОГ
nerie-n	nerie-mes				

Общей схемой структуры инфинитива для эпохи 8-9вв. можно считать: основа настоящего времени глагола плюс суффикс инфинитива - n - или

ОНВГ + - n -

Эта схема сохраняется и для более поздней эпохи XIв., когда тематический гласный - e - сильных и претерито-презентных глаголов выступает в результате редукции в форме - e -.

Причастие I характеризуется в древневерхненемецкий период формантом-nt-, общим для всех типов глагола. В сравнительной грамматике германских языков эта - nt- восходит обычно к индоевропейскому суффиксу - ent-, - ont- , - nt- (герм.- nd-), который в индоевропейскую эпоху должен был служить для образования отглагольных прилагательных[24]. Формы отглагольных прилагательных с суффиксом - ent- , - ont- - nt - обнаружены во многих индоевропейских языках: ст. лат. ferens - ferentis , гр. φερων - οντος , санскр. bharant- bharat. , скр. sant(мн. ч.), гот. bairands. В древневерхненемецком языке причастие I подводится под парадигму словоизменения прилагательных типа

---

23. Шарбиноков. Сравнительная грамматика германских языков. Издательство иностранной литературы. Москва. 1954, стр. 217.

24. Сравнительная грамматика германских языков, т. 4. Издательство "Наука". Москва. 1966. стр. 272.

основ на -ja - и в краткой форме именительного-винительного падежей выступает в 8-9 вв.с падежной флексией - i ,которая позже редуцируется в e; при описании структуры причастия 1 эта флексия не учитывается.

В структуре причастия 1 различных групп глаголов выделяются основы ТОГ, ПОГ, КОГ, т.е. основы,аналогичные приведённым выше; к этим основам присоединяется суффикс причастия - nt -:

fara-nt		salbo-nt	ПОГ
wizza-nt		lebe-nt	
heffe-nt			
suoche-nt			
nerie-nt	ТОГ	ge-nt	КОГ

Схему структуры причастия 1, общую для всех типов глагола, можно представить как

ОНВГ + -nt-.

Эта схема структуры причастия 1 сохраняется и для эпохи XI в., когда изменения касаются лишь тематического гласного - a - сильных и претерито - презентных глаголов.

Сопоставим теперь полученные для древневерхненемецкого языка XI в. структуры исследуемых форм:

общая схема структуры инфинитива	общая схема структуры причастия 1
ОНВГ + -n-	ОНВГ + -n-

При сопоставлении структур обеих форм обращает на себя внимание тот факт, что суффиксы инфинитива и причастия 1, сочетаясь с одинаковой глагольной основой, выполняют функции смыслоразличительных формантов, т.е. находятся в контрастной дистрибуции[25].

На основании этого можно построить следующие ряды оппозиций в плане выражения:

fare-n -	fare-nt-
wizze-n-	wizze-nt-
heffe-n-	heffe-nt-
suoche-n-	suoche-nt-
nerie-n-	nerie-nt-
salbo-n-	salbo-nt-
lebe-n-	lebe-nt-
ge-n-	ge-nt-
sta-n-	sta-nt-

В каждом ряду основанием для сравнения служит, в первую очередь, общая глагольная основа, к которой присоединяется суффиксальный элемент. В составе этого суффиксального форманта можно выделить общий элемент - n -,

---

25. Ю. Д. Апресян. Идеи и методы современной структурной лингвистики. Издательство "Просвещение". Москва, 1966, стр. 50 - 52.

и тогда окажется, что формант причастия 1 отличается от форманта инфинитива только дополнительным показателем -t-, маркирующим форму причастия 1 как член привативной оппозиции[26], вторым (слабым) членом которой является инфинитив, лишенный этого показателя.

Исходя из сказанного, можно построить следующую оппозицию:

основа инфинитива + нуль признака // основа инфинитива + -t-

/ ОИ + нуль // ОИ + -t- /

Тогда установленные выше ряды оппозиций можно представить следующим образом:

	faren	+ нуль	:	faren	+	-t-
	wizzen	+ нуль	:	wizzen	+	-t-
	heffen	+ нуль	:	heffen	+	-t-
	suochen	+ нуль	:	suochen	+	-t-
	nerien	+ нуль	:	nerien	+	-t-
	salbon	+ нуль	:	salbon	+	-t-
	leben	+ нуль	:	leben	+	-t-
	gen	+ нуль	:	gen	+	-t-
	stan	+ нуль	:	stan	+	-t-

Возможность противопоставлений, к которым мы теперь пришли, [illegible] во поставить вопрос о том, что с синхронной точки зрения причастие [illegible] разуется не от презентной основы глагола непосредственно, а от [illegible] водной основы инфинитива.

Такая постановка вопроса не является новой. Ещё Я.Гримм утверждал, что причастия 1 германских языков образованы непосредственно от инфинитива[27]. К сходной мысли пришёл в прошлом веке также Шрёдер, обративший внимание на то, что первую часть латинского герундия образует форма на -[illegible], которая в готском является инфинитивом и которая совпадает с основой латинского [illegible][28]. В отношении современного немецкого языка аналогичную связь между инфинитивом и причастием 1 предполагает Х.Бринкман. Он считает, что причастие 1 может восприниматься как прилагательное, которое по своему содержанию соответствует инфинитиву (сравним его трансформацию: Das Gefühl der Befriedigung wird bleiben - das [illegible] de Gefühl der Befriedigung). При этом Х.Бринкман рассматривает конечное -d в форме причастия 1 как транспозитор (Überführungsmorphem), который переводит инфинитив в систему форм прилагательного[29]. И хотя это утверждение Х.Бринкмана требует, может быть, ещё проверки на основе специального исследования, сама мысль представляет интерес и говорит о возможности сопоставления обеих форм в синхронном плане.

---

26. Н.С. Трубецкой. Основы фонологии. Изд-во иностранной литературы. М., 1960, стр. 82.
27. J.Grimm. Deutsche Grammatik. Bd.4. GÜtersloh, 1898, S67.
28. Schröder. Über den Ursprung des lateinischen Gerundium. ZfvrgSf. Bd.14, H. 1-6. Berlin, 1865, S. 350-371.
29. H. Brinkmann. Die deutsche Sprache, Bd.1. Düsseldorf, 1962, S.268.

Такой подход к вопросу о связи причастия 1 и инфинитива противоречит, на первый взгляд, данным сравнительно-исторической грамматики германских языков, в которой форма причастия 1 до сих пор рассматривается как генетически тождественная активному причастию многих индоевропейских языков с показателем - nt -[30]. Однако, происхождение самой формы причастия на - nt- в индоевропейских языках ещё не установлено. В настоящее время существует новая гипотеза, автором которой является Э. Бенвенист.

Стремясь определить генезис италийских форм на - ndo -, представленных в латинском герундии и герундиве, Э. Бенвенист высказывает предположение об одновременном происхождении герундия и герундива от древнего отглагольного имени, обозначавшего процесс как таковой. Италийский суффикс - ndo- он возводит к индоевропейскому суффиксу - endo - / - ondo -, сопоставляя последний с суффиксом причастий - ent - / - ont -. Оба суффикса расчленяются им на - en-/-on-t- и -en-/-on-do- , а образования с этими суффиксами рассматриваются как включавшие глагольные корни производные на -en-/-on- , распространённые посредством -t- и -do-. Производная основа на en-/-on- , оставшаяся после выделения распространителей - t- и - do -, является основой отглагольного имени, или инфинитива, представленной в более позднюю эпоху в греческом, германских и индо-иранских языках[31]. По идее Э. Бенвениста, следовательно, производными от основы инфинитива являются не только италийские формы на - ndo -, но и индоевропейские причастия на - ent - / - ont -.

Таким образом, формальная оппозиция инфинитив // причастие 1, установленная выше для языка древневерхненемецкой эпохи, согласуется с гипотезой Э. Бенвениста о происхождении индоевропейских образований на - ent-/-ont- от основы инфинитива[32] и с точкой зрения Х. Бринкмана, который выводит ненемецкое причастие 1 из инфинитива в синхронном плане. Основанием для сравнения служит общность основы инфинитива, причём причастие 1 обладает дифференциальным признаком - формантом - t-, который позволяет рассматривать его как сильный член формальной оппозиции. Наличие такой оппозиции в плане выражения оправдывает сопоставление обеих форм и в плане содержания.

Признавая возможность семантического сопоставления форм инфинитива и причастия 1, автор статьи исследовал семантические особенности той и другой формы по материалам памятников древневерхненемецкой письменности XIв. В XI в. немецкий язык выделился уже как единое целое по отношению к более ранним письменным диалектам ряда западно-германских племён. Язык памятников письменности этого столетия отражает уже то состояние, которое было характерно для общего языка немецкой народности в начальный период его существования[33]. Этим обстоятельством и определялся выбор материала для анализа. Для большей точности исследования использовался метод трансформации обеих форм в личные формы соответствующих глаголов при одновременном конструировании предложений по типу засвидетельствованных в памят-

30. Сравнительная грамматика... т.4. стр.276.
31. Э. Бенвенист. Указанные сочинения стр. 166-167.
32. см. также G.Solta, Указанные сочинения. стр. 7.
33. И.М. Пухман. От языка немецкой народности к немецкому национальному языку. " Наука". М., 1955, стр. 54-56.

никах письменности этой эпохи[34].

X

X X

Сопоставление причастия 1 с инфинитивом удобнее начинать с описания их синтаксических функций.

При анализе синтаксических функций обеих форм оказалось, что некоторые из этих функций являются для них общими и характеризуются возможностью взаимозаменяемости; другие общие функции не допускают возможности взаимозаменяемости. Кроме общих синтаксических функций установлены и различные функции. Эти последние позволяют противопоставить исследуемые формы по их синтаксическому функционированию.

Общей и наиболее распространённой для обеих форм представляется функция предикативного определения. Инфинитив в функции предикативного определения встречается в конструкции accusativus cum infinitivo, где форма инфинитива соотносится с дополнением в винительном падеже[35], которое является субъектом действия, выраженного инфинитивом[36]:

Ih sah in haben geistlicha genada (N.II,131,24).	Ih sah in. Er habeta geistlicha genada.

(Я видел, что он имеет божественную милость).

Причастие 1 в функции предикативного определения соотносится обычно с подлежащим:

Tia habendo ist ter man cote gelih...(N.I.616,25).	Ter man dia (reda) habet. Er ist Gote gelih.

(Человек, имеющий речь, подобен божеству).

Встречаются и случаи употребления причастия 1 в качестве предикативного определения, соотнесённого с дополнением в винительном падеже, обычно в конструкции accusativus cum participio:

... so sihet man in ... dia ahsela habenten ...(N.I,769,27).	... so sihet man in ... Er habet dia ahsela...

(Когда видишь его (созвездие) имеющего плечи).

Параллельное употребление инфинитива и причастия 1в одинаковых конструкциях отмечал ещё К. Рик, который пытался объяснить это явление различием в выражении обеими формами видовых значений. Согласно его точке зрения, форма инфинитива выражает уже совершившийся факт, тогда как причастие 1 обозначает действие в его протекании[37]. Однако, сопоставление обеих форм в этих конструкциях позволяет сделать и другой вывод, именно, вывод о выражении этими формами различной степени предикации. Сравним следующие предложения:

---

34. Fr. Leimbach. Die Sprache Notkers und Willirams. Göttingen, 1933; Manheim. Syntaktische Beobachtungen an Notkers Übersetzungen des Martianus Capella. Berlin, 1903.

35. O.Behaghel. Ibd., S. 323.

36. G. Bech. Studien über das deutsche Verbum Infinitum, Bd. I. København, 1955, S. 32; M. Deutschbein. Infinitiv und Gerundium. Die Neuren Sprachen, Bd, XXX. Marburg in Hessen, 1922, S. 16-17.

37. K. Rick. Ibd., S. 38-42.

1. Der man chou er horte si sprechen. (Ad. Gen. 3570,3).
...er horte si (bruodera).
Si sprâchen.

(мужчина сказал, он слышал, как оратья говорили).

Tû sanîst târ heroum poetas. mit hedera gezierte unde singente (N.1 843,19).
Tû sanîst târ poetas. Sie uuâren mit hedera gezierte unde singente.
(Ты видел эпических поэтов, украшенных плющом и поющих).

2. Tih sagent sie gerno singen diu brûtesang. (N.1,690,18).
Sie sagent, tar tû gerne singest diu brûtesang.
(Они утверждают, что ты хорошо поешь свадебные песни).

...du bist ter. den diu chint tero goto sagent singenten. sô chît ër quonen zesingenne. (N.1,689).
(... ты тот, кого дети богов называют поющим, т.е. привыкшим петь).

Форма инфинитива в приведенных примерах обладает большей степенью предикации по сравнению с причастием 1: она обозначает действие, субъектом которого является дополнение в винительном падеже, а причастие 1 передает скорее определенное качественное состояние лица, выраженного дополнением в винительном падеже [38]. Доказательством этого можно считать тот факт, что причастие 1 согласуется с определяемым словом, выступая в полной форме, и однофункционально причастию 4, засвидетельствованному в тех же предложениях. Значение качественного состояния определяемого ощущается у причастия 1 и при отсутствии однофункционального причастия 4, например:

Uuizist ouh differentiam samint uuesen.
substantiam ioh accidens (N.I,389,29).
uuizist, daz ouh differentia samint ist.
(Знаешь ли ты, что также разное едино, сущность и случайность).

... nu ih lebenten uueiz in. (Al.5019).
(теперь я знаю его живущим, т.е. что он живет).

Таким образом, можно отметить определенную специализацию форм инфинитива и причастия 1 в функции предикативного определения: инфинитив соотносится с дополнением в винительном падеже, а причастие 1 - обычно с подлежащим; соотнесенность с дополнением в винительном падеже наблюдается у него лишь в некоторых случаях.

Общей для обеих форм при возможности их взаимозаменяемости представляется и функция обстоятельства цели:

... der harackam sie zelosenne, (N.II,87,28).
(он пришел, чтобы освободить их).

Alla uuerlt unbefarent sie predionde (N.II,223,1).
(Весь мир объедут они, чтобы проповедовать).

Другие обстоятельственные функции обеих форм не совпадают. Инфинитив часто употребляется в качестве обстоятельства следствия, сравним:

Officia lingue negenuogent zesagenne... (N. 1 837, 16).
(Официального языка недостаточно, чтобы сказать...)

Причастие 1 может функционировать как:

---

38. Б.М.Задорожный. Указ. соч. стр. 820-821.

1. Обстоятельство времени:

Des pitendo. uuarin mir mine trane brot...(N.II,145,5).

So ih tes peit, uuarin mir mine trane brot...

(Когда я ждал этого, были мне мои слезы хлебом).

2. Обстоятельство условия и причины:

Din gebot uuerendo cham mir des ih ker uuas (N.II,526,23).

Uuanda ih din gebot uuereta cham mir...

(Так как я исполнял твой завет, пришло мне то, чего я желал).

3. Сопутствующее обстоятельство[39]:

Lobont in in alla uuis. singendo. plasento... (N.II [illegible]

(Восхваляйте его любым способом, пением, игрой на трубах...).

Одинаковыми для обеих форм при невозможности взаимозаменяемости представляется функция второй части сказуемого и функция определения. Инфинитив/герундий в качестве определения к какому-либо существительному [illegible] себя как генитивное определение и бывает связан с определяемым посредством примыкания. Определительное причастие 1 может быть [illegible] синоним определительного придаточного предложения и характеризуется согласованием. Сравним:

... sito uuas...hina uf chomen... diu chomente lera...

sito [illegible]...

(обычай восхождения на гору)

В качестве второй части инфинитив входит в состав глагольного сказуемого, полностью сохраняя свои глагольные свойства, а именно, он выражает основное действие или образует неразложимое единство с первой частью [illegible]

... daz zefurhtenne neuuas... (N.II,3[illegible],10).

(... чего не следовало бояться).

... daz er fore minnen

aller begunde prinnen (Ad. Gen. 3195).

(так что от любви он (Яков) начал весь гореть).

Причастие 1 в качестве второй части входит в состав именного сказуемого, передавая какой-то качественный признак подлежащего, ср.:

fone diu heizzen sie gesehente (N.II,370,20).

(Поэтому они называются зрячими).

Сочетание предикативного причастия 1 с глаголами sin, werden рассматривается в германистике как формирующаяся глагольная форма, выражающая длительность. Предполагается, что в западногерманских языках причастие 1 в этом сочетании выражало первоначально постоянный признак подлежащего, но что потом все сочетание приобрело значение длительности [illegible]. Однако, материал древневерхненемецкого языка XI в. позволяет сделать вывод, что сочетание причастия 1 с глаголом sin не всегда выражает дли-

---

39. Е.П. Молодцова. Обороты с причастиями в древневерхненемецком языке. Канд. дисс., М., 1954, стр. 100.

40. О.А. Карамина. Форма герундива в немецком языке. Автореф. [illegible] дисс., Л., 1958, стр. 5.

41. J. Homberg. Zur Geschichte der periphrastischen verbindung des Verbum substantivum mit dem Participia Präsentis in Kunstkenteln [illegible] 1a. 1916. S. 5-20. 98.

тельность действия; оно может выступать и как именное сказуемое [42], в составе которого причастие I сохраняет значение, присущее обычно прилагательному. Сравним:

Darana uuaren sie tenchende in uppe (N.II,5,24).
(Об этом думали они тщетно).

... so bist du ouh eino michel. unde uuunder tuonde (N.II, 356).

Рассмотрев общие синтаксические функции, присущие причастию I и инфинитиву, приходим к описанию различий в их функционировании. Инфинитив/герундий может выполнять, кроме перечисленных функций, также функции дополнения и подлежащего. Сравним:

... kelere unsih den minnon... (N.II,260,23).
kelere unsih, daz uuir minnon...
(... научи нас любить) или (научи нас любви).

Vuieo arbeitsam hier zelebenne ist... (N.II,347,5).
Iz ist arbeitsam, daz man hier lebet.
(Как мучительно здесь жить...) или (как мучительна здесь жизнь...).

Для причастия I функция подлежащего и дополнения является несвойственной.

Следовательно, в отношении синтаксического функционирования обе формы характеризуются, с одной стороны, общими признаками, допускающими их взаимозаменяемость, и, с другой стороны, различными признаками, которые позволяют говорить о том, что в плане синтаксического функционирования каждая форма занимает определенное место в системе языка.

Рассмотрим теперь видо-временные значения обеих форм. Поскольку видовые значения глаголов рассматриваются обычно как лексические (ср. Е.Лайзи, Г.Херрманн [43], а временные значения связаны с видовыми, необходимо проанализировать сначала видовые значения каждой формы. Видовое значение причастия I выводится обычно из генетической соотнесенности этой формы с презентной основой глагола, которая в индоевропейскую эпоху выражала первоначально длительность [44]. Значение длительности установлено исследователями для формы причастия I и в его противопоставлении причастию II, в то же время отмечаются случаи нейтрализации этого значения у причастия I предельных глаголов [45].

Для того чтобы установить возможные колебания в видовом значении причастия I различных глаголов, целесообразно, исходя из сказанного, подразделить опорные глаголы на предельные и непредельные. Для большей точности исследования среди этих глаголов выделяются подгруппы курсивных [46], нейтральных (потенциально-предельных), инхоативных, эффективных и моментных

---

42. М.М. Гухман. Глагольные аналитические конструкции как особый тип сочетаний частичного и полного слова. В сб.: "Вопросы грамматического строя". М., 1955, стр. 350.
43. G. Herbig. Aktionsart und Zeitstufe. Beiträge zur Funktionslehre des indogermanischen Verbums. IF,Bd.VI,H.3.Strassburg, 1896, S.267; E. Leisi. Der Wortinhalt. Seine Struktur im Deutschen und im Englischen.? Heidelberg, 1953, S. 53.
44. А. Мейе. Введение в сравнительную грамматику индоевропейских языков. Юрьев, 1914, стр. 171.
45. Б.М. Задорожный. Указ. соч. стр. 640.
46. Б.М. Балин. Немецкий аспектологический контекст в сопоставлении с английским. Калинин, 1969, стр. 49.

глаголов. Глаголы каждой из названных подгрупп, в свою очередь, делятся на более мелкие семантические разряды.

Благодаря такому подразделению опорных глаголов и использованию подстановки индикаторов длительности/недлительности, удалось выявить, что видовые значения длительности/недлительности в формах инфинитива/герундия и причастия 1 обусловлены в основном лексическим значением самих опорных глаголов. Так, инфинитив/герундий и причастие 1 курсивных глаголов характеризуются значением длительности во всех сочетаниях, о чем свидетельствует возможность подстановки наречий длительности (io, euuig - постоянно, вечно; langseimo - медленно; snello- быстро)[47], сравним:

Die ahtoet...uuiz uuunnon zelebenne...(N.I31,6).	die, ahtoet, uuiz uuunnon lebent (io).

(Некоторые думаю, что живут (вечно) в блаженстве...)

... duor slafinde imi sin ouge uz stach (Al.XXII,207.	...duo er imo (Ciclopus) sin ouge uz stach, so er slief.

(... он выколол ему его глаз, когда он спал (долго).

Формы инфинитива/герундия и причастия 1 нейтральных глаголов имеют также значение длительности, которому не противоречит значение предельности, ср.:

Fone diu saget boetius aristotilem zuo slahta syllogismernm (N.I.619,II).	Fone diu saget boetius, daz aristotiles zuo ... leret.

(Поэтому Боэций утверждает, что Аристотель учит (всегда) силлогизмы к спорам).

Значение недлительности устанавливается у этих форм, если исходный глагол обозначает мгновенное действие, например, cheden - сказать lehen - признать, ср.:

Sus chedentemo mercurio antuuurta uirtus (N.I,719,4).	So mercurius sus chad (sar), antuuurta uirtus.

(Когда Меркурий так сказал (вдруг), ответило ему мужество...).

Некоторые расхождения в видовом значении, обусловленные контекстом, наблюдаются в формах инфинитива/герундия предельных глаголов. Так, инфинитив глагола werden обозначающего мгновенный скачок из одного состояния в другое[48], может иметь значение мгновенного действия; если в контексте имеется указание на длительность действия, инфинитив передает это значение длительности. Аналогичное колебание обнаруживает и причастие 1. Сравним:

Er hiez uuerden sibenjarigen hunger (N.II,445,26).	er hiez, unde sibenjariger hunger uuarde (sar).

(Он приказал наступить (вдруг) семилетнему голоду).

Dea uuerdendo. uuirdest tu des alles kuis (N.II,789,16).	so du (goteheit) uuirdest (sar), so uuirdest tu...kuis.

(Когда ты станешь божеством (вдруг), тебе станет все известно). Но:

---

47. E.Oksaar. Semantische Studien im Sinnbereich der Schnelligkeit. Acta Universitatus Stockholmiensis, Bd.2. Stockholm, 1958. S. 20-23.

48. E. Hermann. Objektive und subjektive Aktionsart. IF,Bd. 52, H.3. Berlin-Leipzig, 1937, S. 208-209.

Umbe unreht sah ih uuerden tentoria demonum (N.II,621,15).

ih sah, uuic tentoria... umbe unreht uuard (langseimo, snello).

(Я видел, как вокруг несправедливости становились палатки демонов).

... diu cheg uuerdenta mennisgheit (N.I,789,29).

...diu mennigheit, diu cheg uuirdet (langseimo).

(... человек, становящийся живым).

Подобные колебания в видовом значении наблюдаются у формы инфинитива предельных глаголов движения: если подчеркивается процесс, предшествующий завершению, устанавливается значение длительности; если подчеркивается результат действия, возможна подстановка наречий sar, gahes, ср.:

...daz sie uuanent sternen fallen fone himele (N.I,230,1).

/так что они думают, что звезды падают с неба/.

Sin starchi nelazet in uallen. (N.II,616,25)- (sar).

/его сила не дает ему упасть /вдруг/.

Причастие 1 предельных глаголов движения имеет значение мгновенного действия, если выражает предикацию:

Daz ist ein ...gemma. diu...in daz uuazzer fallende. zesteine ernartet. (N.I,759,2).

daz ist ein gemma, diu in daz uuazzer fallet(ganes unde ze..ernartet.

(Это ... смола, которая... упав (вдруг) в воду, застывает).

Инфинитив/герундий моментных глаголов, обозначающих воздействие на предмет, имеют всегда значение мгновенности, ср.:

Ube dih uuineberc langet. turh taz negedenche in lenzen handelon die druoben (N.I,44,16).

turh taz negedenche, taz tu handelost (sar) die druoben.

(Если тебе хочется винограда, не думай поэтому, что весной коснешься кисти винограда).

Iro bruste ... handelonde. gnoton sie sia furechomon... (N.I,802,11).

so sie iro bruste handeloton (gahes), gnoton sie sia furechomon...

(Коснувшись ее груди, они заставили ее выйти вперед).

Представляется интересным тот факт, что причастие 1 моментных глаголов может иметь значение длительности в функции препозитивного определения, если оно обозначает признак, ставший постоянным свойством определяемого, т.е. если оно приближается по значению к прилагательному, например:

daz springenta uuazzer - бьющий ключ,

diu gebenta hant - дарующая рука,

diu slahenta sunta - смертный грех

Значение длительности присуще и форме предикативного причастия, обозначающего качественный признак подлежащего и близкого по значению к прилагательному, ср.:

... er ouh noh unde iemer ist framfuorrende ellendi unde geba neminte in dien menniscon (N.II,258,13).

(... он ... есть пребывающий в изгнании и дары берущий...).

Следовательно, значение длительности как дифференциальный признак причастия 1 присуще только препозитивному определительному и предикативному причастию 1, близкому по значению к прилагательному. В остальных случаях причастие 1, как и инфинитив, сохраняет значение исходного глагола, т.е.

значение длительности/недлительности является автосемантическим [49] у причастия, выражающего предикацию. Значение длительности/недлительности в форме инфинитива зависит либо от лексического значения опорного глагола, либо определяется контекстом; т.е. инфинитив полностью нейтрален в выражении видовых значений.

Теперь попробуем выяснить временные значения обеих форм. Как указывалось выше, основным временным значением причастия 1, вытекающим из значения длительности, считается значение одновременности, которое может нейтрализоваться у причастия предельных глаголов [50]. На основании этого подразделение опорных глаголов на предельные и непредельные сохраняется и при анализе временных значений. При сопоставлении временных значений форм инфинитива и причастия 1 оказалось, что значение одновременности свойственно формам инфинитива и причастия 1 всех трех групп глаголов - курсивных, нейтральных и предельных. При этом значение одновременности в формах инфинитива/герундия определяется временной перспективой финитного глагола, тогда как причастие 1 выражает одновременность независимо от значения глагола-сказуемого, ср.:

Uuir cheden unsih haben. daz in uazze ist (N.I,495,6). — uuir cheden, daz uuir haben, daz in uazze ist.

(Мы утверждаем, что мы имеем...)

...unde uuir slafendo. atemoen unuuizendo (N.I,204,21). — unde so uuir slafen, uuir atemoer unuuizendo.

(... и когда мы спим, мы дышим, не сознавая этого).

Uuiz man chedendo. uuirt pegriffen. taz er uuiz ist(N.I,556,4). — So uuiz man chit, so uuirt pegriffen...

(Когда мудрый человек говорит, становится понятным, что он мудрец).

Кроме значения одновременности, формы инфинитива и причастия 1 могут иметь значение предстоящего действия; это наблюдается при их употреблении в функции обстоятельства цели (следствия), а формы инфинитива/герундия имеют это значение и в том случае, когда глагол-сказуемое выражает временную перспективу в будущее, ср.:

... rehte unde unrehte ladot er ze sinero urteildo...
Ziu? ... zesceidenne sinen liut... (N.I,190,5).

(... правых и неправых зовет он на свой суд. ... Зачем? чтобы разделить свой народ...).

Uuar aber daz kuot si. daz sie gant suochende.
daz neuuellen sie uuizen (N.I,168,3).

(Но где благо, которое они идут искать, они не хотят знать).

Значение предшествования возможно только у инфинитива/герундия и причастия 1 нейтральных и предельных глаголов, выражающих кратковременное действие. Инфинитив/герундий этих глаголов обозначает предшествование

---

49. I. Kasenmieder. Beiträge zu allgemeinen Syntax. Heidelbg.1965,S.166.
50. М.С. Веденькова. Указ. соч. стр. 62-65.

только при временной перспективе финитного глагола в прошлое. У причастия 1 названных глаголов значение предшествования наблюдается только в тех случаях, когда оно находится в препозиции к глаголу-сказуемому [51] и выражает предикацию. Сравним:

...do unmanege fehtente uuaniton manigo nidersiahen (N.II,374,27).

do unmanege fehtente uuaniton, daz sie manigo nu nidersluogen.

(... тогда были уверены немногие сражающиеся, что победили многих).

... ze demo bezeren fahendo. habest tu dih selbo generet(N.I,252.2;).

dar nah tu ze demo bezeren fieng, habest tu dih generet.

(... обратившись к лучшему, обратил ты сам себя).

Таким образом, из всех рассмотренных временных значений обеих форм только значение одновременности в форме причастия не зависит ни от видового значения опорного глагола, ни от функции самого причастия, а является дифференциальным признаком формы причастия 1 как таковой. У форм инфинитива это значение обусловлено временной перспективой финитного глагола. Значение предшествования у причастия 1 обусловлено видовым значением пунктуальности и препозицией по отношению к глаголу-сказуемому, у инфинитива значение предшествования обусловлено видовым значением пунктуальности и временной перспективой в прошлое финитного глагола. Значение предстоящего действия определяется у формы причастия 1 функцией обстоятельства цели, а у инфинитива - функцией обстоятельства цели или следствия и временной перспективой в будущее глагола. Следовательно, форма инфинитива оказывается нейтральной даже в выражении относительного времени, т.е. имеет вневременное значение. Это дает основание говорить о том, что причастие 1 в какой-то мере противопоставляется инфинитиву по способу выражения временных отношений.

* * *

Сопоставление формальных структур инфинитива/герундия и причастия 1 в синхронном плане позволило установить между ними оппозицию в плане выражения. Слабым членом этой оппозиции выступает инфинитив; форма причастия 1 является сильным членом, маркированным показателем. Наличие такой оппозиции позволило провести сопоставление обеих форм в плане синтаксического функционирования и в семантическом плане, т.е. в плане выражения видо-временных значений.

Анализ синтаксических функций форм инфинитива/герундия и причастия 1 в древневерхненемецком языке XI в. показал, что обе формы обладают некоторыми общими функциями. Одни из этих функций допускают возможность взаимозаменяемости обеих форм, как, например, функция обстоятельства цели, функция предикативного определения, соотнесенного с дополнением в винительном падеже; другие общие функции характеризуются отсутствием возможности взаимозаменяемости, например, функция определения и функция предикативного определения.

В то же время, обе формы обладают и различными функциями. Так, причастие 1 выполняет многообразные обстоятельственные функции, не харак-

51. Е.П. Молодцова. Указ. соч. стр. 91-95.

терные для инфинитива, а инфинитив/герундий, в свою очередь, может функционировать как подлежащее и дополнение. В качестве второй части сказуемого обе формы проявляют различную природу: инфинитив функционирует в составе глагольного сказуемого, причастие 1, напротив, входит в состав именного сказуемого. Все это свидетельствует о том, что в плане синтаксического функционирования обе формы - инфинитив и причастие 1 - занимают в системе языка определенное место.

Сопоставление форм инфинитива и причастия 1 в отношении выражения видо-временных значений показало, что обе формы являются нейтральными в отношении видовых значений длительности/недлительности, поскольку эти значения определяются в основном лексическим значением опорного глагола. Значение длительности присуще только причастию 1, близкому по значению к прилагательному. Можно думать, что это значение, т.е. значение длительности, не является категориальным значением самой формы причастия 1, т.к. не охватывает всех случаев его употребления.

Анализ показал далее, что во временном отношении форма инфинитива/герундия полностью нейтральна и имеет вневременное значение; форма причастия 1 выражает значение одновременности, которое не зависит ни от видового значения, ни от функционирования этой формы. Следовательно, по отношению к форме инфинитива, значение одновременности в форме причастия 1 можно рассматривать как его дифференциальный признак. Но и это значение, очевидно, не является категориальным признаком формы причастия 1, т.к. наряду с ним установлен ряд других, пусть факультативных, временных значений. Это наводит на мысль о том, не должен ли быть выявлен еще какой-то признак, который и будет категориальным значением формы причастия 1.

На возможность наличия у причастия 1 еще одного семантического признака указывал в прошлом веке Х.Фальк. Он заметил, что причастие 1 древнеисландского языка при употреблении всегда соотносится с действующим лицом [52]. В последние годы наличие у причастия 1 соотнесенности с деятелем подчеркивает М.М.Гухман при установлении оппозиций между причастием 1 и - переходных глаголов [53]. В более широком плане, применительно к древним индоевропейским языкам, вопрос ставится Г.Сольта, который отмечает, что индоевропейский суффикс - nt выполнял наряду с другими функциями также индивидуализирующую функцию [54], благодаря чему всякое причастие с этим суффиксом могло обозначать действующее лицо [55].

В связи с эти представляется необходимым проведение дальнейшего исследования семантических признаков форм инфинитива и причастия 1 в отношении выражения ими соотнесенности с действующим лицом, что, повидимому, даст возможность проследить и их отношение к залогу.

---

52. H. Falk. Die Nomina Agentis der altnordischen Sprache. PBB. XIV, h.I. Halle/Saale, 1888.
53. М.М. Гухман. Развитие залоговых противопоставлений... стр. 110.
54. G.K.Solta. Указ. соч. стр. 43.
55. Сравнительная грамматика германских языков. т. 3. "Наука". М., 1966, стр. 174.

С. В. ПОСТНИКОВА

К ВОПРОСУ О СТРУКТУРНО-МОРФОЛОГИЧЕСКОЙ КЛАССИФИКАЦИИ СРАВНИТЕЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЙ, ВВОДИМЫХ В СОСТАВ ПРОСТОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ СОЮЗАМИ СРАВНЕНИЯ "WIE" и "ALS"

Сравнение издавна привлекает к себе внимание языковедов. Оно является предметом изучения лексикологии, грамматики, стилистики.

В данной статье анализируются сравнительные конструкции современного немецкого языка, входящие в состав простого предложения. Это слова и словосочетания, которые вводятся в состав простого предложения при помощи союзов сравнения "wie" и "als".

В нормативных и теоретических грамматиках немецкого языка [1] авторы лишь вскользь дают характеристику сравнительных конструкций в связи с освещением узловых вопросов морфологии и синтаксиса.

Так, некоторые ученые рассматривают сравнение в связи с анализом степеней сравнения прилагательного и наречия [2], другие освещают сравнительные конструкции как синтаксические единицы выполняющие в предложении функцию обстоятельства, однако не конкретизируют это явление [3].

В зарубежной лингвистической литературе наблюдается примерно такое же положение вещей. J.Erben в работе "Abriss der deutschen Sprache " рассматривает сравнение в связи с анализом степеней сравнения прилагательных и наречий [4]. Вопрос о сравнительных конструкциях как синтаксических единицах, входящих в состав простого предложения, затрагивается им вскользь в связи с освещением вопроса о функциях и употреблении союзов сравнения "wie" и "als" [5] и вопроса о предикативе [6].

В некоторых работах рассматривается синтаксическая природа сравнительных конструкций в плане синонимии в группе глагола [7].

В лингвистической литературе совершенно отсутствует морфологическая и структурная характеристики сравнительных конструкций, которая является одним из основных условий при определении их синтаксической значимости.

Не решена проблема их морфологической и синтаксической классификации, не проведен структурно-семантический анализ этих единиц, не освещен вопрос о месте сравнительной конструкции в составе простого предложения и т.д.

Более глубоко исследованы конструкции сравнения руссистами. Так, например, А.Г.Руднев в работе, посвященной обособленным членам предложения, дает подробный анализ сравнительных оборотов в морфологическом и синтаксическом планах [8]. Под сравнительным оборотом А.Г.Руднев понимает "обособленный член предложения, который применяется с целью как можно ярче, нагляднее охарактеризовать тот или другой предмет или его признак путем со-

постепенной признака с отличием, сходным с ним в какой-нибудь части, или другим предметом, носителем данного качества" [9].

Наряду с ценными наблюдениями относительно структуры и синтаксических связей сравнительных конструкций, в работе имеется ряд моментов, нуждающихся в уточнении. Так, например, автор подводит под понятие "сравнительный оборот" все структурные виды сравнительных конструкций, входящих в состав простого предложения, хотя структура их неоднородна.

Как основной признак сравнительного оборота А.Г.Руднева рассматривается обособление, однако в художественной литературе нередко встречаются сравнительные конструкции, как неразвернутые, так и развернутые, но необособленные.

В определении А.Г.Руднева большую весомость получает семантическая сторона явления, тогда как структура сравнительной конструкции очерчена автором в довольно общем виде.

С несколько иной точки зрения дается классификация и анализ сравнительных конструкций, вводимых сравнительными союзами, Н.А.Широковой [10]. Автор подразделяет все существующие виды конструкций сближаемого сравнения по структурно-семантическим [illegible] рактер выражаемых отношений, поскольку последний получает отражение в определенных структурных показателях" [11]:

1) конструкции, выражающие образное сравнение,

2) конструкции сравнительно-сопоставительного значения [12].

Это различие рассматривается автором как основополагающее при определении синтаксического профиля сравнительных конструкций. Так, образное сравнение настолько тесно врастает в состав предложения, что выступает как один из его членов. В отличие от него, сравнительно-сопоставительная конструкция не может выполнять роль какого-либо члена предложения, т.к. "она не выполняет пояснительной функции в отношении членов предложения и в силу этого не является конструктивно необходимой частью предложения; она как бы наслаивается на основное сообщение, выполняя роль синтаксической параллели к содержанию относительно законченного сообщения" [13].

Если целью образного сравнения является образная зарисовка сравнительного действия, явления и т.д., то сравнительно-сопоставительные конструкции устанавливают отношения тождества между сопоставляемыми явлениями [14].

Различие между этими двумя группами заключается также и в том, что сопоставительные отношения в своей семантике не имеют оттенка предположительности, что как раз свойственно конструкциям образного сравнения [15].

В терминологическом отношении сравнительно-сопоставительная конструкция именуется Н.А.Широковой сравнительно-сопоставительным оборотом [16].

Как и в других своих работах [17], Н.А.Широкова рассматривает сравнительные конструкции как часть простого предложения.

Работы Н.А.Широковой имеют большое значение для дальнейшего исследования типологии сравнительных конструкций в составе простого предложения, определении их разновидностей, выяснении круга выполняемых ими синтаксических функций. Однако, давая глубокий анализ семантических отношений и синтаксических функций, автор практически не уточняет, что понимается им

под сравнительным оборотом.

Задачей данной статьи является морфологическая и структурная характеристика конструкций сближающего сравнения. Сравнительная конструкция вводится в состав простого предложения союзами сравнения "wie", "als", "denn", "als wie" и др. [18].

Мы ограничиваем материал исследования сравнительными конструкциями, вводимыми в состав простого предложения союзами "wie" и "als". Это обусловлено тем, что в современном немецком языке сравнительный союз "denn" устарел [19] и встречается лишь в устойчивых компаративных единицах типа "mehr denn je", а случаи употребления союза "als wie" вообще единичны и не представляют такого интереса, как сравнительные конструкции с союзами "wie" и "als".

Употребление последних также неоднородно. Если в средневерхненемецкий период вплоть до 18 в. употребление их в сравнительной функции было почти равнозначным (хотя уже у Лютера наблюдается известная конкуренция в их употреблении) [20], то в нововерхненемецкий период наступает постепенное размежевание сравнительных функций для этих союзов; для союза "wie" эта функция становится профилирующей, тогда как для союза "als" она большей частью закрепляется лишь в определенных случаях, так, например, при сравнении неодинаковых по степени присущего им качества предметов, после сравнительной степени прилагательного, наречия и т.д. [21]. В современном немецком языке эта конкуренция продолжается.

В собранных нами 2317 примерах из произведений художественной литературы авторов 16-20 вв. 1890 примеров (т.е. 81,5%) вводятся союзом "wie" и лишь 427 (т.е. 18,5%) - союзом "als".

Союз "als" употребляется, как правило, после сравнительной степени прилагательного и наречия, при сравнении неравных качеств, признаков. Лишь в ограниченном числе случаев при сравнении тождественных по своим признакам предметов или явлений он уподобляется союзу "wie":

... ich fühlte mich froh und dankbar, eine Weile unter harmlosen und rechtschaffenen Leuten als ihresgleichen verschwinden zu können (Th.Mann, Bd.IX, T.K.)

Как и любое словосочетание, сравнительная конструкция имеет стержневое слово, которое может определяться или ограничиваться в своей семантике другими, зависящими от него словами:

Er wusste, er trank zuviel in diesen letzten Tagen. Aber das war wie eine Krankheit, wie eine Schwäche. (H.Fallada, Wer, S. 465).

Die Musik erschien ihm damals als das Herrlichste auf der Welt, herrlicher noch als die Frauen (B.Kellermann, Schwed. Erl., S. 14).

... das dünne Pfeifen Josefinas mitten in der schweren Entscheidung ist fast wie die armselige Existenz unseres Volkes mitten im Tumult der feindlichen Welt (F.Kafka, Erzählungen, S. 278).

В зависимости от лексической соотнесенности стержневого слова с каким-либо членом предложения, а также общей семантической направленности сравнительной конструкции, в роли стержневого слова выступают различные части речи.

Выяснить, какие именно части речи выступают в роли стержневого слова, является целью морфологической классификации. А так как нередко структура сравнительной конструкции зависит от морфологических особенностей стержневого слова, то и структурная характеристика связана с морфологической классификацией.

В немецком языке в роли стержневого слова могут выступать:

1. имя существительное,
2. местоимение,
3. прилагательное,
4. наречие,
5. глагол:

а) причастие,

б) инфинитив.

В отличие от морфологической классификации А.Г.Руднева, мы не выделяем в отдельный тип "имя числительное + существительное", т.к. данная группа образует словосочетание с именем существительным как стержневым словом. Различие здесь структурного характера.

В отличие от русского языка, в немецком не выступает в роли стержневого слова спрягаемая форма глагола.

1. Имя существительное

В роли стержневого слова сравнительной конструкции может выступать имя существительное, принадлежащее к различным семантическим разрядам. В зависимости от этого существительное оформляется артиклем.

Так, имена нарицательные употребляются без артикля в своем наиболее общем значении:

Es ist fremder und schwieriger zwischen Ihnen als zwischen Mann und Weib (Th.Mann, Bd. IX, Fiorenza, S. 384).

Имена нарицательные вещественные, как правило, не оформляются артиклем, например:

Sie riss die Zeitung an sich. Die Worte wirbelten durcheinander. Die roten Striche unter ihnen sahen aus wie Blut (Weiskopf, Lissy, S. 210).

Meine Finger verkrampften sich, und ich musste niesen, der Mörtelstaub war scharf wie Pfeffer (H.Jobst, Der Vagabund, S. 56).

Не оформляются артиклем также имена абстрактные в своем общем значении:

Beim Anblick dieser Wracks verspüre ich so etwas wie Genugtuung - die Vergangenheit ist tot (H.Jobst, Der Vagabund, S. 13).

Имена собственные не получают артикля, за исключением тех случаев, когда имеют при себе определяющие их слова. Ср., например:

Er machte nicht den Versuch, zu werden wie Hans Hansen... (Th.Mann, Bd. IX, T.K., S. 208).

Nein, die Lissy von heute war ebensowenig kalt, satt, spröde wie die Lissy von früher... (Weiskopf, Lissy, S. 63).

При назывании определенного предмета или явления имена нарицательные, а также абстрактные употребляются с определенным артиклем. Имена абстрактные имеют при этом обобщенное значение, присущее данному понятию. Например:

Aber so unpersönlich und verspiessert wie das Zimmer war auch der Mensch, der darin wohnte und sich wohl fühlte (W.Bredel, E.n.E., S. 324).

Aber grösser als die Bestürzung war die Freude (W.Joho, Der Weg, S. 100).

Имя существительное, независимо от его принадлежности к семантическому разряду, может употребляться с неопределенным артиклем. В каждом отдельном случае играет роль ситуация и степень конкретности выражаемого понятия. Напр.:

Er schlummerte sogar ein wenig. Und wenn der kalte Schaum in sein Gesicht spritzte, so war es ihm im Halbschlaf wie eine Liebkosung (Th.Mann, Bd. IX, T.K., S. 255).

Thomas sprang wie ein Tiger auf sie ein (W.Bredel, E.n.E., S. 102).

Имя существительное как стержневое слово сравнительной конструкции может стоять также во множественном числе с артиклем и без него. Например:

Seine schwarzen Haare hatten einen blauen Schimmer, und die Augen waren wie Brombeeren (Weiskopf, Lissy, S. 208).

Den Augen durfte man mehr trauen als den Ohren (W.Bredel, E.n.E., S. 194).

В качестве стержня могут выступать сразу несколько однородных существительных:

Und doch war etwas Seltsames in seinen Augen, etwas wie Erwartung, Gier und Enttäuschung (H.Jobst, Der Vagabund, S. 28).

Семантика опорного слова - имени существительного может определяться или ограничиваться не только артиклем или отсутствием его, но также местоимением, числительным. Например:

Wie fangen diese Auserwählten es an, dass das Glück ihnen wie ihr Schatten folgt? (E.Kellermann, Schwed. Erl., S. 7).

Ihre Wangen glühten wie zwei Äpfelchen... (W.Bredel, E.n.E., S. 103).

Имя существительное может быть опорным словом предложной группы и любого другого словосочетания, выступающего в сравнительной функции. Например:

Und wie bei dem ersten Versuche schien er seine Umgebung gänzlich vergessen zu haben (W.Joho, Der Weg, S. 96).

Unverwandter blieb seitem länger als bis zwei Uhr (E.Kellermann, Schwed. Erl., S. 7).

Оно может определяться родительным падежом другого существительного, причем семантика такого словосочетания зависит от семантики родительного падежа этого существительного. Например:

Thomas aber fand, dass alles Abschiednehmen so etwas wie ein kleiner Tod grosser Hoffnungen sei. (W.Joho, Der Weg, S. 148).

Aber den Fenster gegenüber verengerte sich der Raum zu einem alkovenartigen Gelass, das heller als der übrige Teil der Mansarde erleuchtet war... (Th.Mann, Bd. IX, Beim Propheten, S. 299-300).

Имя существительное в роли стержневого слова сравнительной конструкции может определяться также предложными группами самой разнообразной семантики. Например:

Thomas liess den Blick über die Gesichter schweifen, und da erschien ihm [illegible] wie ein Mann in der Fremdenmenge: Erau. (W.Jens, Der Weg, S. 101). - Локальное значение.

[illegible] sah sie aus, wie ein Junge in den Flegeljahren (W.Bredel, EnE, S. 405) - Темпоральное значение.

Drinnen sassen die Schreiber an Tischen; grosse Packen Karteikarten lagen vor innen, die Karten waren so gross wie Deckel von Zigarrenkisten (H.Böll, Wo, S. 121) - Посессивное значение.

[illegible] als ein Versuch zu einer Verständigung auslegen (J.Petersen, Sache, S. 87) - Значение образа действия.

Определение семантики существительного происходит также при помощи прилагательного. Например:

Der Tag war noch hell, die Zweige im Park leuchteten wie poliertes Kupfer (W.Jens, Der Weg, S. 201).

So sah er wie ein feister, unintelligenter Mensch aus nicht wie ein hoher Beamter (B.Brecht, Dreigr., S. 191).

[illegible] Ermahnungen des Vaters... (W.Bredel, EnE, S. 64).

[illegible] за счет определительных слов к прилагательному.

Aber Polly erhob sich, und mehr denn je sah sie wie ein voll erblühter Pfirsich aus, als sie folgende kleine Rede hielt... (B.Brecht, Dreigr.)

Сравнительная конструкция со стержневым словом - именем существительным может расширяться при помощи причастных и инфинитивных оборотов и придаточных предложений, которые определяют и конкретизируют имя существительное, раскрывают наиболее необходимые для сравнения семантические моменты. Например:

Alles verlief sich eiligst, aber in einiger Entfernung blieben sie doch, eng zusammen gekauert, die vielen Tiere so eng und starr, dass es aussah wie eine [illegible] von Zwillingen [illegible] (F.Ebner, Geschichten, S. 181).

Der Wunsch, geistliche Theaterstücke zu schreiben, war [illegible] nur größer gewesen wenn sie [illegible] Farben, [illegible] aber zu [illegible] (B.Brecht, Dreigr., S. 286).

Tatsache ist, dass es nirgends in der Welt stummer und hoffnungsloser zugeht als in einem Kreise von geistreichen Leuten, die bereits mit allen Hunden gehetzt sind (Th.Mann, Bd. IX, T.K., S. 233).

Ich bin ja doch wie ein Mann, dem man die Hände abgeschlagen hat (H.Fallada, Wer, S. 70).

В общей структуре [illegible] сравнительные [illegible] отделено от определяемого слова членами предложения или частями сказуемого, которые не входят в сравнительную конструкцию. Объясняется это стремлением оставлять за рамкой части предложения, усложняющие общий смысл и мешающие его [illegible] целостному восприятию, или, выполняя [illegible] семантическую сторону определяемого члена. Например:

Und er kam sich selbst wie eine Kreatur vor, die sich um den Göpel dreht und jahraus, jahrein und unter fremdem Zwang das gleiche tut (W.Johe, er Weg, S. 168).

... wie eine Blume ist sie, die aufblüht (Th.Mann, Bd.IX, Fiorenza).

Итак, расширение сравнительных конструкций с именем существительным как стержневым словом может идти как по пути увеличения объема внутренней структуры конструкции, так и за счет присоединения к ней причастных и инфинитивных оборотов и придаточных предложений, которые, однако, иногда определяют не стержневое слово, а какой-либо дополнительный член структуры. Ср. например:

Herr Salander wunderte sich aufs neue über die Mädchen: sie erschienen ihm wie zwei dämonische Verkörperungen einer und derselben Wahnidee, von welcher die Unglücklichen besessen wären (G.Keller, M. S., S. 51).

Формально, находясь за рамками сравнительной конструкции, причастные и инфинитивные обороты, а также придаточные предложения активно участвуют, однако, в определении ее семантики, уточняя или раскрывая в каком-то определенном плане опорное слово или другой ее член.

В рассматриваемом типе сравнительных конструкций можно наметить 4 группы, в которых семантика всей конструкции зависит от ее структуры.

Так, имена существительные, являющиеся единственным членом сравнительной конструкции, несут в себе и основное значение. Такие существительные лишь в незначительной степени корректируются употреблением артикля, не привносящим лексического значения, но своим обобщенным грамматическим значением помогающим уточнить содержание стержневого слова. Такая группа не образует словосочетания, потому что, как известно, оно образуется "в результате семантического и грамматического объединения не менее чем двух полнозначных слов" [22].

Расширяясь до уровня словосочетания, сравнительная конструкция может иметь разнообразнейшие смысловые значения и оттенки значений, которые создаются значением компонентов этих словосочетаний - членами сравнительной конструкции.

В большинстве случаев именно дополняющие члены, конкретизируя семантику стержневого слова, создают определенную семантическую направленность, необходимую для сравнения в данный момент. Во многих случаях имя существительное или другой член сравнительной конструкции, уточняющий стержневое слово, имеют настолько общее значение, что требуют конкретизации; в свою очередь, структура может рассматриваться завершенной в смысловом и грамматическом отношениях лишь при наличии поясняющих членов [28].

Сравнительная конструкция, расширяясь, создает объемные по структуре и глубине содержания синтаксические единицы, приближающиеся по своему общему смыслу (целостности высказывания) к предложению. Так, если одно существительное как стержневое слово еще ни в коей мере не напоминает нам целое высказывание, то в расширенных сравнительных конструкциях приближение к предложению наблюдается в целом ряде случаев. Например:

Die Gesichter der Frauen haben etwas Gläubiges, etwas wie allerletzte Hin-

gabe an ein besseres Morgen (E.Jobst, Der Vagabund, S. 74).

Der Schmerz sass bei einem Wesen ihrer Art nicht tief, er war über sie gekommen und wieder gegangen wie ein kleiner Regenschauer über den blanken Frühlingshimmel (W.Joho, Der Weg, S. 203).

В последнем предложении сравнительная конструкция создает так называемую "синтаксическую параллель" [24] ко всему высказыванию, сама приближаясь к предложению.

Особенно интересна в этом отношении выделенная нами в рассматриваемом виде сравнительных конструкций группа, которая по существу полную структуру предложения, частью которого она является. Здесь отсутствует сказуемое, но оно как бы мыслится по аналогии со сказуемым простого предложения. Ср., например:

Ihre Stimme zitterte, obwohl sie versuchte, die Worte leichthin zu sagen. Thomas aber, anstatt ihn zu beruhigen, fachten die Worte, wie ein Wind die Glut an (W.Joho, Der Weg, S. 183).

Für sie war es entscheidend, dass das "Messer" seine Untaten unter ganz anderer persönlicher Gefahr ausführte als die offiziellen Lesebuchhelden die ihren (B.Brecr , Dreigr., S. 139).

Однако, приближаясь к предложению, такие сравнительные конструкции не становятся им. Признаки, присущие предложению как законченной единице высказывания, а именно: грусоставность, номинативность, глагольность [25] - в таких конструкциях отсутствуют, а потому они являются синтаксическими единицами, тяготеющими по смыслу и структуре к предложению, но входящими в состав простого предложения как его составная часть.

В собранных нами примерах сравнительных конструкций со стержневым словом - именем существительным насчитывается 1545 (т.е. 61,6% всего материала), из них сравнительных конструкций типа wie (als) + имя существительное (оформленное или неоформленное артиклем) - 475 (т.е. 30% из общего числа конструкций данного типа) и 1070 развернутых структур (т.е. 70% конструкций данного типа). Расширение структуры происходит при помощи различных средств грамматической связи, присущих любой группе существительного.

Широкое распространение сравнительных конструкций со стержневым словом - именем существительным - явление закономерное. Имя существительное в состоянии обозначить все предметы и явления реального мира, то, что окружает человека в его повседневной жизни, а также все, что относится к его духовному миру. Не случайно поэтому имя существительное занимает одно из центральных мест в словарном составе [26] и соответственно в рассматриваемых конструкциях как стержневое слово.

Итак, встречающиеся структуры сравнительных конструкций можно представить следующей схемой:

I. 1. wie (als) + der (ein, -) + S sg
   2. wie (als) + die (-) + S pl

II. 1. wie (als) + sein (ihr) + S sg
   2. wie (als) + seine (ihre, Zahlwort) + S pl

3. wie (als) + S sg(pl) + S sg (pl)
4. wie (als) + Adjektiv + S sg (pl)
   wie (als) + 2 Adjektive u.m. + S sg (pl)
5. wie (als) + der (ein) + Adjektiv + S sg (pl)
   wie (als) + der (ein + Bestimmungsgruppe zum Adjektiv + S sg (pl)
6. wie (als) + der (ein, -) + S sg (pl) + Nebensatz
   wie (als) + der (ein, -) + Adjektiv (mit u. ohne Bestimmungsgruppe)+ S sg (pl) + Nebensatz
7. wie (als) + der (ein, -) + S sg (pl) + Bestimmungsgruppe
   wie (als) + der (ein, -) + S sg (pl) + Infinitivkonstruktion
   wie (als) + der (ein, -) + S sg (pl) + Partizipialkonstruktion

Близкими по семантике к расширенным сравнительным конструкциям с именем существительным в качестве стержневого слова стоят сравнительные конструкции с указательным местоимением и зависящими от него словами. Такие компаративные конструкции соотносятся непосредственно с именем существительным - членом простого предложения и воспринимаются как синтаксическая параллель ко всему высказыванию. Например:

Sie ging leicht, ihr Schritt war leise, wie der ihrer Mutter... (E.Kellermann, Schwed. Erl., S. 144).

Der Treue der beiden Geliebten waren sie ja sicher wie ihrer eigenen (G.Keller, M.S., S. 56).

Seine Meinung darüber, dass er verschwinden müsse, war womöglich noch entschiedener als die seiner Schwester (F.Kafka, Erzählungen, S. 136).

Графически эту конструкцию можно изобразить так:

wie (als) + der (sein) + Bestimmungsgruppe.

[illegible] к различным семантическим разрядам (личные, [illegible] сравнительная конструкция может выступать как неразвернутая, так и развернутая. Пример неразвернутой структуры:

So war sie nicht weniger müde als er... (Weiskopf, Lissy, S. 28).

В качестве определителей стержневого слова и средств расширения структуры могут выступать те же части речи и группы, что и при имени существительном. Ими могут быть:

а/ другие местоимения:

Sie erfuhren, dass sie ebenso nach Waren dürsteten wie sie selber (B.Brecht, Dreigr., S. 208).

б) прилагательные:

Glücklicherweise hatte er weniger als jener anderer gegen eine wirkliche Heirat einzuwenden (B.Brecht, Dreigr., S. 27);

в) наречия:

... über Aushilfsarbeit war noch immer besser als gar nichts (Weiskopf, Lissy, S. 63);

г) предлоги, присоединяющиеся к местоимениям и своей семантикой воздействующие на значение всей сравнительной конструкции:

Und wie zu sich selber sprach er... (Th.Storm, Bd. II, Von jenseits des Meeres, S. 198);

д) предложные группы:

Er, der gekämpft, der gelitten hatte für seine Überzeugung wie kaum ein anderer in diesem Saal, sprach von Schuld (W.Bredel, Enk. S. 383);

е) придаточные предложения:

Umgekehrt trieben ihn auch Gefahren wie diejenigen, denen er jetzt in seinem Existenzkampf zu begegnen hatte, über sich selbst hinaus (B.Brecht, Dreigr., S. 306).

Некоторые сравнительные конструкции с предложной группой, дополняющей и определяющей местоимение - стержневое слово приближаются по своему содержанию к сравнительному придаточному предложению. Однако таковыми они не становятся, т.к. не обладают признаками, свойственными предложению, и лишь создают синтаксическую параллель к предложению, в состав которого они входят. Например:

Ich gestehe, dass mich die Reden dieses sonderbaren Herrn ganz und gar verwirrten, und ich fürchte, dass ich auch jetzt noch nicht imstande sein werde, sie auf eine Weise zu wiederholen, dass sie andere in ähnlicher Weise berühren, wie an jenem Abend mich selbst (Th. Mann, Bd. IX, Enttäuschung, S. 5).

Слова и словосочетания, а также придаточные предложения, определяя в какой-то степени местоимения, привносят разнообразную семантику в сравнительную конструкцию.

Местоимения не наделены своей собственной семантикой, а рефлектируют свойства и качества тех предметов, репрезентантами которых они являются. Соответственно сравнения, базирующиеся на них, носят уточняющий характер, имеют цель установления тождества между сравниваемым и сравнивающим предметом или явлением. Местоимения употребляются реже в сравнительной функции, чем существительные, т.к. их семантика соотносима с последними. В нашем материале они представлены 54 примерами (т.е. 2,34%), из которых неразвернутых конструкций 22, а развернутых - 32.

3. Группа сравнительных конструкций со стержневым словом - именем прилагательным также малочисленна - 106 примеров (т.е. 4,6% от общего числа). В эту группу мы включаем также субстантивированные прилагательные, т.к. они сохраняют морфологическую оформленность, специфичную для прилагательных. В большинстве случаев сравнительные конструкции данного типа не являются развернутыми (82 примера, т.е. 77,3% от числа данных конструкций).

Прилагательное уточняется, раскрывается или ограничивается в своей семантике

а) наречиями:

Übrigens unterlasse ich es nicht, zu sagen, dass ich in meinen Dispositionen mit einer gewissen Idealität zu Werke ging und dass ich mit Ernst darauf bedacht war, meinen Fragen so viel "Inhalt" zu geben, wie nur immer möglich (Th. Mann, Bd. IX, Der Bagazzo, S. 37);

б) местоимениями:

Der siebente Sohn gehört mir vielleicht mehr als alle anderen (F.Kafka, Erzählungen, S. I75);

в) предложными группами:

Aber nun ist er erwacht, ein fahles, graues Licht liegt in der engen Zelle und direkt vor ihm, fast über seinem Gesicht sieht er zwei Ungeheuer, Urwalttiere, bewehrt, wie bereit zum Angriff auf ihn (H.Fallada, S. 28I);

г) придаточными предложениями:

Die angebliche Wohlhabenheit hatte er sich erst nach seiner Flucht angeschwindelt, wie die meisten anderen auch, die sein Schicksal teilten (W.Bredel, Enk., S. 4I9).

4. Наречия в качестве стержневого слова сравнительной конструкции - явление более редкое, чем выше рассмотренные группы (97 примеров, т.е. 4,2% от общего числа). Наречия имеют самую разнообразную семантику (времени, места и т.д.) Например:

Das Gefühl beklemmenden Missbehagens, das während der ganzen Zeit ihres Hierseins auf Lissy gelastet hatte und erst nach Tonys Weggang gewichen war, kehrte stärker als zuvor zurück (Weiskopf, Lissy, S. II8).

Der Fluss ist ruhiger hier draussen, sein Gefälle nicht mehr so reissend wie weiter aufwärts (Th.Mann, Bd. IX, Herr u. Hund, S. 628).

В подобных сравнительных конструкциях наречия сами могут являться основным семантическим центром сравнения, т.е. не иметь при себе поясняющих слов. Однако если значение одного наречия бывает явно недостаточно, сравнительная конструкция расширяется при помощи выше рассмотренных средств:

Möller beugte sich leicht vor und sah in den leeren Laden nebenan, wie schon so oft in den letzten Wochen (Petersen, Sache, S. I2).

"Hören Sie", sagte er nach einer Pause, und seine Stimme senkte sich noch mehr, "wenn Sie jetzt hier niedersitzen und spielen wie einst, als noch Ihr Vater neben Ihnen stand und seine Geige jene Töne singen liess, die Sie weinen machten..., dann kann es geschehen, dass man sie wieder heimlich in Ihrem Haare blinken sieht, die kleine, goldene Krone..." (Th.Mann, Bd. IX, Tristan, S. I54).

5. Малочисленной является также группа сравнительных конструкций с инфинитивом как стержневым словом [27] (всего 21 пример, т.е. 0,9% от общего числа). Конструкции бывают неразвернутые и развернутые, причем расширение структуры происходит обычными средствами, например:

Er will einer Aussprache ausweichen. Lieber Martyrer sein als bekennen. (W.Bredel, Enk, S. 352).

Es war schwerer, einen Brief des Julius zu schreiben, als die beste Szene zu machen... (Th.Mann, Bd. IX, Schwere Stunde, S. 424).

... er sorgte dafür, dass die Arbeiter zu rauchen hatten, gut zu essen bekamen und sich wohl fühlten, er wusste, dass das besser war, als auf einer Macht zu bestehen, die zwar Angst einflösste, aber im Grunde genommen die Arbeit hemmte (H.Böll, Wo, S. I4I-I42).

Итак, в рассмотренных нами различных сравнительных конструкциях имеются два структурных типа:

1) неразвернутые сравнительные конструкции (или неразвернутые сравнения типа wie (als) + стержневое слово),

2) сравнительные обороты, т.е. расширенные за счет пояснительных слов неразвернутые сравнения.

В зависимости от структуры происходит семантическое наполнение сравнительной конструкции, изменяется вес и значимость ее в составе простого предложения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. В.Г.Адмони. Der deutsche Sprachbau. М.-Л., 1960; И.Г.Арсеньева, Е.В.Гасилевич и др. Грамматика немецкого языка. Практический курс, 2-е изд., М., 1963; Е.В.Гулыга, М.Е.Натанзон. Syntax der deutschen Gegenwartssprache. М.-Л., 1966; Л.Р.Зиндер, Т.В.Строева, Современный немецкий язык. Теоретический курс. М., 1957; Е.И.Шендельс. Грамматика немецкого языка, 3-е изд., М., 1958 и др.

2. См., напр., В.Г.Адмони, указ. соч., стр. 146-147; Л.Р.Зиндер, Т.В.Строева, указ. соч., стр. 114; 189; О.И.Москальская, Грамматика немецкого языка, М., 1956, стр. 178-180; W.Schmidt. Grundfragen der deutschen Grammatik. Berlin, стр. 186 и др.

3. Е.В.Гулыга, М.Е.Натанзон. Указ. соч., § 74; Е.И.Шендельс, указ. соч., стр. 253 и др.

4. J.Erben. Abriss der deutschen Grammatik. Berlin, S. 161.

5. там же, стр. 116, Anm. 4.

6. там же, стр. 155, Anm. 2.

7. См., напр., И.М.Хилин. Некоторые вопросы синтаксической синонимики в группе глагола современного немецкого языка. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Л., 1960.

8. А.Г.Руднев. Обособленные члены предложения. Л., 1947.

9. там же, стр. 22

10. Н.А.Широкова. Синтаксические конструкции, вводимые сравнительными союзами, в составе простого и сложного предложения. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук. Саратов, 1968.

11. там же, стр. 6.

12. там же, стр. 16.

13. там же, стр. 20.

14. там же, стр. 19.

15. там же, стр. 19.

16. там же, стр. 21.

17. См., напр. Н.А.Широкова. Синтаксические функции сравнительных оборотов в современном русском языке. Ученые записки Казанского ГУ, т. 115, кн. 10, Казань, 1955 и др.

18. Duden. Grammatik der deutschen Gegenwartssprache. L.1962, S. 315.

19. там же, стр. 226.

20. См. H.Paul. Deutsches Wörterbuch. 5. Auflage, Bd. I, S. I7.

21. H.Paul, там же, стр. 17. Duden, там же, стр. 378, Deutsches Wörterbuch von Jacob Grimm und Wilhelm Grimm, Leipzig, I854, S.248-250.

22. Филичева Н. И. История немецкого языка. Из-во МГУ, 1959.

23. Ср. В.Г.Адмони, Завершенность конструкции как явления синтаксической формы. Вопросы языкознания, № 1, 1958.

24. Н.А.Широкова. Синтаксические конструкции, вводимые сравнительными союзами, стр. 20.

25. Ср. В.Г.Адмони. Der deutsche Sprachbau. M.-L., I966, S. 223.

26. Ср. W.Jung. Grammatik der deutschen Sprache. Leipzig, I966, S. 256.

27 В данной статье не анализируются сравнительные причастия и сравнительные причастные обороты, которые рассматривались нами в статье "К вопросу о сравнительных причастиях и причастных оборотах в немецком языке"

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Dreigr. - Dreigroschenroman
EnK - Ein neues Kapitel
Der Weg - Der Weg aus der Einsamkeit
M. S. - Martin Salander
Sache - Sache Baumann und andere
Schwed. Erl. - Schwedenklees Erlebnis
T.K. - Tonio Kröger
Wer - Wer einmal aus dem Blechnapf frisst
Wo - Wo warst du, Adam?

СПИСОК ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

I. B.Brecht. Dreigroschenroman, Reclam, I967.
2. W.Bredel. Ein neues Kapitel (Erstes Buch). Aufbauverlag Berlin u. Weimar, I967.
3. H.Böll. Wo warst du, Adam? Reclam, I96I.
4. H.Fallada. Wer einmal aus dem Blechnapf frisst, Aufbauverlag, Berlin und Weimar, I967.
5. E.Jobst. Der Vagabund. Roman-Zeitung, Berlin, I969.
6. W.Joho. Der Weg aus der Einsamkeit, Berlin, I956.
7. F.Kafka, Erzählungen, s. Fischer Verlag, Lizenzausgabe von Schocen books New York, I946.
8. G.Keller. Martin Salander. Roman-Zeitung, Berlin, I969.
9. B.Kellermann. Schwedenenklees Erlebnis, Berlin, I958.
IO. J.Petersen. Sache Baumann und andere. Aufbauverlag, Berlin und Weimar, I966.
II. Th.Storm. Sämtliche Werke in 4 Bänden, Bd. II, Berlin, I956.
I2. Th.Mann, Bd. IX, Erzählungen. Berlin, I955.
I3. F.G.Weiskopf. Lissy. Berlin I957.

Г. М. КАЛАНЧА

ОТЛИЧИЕ РИТМА СТИХА ОТ РИТМА ПРОЗЫ В ПЛАНЕ ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ РОЛИ РИТМА

Вопрос о разграничении двух основных форм литературной речи /стихотворной и прозаической/, которому посвящено большое количество исследований, является частным по отношению к проблеме разграниченности явлений стиха и прозы. Из этой проблемы, имеющей гораздо более общее значение, мы вычленим лишь один вопрос, относящийся и к стиху и к прозе, а именно - вопрос о ритме, и попытаемся кратко показать отличие ритма стиха от ритма прозы, которое подразумевает не количественно типическое, а качественно характерное.

Материалом для статьи послужил рассказ К.Г.Паустовского "Разливы рек", где счастливым образом сочетаются стихи М.Ю.Лермонтова, введенные автором в повествование, и проза К.Г.Паустовского, в которой нам дано максимальное количество явлений, наиболее типичных для прозы этого писателя.

Различие между стихом и прозой как речью, дробимой на сопоставимые между собой единицы, и речью сплошной, а также как "системной и бесссистемной в фоническом отношении опровергается самими фактами [1]; оно переносится в область функциональной роли ритма" [2] ..., т.к. именно в самом факте ритма и проявляется в первую очередь специфический характер сложного взаимодействия многих факторов, являющегося формой литературного произведения.

Итак, перед нами две формы литературного произведения: стихотворение и рассказ, причем форму литературного произведения мы осознаем как динамическую. "Динамизм этот сказывается:

1) В понятии конструктивного принципа. Не все факторы слова равноценны; динамическая форма образуется не соединением, не их слиянием..., а их взаимодействием и, стало быть, выдвиганием одной группы факторов за счет другой. При этом выдвинутый фактор деформирует подчиненные.

2) Ощущение формы при этом есть всегда ощущение протекания (а стало быть, изменения) соотношения подчиняющего, конструктивного фактора с факторами подчиненными" [3].

---

1. Продемонстрировано Ю.Тынянвым в кн. "Проблема стихотворного языка". М. - Л., 1959, стр. 51-76 и Б.В.Томашевским в кн. "Стих и язык". М. - Л., 1959. стр. 14-33.
2. Ю.Тынянов. Проблема стихотворного языка. М., 1965., стр. 66.
3. Ю.Тынянов. Проблема стихотворного языка. М., 1965., стр. 28.

Стихотворение и рассказ как формы литературного произведения, а следовательно и стих и проза как формы литературной речи различаются прежде всего соотношением подчиняющего, конструктивного принципа[4] с факторами подчиненными. Тогда как в поэзии ритм является необходимым условием существования стиха, т.е. его конструктивным принципом, в рамки которого "вдвигается смысл и выражение"[5] в прозе ритм является результантой синтактико-семантических связей и членений.

Выясним, из каких же факторов складывается конструктивный принцип ритма в стихе и прозе и какие факторы оказываются подчиненными, а также - в чем заключается специфический характер взаимодействия между подчиняющими факторами и подчиненными для названных форм литературной речи.

По мнению Ю.Тынянова, которое мы полностью разделяем, необходимым фактором ритма как динамической группировки материала в стихе является метр. В стихотворении М.Ю.Лермонтова "М.А.Щербатовой"[6], представляющем классический образец системного стиха, метр присутствует как правильная акцентная система, в которой двухстопный амфибрахий регулярно чередуется с трехстопным на протяжении всех восьми строф.

На светские цепи,	-/- -/-
На блеск утомительный бала	-/- -/- -/-
Цветущие степи	-/- -/-
Украины она променяла,	-/- -/- -/-
Но юга родного	-/- -/-
На ней сохранилась примета	-/- -/- -/-
Среди ледяного,	-/- -/-
Среди беспощадного света.	-/- -/- -/-
Как ночи Украины,	-/- -/-
В мерцании звезд незакатных,	-/- -/- -/-
Исполнены тайны	-/- -/-
Слова ее уст ароматных,	-/- -/- -/-
Прозрачны и сини,	
Как небо тех стран, ее глазки	
Как ветер пустыни,	
И нежат и жгут ее ласки.	
И зреющей сливы	
Румянец на щечках пушистых,	
И солнца отливы	
Играют в кудрях золотистых.	
И следуя строго	
Печальной отчизны примеру,	

---

4. Под конструктивным принципом мы вслед за Ю.Тыняновым понимаем такой принцип, такое условие, которое соблюдается в самых крайних явлениях одного ряда (в данном случае - стиха) и без которого явление переходит в другой ряд (в данном случае - прозу).
5. Б.В.Томашевский. Теория литературы (Поэтика). 48-е изд. ГИЗ М.-1928. Л., стр. 78.
6. Названное стихотворение полностью цитируется по М.Ю.Лермонтову. Собрание сочинений в четырех томах, изд. "Правда", М.1969, т.1,стр.301.

В надежду на бога
Хранит она детскую веру;
Как племя родное,
У чуждых опоры не просит,
И в гордом покое
Насмешку и зло переносит.
От дерзкого взора
В ней страсти не вспыхнут пожаром,
Полюбит не скоро,
Зато не разлюбит уж даром.

Метрическая изготовка первого стиха разрешается в каждом последующем стихе, объединяя метрические единства (стопы и стихи) в метрические целые (строфы), создавая системный стих. Метрическую изготовку Ю.Тынянов называет "прогрессивным двигателем группировки", а разрешение - "регрессивным". "В этом прогрессивно-регрессивном ритмическом свойстве метра - одна из причин, почему он является главнейшим компонентом ритма, в инструментовке мы имеем только регрессивный момент; а понятие рифмы хотя и заключает оба момента, но предполагает уже наличность метрического ряда" [7].

Взаимодействие этих трех важнейших моментов (метра, инструментовки и рифмы) и составляет максимальные условия ритма. Минимальные же условия ритма в том, что он так же, как и факторы, взаимодействие которых его образует (и прежде всего необходимый фактор ритма - метр), может быть дан в виде знака метра, т.е. метр перестает существовать в виде правильной системы (как в системном стихе), но он существует в другом виде, что имеет место в свободном стихе. Здесь метр как систему заменяет метр как динамический принцип, т.е. установка на метр, эквивалент метра. Поэтому особую роль в свободном стихе начинает играть графика, которая в данном случае является сигналом стиха, ритма, а, следовательно и метрической динамики - основы ритма.

Важное значение в свободном стихе приобретает фактор синтаксических членений, не становясь, однако, конструктивным. Но взаимодействие в системном стихе ритма - подчиняющего фактора и фактора синтактико-семантических связей и членений (подчиненного) качественно отличается от подобного взаимодействия в свободном стихе. Здесь происходит частичное перераспределение внутри подчиненных и подчиняющих моментов. Так, например, рифма внутри конструктивного принципа ритма в свободном стихе уступает место фактору синтаксических членений, который безусловно, усиливает ритм свободного стиха. И, может быть, именно в свободном стихе появляется зачаток того принципа синтактико-семантических связей и членений, который становится конструктивным в прозе.

Итак, ритм стиха, являясь его конструктивным принципом подчиняет себе синтактико-семантические связи и членения: в данном случае:

---

7. Ю.Тынянов. Проблема стихотворного языка. М. 1965, стр. 54.

1) Синтаксический параллелизм соотносительных словесных рядов, часто поддерживаемых лексическими повторениями в начале ритмического ряда (анафорами). Например:
на светские цепи, на блеск утомительный бала; среди ледяного, среди беспощадного света; как ночи Украины..., как небо тех стран..., как ветер пустыни; и нежат и жгут..., и зреющей сливы ... и солнца отливы.

2) Параллелизм грамматических форм, выступающих в одинаковой синтаксической функции на одинаковых местах стиха (звезд незакатных... уст ароматных; на щечках пушистых... в кудрях золотистых и т.д.)

3) Нерегулярные звуковые повторы (в отличие от регулярных в конце стиха, составляющих необходимое условие системного стиха) - аллитерации (св, ст, ск, ср, цр, зр, и т.д.) ассонансы (все стихотворение гармонизовано в основном на звуки е, о, а, у); внутренние рифмы (исполнены тайны и т.д.)

Все эти явления, с одной стороны, порождаются общим ритмическим движением ("динамизмом") стиха и потому являются подчиненными, с другой же стороны, возникая, усиливают ритм, участвуя тем самым в его создании. Таким образом, налицо факт взаимодействия подчиняющего фактора, являющегося основой динамизма литературной формы, с подчиненными, в данном случае стиха. В стихе эти подчиненные факторы "вторичные элементы ритма"[8] (по терминологии В.И.Жирмунского) носят нерегулярный характер, т.е. они могут и отсутствовать, в противоположность ритму, без которого немыслимо существование стиха.

В прозе на месте первичных метрических закономерностей, ей не свойственных, выступают вторичные признаки ритмической организации словесного материала и "ритм, как справедливо утверждает А.В.Федоров, создается прежде всего упорядоченным расположением более крупных смысловых и синтаксических элементов речи, их следованием в определенном порядке - повторениями слов, параллелизмом, контрастами, симметрией, характером связи фраз и предложений"[9].

Другими словами - факторы, которые являются подчиненными в стихе, становятся подчиняющими в прозе. Поэтому в то время, как конструктивный принцип стиха есть ритм, конструктивный принцип прозы есть синтактико-семантические связи и членение. Ритм же, представляющий собой в прозе результанту синтактико-семантических связей и членений, по своей природе нерегулярных, как доказал Б.В.Томашевский, поэтому и не может быть конструктивным законом прозы.

Отсюда "до какой бы фонической, в широком смысле слова, организованности ни была доведена проза, она от этого не становится стихом; с другой стороны, как бы близко ни подходил стих к прозе в этом отношении, он никогда не станет прозой"[10].

---

8. Б.М.Жирмунский. Ритм прозы. Русская литература, 1966, № 4, стр. 107.
9. А.В.Федоров. Основы общей теории перевода. М. 1969, стр. 339.
10. Б.В.Томашевский. О стихе. "Прибой". Л. 1929, стр. 254-318.

Для подтверждения этой мысли воспользуемся той частью рассказа, где К.Г.Паустовский цитирует две строки из "Элегии" А.С.Пушкина, записывая их прозой; в результате чего мы как бы присутствуем при эксперименте, где одни условия изменены, другие оставлены теми же.

Все чаще вспоминались слова: "И, может быть, на мой закат печальный блеснет любовь улыбкою прощальной". Он был бесконечно благодарен Пушкину за эти строки. Может быть, он еще увидит в жизни простое и прекрасное, услышит речи бесхитростные, как утешения матери, и тогда раскроется сердце, и он поймет, наконец, какое оно, это человеческое "счастье" [11].

Перед нами два ряда: стиховой и прозаический. Каждая перемена внутри них есть именно внутренняя перемена, поэтому запись стиха без графической установки на стих не только не разрушает стих (системный), но наоборот, как бы выдвигает с новой силой единство и тесноту стихового ряда, составляющие сущность стиха, в этих неспецифических для него условиях. Таким образом, "будучи внесен в стиховой ряд, любой элемент прозы обнаруживается в стихе своей иной стороной, функционально выдвинутой и этим дает сразу два момента: подчеркнутый момент конструкции - момент стиха - и момент деформации необычного объекта" [12].

То же самое происходит и в прозе, если в нее вносится стиховой элемент. Так, например, инверсии определяемого и определения в цитированном выше стихотворении М. Ю. Лермонтова, /см. строфы № 1, 3, 5, 7/, будучи привычными для стиха, почти не ощущаются как инверсии; а сочетание "речи бесхитростные" (в приведенном абзаце), подтверждающее той же инверсии, выделяется в прозе как элемент необычный в синтаксическом плане.

Именно поэтому всякое сближение прозы со стихом по существу является не сближением, а введением необычного материала в специфическую, цельностную конструкцию.

Совершенно обратный процесс происходит при разрушении "единства" и "тесноты" [13] стихового ряда - объективных признаков стихового ритма.

Позволим себе привести полностью стихотворение М.Ю.Лермонтова "Отчего", три строки которого К.Г.Паустовский цитирует в своем рассказе, для сравнения со следующей фразой из того же рассказа: "Мне грустно оттого, что я вас люблю и знаю, что за этот легкий день вам придется дорого рассчитаться" (Стр. 294):

Мне грустно, потому что я тебя люблю,
И знаю: молодость цветущую твою
Не пощадит молвы коварное гоненье.

---

11. К.Г.Паустовский. Собрание сочинений в 6-ти томах. М.1958,т.4, стр.287; далее все цитаты даются с указанием страниц в конце их по этому же изданию.

12. Ю.Тынянов. Проблема стихотворного языка. М. 1965, стр. 71.

13. "теснота" стихового ряда - "те тесные связи, в которые стиховое единство приводит объединенные в нем слова". Ю.Тынянов. Проблема стихотворного языка. М. 1965. стр. 72.

За каждый светлый день иль сладкое мгновенье
Слезами и тоской заплатишь ты судьбе.
Мне грустно... потому что весело тебе.

Сопоставление количественного содержания стихового ряда с прозаическим еще раз убеждает нас в том, что оно ограничено в стихе, т.к. единство стихового ряда, как указывает Ю.Тынянов, зависит от тесноты его. Если единство становится слишком широким (как в данном случае), то оно теряет свои границы и само разлагается на единства. Здесь перестает действовать конструктивный принцип стиха и на его место выдвигается синтактико-семантические связи и членения, составляющие конструктивный принцип прозы.

Конструктивный принцип прозы весьма ярко проявляется в следующих абзацах рассказа:

"И вот - сбылось! Лермонтов здесь. И она должна решиться и сказать ему, наконец, как он ей дорог. И потом плакать напролет от безнадежности, нежности, от непонимания, как добиться хотя бы недолгого счастья." (стр. 292).

"Бывает такая душевная уверенность, когда человек может сделать все. Он может почти мгновенно написать такие стихи, что потомки будут повторять их несколько столетий.

Он может вместить в своем сознании все мысли и мечты мира, чтобы раздать их первым же встречным и ни на минуту не пожалеть об этом.

Он может увидеть и услышать волшебные вещи там, где их никто не замечает: серебряный пень в лунную ночь, звон воздуха, небо, похожее на старинную морскую карту. Он может придумать множество удивительных рассказов" (стр. 298).

В обоих отрывках четко ощущается и четырехкратный анафорический повтор союза "и" (в первом случае) и сочетания "он может" (во втором), и параллелизм синтаксических конструкций, особенно во втором отрывке, где всем главным предложениям, начинающимся одними и теми же словами, соответствует одно придаточное, и параллелизм грамматических форм, проявляющийся здесь ярче всего в однородных членах (... от безнадежности, нежности, от непонимания... или серебряный пень ... звон воздуха, небо...). Все эти явления, становясь в прозе в отличие от стиха элементами конструктивного принципа, создают ритм, а ритм, возникая, как бы подчеркивает, усиливает их.

Мы сделали попытку определить специфический характер факторов, отличающих ритм стиха от ритма прозы, и показать, что ритм в стиховой речи необходим как основа стиха в противоположность ритму прозы, возникающему на фоне синтактико-семантических связей и членений ("вторичных элементов" стиха) и потому функционально неадэкватен ритму стиха.

Сущность различия, о котором шла речь, - в подчинении одного момента другому, в том деформирующем влияния, в которое вступает принцип ритма с принципом симультанного воссоединения речевых элементов (словесных групп и слов) в стихе и, наоборот, в прозе. Поэтому "ритм прозы" функционально далек от "ритма стиха". Это два разных явления.

Л.Б. ТКАЧЕВА

ПУТИ ОБРАЗОВАНИЯ АВИАЦИОННЫХ ТЕРМИНОВ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В советской англистике известен целый ряд работ, посвященных проблеме терминообразования. Пути и источники образования терминов, словообразование в научно-технической терминологии на материале различных языков нашли освещение в трудах Г.О.Винокур[1], К.В.Арнольд[2], В.Я.Ульянова[3], М.С.Барак[4], М.Д.Бонелис[5], А.А.Санкина[6], С.Ф.Семичева[7], Б.В.Штернгерц[8], Ю.Н.Сычаренко[9], Ф.И.Святченко[10], О.М.Добровольского-Доливо[11], и К.А.Левковской[12].

Проведенный в исследованиях анализ, структуральный или структурально-семантический, образования терминов различных терминологических систем представляет большой интерес. Однако при изучении данной проблемы лингвисты только среза лишь современного состояния терминообразования и подходят к изучению данного вопроса как к чему-то застывшему, раз и навсегда данному.

Но разная ли продуктивность различающихся на современном уровне способов терминообразования была одинакова? Не зависит ли терминообразование от экстралингвистических факторов, т.е. не существуют ли причинные связи между терминообразованием и развитием науки и техники?

Данная статья является попыткой рассмотреть способы образования авиационных терминов в английском языке на фоне развития авиации от ее первых шагов и до наших дней, т.е. рассмотреть те "причинные связи

---

1. Г.О.Винокур. О некоторых явлениях словообразования в русской технической терминологии. Труды МИФЛИ, т.У, М., 1939.
2. К.В.Арнольд. Английская авиационная техническая лексикология. Канд. дисс., М., 1944.
3. В.Я.Ульянов. Немецкая авиационная терминология. Авт. канд. дисс., М., 1956.
4. М.С.Барак. Терминологическая лексика. Ее место в словарном составе /на материале английской терминологии железнодорожного транспорта/, авт. канд. дисс., Л., 1955.
5. М.Д.Бонелис. Общая характеристика лексического состава современной английской горнорудной терминологии и основные способы образования горных терминов. Авт. канд. дисс., М., 1962.
6. А.А.Санкина. О характерных чертах составных терминов типа "прилагательное + существительное" в английском языке. Ученые записки МГПИИЯ, т.IX, Изд-во МГУ, 1956.
7. С.Ф.Семичева. Вопросы терминологического словообразования. Авт. канд. дисс., М., 1968.
8. Б.В.Штернгерц. Терминологические словосочетания в английском языке. /К вопросу преподавания иностранных языков во ВТУЗе". УПК им. Н.К.Крупской, т. 107, Смерлевск, 1961.
9. Ю.Н.Сычаренко. Вопросы терминологического словообразования. Авт. канд. дисс., М., 1968.
10. Ф.И.Святченко. К вопросу об образовании названий классов и типов судов в английском языке. Труды ЛКИ, вып. . УЖ, Л., 1959.
11. О.М.Добровольский-Доливо. Французская военная терминология, источники и пути ее формирования. Авт. канд. дисс., М., 1964.
12. К.А.Левковская. Именное словообразование в современной немецкой общественно-политической терминологии. Изд-во АН СССР, М., 1966.

между социально-экономическими и языковыми явлениями", о которых еще в 30-х годах говорил известный советский лингвист Е.Д.Поливанов, считая их изучение одной из "очередных проблем социологической лингвистики"[13].

В работе делается попытка распространить один из важнейших методов социолингвистического исследования, а именно "метод корреляции языковых и социальных явлений"[14] на область, где он до сего времени почти не применялся - на терминообразование.

*
* *

Развитие воздухоплавания и авиации, начиная с запуска первого воздушного шара в 1783 г. шло весьма неравномерно. Были годы и десятилетия бурного подъема и развития, но было и время, не давшее каких-либо значительных сдвигов в этой области. Вероятно, и процесс образования авиационных терминов должен был также происходить неравномерно. Возможно, пути и способы образования авиационных терминов должны были зависить от уровня развития данной отрасли знания и ее истории.

Чтобы выяснить существует ли действительно такая зависимость, мы попытались прежде всего определить периоды в развитии авиации и затем проследить: 1/ интенсивность образования авиационных терминов в эти периоды и 2/ наиболее продуктивные способы их образования в каждый из периодов.

Детальное знакомство с развитием воздухоплавания и авиации в целом и в Англии в частности дает нам основание выделить следующие основные периоды в истории авиации:

I период - с 1783 по 1863 г.: зарождение воздухоплавания во Франции, увлечение воздушными шарами в ряде европейских стран, попытки, иногда успешные, создать управляемые аэростаты во Франции и Англии и, наконец, опубликование манифеста в 1863 году, призывающего к созданию аппаратов-тяжелее-воздуха.

II период - с 1864 г. по 1903 г.: зарождение авиации, начиная от резких высказываний о целесообразности аппаратов-тяжелее-воздуха и постройки первых летающих моделей во Франции, Англии и Америке до успешного полета первых самолетов в России /1892 г./ и Америке /1903 г./.

III период - с 1904 по 1918 г.: подъем интереса к авиации во многих странах, увлечение самолетом как видом спорта, постройка летающих лодок, создание первых авиационных заводов для постройки аэропланов как вида оружия в Англии, Франции, Германии и России и, наконец, интенсификация постройки самолетов и усовершенствование их конструкции во время первой мировой войны.

IV период - с 1919 по 1945 г.: широкое использование самолетов в качестве пассажирского и грузового транспорта, создание новых типов самолетов, совершенствование их военно-тактических возможностей, первые испытания реактивных самолетов, широкое развитие авиационной про-

---

13. Е.Д.Поливанов. Статьи по общему языкознанию. М., 1968, стр. 186.
14. А.Д.Швейцер. Некоторые актуальные проблемы социолингвистики. Ин. языки в школе, 1969, 3, стр. 4.

мышленности в Советском Союзе, Англии, Америке и Германии и дальнейшее совершенствование конструкции самолетов во время второй мировой войны.

У период - с 1946 по 1969 г.: дальнейшее развитие авиационной техники в целом ряде стран, в том числе и Англии, создание реактивной авиации и ракет в Советском Союзе, Англии и США и, наконец, постройка и запуск космических кораблей в Советском Союзе и США.

Круг терминов, появившихся в английском языке в каждый из периодов, определялся фактом историческим, т.е. время появления каждого термина определялось временем появления предмета или явления, которые этот термин передавал. Иначе говоря, мы исходили из факта объективного существования реальных вещей и явлений. На основе такого подхода был сделан сплошной просмотр специальных словарей Медебека[15], Шломена[16], Бурякова[17], и Мурашкевича[18], английского авиационного журнала "Flight ", газет " Daily Worker" и "Morning Star" за период с 1957 по 1969 г. и, наконец, книг по воздухоплаванию и авиации на английском языке[19]. Сверка времени появления терминов производилась по этимологическим словарям Чемберса /1907 г./Муррейя /1909/г./ Литтла /1955 г./, Скита /1956 г./, Даузата /1938 г./, и общим словарям Вебстера /1913 г., 1936 г. и 1960 г./, Чемберса /1914 г./, OED /1933 г./, COD /1956 г./, Фанка /1962 г./, Ольдекопа /1855 г./ Ганшиной /1960 г./ и Мюллера /1953 г./.

Общее число терминов, появление которых в английском языке установлено с достаточной достоверностью, составило 4883:

I период - 77	IУ период - 2106
II период -120	У период - 2325
III период -255	

Полученные данные говорят о том, что относительно медленный рост терминов в первые три периода резко возрастает в IУ и У периоды. Следовательно, наиболее интенсивное образование авиационных терминов шло в период между двумя мировыми войнами и после второй мировой войны, т.е. когда авиация получает самое широкое развитие в связи с ее огромными возможностями использования как в военных, так и мирных целях.

Для анализа терминообразования в каждом из периодов необходимо решить

---

15. Г.Медебек. Краткий технический словарь по воздухоплаванию: фр. - нем. - анг. - русск., нем. - фр. - англ. - русск. Оттиск из записок императорского русского технического общества, 1899, № 10.
16. А.Шломен. Иллюстративный технический словарь на шести языках: нем., анг., фр., русск., ит. и испан., т.X, "Автомобили, моторные лодки, аэросани, аэропланы. "Издание книготоргового товарищества "Культура", С.-П., 1910.
17. Ф.Ф.Буряков и др. Англо-русский авиационный словарь. Военное изд-во Министерства обороны СССР, М., 1963.
18. А.М.Мурашкевич. Англо-русский словарь по ракетной технике. Гос. изд-во физико-математической литературы, М., 1958.
19. J.C.Colcord. Sea Language Comes Ashore. Cornell Meritime Press, N.Y.,1945; B.Bernt. The next Fifty Years of Flight. The Virking Press, N.Y., 1960; J.L.Nayler and E.Ower. Flight To-Day. Oxford University Press, L. 1957; Merchant Airmen. The Air Ministry Account of British Civil Aviation, 1939-1944. Prepared by the Ministry of Information, His Majesty's Stationary Office, L., 1946.

вопрос о классификации способов образования терминов, поскольку в лингвистике нет единой точки зрения по данному вопросу. Так М.Д.Бонелис рассматривает семантический способ образования терминов, образование терминов при помощи словопроизводства и способом словосложения[20].

Н.И.Святненко различает словообразование, переосмысление и заимствования[21]. М.П.Терехова выделяет два основных способа: семантический и морфологический[22]. Теодор А. Савори анализирует три группы терминов: заимствованные из общего языка, импортируемые в язык без изменения значения и написания и инвентируемые ученными с помощью греческого и латинского языков[23].

Нет единой точки зрения и по вопросу терминов, состоящих из двух, трех и более компонентов.

Б.В.Виноградов считает двухкомпонентные термины фразеологическими единствами[24]. Б.В.Штернгерц предлагает называть их терминологическими словосочетаниями[25]. Е.М.Овчаренко считает все многокомпонентные термины свободными терминологическими сочетаниями[26]. Н.Д.Андреев и Е.Д.Замбржицкий различают двухсоставные и многосоставные термины[27]. А.А.Санкин называет термины типа "прилагательное + существительное", т.е. состоящие из двух компонентов, составными[28].

В данной работе предлагается следующая классификация способов образования авиационных терминов.

Все термины представляется возможным разделить на 2 группы: 1/ термины, образованные ресурсами английского языка и 2/ термины, заимствованные из других языков. Первую группу, в свою очередь, можно разделить на 5 подгрупп, различаемых по структуре образования терминов: 1/простые; 2/ сложные; 3/ связанные терминологические сочетания; 4/ свободные терминологические сочетания; 5/ фразовые термины.

Под простым термином понимается однокомпонентный термин, образованный или путем аффиксации, или переосмысления общеупотребительного слова, или инвентирования, или заимствования из другой терминологической сферы.

Под сложным термином понимается двухкомпонентный термин, характеризующийся цельноформленностью[30] и образованный или путем сложения двух основ, или переосмысления общеупотребительного слова, или заимствования из другой терминологической сферы.

---

20. См. М.Д.Бонелис, указ. соч.
21. См. Н.И.Святненко, указ. соч.
22. М.П.Терехова. Лексика и терминология труда Н.И.Пирогова Anatome topographica. Авт. канд. дисс., Харьков, 1969.
23. Theodore H. Savory, The Language of Science, Its Growth and Usage. Tonbridge Kent, 1953, стр. 34, 41, 46.
24. Б.В.Виноградов. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке. Ст. "К 70-летию акад. А.А.Шахматова", изд-во АН СССР, М., 1947.
25. См. Б.В.Штернгерц, указ. соч., стр. 45-46.
26. См. Е.М.Овчаренко, указ. соч., стр. 32.
27. Н.Д.Андреев, Е.Д.Замбржицкий. Именное словообразование в спортивной терминологии. Сб. "Развитие русского языка", изд-во АН СССР, М., 1963, стр. 133.
28. См. А.А.Санкин, указ. соч. стр. 162.
29. А.И.Смирницкий. Лексикология английского языка. Изд-во лит. на иностр. языках, М., 1956, стр. 204.

Под терминологическими сочетаниями, в которые входят последние три группы, понимаются многокомпонентные термины, состоящие из двух, трех и более элементов.

Связное терминологическое сочетание определяется как терминологическое сочетание, внутри которого невозможна субституция составляющих его элементов без изменения значения всего сочетания.

Свободное терминологическое сочетание определяется как терминологическое сочетание, внутри которого возможна субституция одного или двух составляющих его элементов без изменения значения всего сочетания.

Фразовый термин или термин - фраза определяется как особый вид терминологического сочетания, в котором отношения между элементами оформлены с помощью предлога.

Схематически данную классификацию можно представить следующим образом:

Как видно, в данной классификации терминообразования можно различить принцип оппозиции: термины, образованные ресурсами английского языка : термины-заимствования, простые термины : сложные термины, связанные терминологические сочетания : свободные терминологические сочетания.

Итак, при анализе терминообразования каждого из периодов будут рассмотрены:

1/ термины, заимствованные из других языков - dirigible, aeroplane, aviator, aileron;

2/ простые термины - propeller, neck, fall, glider;

3/ сложные термины - guiderope, airbomb, stopcock, aerosurface, spaceship;

4/ связанные терминологические сочетания - kite baloon, maiden flight, flap position indicator;

5/ свободные терминологические сочетания - dirigible baloon = navigable baloon, flying apparatus = flying machine, cylindrical gas boy = cylindrical gas envelope;

6/ фразовые термины - push of the screw, stages of approach, spare for the screw.

Для каждого из способов образования приняты следующие условные обозначения: З- заимствования, П - простые,термины, С - сложные термины, СвТС - связанные терминологические сочетания, СбТС - свободные терминологические сочетания, Ф - фразовые термины.

При исследовании сложных терминов и терминологических сочетаний используется структуральный подход. Под структурой сложного термина и терминологического сочетания понимается совокупность входящих в их состав элементов, представленных на уровне грамматических классов слов.

В структурных моделях используются следующие обозначения: N - существительное, A - прилагательное, V - глагол, Adv - наречие, PrP - причастие настоящего времени, PP - причастие прошедшего времени, Num - числительное, Prp - предлог, N_{com} - сложное существительное, A_{com} - сложное прилагательное, Ab - сокращение.

При анализе материала для выяснения продуктивности каждого из способов терминообразования в каждом из периодов и продуктивности каждой из встречающихся моделей сложных терминов и терминологических сочетаний используется один из методов математической статистики, а именно метод оценивания неизвестных параметров распределения. В данном случае оцениваемым параметром является вероятность.

Количество слов каждого способа терминообразования в каждый период рассматривается как некоторая генеральная совокупность, объем N которой неизвестен. Множество моделей терминообразования внутри группы слов трактуется как множество возможных значений некоторой случайной величины. Наша задача - оценить вероятности, с которыми данная случайная величина принимает некоторые из этих значений. Для оценки вероятности p, которая является неизвестным параметром распределения, из генеральной совокупности производится выборка объема n /известное или случайным образом отобранное количество терминов из данной группы/. Эффективной, несмещенной, состоятельной оценкой для вероятности является частость /относительная частота/. В работе найдены такие оценки.

Для оценивания вероятностей наиболее часто встречающихся в выборках

способов терминообразования и моделей сложных терминов и терминологических сочетаний построены 90% доверительные интервалы. Верхняя и нижняя границы доверительных интервалов определялись соответственно по формулам:

$$p_1 = \frac{p^* + \frac{1}{2}\frac{t_\beta^2}{n} - t_\beta\sqrt{\frac{p^*(1-p^*)}{n} + \frac{1}{4}\frac{t_\beta^2}{n^2}}}{1 + \frac{t_\beta^2}{n}},$$

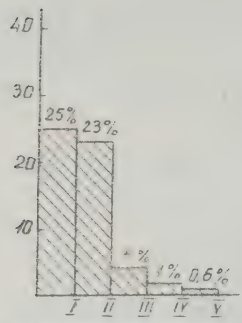
$$p_2 = \frac{p^* + \frac{1}{2}\frac{t_\beta^2}{n} + t_\beta\sqrt{\frac{p^*(1-p^*)}{n} + \frac{1}{4}\frac{t_\beta^2}{n^2}}}{1 + \frac{t_\beta^2}{n}},$$

где, n – объем выборки, t_β – коэффициент, соответствующий заданной доверительной вероятности и p^* – точечная оценка для данного параметра p, вычисленная по формуле $\frac{m}{n}$, где m – число терминов в выборке объема n, образованных по данному способу.

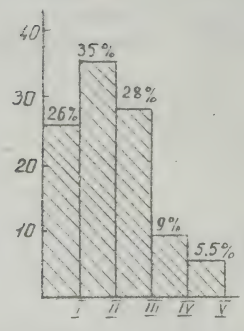
Результаты исследования способов образования авиационных терминов в английском языке в связи с историей развития авиационной науки и техники представлены в следующей таблице сопряженности признаков.

№	периоды / способ терминообразования	1783-1863	1864-1903	1904-1918	1919-1945	1946-1969	Итого
1	Заимствования	19	27	10	19	14	89
2	Простые термины	21	41	71	196	128	457
3	Сложные термины	2	13	20	136	121	292
4	Связные терминологические сочетания	15	25	120	1422	1699	3281
5	Свободные терминологические сочетания	15	8	16	189	299	527
6	Фразовые термины	5	6	18	150	64	243
	ИТОГО:	77	120	255	2106	2325	4883

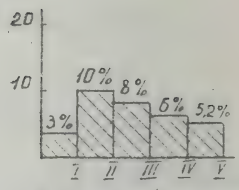
На основе этих данных построены гистограммы для каждого способа терминообразования. Высота прямоугольников прямо пропорциональна числу терминов данного способа образования в данном периоде. Основания прямоугольников равны 1.



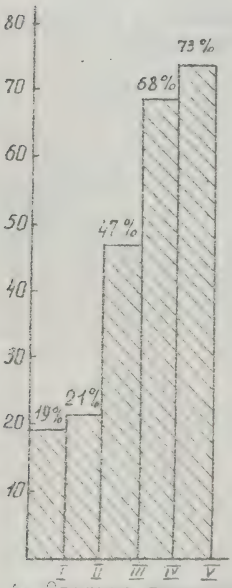
1. Заимствования



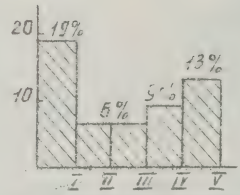
2. Простые термины



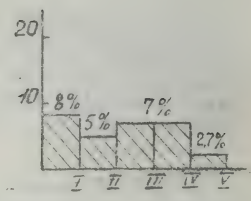
3. Сложные термины



4. Связные терминологические сочетания



5. Свободные терминологические сочетания



6. Фразовые термины

Гистограммы дают возможность сделать некоторые предположения о продуктивности каждого из способов терминообразования в отдельные периоды и об общих тенденциях в образовании авиационных терминов. Однако предположения останутся лишь предположениями, если не принять во внимание тот факт, что в данном случае мы должны говорить об оценке вероятностей, поскольку имеем дело со случайными величинами.

Статистические исследования дали следующие результаты:

I период.

З – Точечная оценка для данного параметра р – есть $p^* = \frac{19}{77} = 0,25$.

90% доверительный интервал для этого же неизвестного параметра есть

$$p_{1,2} = \frac{p^* + \frac{1}{2}\frac{t\beta^2}{n} \pm \sqrt{\frac{p^*(1-p^*)}{n} + \frac{1}{4}\frac{t\beta^2}{n^2}}}{1 + \frac{t\beta^2}{n}} = \frac{20,35 \pm 6,35}{79,7}$$

$p_1 = \frac{14}{79,7} = 0,176$; $p_2 = \frac{26,7}{79,7} = 0,335$; т.е. нижняя граница $p_1 = 0,18$, верхняя граница $p_2 = 0,34$.

П – $p^*_{\text{П}} = 0,27$; $p_1 = 0,2$; $p_2 = 0,36$.

С – не считаются, малый объем выборки.

СвТС – $p^* = 0,2$; $p_1 = 0,13$; $p_2 = 0,28$.

СбТС – $p^* = 0,2$; $p_1 = 0,13$; $p_2 = 0,28$.

Ф – $p^* = 0,07$; $p_1 = 0,03$; $p_2 = 0,13$.

II период.

З – $p^* = 0,23$ $p_1 = 0,17$; $p_2 = 0,29$.
П – $p^* = 0,34$; $p_1 = 0,28$; $p_2 = 0,42$.
С – $p^* = 0,11$; $p_1 = 0,07$; $p_2 = 0,17$.
СвТС – $p^* = 0,21$; $p_1 = 0,15$; $p_2 = 0,28$.
СбТС – $p^* = 0,07$; $p_1 = 0,04$; $p_2 = 0,10$
Ф – $p^* = 0,05$; $p_1 = 0,03$; $p_2 = 0,09$.

III период.

З – $p^* = 0,04$; $p_1 = 0,02$; $p_2 = 0,06$.
П – $p^* = 0,28$; $p_1 = 0,23$; $p_2 = 0,33$.
С – $p^* = 0,08$; $p_1 = 0,05$; $p_2 = 0,11$.
СвТС – $p^* = 0,47$; $p_1 = 0,42$; $p_2 = 0,52$.
СбТС – $p^* = 0,06$; $p_1 = 0,04$; $p_2 = 0,09$.
Ф – $p^* = 0,07$; $p_1 = 0,05$; $p_2 = 0,10$.

IУ период.

З – $p^* = 0,006$ $p_1 = 0,003$; $p_2 = 0,009$.
П – $p^* = 0,09$; $p_1 = 0,08$; $p_2 = 0,10$
С – $p^* = 0,05$; $p_1 = 0,06$; $p_2 = 0,07$.
СвТС – $p^* = 0,68$; $p_1 = 0,66$; $p_2 = 0,69$.
СбТС – $p^* = 0,09$; $p_1 = 0,08$; $p_2 = 0,10$.
Ф – $p^* = 0,07$; $p_1 = 0,06$; $p_2 = 0,08$.

У период.

З – $p^* = 0,006$ $p_1 = 0,003$; $p_2 = 0,009$.
П – $p^* = 0,06$; $p_1 = 0,048$; $p_2 = 0,063$.
С – $p^* = 0,05$; $p_1 = 0,045$; $p_2 = 0,060$.
СвТС – $p^* = 0,73$; $p_1 = 0,72$; $p_2 = 0,75$.
СбТС – $p^* = 0,13$; $p_1 = 0,12$; $p_2 = 0,14$.
Ф – $p^* = 0,03$; $p_1 = 0,02$; $p_2 = 0,03$.

Итак найденные значения дают основание утверждать с вероятностью в 90%, что доминирующими способами терминообразования являлись в период:

с 1783 г. по 1863 г. простые термины - от 20 до 30%;
заимствования - от 18 до 34%;
с 1864 г. по 1903 г. простые термины - от 28 до 42%;
заимствования - от 17 до 29%;
с 1904 г. по 1918 г. связные терминологические сочетания - от 42 до 52%;
простые термины - от 23 до 33%;
с 1919 г. по 1945 г. связные терминологические сочетания - от 66 до 69%;
с 1946 г. по 1969 г. связные терминологические сочетания - от 72 до 75%.

Полученные результаты отражают объективные факты исторического развития авиации. Известно, что с момента запуска воздушного шара бр. Монгольфьер в 1783 г. и вплоть до начала XX в. Франция являлась центром развития воздухоплавания и авиации. Это обстоятельство зафиксировано английской авиационной терминологической системой в виде французских заимствований, составивших довольно значительный процент от общего числа терминов I и II периодов. В дальнейшем заимствования уже не играют столь значительной роли в формировании данной терминологической системы/III период - от 2 до 6%, IV - от 0,3 до 0,9%, V - от 0,3 до 0,9%/, поскольку после 1910 г. в Англии начинает развиваться отечественная авиация.

Заметными в первые два периода были простые термины. И это также не случайно.

Первое столетие в развитии воздухоплавания и авиации было временем одиночек - изобретателей, каждый из которых, конструируя и строя аппараты легче воздуха, а затем управляемые модели, являвшиеся прообразом будущих самолетов, сами давали названия своему детищу, т.е. инвентировали новые термины. Так появились термины: airplane, airdrome, ornithopter, biplane, avion.

Идея передвижения по воздуху отражала не только давнее стремление человека уподобиться птице, но и опиралась на веками сложившийся опыт передвижения по воде. Поэтому конструкции первых летательных аппаратов имели большое сходство с парусными морскими судами. Отсюда то заметное количество морских терминов, простых по своей структуре, которые вошли в авиационную терминологию в XIX в.: keel, rudder, board, frame, deck, bow, rib, stern, pilot, string, captain и т.д.

Конец XIX и начало XX в. в развитии воздухоплавания и авиации были отмечены событием, положившим начало развитию авиации: летательные машины получили двигатель, ранее использовавшийся в автомобилях. Это был источник проникновения простых автомобильных терминов в авиационную терминологию английского языка: engine, piston, cylinder, pulley, rotation, throttle, generator, controlls.

И, наконец, именно в первые три периода авиационные термины наиболее интенсивно создаются за счет переосмысления общеупотребительных слов. Видимо, уровень развития воздухоплавательной и авиационной техники в это время

делал возможным переносить общеупотребительные слова на предметы и явления данной отрасли по аналогии внешнего вида - basket, envelope, wheel, ring; по аналогии выполняемого действия - fall, ascend, climb. Простые термины образовывались также путем метафорического переноса - head, neck, crown, wing.

Начиная с III периода соотношение в способах терминообразования меняется в пользу связных терминологических сочетаний. Дело в том, что интенсивное развитие авиации с начала XX в. привело к тому, что существующие простые авиационные термины стали приобретать полисемантичность. Так, например, термин base, имевший значение "рама, основание", в 20-х годах приобретает еще одно значение "сборочная площадка". Данное обстоятельство, естественно, приводило к смешению понятий. Сочетания же двух или трех элементов, выражавших одно понятие, оказались более "объективными" терминологическими единицами. Их характерной чертой была моносемантичность. Кроме того авиационная техника стала настолько сложной, что оказалось трудным, а иногда и просто невозможным выразить новые понятия простыми терминами. И только многокомпонентные терминологические сочетания были способны передать всю сложность вновь появившихся понятий.

Какова же роль сложных терминов, свободных терминологических сочетаний и фразовых терминов в формировании авиационной терминологической системы английского языка?

Исследование дало следующие результаты продуктивности данных способов терминообразования.

	I	II	III	IУ	У
С	малая выборка-не считается	от 7 до 17%	от 5 до 11%	от 6 до 7%	от 4,5 до 6%
СбТС	от 18 до 28%	от 4 до 10%	от 4 до 9%	от 8 до 10%	от 12 до 14%
Ф	от 3 до 13%	от 3 до 9%	от 5 до 10%	от 6 до 8%	от 2 до 3%

Следовательно, с 90% вероятностью можно утверждать, что ни сложные, ни фразовые термины ни в одном из периодов не играли основной роли в образовании авиационных терминов. Малопродуктивны были и свободные терминологические сочетания, хотя их роль в первый и последний периоды довольно заметна.

В результате статистического исследования были получены такие данные о продуктивности моделей внутри сложных терминов, свободных и связных терминологических сочетаний.

Сложные термины

Период	Объем выборки	Модель	Абсолютная частота	Точечная оценка для данного параметра и границы доверительных интервалов
I	n = 2			Не считается, малый объем выборки
II	n = 13	N + N	m_1 = 9	p_* = 0,69; p_1 = 0,46; p_2 = 0,85.
III	n = 20	N + N	m_1 = 16	p_* = 0,80; p_1 = 0,62; p_2 = 0,90.
IУ	n = 136	N + N	m_1 = 72	p_* = 0,52; p_1 = 0,46; p_2 = 0,60.
		V + Adv	m_2 = 24	p_* = 0,18; p_1 = 0,13; p_2 = 0,24.
		Ab + N	m_3 = 13	p_* = 0,10; p_1 = 0,06; p_2 = 0,15.
У	n = 117	N + N	m_1 = 55	p_* = 0,47; p_1 = 0,40; p_2 = 0,55.
		V + Adv	m_2 = 19	p_* = 0,16; p_1 = 0,11; p_2 = 0,23.
		Ab + N	m_3 = 16	p_* = 0,14; p_1 = 0,09; p_2 = 0,20.

По данным результатам с вероятностью в 90% можно говорить о том, что для всех периодов наиболее часто встречающейся в сложных терминах оказалась модель N + N, по которой во II период было образовано от 46% до 85% всех сложных терминов, в III период - от 62% до 90%, в IУ период - от 46% до 60% и в У период - от 40% до 55%.

Связные терминологические сочетания

Необходимо принять во внимание, что объем выборки n для I, II, III периодов - известное количество терминов данной группы, объем выборки n для IУ и У периодов - случайным образом отобранное количество терминов из данной группы /IУ -n = 300 из 1422, У - n = 300 из 1699/.

Период	Объем выборки	Модель	Абсолютная частота	Точечная оценка для данного параметра и границы доверительных интервалов
I	n = 15	N + N	m_1 = 8	p^* = 0,5 ; p_1 = 0,33; p_2 = 0,72
II	n = 25	N + N	m_1 = 13	p^* = 0,52; p_1 = 0,36; p_2 = 0,68
III	n =120	N + N	m_1 = 52	p^* = 0,43; p_1 = 0,36; p_2 = 0,50
		PrP+ N	m_2 = 16	p^* = 0,13; p_1 = 0,09; p_2 = 0,19
		A + N	m_3 = 12	p^* = 0,10; p_1 = 0,06; p_2 = 0,15
		N+N+N	m_4 = 8	p^* = 0,07; p_1 = 0,04; p_2 = 0,12
IУ	n =300	N + N	m_1 =165	p^* = 0,55; p_1 = 0,50; p_2 = 0,60
		N+N+N	m_2 = 39	p^* = 0,13; p_1 = 0,10; p_2 = 0,16
		A + N	m_3 = 26	p^* = 0,09; p_1 = 0,06; p_2 = 0,11
		A+N+N	m_4 = 26	p^* = 0,09; p_1 = 0,06; p_2 = 0,11
		Ncom+N	m_5 = 20	p^* = 0,07; p_1 = 0,04; p_2 = 0,09
У	n =300	N + N	m_1 = 96	p^* = 0,32; p_1 = 0,28; p_2 = 0,37
		A + N	m_2 = 37	p^* = 0,123; p_1 = 0,092; p_2 = 0,254
		Ncom+N	m_3 = 36	p^* = 0,12; p_1 = 0,09; p_2 = 0.25
		N+N+N+N	m_4 = 31	p^* = 0.10 p_1 = 0,08; p_2 = 0,13
		A+N+N	m_5 = 26	p^* = 0.09 p_1 = 0,06; p_2 = 0,11

По результатам исследования с 90% вероятностью можно утверждать, что для всех периодов наиболее часто встречающейся в связных терминологических сочетаниях оказалась модель N +N, по которой в I период было образовано от 33 до 72% всех связных терминологических сочетаний, во II период - от 38 до 70%, в III период - от 35% до 50%, в IУ период - от 50% до 60% и в У период - от 28% до 37%.

Свободные терминологические сочетания

Период	Объем выборки	Модель	Абсолютная частота	Точечная оценка для данного параметра и границы доверительных интервалов
I	n = 15	A + N	m_1 = 9	p^* = 0,6; p_1 = 0,39; p_2 = 0,7[illegible]
		N + N	m_2 = 6	p^* = 0,4; p_1 = 0,23; p_2 = 0,6[illegible]
II	n = 8	N + N	m_1 = 4	p^* = 0,5; Малый объем выборки
III	n = 16	A + N	m_1 = 10	p^* = 0,63; p_1 = 0,42; p_2 = [illegible],7[illegible]
IУ	n =189	N + N	m_1 = 92	p^* = 0,48; p_1 = 0,43; p_2 = 0,5[illegible]
		N+N+N	m_2 = 23	p^* = 0,12; p_1 = 0,08; p_2 = 0,1[illegible]
		Ncom+N	m_3 = 22	p^* = 0,12; p_1 = 0,08; p_2 = 0,16
		A + N	m_4 = 15	p^* = 0,08; p_1 = 0,05; p_2 = 0,11
		N + N	m_5 = 12	p^* = 0,06; p_1 = 0,03; p_2 = 0,09
У	n = 299	N + N	m_1 = 10[illegible]	p^* = 0,36; p_1 = 0,31; p_2 = 0,41
		A + N	m_2 = 41	p^* = 0,14; p_1 = 0,11; p_2 = 0,1[illegible]
		Ncom+N	m_3 = 35	p^* = 0,12; p_1 = 0,09; p_2 = 0,15
		N+N+N	m_4 = 28	p^* = 0,10 p_1 = 0,07; p_2 = 0,12
		N+Ncom	m_5 = 15	p^* = 0,05; p_1 = 0,03; p_2 = 0,07

Полученные результаты с вероятностью в 95% дают право утверждать, что для IУ и У периодов наиболее часто встречающейся в свободных терминологических сочетаниях оказалась модель N + N, по которой в IУ период было образовано от 43% до 55% всех свободных терминологических сочетаний и в У период - от 31% до 41%.

В I и III периодах наиболее продуктивной оказалась модель A +N по которой было образовано в I период - от 39% до 78% всех связных терминологических сочетаний и в III период - от 42% до 79%. Во II периоде границы доверительного интервала не подсчитывались из-за малого объема выборки.

Итак, общие результаты статистического исследования относительной частоты употребления данных моделей терминообразования говорят о том, что наиболее часто встречающейся моделью образования сложных терминов связных и свободных терминологических сочетаний в различные периоды развития мореплавания и авиации, следует считать модель N + N.Исключением можно считать образование свободных терминологических сочетаний в II и III периодах, когда наиболее часто встречающейся оказалась модель A + N. Последнее лишь подтверждает закономерность вывода о продуктивности модели N + N.

Следовательно, мнение А.А.Санкина о том, что одним из наиболее распространенных способов образования научно-технических терминов является использование атрибутивной конструкции "прилагательное + существительное", не может быть распространено на авиационную терминологию английского языка.

*

* *

Социолингвистический подход к проблеме терминообразования и использо-

31. А.А.Санкин. О характерных чертах составных терминов типа "прилагательное + существительное" в английском языке. Ученые записки 1 МГПИИЯ, т. 1X, Изд-во МГУ, 1956, стр. 164.

вание статистических методов исследования дают основание сделать следующие выводы.

1. Интенсивность образования авиационных терминов прямо пропорциональна уровню развития авиационной науки и техники.

2. Степень продуктивности различных способов образования терминов, согласно предложенной классификации, обусловлена историческими фактами развития авиационной науки и техники.

3. На заре развития воздухоплавания и авиации наиболее продуктивными способами терминообразования были простые термины и заимствования из французского языка. Начиная с XX в. преобладают связные терминологические сочетания.

4. Сложные термины, свободные терминологические сочетания и фразовые термины никогда не доминировали в образовании авиационных терминов английского языка.

5. Наиболее часто встречающиеся для сложных терминов, связных и свободных терминологических сочетаний, оказалась модель N + N.

6. Чем выше уровень данной отрасли знания, тем сложнее языковые формы выражения ее понятий, предметов и явлений.

З. Ф. БЕЛЯЕВА

МОДАЛЬНЫЕ ГЛАГОЛЬНЫЕ СОЧЕТАНИЯ В АМЕРИКАНСКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЕ

1. Общие замечания

Особенности английского языка Америки представляют большой интерес для языковедов. Б.Н.Арцева отмечает: "Прошло то время, когда американский вариант английского языка считался "испорченным английским", однако характер отличий языка бывшей метрополии и ее бывших колоний заслуживает самого пристального внимания" /47, стр.250/.

Английскому языку в США посвящено немало научных работ, справочников, лексикографических пособий в Англии, Америке и других странах/49-53, 59 и др./. Периодические издания American Speech в США Zeitschrift für Anglistik und Amerikanistik в ГДР освещают языковые явления, характерные для американского варианта.

В Советском Союзе началом такого исследования послужила статья Б.Д.Аракина в журнале "Иностранные языки в школе", вышедшая в 1937г./4/. С этого времени вопросы американистики находят отражение в работах И.В.Арнольд /5/, Т.М.Беляевой /9/, Н.М.Булавина /12/, Б.А.Ильиша /21/, Ф.И.Кауфман /23/, А.Д.Швейцера /42,43/ и других.

За последнее время советскими лингвистами большое внимание уделяется определению категории модальности и предикативности и их исследованиям /14,18,24,27,38,41,46 и др./, модальности суждений, побудительной модальности /8,22,31 и др./, модальности косвенной речи /10,36/, лексическим средствам выражения модальности /13,16,29,32,39,44 и др./, диахроническому исследованию претерито-презентных глаголов в германских языках /18,20,38,48,52,63/, вторичным функциям модальных глаголов/19, 20/, образованию группы модальных слов, восходящих этимологически к предложно-именным и глагольным сочетаниям /34/, модально-фразеологическим единицам /33/ и ряду других вопросов, связанных или имеющих отношение к модальности. Появляются работы, посвященные исследованию модальных глаголов с применением статистических методов /2,26,56/.

Однако несмотря на большое количество работ, посвященных английскому языку Америки и вопросам модальности, ещё не все его особенности достаточно полно исследованы. Сюда можно отнести и анализ средств выражения модальности, в частности, модальных глаголов и модальных глагольных словосочетаний.

За последнее время в Советском Союзе и за рубежом особенно остро встает проблема семантических описаний естественных языков. При этом

большое внимание уделяется вскрытию закономерностей функционирования и взаимосвязи отдельных элементов языка /30,стр.5/. Еще в 1968 г. В.Г.Адмони отметил наметившийся в языкознании "перелом" в направлении "к синтетическому охвату языка, к выявлению всей сложности его природы,многомерной и динамичной" /1,стр.13/.

Определенный интерес в этом отношении представляет статистико-семантическое исследование модальных глагольных сочетаний, поскольку в "синтаксической структуре современного английского языка глагольные сочетания занимают,пожалуй, самое важное место"/7,стр.77/.

Если в работах Ч.Фриза /53/, М.Е.Эрман /50,51/ достаточно глубоко рассмотрена семантика модальных глаголов английского языка США, то этого нельзя сказать об их статистических характеристиках. Не отражены также количественные и качественные соотношения модальных глаголов с инфинитивами полнозначных глаголов. Однако модальный глагол выступает лишь конституентом цельного модального глагольного сочетания, т.е. в неразрывном единстве и взаимодействии с инфинитивом. Поэтому и семантические исследования было бы целесообразно проводить без разделения сочетания на отдельные составляющие. "Такой подход как бы поставил семантику и функции модальных глаголов в зависимость от инфинитива и тем самым уточнил их место в структуре ... языка", говорит Е.А.Крашенинникова /28,стр.106/. Если в немецком языке имеются работы, в которых модальные глаголы рассматриваются именно с этих позиций /48/, то в английском такие исследования не носят систематического характера. Особенно мало уделяется внимания количественному сопоставлению модальных глагольных сочетаний и их семантике.

В настоящей работе предпринята попытка провести количественный анализ распределения модальных глагольных сочетаний, установить степень зависимости между модальными глаголами и видом и залогом инфинитива, дать краткий семантический анализ модальных глагольных сочетаний и возможные структурные формулы перевода их на русский язык. В качестве экспериментального материала взята американская художественная проза, сфера исследования ограничена глаголами **can/could, may/might, must** [1].

2. Характеристика распределения сочетаний

Прежде чем перейти к анализу конкретных модальных глагольных сочетаний, следует остановиться на распределении форм инфинитива, поскольку частоты употребления тех или иных форм в качестве одного из конституентов таких сочетаний существенно отличаются. Результаты анализа экспериментального материала представлены в табл.1.

Из таблицы видно, что сочетания **MV + Perfect Infinitive** встречаются в 13 раз, а такие как **MV + Perfect Continuous Infinitive** в 680 раз реже,

1. Отбор экспериментального материала подробно описан в статье Э.Ф. Беляевой "Некоторые статистические характеристики распределения модальных глаголов (на материале американской художественной и научно-технической прозы)" в настоящем сборнике, стр. 129.

чем MV + Indefinite Infinitive , на долю которых приходится более 86 % общего числа отмеченных сочетаний.

Таблица 1

	Сочетания MV + Infinitive				Without an Infinitive	Всего сочетаний
	Indefinite	Perfect	Continuous			
			Non-Perfect	Perfect		
Абсолют. частота	4077	312	37	6	272	4704
Уд.вес,%	86,67	6,63	0,79	0,13	5,78	100

Таким образом, уже первые результаты показывают, что о равнозначности употребления тех или иных сочетаний не может быть и речи. Тем самым подтверждается высказанное выше положение о необходимости использования статистических данных при анализе структуры языка и функционирования отдельных его единиц. Несомненно, что такие данные окажутся также полезными в организации процесса обучения, при составлении программ машинного перевода.

Достаточно значительная часть модальных глаголов (5,78 %) в художественной литературе употребляется без инфинитива (явление эллипсиса). В настоящей работе подобные конструкции не рассматриваются и в дальнейшем изложении из общего состава употреблений модальных глаголов исключены.

В подавляющем большинстве случаев модальные глаголы can/could, may/might, must встречаются в сочетаниях с инфинитивом действительного залога. Эта закономерность сохраняется как для перфектных, так и неперфектных инфинитивов (табл.2), причем частоты различаются почти в 20 раз. Учитывая достаточно большой объем выборки, столь существенное различие вряд ли можно объяснить случайностью. Употребление модальных глаголов главным образом в сочетаниях с инфинитивом действительного залога является характерной особенностью американской художественной прозы.

Таблица 2

	Сочетания MV + Infinitive						$\sum$
	Indefinite		Perfect		Continuous		
	Active	Passive	Active	Passive	Non-Perfect	Perfect	
Абсолют. частота	3874	203	299	13	37	6	4432
Уд.вес,%	87,41	4,59	6,75	0,29	0,83	0,13	100

Количественный анализ сочетаний MV + Infinitive показывает также, что существует определенная связь между отдельными модальными глаголами и формами инфинитива. Наглядное представление о взаимосвязях исследуемых

модальных глаголов (и их форм) с инфинитивами дает табл.3. Более подробно эти вопросы будут рассмотрены ниже при анализе конкретных сочетаний.

Таблица 3

MV	INFINITIVE						Σ
	Indefinite		Perfect		Continuous		
	Active	Passive	Active	Passive	Non-Perfect	Perfect	
can	760	29	-	-	1	-	790
can't	413	5	3	-	1	-	422
cannot	38	4	-	-	-	-	42
can not	2	-	-	-	-	-	2
could	1277	65	109	3	7	-	1461
couldn't	262	7	12	-	1	-	282
could not	276	20	16	-	-	-	312
may	99	8	7	-	2	-	116
mayn't	-	-	-	-	-	-	-
may not	12	-	-	-	-	-	12
might	302	19	60	4	11	-	396
mightn't	3	1	-	-	-	-	4
might not	8	4	4	1	-	-	17
must	390	39	87	5	14	6	541
mustn't	17	-	1	-	-	-	18
must not	15	2	-	-	-	-	17
Σ	3874	203	299	13	37	6	4432

3. Сочетания can + Infinitive

3.1. Способность модального глагола can к образованию сочетаний с инфинитивными формами полнозначных глаголов весьма ограничена. Это легко увидеть из табл.4, в которой приведены коррелятивные функции/3, стр. 22/ сочетаний can(can't, cannot) + Infinitive.

Таблица 4

MV	Коррелятивные функции (КФ) сочетаний					
	Indefinite		Perfect		Continuous	
	Active	Passive	Active	Passive	Non-Perf.	Perfect
can	0,9620	0,0367	-	-	0,0013	-
can't	0,9787	0,0118	0,0071	-	0,0024	-
cannot[1]	0,9091	0,0909	-	-	-	-

1. С учетом двух случаев раздельного написания can not.

Большая величина НФ сочетаний can + Act.Ind.Inf. указывает на сочетаемость can с инфинитивами действительного залога сочного вида. В сочетаниях с другими инфинитивами can встречается либо гораздо реже, либо вообще не встречается. Подобная картина наблюдается и при анализе негативных сочетаний cannot(can't) + Infinitive.

Сочетания can (can't,cannot) + Infinitive служат главным образом для выражения различных оттенков значения "Модальности действительности" /17,стр.74 - 112/.

3.2. Сочетания can + Act.Ind.Inf. преимущественно несут значение реальной возможности, когда не существует никаких препятствий для осуществления действия, выраженного знаменательным глаголом. " I can money ; I can pay for it (a room)". (A. Saxton. The G. M., p. 15), а также физической или умственной способности - уверенности, что умеешь совершить действие в силу знаний, навыков, жизненного опыта " I can use pen scissors, too. And I can beat the dents out of little pots. (J. Steinbeck. The Chrysanthemums, MASSt.,p.353).

Близко к этому значению примыкает значение возможности совершить действие в силу наличия права. But Southerners can beat you, burn you, lynch you, and hang you to a tree - and every one of them will be sure (L.Hughes. Something to Lean On, MASSt.,p.368).

Для перевода сочетаний can + Act. Ind. Inf. в значении реальной возможности (способности) можно использовать следующую структурную формулу

(с)могу (-ут) (с)можем (-ете,-ет,-ешь) (с)умею (-ешь,-ет,-ем,-ете,-ют) способен (-а,-о,-ы)	+ НФ [1] .

Сочетания can + Act. Ind. Inf. глаголов восприятия обычно выражают "потенциальную" способность субъекта к зрительному и восприятию звукового мира, когда отсутствуют какие-либо препятствия к этому в определенный момент времени. В таких случаях глагол can , как правило, в переводе опускается, и вся конструкция передается смысловым глаголом в соответствующем лице,числе,времени. " I can hear you, all right ", Al said from the kitchen. (E.Hemingway. The Killers,MASSt.,p.270).

Однако речь может идти и о возможности или способности субъекта воспринять вообще, тогда перевод сочетаний can + Act.Ind.Inf. осуществляется по указанной выше формуле. Такое различие наглядно видно на следующем примере, где в первом случае речь идет о возможности видеть позиции вообще (в принципе), а во втором подчеркивается, что и воспринять можно всего не мешает рассматривать позиции /американских войск/ за исключением некоторых пунктов. " You can see the position well enough from here. The Germans can see it, too - with the exception of a few spots where

---

1. Аббревиатура НФ здесь и далее означает неопределенную форму полнозначного глагола, выступающего в качестве второго компонента сочетания.

you have cover behind these elevations." (S.Beym. The Cr.,p. I2I).

Употребление сочетаний can + Act.Ind.Inf. в значении реальной возможности (способности) занимает свыше 58 % среди всех возможных значений данного сочетания с приблизительно равным распределением между значениями возможности и способности.

Сочетания can + Act.Ind.Inf. могут нести также значение гипотетической возможности, т.е. возможности, появляющейся при определенных условиях, при некотором благополучном стечении обстоятельств. Например, в сложно-подчиненных предложениях как в аподозисе

" I don't mean him, and I don't want to, but if you find him you can just relieve me dollar thirty-five he owes me."(S.Lewis. The Driver,MASSt.,p.I68),

так и в протазисе

" If you can make it, there are cruets up the road where it forks for Turtosa." (E.Hemingway. Old man at the Bridge, MASSt.,p.250).

На русский язык сочетания can + Act.Ind.Inf. в значении гипотетической возможности переводятся аналогично переводу их в значении реальной возможности. В некоторых случаях, например в придаточных цели после союза so(that), возможен перевод и без модального глагола. " Won't you kindly step aside so we can get through ?" (S.Beym. The Cr.,p.I58). "..., чтобы (нам) проехать".

Удельный вес употребления сочетаний can + Act.Ind.Inf. в значении гипотетической возможности составляет 23 %.

В разговорной речи такие сочетания могут выражать разрешение (позволение), носящее неофициальный характер /51/

" You can quote me on that...". (S.Beym. The Cr.,p.I43).

Удельный вес данного значения около 3 %. Структурная формула перевода в этом случае будет иметь следующий вид

можешь (-ете)
может,могут
можно | + НФ .

В значении предположения сочетания can + Act.Ind.Inf. употребляются сравнительно редко (около 1,1%). В большинстве случаев трудно провести границу между лексическими значениями реальной и предполагаемой возможности , а также предположением, поэтому сочетания can + Act.Ind. Inf. для выражения предположения сопровождаются модальными словами perhaps,maybe ,possibly и т.д.

В этом случае возможны два варианта перевода на русский язык: либо личной формой глаголов "мочь","смочь" в сочетании с неопределенной формой полнозначного глагола, либо непосредственно личной формой полнозначного глагола. При переводе в обоих вариантах предположение подчеркивается модальными словами "возможно,может быть,вероятно" и т.д.

" Maybe I can find something for you to do." (J.Steinbeck. The Chrysanthemums,MASSt.,p.353).

В значениях побудительной модальности сочетания can + Act.Ind.Inf. используются для выражения: предложения,совета,рекомендации (10 %)

" What have you got to eat?"

" I can give you any kind of sandwiches", George said.

(E.Hemingway. The Killers, MASSt.,p.297);

обращения, просьбы (4 %)

" What can I do for you,Major?" (E.Heym. The Ex.,p.159). They can bring my net out later and hang it from the tree and build the fire up ...

(E. Hemingway. The Snows of Kilimanjaro, MASSt., p.240),

выражения разрешения совершать какое-то действие

" Can I buy an ice-cream cone, Mummy ? " (A.Sexton. The G.M., p.230).

Структурная формула перевода

могу (-ут) можем(-ете,-ет,-ешь) можно	+ НФ

иногда при в рамках предложения, совета, рекомендации также [illegible] могут быть переведены полнозначным глаголом.

3.3. Сочетания can + Pass.Ind.Inf.употребляются почти в 30 раз реже сочетаний can + инфинитив действительного залога данного вида. Такое явление вполне закономерно, поскольку в пассивных оборотах на первое место выдвигается действие и сказуемое, и то время как в большинстве случаев в художественной литературе внимание концентрируется на агенсе, что требует употребления действительного залога.

Поскольку пассивные сочетания обычно используются при отсутствии агентов обобщенных, между ними и сочетаниями с Act.Ind.Inf. сохраняются некоторые семантические различия /11,стр.169/. Анализ экспериментального материала показывает, что семантика таких сочетаний значительно ушла, большой степени утрачивается элемент эмоциональности. Такие сочетания чаще всего употребляются для выражения возможности совершения возможного действия: если в предложениях действительного залога агенс имеет возможность или обладает способностью к совершению действия, то в страдательных конструкциях речь идет о возможности совершения какого-то не совпадающего с моментом речи действия над пациенсом. В этом смысле возможность, выраженная сочетанием can + Pass.Ind.Inf. носит ретроспективный характер, т.е. факт возможности лишь констатируется, исходя из реальной действительности, но из этого не следует логической необходимости осуществления действия .

" It only goes to show ", Bones remarked later," how easily you can be fooled on a man's character and how careful you have to be ". (M. Cohn. Survival of the Finkiest, MASSt., p.385).

Сочетания can + Pass.Ind.Inf. употребляются и для выражения гипотетической возможности обобщенного действия .

Beautiful young woman, twenty-eight years old, in perfect health,heiress to five hundred thousand dollars,desires correspondence with bachelor;object matrimony,if right party can be found." (J.Reed.Broadway Night,MASSt.,p.107).

В значении предположения сочетания can + Pass. Ind. Inf. как и с Act. Ind. Inf. обычно дополняются модальными словами maybe, possibly, perhaps и др.

В русском языке сочетаниям can + Pass.Ind.Inf. соответствуют

	могу (-ут) можешь (-ет,-ете,-ем)	+ быть + КСП[1] + НФ (ся)
или	можно + НФ .	

В некоторых случаях возможен перевод личной формой полнозначного глагола. В значении предположения такие конструкции усиливаются словами "может быть", "возможно" и т.д. Придаточные цели с рассматриваемыми сочетаниями переводятся неопределенно-личными предложениями, часто без модального глагола. "All I know is that we'd better get some man to stand guard at both entrances, so we be warned when somebody comes. (S.Heym. The Cr.,p.391).

3.4. Семантика негативных сочетаний can't (cannot) + Act. Ind. Inf. является как бы полярной противоположностью семантике can + Act.Ind.Inf. Если позитивные сочетания несут, например, значения возможности (способности), то негативные - невозможности совершения действия в силу наличия каких-то препятствий или неспособности субъекта выполнить действие из-за физических или психических дефектов, отсутствия знаний. Most of them can't walk farther than the gate ... ". (S.Heym. The Cr., p.559).

Негативные сочетания can't (cannot) + act.Ind. Inf. как и позитивные, могут выражать предположение, причем в этом случае - предположение о невозможности. " Maybe it is my fault ", he said. " Maybe we can't get along together ". (A.Sexton. The O.M., p.380).

В рассмотренных значениях сочетания can't (cannot) + Act.Ind.Inf. переводятся на русский язык

не +	(с)могу (-ут) (с)можешь (-ет,-ем,-ете) (с)умею (-ешь,-ет) (с)умеем (-ете,-ют) способен (-а,-о,-н)	+ НФ .

Негативные сочетания обычно более экспрессивны, чем соответствующие позитивные, например, при выражении обращения (просьбы) наблюдается оттенок раздражения, нетерпения, мольбы, упрека (главным образом в вопросительно-отрицательных предложениях)." Oh,Daddy,can't you give her some - thing to make her stop crying?"asked Nick.(E.Hemingway.Indian Camp,MASSt.,253).

В этом случае в предыдущую формулу перевода "разве","неужели". Сочетаниям can't(cannot) с инфинитивами глаголов восприятия в русском языке могут соответствовать

	разве неужели	+ ЛФ[2]

"Now listen, Ed, stop that, now! I'm desperate, I'm desperate, Ed, do you hear? Can't you see?" (T.Dreiser. Typhoon,MASSt.,p.92).

1. КСП - краткое страдательное причастие от полнозначного глагола, входящего в состав сочетания.
2. ЛФ - личная форма полнозначного глагола.

Сочетания can't(cannot) + Act.Ind.Inf. могут служить для выражения запрета или невозможности выполнения действия в силу морального долга, отсутствия права.

I impose my own censorship!...What I see in the Lower Depth I can't print, because it would be a disgrace to the Army.(S.Heym.The Cr.,p. 69I).

Иногда для акцентирования внимания на факте запрещения или невозможности такого рода прибегают к раздельному написанию can not.

You can not quote me on what I'm telling you now: The main push will be directed towards Paris. (S.Heym. The Cr.,p.I43).

В художественной прозе такое явление встречается довольно редко. В нашем экспериментальном материале встретилось два случая. В исследуемом М.Е.Эрман корпусе отмечен только один случай /51,стр.15/.

Для перевода могут быть использованы следующие сочетания

не + | могу (-ут) / можешь (-ет,-ете) / нельзя | + НФ .

Одним из выразительных средств языка художественной прозы являются модальные глагольные сочетания типа can't + stand + Act.Ind.Inf., can't + help + Gerund, которые подчеркивают отсутствие возможности или способности к невыполнению действия. Иначе говоря, значение данных сочетаний приближается к значению обязательности, неизбежности. Такие сочетания соответствуют до некоторой степени русскому двойному отрицанию с глаголами "мочь","переставать" -

не + | могу (-ут) / можешь(-ет,-ем,-ете) | + не + НФ ,

не + | перестаю (-ют) / перестает(-ем) | + НФ ,

нельзя + не + НФ .

I can't stand to think about him waiting in the room and knowing he's going to get it. (E.Hemingway. The Killers, MASSt.,p.276).

I can't help wondering why the Education Committee would have asked such an inexperienced member as yourself to teach a course here.(A.Saxton.The G.M.,274)

3.5. В сочетаниях с Passive Indefinite Infinitive can't и cannot встречаются значительно реже, чем с инфинитивом активного залога (табл. 4). В четырех случаях из пяти сочетания can't + Pass.Ind.Inf. представляют фразеологическую модально-предикативную конструкцию, характерную для разговорной речи - (it) can't be helped , которая служит для выражения реальной или предполагаемой неизбежности, безвыходности положения, когда на ход событий при сложившихся обстоятельствах уже ничто не может повлиять.

To be shot at is one of the risks you run in war; it can't be helped. (S.Heym. The Cr.,p.II8).

На русский язык такое сочетание может быть переведено словами "это неизбежно","этого нельзя избежать","ничего не поделаешь".

Близок по смыслу к этим выражениям и пятый случай.

He admits that I can't be blamed and in the same breath he blames me and

absolves me by taking the blame upon himself.(S.Heym. The Cr.,p.479).

Сочетания cannot + Pass.Ind.Inf. используются для выражения невозможности совершения действия при сложившихся обстоятельствах.

All the blame for what took place cannot be put off on Ed,though; Gus Streetman should be held just as responsible for what happened as anyone else in town.(E.Caldwell. The People's Choice, MASSt.,p.400).

На русский язык оно переводится сочетанием " нельзя " + НФ ".

3.6. Интересной особенностью американской художественной прозы является отсутствие сочетаний глагола can в утвердительной форме с перфектным инфинитивом. В рассматриваемом экспериментальном материале таких сочетаний не отмечено (табл.3). В работах других авторов о них либо не упоминается (А.Томсон и А.Мартине /61/, Д.Керм /49/, Ч.Фриз /53/, М.Джус /56/), либо констатируется их отсутствие (И.Лебрун /57/, М. Эрман /50,51/).

Однако следует отметить, что отрицательная форма can't в отличие от утвердительной can может, хотя и достаточно редко, употребляться в сочетании с перфектным инфинитивом действительного залога. Так в нашей выборке сочетание can't + Act.Ind.Inf. встретилось только три раза (табл.3), причем в двух случаях повторяется одна и та же фраза - he can't have gone.

She whispered over and over to herself He can't have gone. (A.Saxton . The G.M.,p.400).

В приведенном примере говорящий сомневается в положительном акте , он скорее подчеркивает желание или субъективную уверенность в обратном. То же самое наблюдается и в третьем случае. God knows who that girl was, she can't have been very nice..." (S.Heym. The Cr.,p.496).

Формула перевода -

не + мог (-ла,-ло,-ли) + НФ ,
вряд ли + ЛФ .

3.7. Сочетание can + Cont.Inf. в нашей выборке встретилось только один раз (табл.3). Оно использовано для выражения предположения, что при сложившихся обстоятельствах события могут развертываться не в пользу собеседников (заинтересованных сторон).

You will understand,Prince,that in the delicate balance of the play of free ecomomic forces,lack of garmony,undue competition,and so on can be damaging not only to your House and to my friends whom I represent, but to the general task of reconstruction which confronts all of us.(S.Heym,p.249).

3.8. Сочетание can't + Cont.Inf. отмечено также только в одном случае, когда внешняя форма отсутствия возможности использована для передачи нежелания субъекта совершить действие, его пренебрежения к происходящему.

When the sun goes down,I'm on my own. I can't be stopping to see what color people be. (E.Caldwell. Candy-Man Beechum, MASSt.,p.413).

4. Сочетания could + Infinitive

4.1. Корреляционные связи could с различными инфинитивными формами полнозначных глаголов значительно шире, чем у can. Так, например, could достаточно часто встречается в сочетаниях с перфектным инфинитивом, что несвойственно can (в утвердительных сочетаниях). Большие величины имеют и коррелятивные функции сочетаний could + Pass.Ind.Inf.; could + Cont. Inf. (табл.5).

Таблица 5

MV	Коррелятивные функции (КФ) сочетаний					
	Indefinite		Perfect		Continuous	
	Active	Passive	Active	Passive	Non-Perfect	Perfect
could	0,8741	0,0445	0,0745	0,0021	0,0048	-
couldn't	0,9291	0,0248	0,0426	-	0,0035	-
could not	0,8846	0,0641	0,0513	-	-	-

4.2. Исходя из статистических данных, анализ семантики сочетаний целесообразно начать с наиболее обширной группы could + Act.Ind.Inf.. Такие сочетания, как и с конституентом can, несут главным образом значение реальной возможности или способности совершить действие в силу наличия физических данных субъекта, его умения, жизненного опыта.

She could read what he had to say on his face.(E.Caldwell. The Wild Flowers, MASSt.,p.425). Will could grow good cotton.(E.Caldwell. Saturday Afternoon, MASSt.,p.396).

Формула перевода при этом -

мог (-ла,-ло,-ли)
умел (-ла,-ли)
был (-ла,-ли) способен(-на,-ны) + НФ.

В придаточных дополнения возможен перевод модального глагола настоящим временем.

Сочетания could с инфинитивом общего вида глаголов восприятия передают в большинстве случаев не физическую способность субъекта к ощущению и восприятию объективной действительности, а факт отсутствия каких-либо препятствий к данному восприятию и на русский язык переводятся непосредственно личной формой глагола в прошедшем времени.

They could hear someone moving on the stairway down.
(A.Saxton. The G.M.,p.403).

Сочетания could + Act.Ind.Inf. используются также для выражения возможности действия, которое не соответствует объективной действительности, но тем не менее представляется субъекту как реальное, действительное. Because, just then, death had come and rested its head on the foot of the cot and he could smell its breath. (E.Hemingway. The Snows of Kilimanjaro, MASSt.,p.245).

Как правило такие сочетания переводятся на русский язык полнозначным глаголом восприятия в прошедшем (или настоящем) времени.

Среди всех сочетаний could + Act.Ind.Inf. на долю перечисленных значений, выражающих возможность или способность в том или ином виде, приходится 54 %. При этом наблюдается некоторое преобладание значения "способности", против "возможности".

Достаточно часто (свыше 33 %) сочетания could + Act.Ind.Inf. употребляются для выражения гипотетической возможности, главным образом в сложноподчиненных предложениях как в аподозисе, так и в протазисе. В переводе гипотетичность передается сослагательным наклонением.

If you could find out from them, and come back, we could do it." (E.Caldwell. Slow Death, p. 418).

В ряде случаев (6,5 %) такие сочетания выражают нереализованную возможность, ограниченную во времени. Чаще всего в этом значении они используются в придаточном времени с союзом before. Наиболее близкими эквивалентами в русском языке в этом случае будут сочетания

не (прежде чем) + | успел (-ла,-ло,-ли) / (с)мог(-ла,-ло,-ли) | + НФ.

Before I could say anything, he had turned around and started up the street again. (E.Caldwell. Slow Death, MASSt., p.418).

В значении предположения сочетания could + Act.Ind.Inf. в большинстве случаев сопровождаются модальными словами possibly, probably, perhaps, maybe. " He probably could be happy", she thought to herself, all alone. "He's so strong." (T.Dreiser. Sister Carrie, p.361)

Сочетания could + Act.Ind.Inf. употребляются также в прямых и косвенных вопросах, когда субъект спрашивает разрешение (позволение) совершить определенное действие. Формула перевода - можно (ли) + НФ.

Could I go wake Dave? (A.Saxton. The G.M., p. 230).

...you asked Grandfather you could have them/barrels/ to play with, and he said, no. (E.Hemingway. The Snows of Kilimanjaro, MASSt., p.240, 241).

В общем объеме значений эта группа занимает немногим более 1 %.

Рассматриваемые сочетания употребляются также при обращении (более вежливом, чем с can + Act.Ind.Inf.) с просьбой. В этом случае говорящий обычно не уверен, что его просьба будет удовлетворена. Удельный вес употребления could + Act.Ind.Inf. в данном значении невелик - менее 2 %. На русский язык они переводятся главным образом сочетаниями " может быть + ЛФ ". Could you eat now? (E.Hemingway. MASSt., p.239).

4.3. При отрицании несколько чаще употребляются сочетания could not + Act.Ind.Inf., чем couldn't + Act.Ind. Inf. Незначительное превышение полной формы отрицания над стяженной объясняется тем, что первая употребляется как в диалогической, так и в монологической речи, в то время как вторая преимущественно в диалогической. Оба сочетания чаще всего (около 80 %) выражают отсутствие возможности (неспособность) совершения действия.

he couldn't take her with him,and he couldn't stay.(A.Saxton.The G.M.,p.26). Pledger could not speak for a moment;...(A.Saxton. The G.M.,p.II6).

В некоторых случаях отрицание возможности (способности) носит гипотетический ирреальный характер.

You couldn't hold a decent job if you had one -"(A.Saxton. The G.M.,p.342).

Структурная формула перевода при этом -

не + | (с)мог (-ла,-ло,-ли)
(с)умел(-ла,-ли)
был(-а,-и) способен (-а,-ы)
удалось, удавалось | + НФ

Иногда, в зависимости от контекста, возможен перевод и настоящим временем. Сочетания couldn't(could not) с инфинитивами глаголов восприятия в большинстве случаев переводятся личной формой смыслового глагола с отрицанием. Для передачи гипотетичности отсутствия возможности (способности) чаще всего используется в русском переводе сослагательное наклонение. Если отсутствие возможности (способности) приобретает характер предположения, догадки, то такие сочетания дополняются соответствующими модальными словами.

He could not possibly take the pleasure in this company that he had in that of those fine frequenters of the Chicago resort.(T.Dreiser. S.C.,p.365).

Сочетания couldn't (could not) + Act.Ind.Inf. могут использоваться при робком обращении с целью предложения своей помощи, услуги, особенно в том случае, когда неизвестно, как её воспримут. На русский язык такие сочетания можно перевести

может
может быть
хотите (хочешь) | + ЛФ .

Please don't talk that way. Couldn't I read to you?(E.Hemingway. Snows of Kilimanjaro, MASst.,p.227).

Негативные формы couldn't и could not могут являться конституентами следующих сочетаний

couldn't
could not | + | help + but + Infinitive
help
avoid | + Gerund

которые несут значение неизбежности действия, когда субъект не может (неспособен) сдержаться и невольно совершает его. В русском языке таким сочетаниям соответствуют

не + мог (-ла,-ло,-ли) + не + НФ ,
невольно + ЛФ (время по контексту).

Carrie could not help but the vibration of force...(T.Dreiser. S.C.,p.I06). She could not avoid liking the buoyancy of his arrogance,because at least he was consistent. (A.Saxton. The G.M.,p.304).

4.4. Второе место по частоте употребления среди сочетаний could с инфинитивами занимают could + Act.Perf.Inf. (см.табл.3,5).

Такие сочетания служат для выражения гипотетической возможности в прошлом, сожаления по поводу нереализованной в свое время возможности.

Эквивалентами перевода в этом случае могут служить сочетания

(с)мог (-ла,-ло,-ли) / (с)умел(-ла,-ли) | + бы + НФ

или

лучше бы + ЛФ (прошедшее время).

You always said you loved Paris. We could have stayed in Paris or gone anywhere. I'd have gone anywhere. I said I'd go anywhere you wanted. If you wanted to shoot we could have gone shooting in Hungary and been comfortable. (E.Hemingway. The Snows of Kilimanjaro, MASSt.,p.228).

Сочетания could + Act.Perf.Inf. могут нести значение предположения, относящегося к прошлому, причем факт предположения подчеркивается модальными словами maybe,perhaps,possibly,probably. Формула перевода -

может быть / возможно / наверное / вероятно | + | (с)мог (-ла,-ло,-ли) / сумел (-ла,-ли) / удалось / был (-а,-и) + бы + способен(-на,-ны) + НФ | +(бы)+ НФ

He wondered now why he had not asked whether this train went on through to Montreal or some Canadian point.Perhaps he could have saved time. (T.Dreiser. S.C.,p.311).

4.5. Сочетания отрицательных форм couldn't(could not) с перфектным инфинитивом действительного залога обычно используются для выражения предполагаемой невозможности осуществления действия,к которому источник акта коммуникации не имеет отношения.

She knew the conference could not have ended yet...(A.Saxton.The G.M.,318)

В русском языке таким сочетаниям могут соответствовать

не + | мог (-ла,-ло,-ли) / сумел (-ла,-ли) | + НФ .

Для передачи гипотетичности высказывания, относящегося к прошлому, когда не чувствуется большой уверенности, на русский язык сочетания couldn't (could not) + Act.Perf.Inf. переводятся сослагательным наклонением, иногда с введением модальных слов "возможно","может быть","вероятно" и т.п.,исходя из контекста .

If she had never known Dave,or Martin either, the conflict could not have been very different.(A.Saxton. The G.M.,p.397).

4.6. Третье место по частоте употребления в американской художественной прозе занимают сочетания could с пассивным инфинитивом общего вида. Как и соответствующие сочетания с can, они обычно характеризуют некоторое обобщенное действие, причем модальность носит ассерторический характер. Структурная формула перевода таких сочетаний может быть представлена в виде

могли / можно было | + НИ

мог (-ла,-ло,-ли) + быть + КСП ,

с глаголами восприятия - был (-ла,-ло,-ли) + КСП. Иногда возможен перевод настоящим временем (по контексту).

A white liquid spurted over my clothes and the voice of one of the actresses could be heard coming from the one lighted room of the house.(Sh.Anderson. Milk Bottles, MASSt.,p.150,151).

Если сочетания используются для передачи гипотетической ирреальной возможности, которая скорее желательна, чем осуществима, в переводе может быть использовано сослагательное наклонение.

Her one thought now was to get off and away. If only the flying train could be stopped, the terrible track would be amended. (T.Dreiser. S.C.,p.305).

4.6. Негативные сочетания couldn't (could not) + Pass.Ind.Inf. , в противоположность позитивным, несут значения невозможности совершения обобщенного действия. В этом случае формула перевода приобретет вид –

не могли / нельзя было + НФ ,

не + мог (-ла,-ло,-ли) / был (-ла,-ло,-ли) + быть + КСП

Neither he nor Tolachian could escort them, and Laborde could not be trusted – the Lieutenant would have paraded them along a considerable sector of the front, just to prove that he was untouchable. (S.Heym. The Cr.,p.130).

В значении гипотетической невозможности такие сочетания переводятся сослагательным наклонением по указанной выше формуле.

Достаточно часто встречаются фразеологические модально-предикативные сочетания (it) couldn't (could not) + be helped для выражения неизбежности действия, обычно не столько реальной, сколько предполагаемой. Такие сочетания переводятся на русский язык

ничего нельзя было поделать
это было неизбежно
этого нельзя было избежать

Well, I suppose it couldn't be helped. (S.Heym. The Cr.,p.750).

4.7. Сочетания could с пассивным перфектным инфинитивом в художественной прозе встречаются очень редко (из 4432 сочетаний только 8). Они служат для выражения предположения (сомнения), опасения за неблагоприятный исход (поиск наиболее вероятного события из ряда возможных).

Could something have happened out there to keep her away? Could she have been reached by his wife? Surely not, (T.Dreiser. S.C.,p.266).

4.8. Для выражения возможности (или её отсутствия) в определенный момент времени используются сочетания could (couldn't) + Cont.Inf. В исследуемой выборке отмечено 7 позитивных сочетаний и лишь одно негативное. That enemies could be hiding behind it/the barricade/ never entered his mind. (S.Heym. The Cr.,p.190). The bushes whipped around his legs, where his legs had been. He couldn't be waiting for the back-strike of no swamp--country bushes. (E.Caldwell. Candy-Man Beechum, MASSt.,p.412).

5. Сочетания may + Infinitive.

5.1. Переходя к анализу модальных глагольных сочетаний may + Inf. следует отметить, что глагол may неоднократно был предметом специальных исследований /20,25,26,50,51,58,59/. Тем не менее не были определены независимые и условные синтагматические вероятности, степень связи may с перфектной и неперфектной формой инфинитива продолженного и общего вида, действительного и страдательного залогов. В литературе также отсут-

ствуют обобщенные структурные формулы перевода сочетаний в том или ином значении.

Глагол may в современной американской художественной литературе встречается значительно реже, чем глагол can (см.табл.3). Отношение независимых синтагматических вероятностей may и can составляет приблизительно 0,11 [1]. В то же время коррелятивные связи may с инфинитивами полнозначных глаголов несколько шире, что легко увидеть при сравнении табл. 4 и 6, где приведены коррелятивные функции тех и других сочетаний.

Таблица 6

M V	Коррелятивные функции (КФ) сочетаний					
	Indefinite		Perfect		Continuous	
	Active	Passive	Active	Passive	Non-Perf.	Perfect
may	0,8534	0,0689	0,0604	-	0,0173	-
mayn't	-	-	-	-	-	-
may not	1,0000	-	-	-	-	-

May встречается в сочетаниях, которые нехарактерны для can. Например, если КФ сочетаний can с перфектным инфинитивом равна нулю, то степень зависимости между may и данной формой инфинитива достаточно высокая (КФ = 0,0604). Более сильные связи просматриваются также между may и Passive Indefinite Infinitive, may и Continuous Infinitive. Такие различия обусловлены спецификой семантики модальных глагольных сочетаний с may.

3.2. Несмотря на то, что глагольные сочетания с конституентами may и can в ряде случаев выступают в формально одинаковых значениях, их, вероятно, нельзя считать адекватными. Если глагольные сочетания с can выражают главным образом реальную возможность, когда ничто не мешает реализации действия, то возможность, выраженная сочетаниями may + Act.Ind. Inf., всегда несет элемент случайности или неопределенности, т.е. нет никаких препятствий, но и нет полной гарантии осуществления действия.

" Easy now !" he ordered Mc. Guire, "we may run into opposition any minute." (S. Heym. The Cr.,p.149).

Сюда следует отнести и возможность осуществления действия, обусловленную наличием права, причем и в этом случае просматриваются неопределенность, гипотетичность. Субъект конкретно не располагает правом, о котором идет речь, а лишь отмечает его наличие.

" Don't you see," said Willoughby,"any German plant, to-day is a highly uncertain property. We may consider it as war potential and destroy it - we may use it for reparations.." (S. Heym. The Cr.,p.630).

На долю таких сочетаний приходится около 6 % из всего объема сочетаний may + Act.Ind.Inf. Формула перевода в этих значениях имеет вид

1. Без разделения на позитивные и негативные формы. См. статью З.Д.Беляевой "Некоторые статистические характеристики распределения модальных глаголов" в настоящем сборнике, стр.129.

могу (-ут)
можем(-ете,-ет,-ешь) | + НФ .

Наиболее часто (33 %) сочетания may + Act.Ind.Inf. используются для выражения предполагаемой (допускаемой) возможности, появляющейся при каких-то определенных условиях или обстоятельствах, также с оттенком неопределенности в отличие от сочетаний с can . При этом возможен перевод

могу (-ут)
можем(-ете,-ет,-ешь)
рискую(-ешь,-ет)
рискуем(-ете,-ют) | + НФ .

I'm going to make Lämmlein the Mayor of Kremmen,provided we can come to an understanding.If we can't, you may lose everything,even this house. (S.Heym. The Cr.,p.630).

Иногда возможен перевод непосредственно полнозначным глаголом в личной форме. We'll catch up with you, don't worry; but it may take a few days.. (S. Heym. The Cr., p. 498).

Около 30 % сочетаний may + Act.Ind.Inf. в рассматриваемой выборке по художественной прозе использованы авторами для выражения неуверенного предположения. В отличие от сочетаний с can , в данном случае границы между значениями возможности и предположения прослеживаются более четко, поэтому нет необходимости в каком-либо усилении, и модальные слова, характерные для сочетаний с can в значении предположения, обычно отсутствуют. В русском языке данным сочетаниям могут соответствовать

может быть
возможно
по-видимому | + ЛФ .

And the second novel was just as difficult to write as the first. It may be that he was a good deal exhausted. (S.Anderson.The Lost Novel,MASSt.,p.162).

Достаточно часто (18 %) сочетания may + Act.Ind.Inf. служат средством выражения разрешения, носящего более официальный характер по сравнению с can + Act.Ind. Inf . You may speak German, Corporal Abramovici here will translate. (S.Heym. The Cr., p.729).

Просьба (испрашивание разрешения,позволения), выраженная сочетанием may + Act. Ind. Inf., также носит более официальный и почтительный характер по сравнению с просьбой, выраженной can + Act. Ind. Inf.,которые характерны при общении близких или хорошо знакомых людей. Ср. May I use your phone? (S. Heym. The Cr., p.188). Can I come in, Mom? (A. Saxton. The G.M., p.183).

Формулы перевода достаточно просты: в значении разрешения

можешь (-ете) + НФ ,

реже

может (могут) + НФ ;

при обращении с просьбой о разрешении

могу (-ут)
может(-ем)
можно
разрешите | + НФ .

5.3. Сочетания may not + инфинитив встречаются исключительно редко (12 случаев из 4432) и только с неперфектным инфинитивом общего вида действительного залога. Следует отметить, что отрицательная частица not относится к инфинитиву, а все сочетание осмысливается как предположение негативного действия. Формула перевода –

можешь(-ете,-ет) могут	+ не + НФ

или

(хотя)может быть + не + ЛФ .

You may not know, Nancy Lee, but years ago we were called the dirty Irish,... (L.Hughes. One Friday Morning, MASSt.,p.382).

При прямом отрицании в том или ином значении употребляются главным образом сочетания с глаголом can.

5.4. Сочетания may с пассивным инфинитивом общего вида употребляются значительно реже подобных сочетаний с глаголом can (табл.3). Интересно, что в литературе, посвященной исследованию английского языка (британского варианта), встречается утверждение обратного порядка: " May чаще сочетается с пассивным инфинитивом, чем can " /40,стр.294/. В данном случае оценка "чаще" носит достаточно неопределенный характер, поскольку неизвестно о каких частотах идет речь.

На основании проведенного анализа американской художественной прозы можно утверждать, что условная синтагматическая вероятность сочетаний may + Pass.Ind.Inf. в 3 раза меньше, чем can + Pass.Ind.Inf. (т.е.первые встречаются в 3 раза реже вторых). Однако коррелятивные функции сочетаний may с пассивным инфинитивом общего вида, найденные как отношение условной вероятности к независимой/3,стр.22/, оказывается почти вдвое выше. Отсюда можно сделать заключение, что may обладает большей "способностью" вступать в сочетания с пассивным инфинитивом, однако поскольку may , вообще, в художественной литературе используется достаточно редко, то естественно, что абсолютная частота рассматриваемых сочетаний оказывается очень малой, тем более что модальные глагольные пассивные сочетания в принципе нехарактерны для художественной прозы (в отличие от научно-технической, где они преобладают).

В отмеченных 8 случаях сочетания may + Pass.Ind.Inf. встречаются с 3-м лицом и служат для выражения негарантированной возможности обобщенного действия, с переводом на русский язык –

может(могут) можно	+ НФ.

It is a hopeful literature and declares that much may be done by simple ambitious people who own a few hens. (Sh.Anderson. The Egg, MASSt.,p.128).

Либо для выражения неуверенного предположения (слабой вероятности) появления какого-то действия, агенс которого, как правило, не упоминается. В этом случае перевод

может быть возможно по-видимому	+ ЛФ.

5.5. Интересная картина наблюдается в распределении сочетаний may и can с перфектным инфинитивом. Если сочетания can + Perf.Inf.встречаются очень редко и только в негативных предложениях, то may + Perf.Inf. , несколько чаще и, напротив, только в утвердительных предложениях (см. табл. 3). Подобное явление можно объяснить тем, что глагол may не употребляется в прямом отрицании.

Сочетания may + Act.Ind.Inf, выражают неуверенное предположение, граничащее с догадкой, о действии в прошлом. Адекватным переводом в русском языке могут быть сочетания

может быть возможно вероятно	+ ЛФ (в прошедшем времени).

It may have been that mother was responsible. (Sh.Anderson. The Egg, (MASSt.,p.127).

Иногда may + Act.Perf.Inf. служат для выражения допущения того, что действие имело место в прошлом. В русском языке в этом случае можно использовать сочетания

(хотя) может быть + если пусть + (даже) +	+ ЛФ (в прошедшем времени, иногда с частицей "бы")

I may be in a spot. I may even have gotten myself into it- but you're going to do everything to get me out. (S.Heym. The Cr.,p.746).

5.6. Сочетания may + Cont.Inf. в американской художественной прозе встречаются крайне редко. Так, например, в экспериментальном материале, обработанном М.Эрман, такие сочетания не найдены вообще /51,стр.27/. Это позволило ей сделать заключение о неупотребительности сочетаний с инфинитивом продолженного вида.

В выборке,анализируемой в настоящей работе, отмечены два случая употребления таких сочетаний для выражения предполагаемой возможности, обусловленной желанием субъекта. В этом случае могут использоваться два варианта перевода:

может (-ешь,-ете) могут захочет(-ешь) захотите(-ят)	+ НФ

или непосредственно полнозначным глаголом в будущем времени. Однако второй вариант перевода будет нести несколько большую степень категоричности, чем она чувствуется в оригинале.

But aren't you afraid Leeds may be using the Quarterly as a Transmission belt for radical ideas,Smith ?(A.Saxton. The G.M.,p.126).

"...if you may soon be shipping again with things like they are," Ardwick wrote. " I'll be in New York another fortnight,and I've no objection to shipping with you,if you've no objection yourself." (A.Saxton. The G.M.,p.386).

Сочетания may с перфектным инфинитивом продолженного вида не встретились не в нашем экспериментальном материале, ни в работе М.Эрман. Нет упоминания о них и у других американских авторов. Это позволяет заключить,что вероятность их употребления в американском варианте практически равна нулю.

6. Сочетания might + Infinitive

6.1. Специфической особенностью might является его тенденция вступать в коррелятивные связи со всеми формами инфинитива, кроме Perfect Continuous Infinitive (табл.7).

Таблица 7

M V	Коррелятивные функции (КФ) сочетаний					
	Indefinite		Perfect		Continuous	
	Active	Passive	Active	Passive	Non-Perf.	Perfect
might	0,7626	0,0480	0,1515	0,0101	0,0278	-
mightn't	0,7500	0,2500	-	-	-	-
might not	0,4706	0,2353	0,2353	0,0588	-	-

Анализируя семантику сочетаний might + инфинитив, легко убедиться, что сфера использования их полностью перемещается в область "Модальности Недействительности" /17,стр.76/. В любом значении всегда просматривается ирреальность, гипотетичность, обусловленные либо внешними обстоятельствами, либо субъективными свойствами.

6.2. Сочетания might + Act.Ind.Inf. чаще всего (около 70 %) выражают гипотетическую возможность. Это либо слабая возможность совершения действия в настоящем или будущем, скорее предполагаемая, чем гарантированная, She was afraid that the intonation of her voice might mislead him. (A.Saxton. The G.M.,p.142),
либо возможность, существующая лишь в воображении субъекта. She had even imagined that he might try to make ashamed by waving his service in the Spanish war in front of her. (A.Saxton. The G.M.,p.143).
На русский язык эти сочетания в таких случаях переводятся либо

может / могут + НФ,

либо ЛФ глагола совершенного вида. Иногда -

пожалуй / пусть + ЛФ,

или прошедшим временем с частицей " бы ". For anybody else's best, great though it might be, even michelangelo's, wasn't enough to please Miss Dietrich ... (L.Hughes. One Friday Morning, MASSt., p.375).

В таких конструкциях, как

regardless of what / no matter what / of whatever + Subject + might + be,

сочетание might + be на русский, как правило, не переводится.

The vice-president interrupted in his soothing voice to explain that the last convention of the Carbuilders Union and amended the constitution, enabling brothers to join regardless of what might the color of their skin.(A.Saxton. The G.M.,p.221).

Несколько реже (около 20 %) сочетания might + Act.Ind.Inf. выступают в значении предположения, иногда неуверенного. Формула перевода:

может быть возможно	+ ЛФ .

he returned to the study of his map and muttered hopefully,selecting several localities which might possibly be those in which they lived.(S.Maugham. The Cr.,p.110).

Иногда такие сочетания встречаются в конструкциях вида might + as well + Act. Ind. Inf. , где might as well рассматривается как модальный /51,стр.29/. Эта конструкция в целом выражает сожаление или легкость субъекта перед тем, некоторое действие. Иногда выражение выражает столько выражает внешние обстоятельства, чем, сколько субъективное отношение. На русский язык в этом случае можно перевести –

почему (бы) не желательно (бы) лучше (бы)	+ НФ .

I got no family, I'm too old to be chasing skirts; I might as well have a tin lizzy . (A.Saxton. The G.M.,p.89).

Сочетания might + Act.Ind.Inf. употребляются также для выражения нерешительного предложения, вежливого обращения, например между лицами, хорошо знающими друг друга /51,стр.29/

" We might stay and eat too a while", [illegible] (A.Saxton. The G.M.,[illegible]) а также в косвенных вопросах, выражающих просьбу в вежливой форме.

"Then I need hardly ask you if you might use this telephone" [illegible] (A.Christie. [illegible], [illegible]).

G.P. [illegible] might [illegible] [illegible] might + Act. Inf. [illegible] /51,стр.71/. Данное сочетание может быть выражением предположительности, т.е. возможности, которая не имеет места в действительности, а только предполагается на основании (субъективных) при определенных условиях. Как сказано, at a distance of three blocks in a dark street, you might have thought that [illegible] (J.Hemingway. [illegible], [illegible]).

Иногда might идет со [illegible] или другого вида возможности. – [illegible] случае выражает [illegible] или сожаление по этому поводу. – [illegible] to defend myself. (A.Saxton. The G.M.,p.341).

Сочетания might + Act. Ind, Inf. могут выражать и предположение о совершении действия в прошлом. Предположение при этом имеет [illegible] и носит субъективный характер. [illegible] broad road,such a road as Caesar might have made.(S.Anderson. [illegible]).

В соответствии с отмеченными выше значениями возможны следующие варианты перевода;

мог (-ла,-ло,-ли)	+ НФ ,
может быть возможно	+ ЛФ (прошедшее время).

2.4. Семантика пассивных конструкций с might весьма отражает [illegible] might + pass.Ind.Inf. служат для выражения гипотетической возможности

ности обобщенного действия, которому ничто не мешает осуществиться, но и нет гарантии его реализации. При переводе на русский язык это значение можно передать следующими сочетаниями

можно + НФ

или

могут быть / может быть | + КСП .

He had no reason to disbelieve what Pettinger had told him - that the obersturmbahnführer had inspected the mine and had found it might very well be used by the Americans ... .(S.Heym. The Cr.,p.40I).

Наиболее редко might встречается в сочетании с перфектным инфинитивом страдательного залога. Такие сочетания выражают предположение, относящееся к прошлому с оттенком сомнения, неуверенности.

Sourire claimed laughing that he had carried Dondolo home; but that was hardly probable since Sourire was even shorter than Dondolo and didn't have the American's stockness.So,other people might have been involved - friends of Sourire. (S.Heym. The Cr.,p.2I4).

В некоторых случаях - предполагаемую возможность события, которое могло иметь место в прошлом, но не произошло. Oh my God! We might have been asphyxiated right in bed. (A.Saxton. The G.M.,p.I7I).

Структурная формула перевода -

может быть / возможно | + ЛФ ,

мог (-ла,-ло,-ли) + ЛФ (ся) .

6.5. Модальные глагольные сочетания might + Cont.Inf. используются для выражения предположения, что действие может происходить или происходит в определенный момент времени. Предположение носит характер догадки, основанной на субъективном мнении. На русский язык переводится

может быть / возможно | + ЛФ .

It struck him as a rather poor home for a firm which, before the Nazis had settled in Paris, controlled much of the iron ore mining, processing, and steel production of France, and might still be controlling it. (S.Heym. The Cr., p. 243).

Иногда такие сочетания служат для выражения своеобразного удивления по поводу возможности (способности) субъекта.

Pettinger suddenly thought of Dehn as he had been in the end, broken but still maintaining his diseased arrogance and wondered in what hole he might be rotting. (S.Heym. The Cr., p. 569).

В этом случае перевод осуществляется либо сочетаниями типа " может (могут) + НФ ", либо личной формой полнозначного глагола[1].

6.6. Отрицательные формы might распространены значительно реже. Стяженная форма mightn't встретилась только три раза в сочетаниях с АсФ.

---

1. Ср.русск. "..., где он может ходить до сих пор.", или "...,где он ходит до сих пор".

Indefinite Infinitive (когда отсутствие возможности носит гипотетический характер). Some folks said she was a conjure and some folks said she wasn't,but everybody on the plantation treated her mighty respectful,because, if she put her eye on you ,she mightn't take it off. (S.Benet.MASSt.,p.335).

Сочетание mightn't + Pass.Ind.Inf. отмечено только один раз в вопросе, носящем характер сомнения, опасения за благополучный исход.

Mightn't we be struck by lightning ? (A.Saxton. The G.M.,p.290).

Сочетания might not + Act.Ind.Inf. указывают на предположение неблагоприятного исхода, причем частица not относится к инфинитиву полнозначного глагола. Структурная формула перевода имеет вид

может быть
возможно
(а) если | + не + НФ .

" You might not get back - in time", she cried frantically. (E.Caldwell. Wild Flowers, MASSt.,p.429).

При отрицании возможности некоторого обобщенного действия употребляются сочетания might not + Pass.Ind.Inf.

His wife took it for granted that his situation called for certain social movements in which she might not be included.(T.Dreiser. S.C.,p.141).

Интересно отметить, что такое сочетание встретилось только 4 раза и только в произведениях Т.Драйзера (3 раза в рассказах и один в романе "Сестра Керри").

6.7. Сочетания might not + Act.Perf.Inf. выражают предположение, что данное действие имело место в прошлом, хотя нет уверенности в том, что это предположение справедливо. Отрицательная частица not относится к инфинитиву (действию, выраженному инфинитивом). It might have been Gus who jerked out the center pole,bringing the tent down on top of everybody, and it might not have been Gus...(E.Caldwell,The People's Choice,MASSt.,p.405).

Иногда - предположение о том, что при некоторых обстоятельствах (условиях) действие могло не произойти. And Jim would say," It Milt hadn't of been so hoggish,he'd of ordered a half a cantoloupe instead of a whole one and it might not of stuck in his throat".(R.Lardner.Haircut,MASSt,,p.174).

На русский язык такие сочетания можно перевести

может быть
возможно | + не + НФ .

Отмечен только один случай использования сочетания might not с перфектным инфинитивом страдательного залога для выражения предположения.

It was as though he did not attach enough importance to what might or might not have been said by the civilian citizens to lie about it.(W.Faulkner. Percy Grimm, MASSt.,p.296).

В произведениях конца первой половины XX столетия негативные сочетания might not с перфектным инфинитивом действительного и страдательного залогов не встретились. Эта особенность отмечена и при анализе новейшей современной английской и американской литературы /57,стр.554/. Отсюда можно сделать вывод,что данные сочетания начинают исчезать из языковой нормы к средине XX века.

7. Сочетания must + Infinitive

7.1. Семантика сочетаний must + инфинитив еще не нашла своего должного отражения ни в нормативных грамматиках, ни в специальной литературе. Пожалуй, наиболее полно данный вопрос рассмотрен в работе М. Эрмана /51/, однако анализируемый корпус содержал весьма разнородный материал: предложения из художественных, математических, технических, теологических и др. произведений. Поскольку М. Эрман совершенно не касается количественных характеристик такой подбор экспериментального материала в какой-то степени может быть оправдан. При статистических же исследованиях каждый конкретный стиль необходимо рассматривать отдельно, так как содержание и формы высказывания неадекватны, и такие совокупности оказываются неоднородными по распределению интересующего нас признака.

В настоящей работе рассматривается семантика сочетаний must + инфинитив в американской художественной литературе, приводятся возможные варианты перевода, что в известной мере может помочь в составлении алгоритма перевода и будет полезным в процессе обучения.

Таблица 8

	Коррелятивные функции (КФ) сочетаний					
	Indefinite		Perfect		Continuous	
	Active	Passive	Active	Passive	Non-Cont.	Perfect
must	0,7269	0,0721	0,1628	0,0092	0,[illegible]	0,1211
must'n't	0,9445	–	0,0555	–	–	–
must not	0,8823	0,1177	–	–	–	–

В отличие от рассмотренных выше модальных глаголов коррелятивные связи must наиболее обширны, этот глагол встречается в сочетаниях с любой формой инфинитива (табл.8). Такие связи, естественно, приводят к снижению величины КФ каждого сочетания (табл.8). Связи отрицательных форм mustn't(must not) резко ограничены.

7.2. Наиболее распространены сочетания must + Act.Ind.Inf., которые в большинстве случаев (около 60%) несут значение необходимости совершения действия. Эта необходимость может быть обусловлена реальной действительностью или возникнуть в силу морального долга, служебных обязанностей и т.п. В этих случаях сочетания можно перевести

должен (-а,-о,-ы) / нужно + НФ.

Every morning I must give an accounting on whether or not the men who died, or were wounded, were lost for nothing. (S.Heym. The Cr.,p.11).

Вторым основным значением, в котором встречается почти 30 % сочетаний must + Act. Ind. Inf., является предположение. Степень уверенности предположения с must значительно выше, чем в сочетаниях с can или might.

В большинстве случаев оно граничит с уверенностью. В значении предположения сочетания must + Act.Ind. Inf. можно переводить несколькими вариантами, однако наиболее подходящими, вероятно, следует считать следующие

должно быть
вероятно
наверное
по-видимому
видно
значит
очевидно
| + ЛФ .

Now it struck her that other men must regard him very intense feelings - of hatred or loyalty, admiration or fear.(A.Saxton. The G.M.,p.269).

Иногда значение предположения перерастает в уверенность, обязательность явления. Это часто наблюдается в условных предложениях, когда действие главного оказывается в прямой зависимости от условий,выраженных придаточным предложением. В таких случаях перевод можно осуществить сочетаниями

должен (-а,-о,-ы) + НФ

или

непременно
обязательно
| + ЛФ .

If we keep on going south or southeast, we must come to the front,and we'll notice it all right when we get there. S.Heym. The Cr.,p.110).

На данном примере легко просматривается различие лексических значений сочетаний с can ,которые показали бы только предполагаемую возможность "...можем приехать...", с may- неуверенное предположение "...может быть приедем..." в отличие от сочетаний с must - "...непременно приедем (должны приехать)...".

Сочетания must + Act.Ind.Inf. могут нести значения побудительной модальности: настоятельной просьбы

I would not be rude. My wife has just died. You must forgive me. (E.Hemingway. In Another Country, MASSt.,p.265),

совета, главным образом со 2-м лицом

You must want one thing most of all,Stephanie. (A.Saxton. The G.M.,p.370).

В первом случае перевод осуществляется сочетаниями "должен (-а,-ы) + НФ" или полнозначным глаголом в повелительном наклонении. Во втором -

надо (нужно)
необходимо
следует
| + НФ .

Употребление рассматриваемых сочетаний в значении просьбы и совета имеет значительно меньший удельный вес в сравнении с предыдущими - 3,4 % и 3,7 % соответственно.

7.3. Сочетания must с перфектным инфинитивом действительного залога в американской художественной прозе выражают предположение, граничащее с уверенностью и основанное на фактах реальной действительности,относящееся к прошлому или подготовленное предшествующими действиями (событиями). Данное сочетание может служить также для выражения вероятности того, что имело место в прошлом, а иногда субъективного предположения, необусловленного конкретными фактами,но продиктованного желанием подоб-

ного события. Формула перевода таких сочетаний на русский язык –

должно быть наверное вероятно по-видимому видно значит	+ ЛФ (прошедшее время).

But he noticed that no streetcars were moving from below the boys must have done all right down there too. (A.Saxton. The G.M.,p.204).

7.4. Сочетания must + Cont.Inf. могут либо означать уверенное предположение, что действие находится в развитии в данный момент времени

Yates and Troy were listening. But no sound came from the shelter.Pettinger must be hiding deep inside; it must be taking Lämmlein some time to reach the man in the cave. (S.Heym. The Cr.,p.763),

либо служить средством выражения субъективного намерения к совершению какого-либо действия, если по мнению субъекта в этом назрела необходимость . " I must be going ", she said." In a moment,if I stay, I'll be wanting to kiss you". (Sh. Anderson. The Teacher, MASSt.,p.II9).

В значении предположения такие сочетания переводятся по приведенной выше формуле, но с личной формой полнозначного глагола в настоящем времени. При выражении намерения –

надо (нужно) необходимо пора должен (-ны)	+ НФ .

7.5. Сочетания must + Perf. Cont. служат также для выражения предположения, но, в отличие от предыдущего, предположения о том, что действие находилось в развитии в прошлом и было обусловлено объективными причинами. Corporal Clay saw German infantry coming from all sides at him and Cerelli and Sheal and the few men left of the platoon. The infantry must have been riding the half-tracks that trailed the German tanks.(S.Heym. The Cr.,p.453).

Перевод данных сочетаний аналогичен переводу сочетаний must с перфектным инфинитивом действительного залога.

7.6. Рассматривая семантику сочетаний must + Pass. Ind. Inf.и must + Pass. Perf. Inf., нужно сказать, что в первом случае она значительно шире. Этим, вероятно, и объясняется бо́льшая условная синтагматическая вероятность первого сочетания в сравнении со вторым (табл.8).

Сочетания must + Pass. Ind.Inf. могут выражать необходимость некоторого обобщенного действия, агенс которого в большинстве случаев неконкретизирован. Перевод в этом случае может осуществляться как конструкцией страдательного залога

должен (-а,-о,-ы) быть должен (-а,-о,-ы) был (-а,-о,-и) быть	+ КСП ,

так и действительного, если источник действия по контексту ясен

должен (-а,-о,-ы) должен (-а,-о,-ы) был (-а,-о,-и) необходимо нужно + (было)	+ НФ .

He needed to be assigned a place, a sensible activity, in the ranks that now must be tightened under the force of the catastrophe and in preparation for some countermove. (S.Heym. The Cr., p.441).

Несколько реже сочетания must + Pass.Ind.Inf. имеют значение предположения, близкого к уверенности, с аналогом в русском языке

должно быть очевидно вероятно наверное видимо по-видимому	+ КСП .

When the furnaces are going, thought Yates, the house must be enveloped in smoke – (S.Heym. The Cr., p.349).

Употребляются данные сочетания и для выражения побуждения к действию (совет, приказ, указание и т.п.) с переводом " должен (-а,-о,-ы) + НФ ".

Things must be done in an orderly manner. (S.Heym. The Cr., p.385).

Сочетания must + Pass.Perf.Inf. встречаются только в значении предположения. From the moment he came into our place the Bidwell young man must have been puzzled by my father's actions. (Sh.Anderson. MASSt., p.134).

Иногда это предположение оказывается обусловленным не столько уверенностью (знанием) субъекта, сколько его настойчивым желанием, чтобы определенное действие или событие имело место в прошлом. Most philosophers must have been raised on chicken farms. (Sh.Anderson. MASSt., p.128).

В данном отношении такие сочетания имеют много общего с might + Pass. Perf.Inf., которые также служат для выражения предположения, с той лишь разницей, что степень уверенности в сочетаниях с might значительно ниже.

Структурную формулу перевода must + Pass. Perf.Inf. можно записать следующим образом

должно быть очевидно вероятно наверное по-видимому	+	был (-а,-о,-и) + КСП ЛФ .

Обобщая анализ сочетаний с конституентом must, следует отметить, что в художественной прозе сочетания must с перфектным инфинитивом действительного и страдательного залогов и перфектным инфинитивом продолженного вида несут лишь одно значение предположения, тогда как семантика других сочетаний must значительно шире.

7.7. В современной лингвистической литературе не нашли своего отражения ни количественные, ни качественные характеристики негативных глагольных сочетаний с конституентами mustn't и must not. В американской художественной прозе они распространены практически одинаково, что видно из табл.3. Прежде чем перейти к анализу семантики сочетаний с данными конституентами, необходимо отметить, что отрицание обычно относится к действию, выраженному инфинитивом, хотя в русском переводе чаще всего отрицательная частица " не " относится к модальному глаголу, модальным словам.

Краткая форма mustn't используется чаще всего в диалогической речи, в отличие от полной must not. Сочетания mustn't + Act.Ind.Inf. преимущественно употребляются для выражения более сильного, чем с ранее рассмотренными модальными глаголами, побуждения: вежливой просьбы, совета, уговора. " Look here now, Carrie," he said, " you mustn't act this way. I didn't mean to hurt your feelings... ". " There,there", he said, " you mustn't cry". (T.Dreiser. S.C.,p.305).

Иногда - для напоминания о принятых ранее обязательствах, запрета.

" You mustn't forget to leave me my money for this week", said Carrie quietly. (T.Dreiser. S.C.,p.386).

You mustn't use my name at all. (W.Faulkner. Percy Grimm, MASSt.,p.297).

Такие сочетания употребляются также для выражения необходимости негативного действия в силу морального долга. " I mustn't take the money", said Carrie, after they were settled in a cosy corner, and Drouet had ordered the lunch. (T. Dreiser. S.C.,p.94).

Чаще всего в этих значениях сочетания используются со вторым лицом (более 82 %) и переводятся на русский язык полнозначным глаголом в повелительном наклонении в отрицательной форме или сочетаниями

не + | должен (-а,-ы)
нужно (надо)
нельзя | + НФ.

Сочетание mustn't + Act. Perf.Inf. встретилось только один раз для высказывания вероятности того, что действие (событие) не происходило в прошлом. В русском языке ему могут соответствовать

должно быть
наверное
вероятно
очевидно
по-видимому | + не + ЛФ (в прошедшем времени).

They mustn't have had a warm meal all this time...(S.Heym.The Cr.,p.428).

Сочетания must not + Act.Ind.Inf. почти в половине случаев употребляются с 3-м лицом. Обычно они выражают отсутствие необходимости в силу сложившихся обстоятельств, служебного положения, морального долга. Структурная формула перевода -

не должен (-а,-ы)
нельзя
стоит ли
к чему | + НФ.

Now if this was how it ended, and he knew it was, he must not turn like some snake biting itself because its back was broken. (E.Hemingway. The Snows of Kilimanjaro, MASSt.,p.233).

Сочетания must not + Act. Ind.Inf. могут указывать также на отсутствие необходимости, нежелательность действия в просьбах (советах) с переводом

не + | должен (-а,-ы)
нужно (надо) | + НФ.

You must not become a mere peddler of words...(Sh.Anderson. MASSt.,p.II8).

Что касается сочетания must not + Pass. Ind. Inf., то из всей генеральной совокупности было найдено только два случая для выражения необходимости негативного обобщенного действия.

ЛИТЕРАТУРА

1. В.Г.Адмони. Языкознание на переломе? "Иностр. языки в школе",1968,3.
2. П.М.Алексеев. Лексическая и морфологическая статистика английского подъязыка электроники. Сб." Статистика речи ", Л., 1968.
3. Н.Н.Андреев. Статистико-комбинаторные методы в теоретическом и прикладном языковедении. "Наука", 1967.
4. Е.Д.Аракин. К вопросу об английском языке в Америке. "Иностр.языки в школе", 1937, 2.
5. И.В.Арнольд. Лексикология современного английского языка. М., 1959.
6. О.С.Ахманова. Словарь лингвистических терминов. М., 1966.
7. Л.С.Бархударов. Структура простого предложения современного английского языка. М., 1966.
8. Е.В.Белый. К вопросу о побудительной модальности и некоторых лексических средствах ее выражения в современном английском языке. Учен. записки Мордовского университета, № 20, 1962.
9. Т.М.Беляева, И.А.Потапова. Английский язык за пределами Англии.1961.
10. В.Висениек. Модальность косвенной речи в латвийском и немецком языках. Автореферат канд.дис.,Рига, 1959.
11. А.В.Бондарко, Л.Л.Буланин. Русский глагол. "Просвещение", 1967.
12. Н.М.Булавин. Об американском варианте английского языка. "Иностр. языки в школе", 1953, 2.
13. Н.И.Бентцер. Классификация модальных слов современного литературного немецкого языка и их место среди других лексико-грамматических категорий. Сб. "Особенности языка научной литературы", М., 1968.
14. Б.В.Виноградов. Русский язык. М., 1947.
15. В.В.Виноградов. О категории модальности и модальных словах в русском языке. Труды ин-та русского языка, т.11, 1950.
16. Е.В.Гулыга. Модальные слова в современном немецком языке.Учен.зап. МГПИИЯ, 1959, У11.
17. Е.В.Гулыга, Е.И.Шендельс. Грамматико-лексические поля в современном немецком языке. М., 1969.
18. Г.Г.Едит. Очерки по синтаксису нижненемецкого говора Алтайского края. Томск, 1969.
19. Е.А.Зверева. О некоторых особенностях употребления английских модальных глаголов в безличных и неопределенно-личных предложениях. Сб. "Особенности языка научной литературы". М., 1965.
20. Е.А.Зверева. Вторичные функции модальных глаголов в современном английском языке. Кн. "Исследования по английской филологии",М.,1968.
21. Б.А.Ильиш. История английского языка. М., 1968.
22. Б.А.Исаев. К вопросу о делении суждения по модальности. Логико-грамматические очерки. М., 1961.
23. С.И.Кауфман. Употребление инфинитива в современной американской технической литературе. Труды Уральского политехнического института, т.1, вып.1, Свердловск, 1958.
24. Р.Г.Колшанский. К вопросу о содержании языковой категории модальности. ВЯ, 1961, 1.
25. Е.А.Конюс. Развитие в английском языке глаголов can и may (как основных глаголов, обозначающих возможность).Канд.дис.,1953.
26. Е.А.Конюс. Опыт применения статистического метода в области исторической лексикологии. ВЯ, 1964, 2.
27. Е.А.Крашенинникова. Ирреальная модальность. ВЯ, 1960, 3.
28. Е.А.Крашенинникова. Новое в немецкой грамматике. М.,вып.2, 1962, вып. 3, 1963.
29. Т.И.Лазарева. Средства выражения модальности современного немецкого языка в их взаимоотношении. Учен.зап.новосибирского педагогического института, вып. 15, 1959.
30. В.А.Москович. Статистика и семантика. "Наука", М., 1969.
31. Е.А.Натанзон. Побудительные предложения в современном английском языке. Автореферат канд.дис., М.,1955.
32. И.Г.Рикман. Модальные слова в современном английском языке. Автореферат канд.дис.,Л.,1953.
33. С.М.Савицкая. К вопросу о модальных фразеологических единицах в современном английском языке. Кн."Вопросы теории и методики преподавания английского и немецкого языков", Киев, 1962.
34. Е.С.Смушкевич. Образование группы модальных слов, этимологически восходящих к предложно-именным и глагольным сочетаниям в английском языке. Сб.статей по германской филологии, Магнитогорск, 1969.

35. Т.Н.Струк. История значений глаголов können, mögen в немецком языке. Автореферат канд.дис.,Львов, 1965.
36. Т.В.Строева. Модальность косвенной речи в немецком языке. Л.,1950.
37. Н.И.Филичева. О словосочетаниях в современном немецком языке.1969.
38. И.З.Халемский. О модальности и предикативности в современном английском языке. Материалы УШ научной конфер., Новозыбков, 1964.
39. И.Б.Хлебникова. Соотношение модальных глаголов и наклонения. "Иностранные языки в школе", 1968, 6.
40. А.С.Хорнби. Конструкции и обороты современного английского языка. М.,1960.
41. А.Б.Шапиро. Модальность и предикативность как признаки предложения в современном русском языке. Доклады высшей школы, гл.У1, 1958.
42. А.Д.Швейцер. Очерк современного английского языка в США. М.,1963.
43. А.Д.Швейцер. Соотношение американского и британского вариантов английского языка. "Иностр.языки в школе", 1967, 5.
44. Б.В.Шувалов. Модальные слова в современном английском языке. Автореферат кан.дис., Л., 1953.
45. Г.С.Щур. Природа связи между неличными и личными формами германского глагола и сопоставительное изучение морфологии родственных языков. Учен.зап. ГГПИ, вып.82,Вопросы герман.филологии,Горький,1967.
46. Г.Г.Юдина. Модальность и предикативность.Учен.зап.ИМО, М.,1963.
47. В.Н.Ярцева. Развитие национального литературного английского языка. Москва,1969.

48. H.T.Betteridge. An Experiment with German Modals."Modern Languages", 1959, v-40, No.4.
49. G.Curme. Syntax (A Grammar of the English Language,v.III,Boston,D.C. Heath and Co.1931.
50. M.E.Ehrman. The Meaning of the Modals in Present-Day American English. Linguistics,28,1966,p.46-58.
51. M.E.Ehrman. The Meanings of the Modals in Present-Day American English. The Hague-Paris,1966.
52. W.N.Francis. The Structure of American English. N.Y.,1958.
53. Charles Fries. American English Grammar. N.Y.-London,1940.
54. O.Jespersen. Essentials of English Grammar. London,1948.
55. O.Jespersen. A Modern English Grammar on Historical Principle. London, Allen and Unwin.Ltd.,1961.
56. Martin Joos. The English Verb. Form and Meaning.Madison.University of Wisconsin Press,1964.
57. Y.Lebrun. Can and May, a Problem of multiple Meaning.Proceedings of the 9-th Inter. Congress of Linguists,1964,p.552-555.
58. Y.Lebrun and J.Devooght. Quantitative Relations between can and may. Zeitschrift für Anglistik und Amerikanistik. Leipzig,1965,v-2,13.
59. G.Noel. May and Might: Meanings,Tenses and Usage. Revue des langues vivantes,1964,5,p.446-486; 1964,6,p.560-582; 1965,3,p.250-280.
60. H.Sweet. A New English Grammar,p.I,II.Oxford,1950.
61. A.J.Thomson&A.V.Martinet. A Practical English Grammar for Foreign Students. Oxford University Press,1960.
62. G.S.Scur On the Non-Finite Forms of the Verb Can in Scottish. Acta Linguistica Hafniensia,Vol.XI,No 2,Copenhagen,1968,p.211-218.
63. G.S.Scur. On the Connection between the Germanic Finite and Non-Finite Verbal Forms. Transactions of the Philological Society,1967,p.77-124.
64. A.Saxton. The Great Midland. (The G.M.). Moscow,1951.
65. T.Dreiser. Sister Carrie. (S.C.).Moscow,1968.
66. S.Heym. The Crusaders. (The Cr.).Moscow,1951.
67. Modern American Short Stories. (MASSt.). Moscow,1960.

З. Ф. БЕЛЯЕВА

НЕКОТОРЫЕ СТАТИСТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ РАСПРЕДЕЛЕНИЯ МОДАЛЬНЫХ ГЛАГОЛОВ

(на материале американской художественной и научно-технической прозы)

1. Общие замечания

В настоящее время вопросы математической лингвистики находят всё большее распространение. Отмечается заметное сближение и взаимозависимость между классической и структурной лингвистикой. Если сторонникам структурализма всё чаще приходится обращаться от формы к содержанию языка, то и представители классической лингвистики были вынуждены "всерьёз отнестись к более глубокому и последовательному оформлению своих категорий с точки зрения логики и всерьёз учитывать, что языка не существует вне языковых отношений" [1].

Закономерность подобного сближения тонко подметил В.А.Звегинцев: "...самые надежные" и "самые правильные" методы со временем приобретали качества традиционности и включались в единый процесс развития науки о языке как отдельные её этапы, способствовавшие уточнению приемов научного исследования, расширявшие научные горизонты и нередко стимулировавшие важные научные открытия" [2].

В течение последних десятилетий в современных лингвистических исследованиях широкое применение находят статистические методы. По мере развития структурной лингвистики необходимость определения вероятностных свойств языка выросла в крупную проблему. Н.Д.Андреев подчеркивает, что из всех "характеристик языковых единиц решающими оказались их статистические характеристики в речи" [3]. В неучете последних он видит основную "причину затруднений структурной лингвистики" [4].

Глубокие статистические исследования языка проводятся группой "Статистика речи" под руководством профессора Р.Г.Пиотровского. Методы исследова-

---

1. А.А. Лосев. О возможности сближения лингвистики классической и лингвистики структуральной. ВЯ, 1968, 1, стр.50.

2. В.А. Звегинцев. История языкознания XIX – XX веков в очерках и извлечениях. М., 1965, ч.2, стр.478.

3. Н.Д. Андреев. Статистико-комбинаторные методы в теоретическом и прикладном языковедении. Л., 1967, стр.5.

4. Там же.

ния данной группы непрерывно развиваются и совершенствуются. В своей вступительной статье к сборнику "Статистика текста" Р.Г.Пиотровский отмечает, что возникла потребность перехода "от грубых методов статистического языкознания, которые использовались в первой половине шестидесятых годов, к более тонкому и гибкому лингвостатистическому анализу текста" [5].

Таким образом видно, что количественным методам изучения языка в настоящее время придается большое значение. Это и неудивительно, поскольку кроме теоретического интереса данные вопросы имеют и большую практическую ценность в связи с развитием проблем машинного перевода, автоматизации сортировки и реферирования статей и книг, машинизации процесса обучения иностранным языкам.

Настоящая статья посвящена узкому вопросу определения некоторых статистик распределения модальных глаголов can/could, may/might, must в американской художественной и научно-технической прозе.

Модальные глаголы привлекают внимание ученых ещё с конца XIX столетия. "Это объясняется тем, что модальные глаголы необычайно многогранны и своеобразны по своим употреблениям" [6]. Нельзя сказать, что статистические методы вообще не использовались при исследовании модальных глаголов. Такие работы имеются. Среди них следует отметить проведенный Е.А. Конюс анализ одного из вопросов исторической лексикологии - особенностей истории развития can и may. "Применение статистического метода имело своей целью представить в объективных числовых выражениях характерные черты развития взаимоотношений глаголов can и may в английском языке, а также проверить наличие определенных тенденций в этом развитии" [7].

Относительные частоты употребления модальных глаголов в английской научно-технической литературе по электронике были даны в частотном словаре П.М.Алексеева [8]. Исследования в области количественных оценок соотношений значений глаголов can и may в современном английском языке проведены И.Лебруном при анализе английских и американских прозаических произведений различных жанров [9]. В работах Ч. Фриза [10], М.Е. Эрман [11,12] сравнительно глубоко рассмотрена семантика модальных глаголов американ-

---

5. Р.Г. Пиотровский. Сб.статей "Статистика текста". Минск, 1969, стр.6.

6. Е.А. Крашенинникова. Новое в немецкой грамматике. 1968, вып. 3, стр. 106.

7. Е.А. Конюс. Опыт применения статистического метода в области исторической лексикологии. ВЯ, 1964, 2, стр. 90.

8. П.М. Алексеев. Частотный словарь английского подъязыка электроники. Сб."Статистика речи", Л., 1968, стр. 128.

9. Y.Lebrun and J.Devought. Quantitative Relations between Can and May. Zeitschrift für Anglistik und Amerikanistik, Leipzig, 1965, v.2.

10. Ch. Fries. American English Grammar. N.Y., 1940.

11. M.E. Ehrman. The Meaning of the Modals in Present-Day American English. Linguistics, 28, 1966, p.46-58.

12. M.E. Ehrman. The Meanings of the Modals in Present-Day American English. Mouton & Co. The Hague-Paris, 1966.

ского варианта английского языка XX века.

Однако в указанных работах не уделяется внимания распределению модальных глаголов в общем объеме словоупотреблений, статистическим характеристикам их позитивных и негативных форм. Не отражены количественные и качественные соотношения модальных глаголов с инфинитивными формами полнозначных, их корреляционные связи. В ряде работ анализ проводился без дифференциации языка на английский и американский варианты, иногда экспериментальный материал подбирался из текстов разных стилей без предварительной проверки однородности распределений. Иначе говоря, более или менее полные статистические исследования распределения модальных глаголов в американском варианте английского языка практически отсутствуют.

Подобные исследования американской научно-технической литературы также не проводились, хотя их необходимость очевидна в связи с расширением обмена научной и технической информацией. В этом отношении представляются интересными исследования не только общих статистических характеристик модальных глаголов, их семантики в научно-технических текстах, но и сопоставление полученных характеристик с результатами анализа художественной литературы.

Таким образом, в настоящее время ещё остаются нерешенными многие вопросы, связанные с определением основных статистик распределения модальных глаголов в художественной и научно-технической прозе.

В данной работе предпринята попытка ответить на некоторые из этих вопросов. В круг основных задач при этом включено определение удельного веса модальных глаголов в общем объеме словоупотреблений, подробный анализ и сравнительное сопоставление характера распределений в художественной и научно-технической прозе.

С целью некоторого ограничения сферы исследования взяты лишь глаголы can/could, may/might, must достаточно близкие или перекрещивающиеся по своему экстенсиональному значению и одни из наиболее распространенных как в тех, так и других текстах.

Очевидно, что успешное разрешение поставленных основных задач возможно только при решении ряда более узких (но не менее интересных) вопросов, таких как определение необходимого объема выборки, сравнение статистик распределения позитивных и негативных форм модальных глаголов, сравнение распределений в различных жанрах и в произведениях различных периодов времени и т. п.

Решение отмеченных выше задач позволит установить степень и сферу корреляции модальных и знаменательных глаголов, подойти к составлению частотных словарей модальных глагольных сочетаний, что представляет определенный интерес как для целей практики машинного перевода, так и для целей дальнейшего совершенствования учебного процесса.

2. Отбор экспериментального материала и основные статистики распределения модальных глаголов в художественной прозе

Для объективного количественного анализа грамматических явлений немаловажное значение имеет отбор экспериментального материала.

С целью обеспечения достоверности выводов, полученных на основании изучения конечной выборки, последняя должна обладать необходимой репрезентативностью, т.е. правильно отражать данное явление в целом. Для этой цели необходимо выполнить следующие условия [13]:

1. Выборка должна быть произведена "случайно", чтобы каждый её член имел одну и ту же вероятность попасть в выборку.

2. Выборку следует производить из однородной совокупности.

3. Объем выборки должен быть таким, чтобы полученные статистики с определенной заранее степенью точности соответствовали статистикам генеральной совокупности.

Вопросы определения репрезентативности выборки в настоящее время привлекают внимание всех ученых, занимающихся исследованием статистических характеристик речи. Достаточно отметить, что в сборнике "Статистика текста" данной проблеме посвящены работы П.М.Алексеева [14], Н.А.Богословской [15], Л.Е.Машкиной [16], В.В.Морозенко [17], О.А.Нехай [18].

В настоящей статье использован наиболее общий "классический" способ образования выборки, поскольку речь идет не о частотном словаре языка в целом, а лишь о характеристиках отдельных его единиц.

В качестве экспериментального материала взята американская художественная проза: 3 романа и 50 рассказов. Отбор произведений носил случайный характер. Для обеспечения однородности выборок использованы произведения только XX века, что в первом приближении гарантирует независимость статистик в синхроническом плане.

Необходимый объем общей выборки легко установить на основании закона больших чисел, однако для этого требуется либо знать генеральную дисперсию системы, либо определить её (хотя бы приблизительно) из предварительного эксперимента. Так как априорная генеральная дисперсия неизвестна, попытаемся найти её приблизительную оценку, используя для этой цели достаточно большое количество отдельных текстов.

Относительные частоты (в промиллях) исследуемых модальных глаголов в рассказах разных авторов приведены в табл. 1. С целью сохранения логической завершенности и художественной целостности произведения, рассказы взяты без каких-либо сокращений. Однако неравноточность наблюдений имеет и свою отрицательную сторону – при определении основных статистик

---

13. А.И. Карасев. Основы математической статистики. Росвузиздат, 1962, стр. 162.

14. П.М. Алексеев. Некоторые вопросы теории и практики статистической лексикографии. Сб.статей "Статистика текста", Минск, 1969, стр. 12.

15. Н.А. Богословская. К вопросу об оценке достоверности лингвостатистических данных. Там же, стр. 55 – 86.

16. Л.Е. Машкина. Способ определения репрезентативности выборок. Там же, стр. 87 – 115.

17. В.В. Морозенко. О методе отбора текстов для статистического описания языка (на материале английской экономико-статистической литературы). Там же, стр. 38 – 54.

18. О.А. Нехай. К вопросу об объеме выборки и оценке однородности распределения частот грамматических схем триад в английских текстах по электронике. Там же, стр. 116 – 130.

распределения необходимо учитывать " веса " отдельных частичных выборок в общей совокупности [19].

Таблица 1

Относительные частоты употребления модальных глагольных форм разными авторами

Авторы	Объем (словоупотр.)	Вес g_i	Относительные частоты f_i, ‰					
			can	could	may	might	must	MV
Т.Крайзер	32500	0,171	1,108	3,169	0,185	2,000	1,200	7,662
Д.Рид	4800	0,025	1,042	1,250	–	0,417	0,417	3,126
Д.Андерсон	19300	0,101	1,450	2,753	0,555	0,518	0,829	5,553
С.Льюис	2900	0,015	1,724	0,690	1,379	1,034	0,345	5,172
Р.Ларднер	15000	0,078	3,267	2,852	0,267	0,800	0,867	8,053
Л.Голд	8000	0,041	1,100	2,000	0,267	–	0,333	3,648
З.Хэмингуэй	19200	0,101	2,162	2,614	–	0,313	0,521	5,610
У.Фолкнер	11700	0,061	3,573	2,393	–	0,427	0,427	7,822
Т.Вулф	6100	0,032	0,820	3,770	0,984	0,984	1,475	8,033
Д.Паркер	3400	0,018	3,235	2,059	–	–	1,471	6,765
Д.Стейнбек	4800	0,024	5,458	2,609	–	1,087	0,862	9,782
Л.Льюз	10000	0,052	1,500	2,200	0,400	0,400	0,700	5,200
Э.Колдуэлл	15000	0,078	1,000	5,000	–	0,600	0,200	6,800
У.Сароян	2700	0,014	3,704	1,852	–	0,370	–	5,926
А.Мальц	21300	0,112	2,723	0,047	0,187	0,094	0,094	5,164
С.Бенет	5500	0,029	1,818	2,182	–	0,545	0,727	5,272
М.Куин	2700	0,014	3,333	4,073	0,741	0,370	1,111	9,628
Д.О'Хара	3700	0,020	1,081	2,432	–	0,541	0,270	4,324
М.Лесур	4600	0,024	2,174	4,783	–	–	0,652	7,609
Всего	191000	1,000	1,988	2,921	0,173	0,728	0,890	6,474

Средняя взвешенная частота употребления того или иного глагола (глагольной формы) в этом случае может быть определена по выражению

$$\bar{f} = \frac{\Sigma g_i f_i}{\Sigma g_i} \qquad (1)$$

с основной ошибкой

$$\sigma_{\bar{f}} = \frac{\sigma}{\sqrt{n}}, \qquad (2)$$

где g_i – вес отдельной выборки; f_i – наблюдаемая частота в данной выборке; n – число наблюдений (выборок); σ – основное отклонение, которое

19. Н.В. Смирнов, И.В. Дунин-Барковский. Краткий курс математической статистики для технических приложений. Физматгиз, М., 1959, стр. 196.

можно определить по

$$\sigma = \sqrt{\frac{n}{n-1} \sum g_i (f_i - \bar{f})^2} \qquad (3)$$

В таблице 2 приведены основные статистики, полученные на основании табл.1 и выражений (1), (2) и (3).

Таблица 2

Статистики	Модальные глаголы					
	can	could	may	might	must	MV
$\bar{f}$	1,966	2,921	0,178	0,723	0,690	0,478
σ	1,043	0,894	0,270	0,546	0,416	1,360
$\sigma_{\bar{f}}$	0,240	0,202	0,062	0,148	0,098	0,309
v	53,200	30,200	151,600	89,600	60,300	20,800
N	18000	12000	197000	49000	51000	5500

Выше ставилась задача определения минимального объема выборки, при котором предельная ошибка выборки с заданной вероятностью $P(x)$ не превосходила бы определенной величины. Для выборки с повторением, что имеет место в данном случае, этот объем можно определить исходя из закона больших чисел по формуле

$$N = \frac{t^2}{\delta^2 f}, \qquad (4)$$

где t - параметр, определяемый требуемой вероятностью $P(x)$; δ - величина допускаемой ошибки; f - относительная частота наблюдаемого явления (в долях).

Используя (4), определим минимальный объем выборки, позволяющий с вероятностью $P(x) = 0,95$ гарантировать, что величина относительной частоты употребления конкретного модального глагола будет соответствовать средне взвешенной в пределах допускаемой ошибки $\delta = 0,35$ [20]. Результаты расчета приведены в табл. 2.

Сравнивая величину необходимого объема с объемом отдельных выборок, легко заметить, что в большинстве случаев последние не удовлетворяют условию репрезентативности. Этим и вызван большой разброс статистик по отдельным наблюдениям, причем, как хорошо видно из табл. 2, чем больше необходимый объем, тем выше и коэффициент вариации (изменчивости) $v = \sigma/\bar{f} \cdot 100$ т.е. сильнее колебания частостей относительно средней взвешенной. Так, например, для глагола may основное отклонение в 1,5 раза превосходит $\bar{f}_{may}$ Однако разброс относительных частот употребления модальных глаголов в сумме относительно невелик - коэффициент вариации немногим более 20 %,

20. О.С.Ахманова, И.А.Мельчук, Е.В.Падучева, Р.М.Фрумкина. О точных методах исследования языка. МГУ, 1961.

что можно объяснить некоторой близостью рассматриваемых глаголов.

С целью увеличения объема выборки до необходимого по условию репрезентативности более целесообразно объединить все взятые рассказы в одну частичную выборку. Для этого прежде всего необходимо убедиться в однородности их с точки зрения распределения модальных глаголов.

Решение данного вопроса становится важным, т.к. рассматриваемые рассказы охватывают почти полувековой промежуток времени (1910 - 1959 г.г.). В литературе же, посвященной вопросам статистических исследований, отмечается, что для получения более точных вероятностных характеристик полезно ограничение в выборе текстов с синхроническим срезом в 10 - 40 лет [21].

Достоверность гипотезы однородности в данном случае легче всего оценить с помощью дисперсионного анализа [22]. С этой целью имеющийся экспериментальный материал был разбит на 5 периодов длительностью по 10 лет. В табл. 3 приведены суммы $\sum f_i$ и средние значения $\bar{f}_i$ относительных частот употребления рассматриваемых модальных глагольных форм по отдельным периодам.

Таблица 3

№	Период времени	Относительные частоты употребления	$\sum f_i$	n	$\bar{f}_i$
1	1910-1919	6,53 3,13 4,61	14,17	3	6,72
2	1920-1929	9,26 6,26 5,17 8,07 3,83 4,33	36,92	6	6,05
3	1930-1939	7,62 7,45 6,92 8,03 6,77 9,78 3,24 6,33 5,93 5,16	67,23	10	6,72
4	1940-1949	5,27 9,63 4,32 7,61 8,67	35,50	5	7,10
5	1950-1959	6,35	6,35	1	6,35
			160,17	25	6,41

Для облегчения вычислений целесообразно вместо относительных частот f_i рассматривать их отклонения x_i от общего среднего значения, т.е.

$$x_i = f_i - \bar{f}.$$

Эти отклонения x_i, их суммы $\sum x_i$, средние значения $\bar{x}$, суммы квадратов $\sum x_i^2$ и произведения квадратов средних значений на соответствующее число рассказов $n\bar{x}^2$ приведены ниже в табл. 4.

Для определения несмещенных оценок дисперсий необходимо найти сумму квадратов (Q_B) отклонений средних значений по группам от общего среднего значения частоты и сумму квадратов (Q_n) отклонений от среднего соответствующей группы.

21. Л.Н.Засорина. Автоматизация и статистика в лексикографии. Л., 1966.
22. А.А.Митропольский. Техника статистических вычислений. М., 1961.

Таблица 4

	x_i	$\sum x_i$	n	$\bar{x}$	$\sum x_i^2$	$n\bar{x}^2$
1	0,12; -3,28; -1,90	-5,06	3	-1,69	14,382	8,570
2	2,85; -0,15; -1,24 1,66; -2,58; -2,08	-1,54	6	-0,26	23,422	0,405
3	1,21; 1,04; 0,51 1,62; 0,36; 3,37 -3,17; -0,08; -0,48 -1,25	3,13	10	0,31	28,786	0,962
4	-1,14; 3,22; -2,09 1,20; 2,26	3,45	5	0,69	22,490	2,380
5	-0,06	-0,06	1	-0,06	0,004	0,004
		-0,08	25	-0,003	89,084	12,321

Согласно табл.4 $Q_A = \sum_j n\bar{x}^2 = 12{,}321$,

тогда $Q_R = Q - Q_A = 89{,}084 - 12{,}321 = 76{,}863$, где $Q = \sum_i \sum_j x_i^2$ -общая сумма квадратов отклонений от среднего значения.

Соответстующие оценки дисперсий

$$S_A^2 = \frac{Q_A}{m-1} = \frac{12{,}321}{5-1} = 3{,}08\ ; \qquad S_R^2 = \frac{Q_R}{n-m} = \frac{76{,}863}{25-5} = 3{,}84, \quad (6)$$

где n -общее число сравниваемых выборок, m -число различных периодов времени.

Отсюда легко найти дисперсионное отношение как отношение оценок дисперсий, характеризующих отклонения средних значений относительных частот употреблений can/could, may/might, must в различные периоды времени и внутри одного периода

$$F = \frac{S_A^2}{S_R^2} = \frac{3{,}08}{3{,}84} = 0{,}804\ . \qquad (7)$$

Наибольшее значение критерия Фишера (F), когда при 10-процентном уровне значимости нулевая гипотеза ещё остаётся достоверной, составляет, при числе степеней свободы $\ell_1 = 4$ и $\ell_2 = 20$, $F_{0,5} = 2{,}87$. Так как 0,804 много меньше табличного значения критерия (2,87), то нет никаких оснований сомневаться относительно однородности коротких рассказов рассматриваемых периодов по частоте употребления модальных глаголов.

Таким образом, для дальнейшего анализа все рассказы можно объединить в одну совокупность - текст № 1, 191 000 словоупотреблений.

Расширение границ синхронического среза против отмеченного Л.Н.Засориной [23] можно объяснить тем, что нами рассматривается не языковая сис-

23. См.Л.Н.Засорина /21/.

тема в целом, а лишь отдельное узкое лексико-грамматическое явление, несомненно менее подверженное воздействию времени, чем, например, лексический состав. В рассматриваемом случае период в 50 лет не является достаточно протяженным, чтобы можно было наблюдать существенное различие в статистиках распределения модальных глаголов.

Кроме коротких рассказов, как уже было отмечено выше, в качестве экспериментального материала взято 3 романа – Т.Драйзер "Сестра Керри" (текст № 2; 170 000 словоупотреблений), С.Рейм "Крестоносцы" (текст № 3; 218 000), А.Сакстон "Большая Средиезападная" (текст № 4; 121 000), – относящиеся к началу и концу исследуемого периода времени.

Различие тематики произведений и авторов, с одной стороны, позволяют обобщить полученные статистики на данный жанр в американской прозе. С другой стороны, это различие не могло не сказаться на количественных оценках распределения модальных глаголов (MV) в текстах. Однако характер распределения сохраняется от романа к роману, что хорошо видно из табл.5, где приведен удельный вес каждой глагольной формы в общем числе употреблений

Таблица 5

		can	could	may	might	must
Рассказы	Текст №1	30,3	45,1	2,7	11,2	10,7
Романы	Текст №2	24,1	47,6	2,9	11,6	13,8
	Текст №3	31,2	44,6	3,2	6,5	14,5
	Текст №4	30,6	50,3	1,6	9,8	7,7
	Всего	28,6	46,6	2,8	8,8	13,2

Однородность распределений дает возможность объединить анализируемые романы в одну совокупность без особых математических обоснований. То же самое следовало бы сказать и в отношении объединения романов с рассказами. Однако, учитывая различие жанров, целесообразна более точная проверка однородности распределений в них модальных глагольных форм, что легко сделать, используя критерий согласия Пирсона χ^2, величину которого можно найти по выражению

$$\chi^2 = n_1 n_2 \sum_{1}^{\ell} \frac{1}{f_i' - f_i''} \cdot \left(\frac{f_i'}{n_1} - \frac{f_i''}{n_2} \right)^2 , \qquad (8)$$

где f_i' и f_i'' – частоты (или частости) появления соответствующих в первой и второй выборках; ℓ – число разрядов или групп, на которые разбиты выборки; $n_1 = \sum_{1}^{\ell} f_i'$; $n_2 = \sum_{1}^{\ell} f_i''$ – суммы частот (частостей).

Данные, необходимые для вычисления критерия χ^2, представлены в таблице 6. Число групп $\ell = 5$.

Найденная из опыта по приведенному выше выражению (8) величина критерия $\chi^2 = 0,428$ лежит в области допустимых значений. По таблицам рас-

пределения χ^2 при 10-процентном уровне значимости и числе степеней свободы $\nu = \ell - 1 = 4$ имеем $\chi^2_{0,10} = 7,8$ [24].) Следовательно, нет никаких оснований считать, что относительные частоты употребления модальных глаголов в романах и рассказах имеет различное распределение. Сравниваемые выборки вполне могут быть объединены в одну сводную совокупность.

Таблица 6

Жанр	Объем выборки в словоупотреблениях	Вес	Относительные частоты, %.						
			can	could	may	might	must	MV	
Рассказы	191 000	0,273	1,966	2,921	0,178	0,728	0,696	6,478	
Романы	509 000	0,727	1,933	3,175	0,193	0,891	0,891	6,811	
Сводная совокупность	700 000	1,000	1,936	3,107	0,189	0,827	0,841	6,720	

Таким образом, генеральная выборка по художественным текстам для дальнейшего статистико-семантического анализа распределения модальных глаголов can/could, may/might, must включает в себя 3 романа и 30 рассказов общим объемом 700 000 словоупотреблений. Данная выборка отвечает условиям репрезентативности. Всего в анализируемых текстах встречено 4704 исследуемых глагола, т.е. относительная частота их употребления составляет 0,006720.

Превышение объема генеральной выборки против минимально допустимого, вызванное необходимостью сравнения различных жанров, лишь повышает точность статистических оценок. Относительная ошибка, которую легко найти по выражению (4), составляет $\delta = 1,36$, т.е. на порядок меньше предварительно принятой (см.стр.). Таким образом, найденные относительные частоты с достаточной степенью точности отражают синтагматические вероятности модальных глаголов в художественной прозе.[25]

Абсолютные частоты употребления, синтагматические вероятности, удельные веса модальных глаголов в общем объеме приведены ниже в табл.8.

3. Отбор экспериментального материала и основные статистики распределения модальных глаголов в научно-технической прозе

Для анализа распределения модальных глаголов в научно-технической литературе взято более 100 журнальных статей по радиоэлектронике из журналов " Electronic Industries", " IEEE Transactions on Electron Devices", " IEEE Transactions on Electronic Computers"," Proceedings of the IRE ".

24. См.Н.В.Смирнов,И.В.Дунин-Барковский /19/,стр. 404
25. См.Н.Д.Андреев /3/,стр. 17 – 21 .

Разнообразие авторов и конкретного предмета описания обеспечивают случайность выборки, а общность тематики - необходимую однородность.

Минимальный объем выборки, необходимый для обеспечения достаточной точности статистик, можно определить, используя относительные частоты употребления рассматриваемых модальных глаголов, приведенные П.М.Алексеевым [26] в частотном словаре английского подъязыка электроники. При этом предполагается, что слишком большого отличия между английским и его американским вариантом не должно наблюдаться.

Вполне понятно, что достаточно определить объем для наиболее редко встречающейся глагольной формы, какой по данным частотного словаря является might - f = 0,00022. Согласно (4) получим

$$N = \frac{t^2}{\delta^2 f} = \frac{1{,}96^2}{0{,}33^2 \cdot 0{,}00022} = 160\,000$$

С целью увеличения достоверности оценок для анализа американской научно-технической прозы взята выборка общим объемом 320 000 словоупотреблений. Относительные частоты модальных глаголов, полученные на основании исследования данной выборки, приведены в табл.7. Там же для сравнения даны средневзвешенные частоты MV в художественной прозе.

Таблица 7

Тексты	Относительные частоты, %					
	can	could	may	might	must	MV
Научно-технич.	4,766	0,469	3,181	0,178	1,628	10,222
Художественные	1,956	3,107	0,189	0,627	0,841	6,720

Легко заметить, что характер распределения модальных глаголов в научно-технической прозе существенно отличается, причем различие частот в том и другом случае настолько велико, что не может быть и речи об однородности распределений. Это подтверждает и использование критерия согласия χ^2. Разница частот носит принципиальный характер и не может быть объяснена случайными причинами.

Таким образом, в дальнейшем будем рассматривать две самостоятельные сводные выборки, образованные из художественной (700 000 сф.) и научно-технической (320 000 сф.) прозы /табл. 8/. Сравнительный анализ распределений can/could, may/might, must в этих выборках приводится ниже.

4. Распределение модальных глаголов в художественной прозе

Из выше приведенных таблиц следует, что частоты употребления отдельных модальных глаголов (глагольных форм) существенно отличаются друг от друга. Отсюда вытекает необходимость более подробного анализа распреде-

26. См. П.М.Алексеев /8/,стр. 2.

Таблица 8

Абсолютные частоты, синтагматические вероятности и удельные веса модальных глаголов в сводных выборках

	Художественная проза			Науч.-тех. проза		
	Абсолют. частота	Синтаг. вероят.	Удельн. вес	Абсолют. частота	Синтаг. вероят.	Удельн. вес
can	860	0,001229	18,28	1421	0,004441	43,44
can't	465	0,000664	9,89	–	–	–
cannot	42	0,000060	0,89	96	0,000300	2,93
can not	2	0,000003	0,04	8	0,000025	0,24
could	1547	0,002210	32,89	144	0,000450	4,41
couldn't	311	0,000444	6,61	–	–	–
could not	317	0,000453	6,74	6	0,000019	0,18
may	119	0,000170	2,54	993	0,003103	30,36
mayn't	–	–	–	–	–	–
may not	13	0,000019	0,28	25	0,000078	0,76
might	416	0,000594	8,84	57	0,000178	1,74
mightn't	4	0,000006	0,08	–	–	–
might not	19	0,000027	0,40	–	–	–
must	553	0,000790	11,76	512	0,001600	15,65
mustn't	19	0,000027	0,40	–	–	–
must not	17	0,000024	0,36	9	0,000028	0,29
	4704	0,006720	100,00	3271	0,010222	100,00

ления с определением удельного веса того или иного глагола в сводной выборке. Наглядное представление об этом дает графическая интерпретация выборки в виде диаграммы распределения удельных весов, которая представлена на рис. 1.

Из диаграммы видно, что наиболее часто встречающимся глаголом из рассматриваемых является can/could : обе формы занимают 3/4 всего объема выборки. При этом нужно отметить, что could встречается значительно чаще – на 5 употреблений can приходится приблизительно 8 употреблений

Оставшаяся 1/4 всего объема употреблений модальных глаголов распределяется практически поровну между may/might – 12,14 % и must – 12,52 %. Как и в предыдущем случае синтагматическая вероятность might оказалась значительно выше, чем may , причем преобладание might в данном случае наблюдается в большей степени, нежели у can и could .Степень распространения легко сравнить по отношению вероятностей P_{mv} , например,

$$\frac{P_{might}}{P_{may}} = 3,33, \text{ в то время как } \frac{P_{could}}{P_{can}} = 1,59 .$$

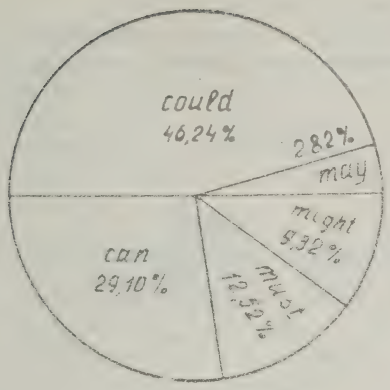


Рис. 1. Диаграмма распределения модальных глаголов в художественной прозе

В целом же по всей выборке can / could (вместе взятые) используются в 6 раз чаще, чем may/might.

Экспериментальный материал дает возможность провести сравнительную оценку употребительности позитивных и негативных форм рассматриваемых модальных глаголов. Количество отрицательных форм* , используемых в тексте, оказывается различным в каждом конкретном случае. Наиболее наглядно это видно по диаграммам распределения (рис. 2 - 4), где за 100% взято число употреблений данного глагола (глагольной формы) в общей совокупности. Анализируя диаграммы, можно отметить следующие особенности употребления утвердительных и отрицательных форм модальных глаголов в американской художественной прозе.

Отрицательные формы занимают в общем объеме употреблений каждого глагола соответственно: can - 37,2 % (could - 28,9 %), may - 9,8 % (might 5,2 %), must - 6,1 %. Отсюда видно, что чаще других в отрицательной форме встречаются can/could . Остальные глаголы употребляются преимущественно в позитивных формах, на негативные же приходится менее 10 % объема употреблений.

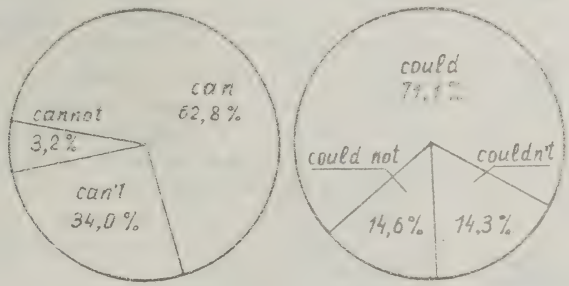


Рис. 2. Удельные веса позитивных и негативных форм

Совершенно различные статистики употребления имеют полные и краткие формы отрицания. Cannot используется в 10 раз реже, чем can't . Это явление вызвано большей насыщенностью художественной литературы диалого-

* Речь идет только об отрицаниях с частицей not.

вой речью, где главным образом и имеет место контракция [27,28].

Краткая форма couldn't и полная could not встречаются практически поровну, хотя у разных авторов может наблюдаться различная тенденция к использованию той или иной формы.

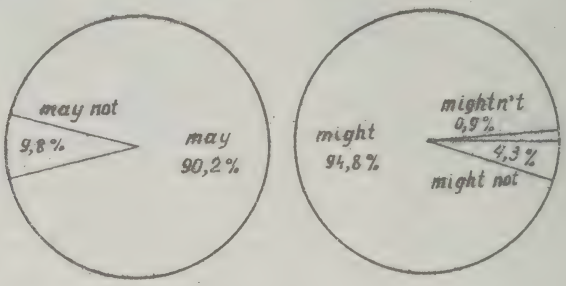


Рис. 3. Удельные веса позитивных и негативных форм

Отрицательные формы may/might (имеются в виду сочетания may not + Infinitive, mightn't + Infinitive, might not + Infinitive) употребляются значительно реже, чем подобные формы can/could . Например, may not встречается только в 9,8 % случаев, а краткая форма mayn't во всей сводной выборке вообще не встретилась. Might not занимает 4,3 % всех употреблений might , а стяженная форма mightn't отмечена всего в 4 случаях, что составляет 0,9 %.

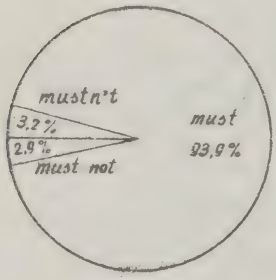


Рис.4. Удельные веса позитивных и негативных форм

Глагол must также используется главным образом в утвердительных формах (93,9 %, рис. 4), оставшаяся же часть распределяется приблизительно одинаково между краткими и полными отрицательными формами - 3,2 % и 2,9 % соответственно. Незначительное различие процентного содержания вызвано, вероятно, чисто случайными причинами, так как сколь-ли о заметной закономерности употреблений той или иной формы по различным произведениям не наблюдается.

Таким образом, обобщая анализ распределения, нужно отметить следующие особенности употребления модальных глаголов.

Наибольшую распространенность в современной американской художественной прозе имеют can и особенно could , а наименьшую частоту -may . Глаголы may/might и must употребляются главным образом в утвердительных формах. Что же касается

27. О.С. Ахманова. Словарь лингвистических терминов. М., 1966.
28. См.М.Е.Эрман /12/

can и could , то их отрицательные формы занимают одну треть от общего числа употреблений.

Краткая форма mayn't в нашей выборке не встретилась. Подобное явление отмечено также М.Эрман [29]. Хотя этот факт и не дает ещё абсолютного основания считать данную форму вообще неупотребляемой, тем не менее можно утверждать, что вероятность её появления чрезвычайно мала [30], во всяком случае не более $3{,}3 \cdot 10^{-6}$, т.е.3 случая на 1 000 000 словоупотреблений.

5. Распределение модальных глаголов в научно-технической прозе

При определении объема выборки и сравнении однородности художественной и научно-технической прозы уже было отмечено принципиальное различие распределений модальных глаголов.

Прежде всего нужно отметить в 1,5 раза большую распространенность рассматриваемых глаголов вообще. Если в художественной прозе синтагматическая вероятность составляет 0,006720, то в научно-технической - 0,010222. Одной из особенностей научно-технической прозы с точки зрения характера распределения модальных глаголов является более высокий удельный вес употребления can (46,61 %) и особенно may (31,12 %). Это видно из рис. 5. Для сравнения напомним, что в художественной литературе эти величины составляли соответственно -29,10 % и 2,82 % (табл.8). Иначе говоря, удельный вес can оказывается в 1,6 раза, а may в 11, выше, чем в художественной прозе. Ещё более существенно отличаются относительные частоты употребления can и may в том и другом случае. Для глагола can это различие составляет 2,44, а для may - 16,8 (табл.7).

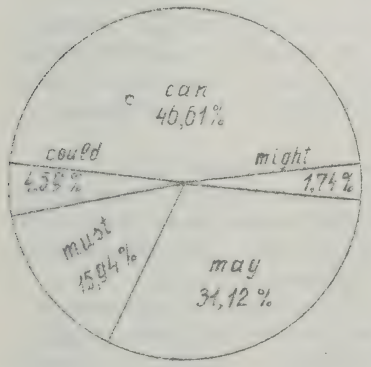


Рис. 5. Диаграмма распределения модальных глаголов в научно-технической прозе

Подобное явление вызвано, с одной стороны, своеобразием семантики глагола may, характерным для научно-технической литературы, с другой стороны - замедленным процессом вытеснения глагола may. Нужно заметить, однако, что во второй половине XX века, вероятно, в связи с бурным развитием науки и техники и приходом в науку

29. См.М.Эрман /12/,стр.10.

30. Е.С.Вентцель. Теория вероятностей. Физматгиз, 1962, стр. 327.

При нулевой частоте вероятность появления события можно найти по выражению $p = -\frac{\ln(1-\beta)}{N}$,

где β - доверительная вероятность (в нашем случае 0,90); N - объем сводной выборки.

молодых кадров, процесс вытеснения may начинает усиливаться. На рис. 6 приведены кривые изменения удельного веса употребления can, may, must для различных периодов времени середины XX века. Эти кривые наглядно иллюстрируют прогрессирующий рост использования can и соответствующее снижение употребления may . Тем не менее, несмотря на некоторое снижение удельного веса, и в 60-х годах глагол may в научно-технической литературе ещё остается одним из наиболее употребительных глаголов.

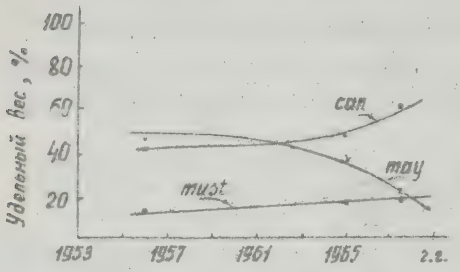


Рис. 6. Изменение удельного веса модальных глаголов в н.-т. прозе

Другой характерной особенностью научно-технической прозы является обратный характер распределения глагольных форм could и might . Если в художественной литературе could встречается в полтора раза чаще, чем can , то в научно-технической, напротив, could употребляется более чем в 10 раз реже ($\frac{P_{can}}{P_{could}} = 10,2$). Форма could в технической литературе вообще встречается значительно (в 10 раз) реже, чем в художественной. Аналогичное явление наблюдается и для might , хотя статистики, естественно, носят несколько иной характер (табл.8).

Снижение удельного веса глагольных форм could и might можно объяснить спецификой научно-технической прозы, для которой характерно описание фактов, явлений, предметов; полное вскрытие и объяснение внутренних и внешних связей. Эти выражения зачастую носят гипотетический характер и относится, как правило, к настоящему или будущему времени.

Глагол must в силу своих семантических особенностей в научно-технической прозе имеет несколько больший удельный вес по сравнению с художественной (15,94 % против 12,52 %). Можно заметить тенденцию к увеличению удельного веса употребления must во второй половине XX в., однако в отличии от can этот процесс идет значительно медленнее и носит линейный характер (рис.6). Синтагматическая вероятность must в научно-технической прозе вдвое больше, чем в художественной (табл.8).

Для научно-технической прозы характерно чрезвычайно редкое явление контракции отрицательных форм модальных глаголов. В рассматриваемом экспериментальном материале такие формы не встретились вообще. (Форма can't встречается в кратких рекламных сообщениях, которые в исследуемые выборки не включались.)

Распределение полных отрицательных форм в принципе совпадает с распределением позитивных форм. Например, если позитивная форма can в техническом тексте встречается значительно чаще, чем в художественных, то это же наблюдается и у отрицательных форм. Некоторым исключением яв-

ляется might not :в научно-технической прозе такая форма в объеме экспериментального материала не встретилась. Это позволяет сделать вывод,что вероятность её появления не выше $7,26 \cdot 10^{-6}$.

Более подробные сведения о распространении той или иной формы в сравниваемых выборках можно найти в сводной таблице, где приведены абсолютные частоты употребления модальных глаголов, их синтагматические вероятности и удельные веса (табл.8).

На основании сопоставления результатов статистического анализа распределения модальных глаголов can/could, may/might и must , их утвердительных и отрицательных форм, явления контракции и т.п. необходимо отметить, что при статистическом и семантическом исследовании модальных глаголов никоим образом нельзя объединять в единый корпус художественную и научно-техническую литературу, поскольку характер и статистики распределения в том и другом случаях принципиально отличаются. Однако в ряде исследований этому обстоятельству не придается должного внимания.

Г. С. ШУР

О СОПОСТАВИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОМ ИЗУЧЕНИИ РОДСТВЕННЫХ ЯЗЫКОВ

При обсуждении задач и целей сопоставительно-исторического изучения близкородственных языков вполне правомерным является вопрос о том, что и зачем сопоставляется, а также чем обусловлено появление все большего числа сопоставительных исследований.

Одним из факторов, определивших это, является стремление к установлению общих черт, характерных для данной группы языков, и исследование тенденций их развития[1]. Исследование инвариантного, относительно-общего, относительно-неизменного у данного явления в групп явлений /близких языков/ в синхронии и диахронии представляет собой особенность современной науки, в том числе языкознания, и синтетический этап его развития. Этим обусловлено не только появление новых типов и методов исследования, но и необходимость определения ряда категорий исторического существования языка, а также установление соотношения между этими категориями. Последнее тем более необходимо, поскольку нередки случаи обозначения одного и того же явления различными терминами. /Ср. синонимическое использование терминов – система, поле и т.д./.

При сопоставительных исследованиях одним из важнейших является понятие тождества, так как при историческом рассмотрении даже близкородственных языков обнаруживается неполное совпадение структур и систем сопоставляемых языков, даже в том случае, когда номенклатура категорий и модалей во многом сходна в некоторых из них. Это объясняется различием соотношений между абстрактными категориями в конкретных языках, что обусловлено неодинаковостью изменений, характерных для отдельных языков и неравномерностью развития отдельных уровней языков данной группы, например, морфологического уровня.

Последнее свидетельствует об отсутствии абсолютного тождества, однако не исключает наличие относительного структурного и системного тождества близкородственных языков и требует определения того, что сравнивается – структуры или системы соответствующих языков. Это обусловлено тем, что для современной науки, в том числе для языкознания, характерно разграничение этих категорий как в силу логических, так и эмпирических оснований[2].

Неотъемлемость исторических исследований, в том числе сопоставительно-исто-

---

1. Б. М. Жирмунский. Общие тенденции фонетического развития германских языков. "Вопрос языкознания", № 1, 1965, стр. 8.

2. О соотношении синхронного анализа и исторического изучения языков. М., 1960; K. L. Pike. Language in Relation to a Unified Theory of the Structure of Human Behavior, Part. I. Glendale, 1954; J. R. Firth. A Synopsis of Linguistic Theory, 1930 – 55, "Studies in Linguistic Analysis, Oxford, 1957; W. S. Allen. Structure and System in the Abaza Verbal Complex, "Transactions of the Philological Society", 1956; M. A. K. Halliday. Categories of the Theory of Grammar, "Word", vol. 17, 3, 1961; Sens et usages du term "structure", "Janua Linguarum", 18, 's-Gravenhage, 1962.

рических, от анализа категорий "развитие" и "эволюция" также обусловливает необходимость определения этих категорий и установления соотношения между ними и категорией "изменение". Во многих исследованиях эти категории рассматриваются лишь применительно к структуре, несмотря на двойственную природу любых объектов, имеющих не только структуры, но и системы. Исследование общих особенностей ряда языков также обусловливает необходимость ответа на вопрос, что такое закон, общие закономерности и общие тенденции, и каково соотношение между этими категориями.

Таким образом, если одной из целей сравнительно-исторического исследования может быть изучение структурных особенностей единиц данного уровня данных групп родственных языков по сравнению с языками той же семьи[3], то весьма важной целью сопоставительно-синхронных и сопоставительно-исторических исследований, по-видимому, является установление общих особенностей в структуре и системе языков данной группы.

Представляется, что определение места данной конструкции среди других, определение ее функциональной значимости и рассмотрение данной конструкции, как отправной точки для более детального изучения тех изменений исходной конструкции, которые происходят в каждом языке в отдельности и приводят к тому, что процесс образования, например, аналитических форм перфекта, по-разному развивается в конкретных языках, что формулируется как задача сопоставительного изучения родственных языков, является задачей не сопоставительного, а противопоставительного изучения родственных языков или истории данных языков. При таком подходе сопоставление нескольких языков противопоставляется выявлению специфики данных конструкций в отдельных из них, и выдвигается задача объяснению, почему данное явление, общее для данных языков, отличается в отдельных из них, а не к тому, чем объясняется наличие сходных черт в языках данной группы. Такой тип исследований способствует доказательству очевидного тезиса, что все языки отличаются друг от друга и отражают этап изучения дивергенции, а не конвергенций языков. Хотя такого рода исследования вполне справедливо могут рассматриваться как системные, однако они представляют собой исследование систем данных языков в определенный исторический период и не являются исследованиями общего в системах языков данной группы или сопоставлением систем этих языков. Это происходит уже хотя бы потому, что отправной точкой анализа в таких исследованиях являются структурные единицы. Сопоставление нескольких систем, по-видимому, предполагает выделение того общего в системах нескольких языков, что позволило бы сделать такое сопоставление.

Таким образом, хотя при установлении общих особенностей языков данной группы определенную роль играет анализ сходных конструкций и установление того, что единицы данного класса в сочетании с единицами другого класса, представленными в определенной форме, образуют модель, материальное воплощение которой в отдельных языках и в отдельные периоды может быть различным /ср. например конструкции "модальный глагол + смысловой глагол" во многом сходные во всех скандинавских языках с точки зрения модели и различные по составу глаголов/, однако исследование такого рода моделей и конструкций часто приводит к установ-

---

3. A. Meillet. Caractères généraux des langues germaniques. Paris, 1949.

лимо не общего, а различного не только в системах, но и в структуре данных языков. Возможность использования конструкций и моделей в качестве единиц как сопоставительного в типологического изучения родственных языков, так и типологического исследования неродственных языков, по-видимому, объясняется распространенность такого рода исследований, несмотря на возможность других подходов в использовании других единиц сопоставлений[4].

Необходимость использования других единиц, особенно при сопоставлении систем родственных языков, определяется тем, что анализ конструкций или моделей, как и категорий, ограничивает исследование анализом структуры рассматриваемых языков и тем, что эти единицы могут быть использованы лишь при сопоставительном изучении морфологии и синтаксиса. Поэтому при синхронно-сопоставительном и сопоставительно-историческом изучении других уровней родственных языков также используются корреляции, оппозиции, фонемы, однотипные формулы фонемных групп[5], типы сочетаний между ударными и безударными вокализмом, закономерности позиционного распределения фонем и их сочетаемости, типы структуры слога[6].

То обстоятельство, что при таком подходе исследуются прежде всего свойства /характеристики/ элементов, что видно из возможности различной классификации данных элементов в языков, в зависимости от свойств, взятых в качестве критериев такой классификации[7], показывает, что такого рода исследования также являются исследованиями не систем, а структур соответствующих языков, если термин "система" понимать как сеть связей между элементами, а не как синоним термина "объект" /класс/ или совокупность фактов. Неотделимость фонологических корреляций и оппозиций от свойств элементов свидетельствует о том, что корреляции и оппозиции относятся к структурой, а не с системой[8]. Более эффективным типом исследования общих особенностей структур и систем родственных языков, лишенным односторонности, характерной для других подходов, представляется сравнительно-историческое их изучение, для которого привлекается материал не только древних и современных языков данной группы, но и диалектов[9].

---

4. В. Н. Ярцева. О сопоставительном методе изучения языков. "Научные доклады высшей школы", серия "Филологические науки", 1960, № 1; В. Н. Ярцева. Сопоставительный анализ структуры слова в современных германских языках. Сб. "Проблемы морфологического строя германских языков". М., 1963, стр. 5 - 14; М. М. Гухман. Развитие залоговых противопоставлений в германских языках. М., 1964; Э. А. Мекеко. Сравнительная, сопоставительная и типологическая грамматика. "Вопросы языкознания", № 1, 1964, стр. 3 - 13; Сб. "Вопросы методики сравнительно-исторического изучения индо-европейских языков". М., 1962, стр. 29 и сл.; Сб. "Структурно-типологическое описание современных германских языков". М., 1966.

5. М. И. Рывкевич. Развитие однотипных фонем в родственных языках, как проблема сопоставительной фонологии. Сб. "Проблемы морфологического строя германских языков". М., 1963, стр. 117.

6. Е. Д. Д. Бетаговская. Проблема сопутствующего сходства на уровне фонологии /на материале современных кельто-романских и кельтских родственных языков/. Тезисы конференции "Проблемы синхронного изучения грамматического строя языка". МГПИИЯ. М., 1965, стр. 95.

7. М. В. Ганжевский. К проблеме классификации родственных языков на современном этапе их развития /на материале скандинавских языков/. "Скандинавский сборник", № 9, Таллин, 1964, стр. 11 - 18.

8. On Some General Categories of Linguistics. "General Systems", vol. XI, Ann Arbor, 1966.

9. Р. М. Цыдыпов. Введение в сравнительно-историческое изучение германских языков. М. - Л., 1964.

Существенной особенностью сравнительно-исторических исследований такого рода является то, что изучаются не модели, категории или корреляции, а определенные процессы и явления. Причем эти процессы в конкретных языках рассматриваются во взаимодействии со специфическими процессами и явлениями, характерными не только для структуры, но и для системы отдельных языков. Этим взаимодействием определяется специфика данных общих процессов в отдельных языках. Такие явления, как умлаут, редукция гласных, дифтонгизация, монофтонгизация и т.д.[10], характерные для ряда языков, имеющие специфические формы реализации в отдельных из них, рассматриваются не только как результат структурных изменений, определяемых тем, что данные единицы испытывают влияние других единиц, с которыми они находятся в контакте, но и тем, что данная группа единиц, сохраняя ее связи с другой группой в данном языке или языках, по своей структурной функции может использоваться в сочетании с данной группой, зависеть от нее и следовать до или после нее. При этом структурная [illegible] состоит в том, что не любые, а лишь [illegible] сочетаются с другими группами и используются [illegible] морфем, слов.

То обстоятельство, что изменяющиеся условия [illegible] протекавший ранее процесс, как и то, что [illegible] процесс часто локализован, т.е. характерен лишь для определенных языков или диалектов, по-видимому, объясняется тем, что условия данного процесса в нескольких языках сходны лишь в общих чертах, поскольку в конкретных языках многие характеристики элементов сочетающихся групп, типы связей между ними и конфигурации систем несходны. Данное пересечение и наложение связей может способствовать, а другое пересечение связей может препятствовать данному процессу. Однако во многих случаях, несмотря на специфичность конфигурации данной системы, которую представляется возможным определить как сеть иерархических связей, ряд языков характеризуется наличием общих связей. Особенностью таких связей является то, что они существуют между группами элементов. Диахронный и устойчивый характер этих связей обусловливает то, что данные элементы претерпевают изменения в зависимости от изменения элементов, с которыми они связаны, несмотря на действие также других связей, существующих между этими элементами.

Повторяемость данных процессов, обусловленных существованием устойчивых связей между группами элементов, позволяет рассматривать такие связи как закон. В свою очередь повторяющееся действие этих связей в диахронии, тем более в нескольких языках, наблюдаемое эмпирически и проявляющееся в однотипных изменениях связанных элементов, позволяет говорить о тенденциях в развитии данного языка и в группе языков.

Таким образом, сходные черты в развитии данных языков могут рассматриваться как действия сложных диахронных связей между группами элементов в этих языках. Обозначение термином "тенденция" явлений, повторяющихся в синхронии и диахронии, которые при наличии сходных условий могут быть характерными для ряда объектов /языков/, свидетельствует о двояком использовании этого термина, так как им обозначаются как указанные сходные процессы в нескольких языках, так

---

10. Подробнее об этом см. В. М. Жирмунский. Общие тенденции фонетического развития германских языков. "Вопросы языкознания", № 1, 1965, стр. 3.

и определенные процессы в истории данного языка. В этом случае термин "тенденция" используется для обозначения таких изменений, которые иногда рассматриваются как целенаправленные с точки зрения коммуникативной и других функций языка, как средства общения и мышления. Однако, даже если указанные функции рассматривать в качестве одной из причин определенных изменений, то очевидным фактом все равно оказывается возможность объяснения данных изменений также другими факторами, при этом чаще не коммуникативной функцией, а структурой данного языка, так как явления, обозначаемые термином "тенденция", как правило, охватывают группы элементов и связаны с определенными процессами в структуре языка.

Думается, что именно наличием в языке связей между группами элементов и явлений, характерных для нескольких периодов языка, объясняется возможность фиксирования в структуре изменений определенных групп элементов и обозначения их термином "тенденция", поскольку такие изменения происходят не сразу, а в течение большего или меньшего периода времени. При таких изменениях коммуникативная функция оказывается фактором, обусловливающим не сам процесс или начало, а консервативным фактором, препятствующим слишком резким изменениям, могущим привести к перерыву коммуникации. Даже в том случае, когда коммуникативная функция выступает в качестве фактора, способствующего возникновению данной тенденции /ср. возможную роль этой функции в возникновении умлаута в германских языках[11]/, изменения охватывают лишь определенные группы элементов и зависят от связей этих групп с другими группами и от состояния и свойств элементов этих групп, что находит отражение в хронологии и ареальной дистрибуции данного процесса или тенденции.

Прекращение данной тенденции, по-видимому, определяется тем, что действие данной диахронной связи, существующей между группами элементов, нейтрализуется или прекращается, благодаря действию других связей, существующих между теми же элементами. Возникновение новой тенденции обусловливается возникновением новых связей между новыми группами элементов.

Существование любых связей между данными элементами и группами элементов во взаимодействии и пересечении с другими связями свидетельствует о необходимости разграничения связей корреляций или комплекса связей. Этим определяется то, что действие любой связи не может рассматриваться только детерминистически, т.е. данная причина всегда и при любых условиях приводит к данному следствию, которое, если известна данная причина или элемент, может быть предсказано однозначно. Пересечение или наложение связей определяет то, что данное следствие может быть предсказано лишь с определенной вероятностью, причем степень вероятности зависит от того, в какой мере учитываются не только связи, но и конфигурации структуры данного языка, поскольку наличие или отсутствие в данном языке тех или иных элементов или категорий также влияет на это.

В то же время существование устойчивых диахронных связей позволяет говорить не только о возможности, но и о необходимости изучения причинности в языке, правомерность чего иногда либо подвергается сомнению, либо вообще отрицается. Исследование причинности, помимо указанных обстоятельств, также затрудняется

---

11. Б. А. Шлоткин. О причинной обусловленности германских умлаутов. "Научные доклады высшей школы", серия "Филологические науки", № 3, 1964, стр.117-126.

неоднородностью связей, то есть существованием различных типов связей: взаимосвязей и причинных связей. Это обусловливает то, что в одних случаях можно предсказать только данное следствие, а в других – несколько следствий. Так, знание того, в скандинавских языках между неличной формой /инф.I/ и личной формой /3 л.мн.ч.наст.вр./ существует взаимосвязь, позволяет предсказать, что изменения в 3 л.мн.ч.наст.вр.изъяв.накл. определяет характер инфинитива I и то, что сама эта форма может быть преобразована под влиянием инфинитива I. Так в исландском munu /инф.I/, образованный от munu /3л.мн.ч.наст.вр.изъяв.накл./ и личную форму munu /3 л.мн.ч.наст.вр.изъяв.накл./, преобразованную из munum /3 л./ под влиянием инф. I kunna[12].

В других случаях знание того, что между данными формами существует причинная связь позволяет предсказать возможное изменение лишь в одной из этих форм. Так форма инф.II на –u определяется характером 3 л.мн.ч.прш.вр.изъяв.накл., но сама форма 3 лица не определяется инф.II. Так инф.II на –u munu, образованный от 3 л.мн.ч.прош.вр.изъяв.накл. mundu[13]. Действие указанной связи между неличными и личными формами скандинавского глагола во взаимодействии с другими связями и элементами структуры видно в том, что появление форм инф.I глаголов munu и skulu, образованных от 3 л. мн.ч.наст.вр.изъяв.накл., определяется не только этой связью, но и возникновением описательных форм будущего времени с указанными глаголами и появлением описательной формы инф.футури I. В свою очередь возникновение описательного инф.футури II способствовало возникновению инф.II на – u этих глаголов[14], хотя и в этом определяющим фактором была указанная связь. Точно так же формы западно-скандинавского инф.II на –u сильных и слабых глаголов и инфинитива претерита в других германских языках и хронология их появления обусловлены не только указанной связью, но и особенностями и хронологией развития категорий перфекта и описательного инф.II[15].

Действие той же связи в датском и норвежском при условии унификации форм ед. и мн. ч. наст. времени модальных глаголов и развитие лексических категорий лица и числа во всех типах глаголов приводит не только к утрате прежних форм инф. I ряда модальных глаголов, но и к возникновению у них новых форм инф. I на –е и дуплетных форм односложного инф. I. При этом в зависимости от ряда других факторов в одни периоды возникают формы односложного инфинитива I, образованного от настоящего времени, а в другие периоды формы инф. I на –е, образованные от претерита. Различное соотношение в структуре датского глагола в отдельные периоды приводит к тому, что в конкретные периоды преобладающими являются либо формы односложного инфинитива, либо инф. I на –е. Ряд тех же факторов в шведском определяет то, что явления, описанные для датского, в

---

12. Подробнее об этом см. Der skandinavische Infinitiv I auf –u und das Problem des Systemverhältnisses zwischen den finiten und infiniten Formen des germanischen Verbs. "Arkiv för nordisk Filologi", 78, Lund, 1963.

13. Подробнее об этом см. Nochmals der westskandinavische Infinitiv II auf –u. "Arkiv för nordisk Filologi", 77, Lund, 1962.

14. On the Connection Between the Germanic Finite and Non-Finite Verbal Forms. "Transactions of the Philological Society". London, 1967.

15. H. Kuhn. Die altnordischen Infinitive Praeteriti. "Zeitschrift für deutsches Altertum", Bd. 76, 1939; W. E. Collinson. Past Infinitives in Germanic Languages. "The Modern Language Review", vol. XLIV, 2, 1949.

определенной степени характерны и для шведского[16]. Еще одним примером того, что связь между неличными и личными глагольными формами в скандинавских языках действует во взаимодействии также со структурными факторами, является роль конструкций "винительный и именительный с инфинитивом" и attractio modi в исландском.

В зависимости от указанных факторов новые формы инф.I и инф.II, образованные от личных форм /3 л.мн.ч.наст. и прш.вр.изъяв. и сосл.накл./ имеют либо инф.I и II на -u , либо на -i . В конструкциях "винительный и именительный с инфинитивом" эти формы представлены инф. на -u , а в бессоюзных придаточных дополнительных предложениях, сближающихся с указанными конструкциями, благодаря действию attractio modi, эти формы представлены как инф. на -i. Сравн. инф. I muni , инф.II mundi[17].

Приведенные примеры показывают, что при сопоставительном изучении морфологии /в частности, глагола родственных языков/ единицами сопоставления могут быть не только конструкции, категории и т.д., но и связи, характерные для систем ряда языков. При таком сопоставлении исследование не ограничивается анализом структуры, но и не сводится только к анализу системы, то есть связей, поскольку эффект действия данной связи, как правило, не может быть понят без анализа структуры. В то же время явления, весьма различные структурно, оказываются однотипными с точки зрения данной связи, а элементы, по структуре отличные от большинства элементов той же группы и поэтому, как правило, относимые к числу несистемных или аномальных, оказываются и системными и неаномальными.

Так, рассмотренные выше нерегулярные формы инфинитива являются закономерными как со структурной, так и с системной точек зрения и, следовательно, они не являются аномальными. Особенность этих образований только та, что они представлены у небольшого числа глаголов и, следовательно, являются не массовыми, в отличие от "регулярных" массовых форм, представленных у всех типов глаголов.

Еще одной особенностью указанных образований является то, что они относятся к числу инноваций, что свидетельствует о неправомерности отнесения всех "аномальных" форм к числу реликтов предшествующих периодов данного языка. Наличие указанных инноваций в исландском и африканс[18], то есть в языках, расположенных на границах германского ареала и не находящихся в прямых контактах с другими германскими языками, свидетельствует о неоправданности рассмотрения таких языков и диалектов исключительно как областей консервации. При этом существование параллельных инфинитивных образований в скандинавских языках и в африканс[19] свидетельствует о том, что, несмотря на изолированное положение данного языка или диалекта, закономерности его развития в основном те же, что

---

16. L. L. Hammerich. Über die Modalverben der neugermanischen Sprachen /mit besonderer Berücksichtigung des Dänischen/. "Zeitschrift für deutsche Wortforschung", 16, 1959; On the Non-Finite Forms of the Modal Verbs in Danish and Swedish. "Acta Linguistica", IV, Budapest, 1965.

17. Icelandic Infinitive in -i. "Transactiones of the Philological Society", London, 1962.

18. On Some Similar Infinitive Fromations in Icelandic and Afrikaans. "Indian Linguistics, 26, Poona, 1965.

19. Über einige Parallelbildungen in den skandinavischen Sprachen und in Afrikaans. "III. Internationaler Germanistenkongress", Amsterdam, 1965.

и у языков группы, к которой он принадлежит, хотя и не находится с ними в непосредственных контактах.

Указанные факты и наличие других многочисленных случаев инноваций в диалектах, исследование которых позволяет не только лучше понять закономерности, характерные для литературных языков[20], но и обнаружить сами эти закономерности, свидетельствует о том, что изучение диалектов оказывается плодотворным как при исследовании истории данного языка, так и при сопоставительно-историческом изучении родственных языков[21]. Точно так же исследование "аномальных" явлений и групп, состоящих из небольшого числа членов, оказывается плодотворным[22]. При этом такие исследования вполне правомерны с точки зрения современной науки, уделяющей большое внимание фактам, которые не могут быть объяснены существующими теориями и которые часто оказываются решающими для развития самой теории.

Анализ указанных выше немассовых неличных форм позволяет установить, что рассматриваемая связь существует между неличными формами и личными формами 3 л.мн.ч. как наст. времени, так и прош.вр.изъяв. наклонения, а также презенса и претерита сосл. наклонения.

Связь того же типа, что и между формами инф.II на -u и 3 л.мн.ч.прош.вр. изъяв.наклонения – однонаправленная связь – характерна также для других форм германского глагола, в частности для описательного будущего времени и описательного сослагательного наклонения[23], характер которых в германских языках обусловливает природу и хронологию появления определенных неличных форм. Эта связь проявляется в том, что формы аналитического будущего определяются характером аналитических форм сослагательного наклонения.

Меняющийся состав неличных и личных форм, а также форм будущего времени и сослагательного наклонения в истории германских языков при сохранении связи между указанными формами делает оправданным разграничение самих связей, между чем эти связи существуют. Это приводит к разграничению структуры и системы и к соотнесению элементов, между которыми существуют отношения – со структурой, а связей – с системой. Таким образом, для разграничения этих категорий существуют как логические, так и эмпирические основания[24].

Наличие этих связей и элементов в древних и современных германских языках обусловливает соотнесение структуры и системы как с синхронией, так и с диахронией, но при этом структура оказывается менее устойчивой, чем система. Это видно из того, что состав элементов данной связи в процессе исторического существования конкретного языка может претерпевать значительные изменения, в то время, как указанная связь, несмотря на ее взаимодействие с другими связя-

---

20. Über den Umlaut der deutschen Modalverben. "Neuphilologische Mitteilungen", N. LXIII, Helsinki, 1961; Some Peculiarities of the Morphology of the English Modal Verbs. "Studies in Language and Literatur in Honour of M.Schlauch, Warszawa, 1966.

21. В. М. Жирмунский. Сравнительно-историческая грамматика и диалектология. "Доклады и тезисы сессии по вопросам германского языкознания", 1959, стр. 5 – 30.

22. Е. Н. Ярцева. О задачах сопоставительно-типологического изучения родственных языков. Сб. "Вопросы общего языкознания". М., 1965.

23. Some Remarks Concerning the Germanic Future. "Transactions of the Philological Society", London, 1963.

24. On the Relations Among Some Categories in Linguistics. "General Spectrum", XI, Ann Arbor, 1966.

ми, в конкретные периоды истории данного языка остается неизменной в течение ряда этапов развития данного языка или группы языков[25]. Это свидетельствует как о ее диахронном, так и об общегерманском характере.

Существование указанных связей и элементов во всех германских языках позволяет говорить не только об общей структуре, но и об общей системе в морфологии группы близкородственных языков. Последнее, как и структурная близость, является существенной характеристикой родственных языков. Хотя возникновение указанной связи определяется функциональными признаками /что представляется общим случаем возникновения любых связей/, однако новые наличные формы образуются прежде всего в соответствии с состоянием структуры и системы данного языка, чем и объясняется хронология появления этих форм и их структуры. Синтаксические, фонетические и другие условия в этом процессе являются лишь сопутствующим фактором.

Исследование связей, а не отношений между элементами при изучении системы языка объясняется различной природой связей и отношений. При наличии связи изменение данного элемента связи ведет к изменению другого элемента, в то время как при наличии отношения изменение данного элемента не ведет к изменению другого элемента и его свойств, что определяет необходимость разграничения понятий "связи" и "отношения". Это обусловлено также тем, что, хотя связанные элементы находятся в определенных отношениях, однако не все элементы, между которыми существуют отношения, связаны. Отсюда следует, что связь является частным случаем отношений /любые связанные элементы находятся в определенных отношениях, но не все элементы, находящиеся в отношениях, связаны/.

Характер и природа противопоставлений, как и отношений, также зависят от свойств элементов, вследствие чего все противопоставленные элементы находятся в отношениях. Из этого следует, что противопоставления являются частным случаем отношений, а также то, что отношения и противопоставления являются атрибутом структуры, которая может быть определена как совокупность иерархических элементов, находящихся в отношениях. В отличие от противопоставлений, связи возникают между элементами с общими свойствами и общими функциями, являются частным случаем связей[26].

Особенностью рассмотренных связей является то, что они существуют между группами элементов, обладающих общностью морфемного состава и близостью значений и функций. Близость языков данной группы /германских/ позволяет обнаруженные в одном языке связи постулировать другим языкам.

Таким образом, одним из путей синхронно-сопоставительного и сопоставительно-исторического изучения морфологии близкородственных языков может быть исследование однотипных связей между группами элементов со сходными функциями. Указанное обстоятельство, по-видимому, свидетельствует о наличии в близкородственных языках относительного тождества между частными структурами частными системами с одинаковыми функциями. Относительное тождество состоит в том, что языки данной группы наряду с чертами, характерными для структуры и системы от-

---

25. On Some Categories of the Theory of Grammar. "Indian Linguistics", 27, Poona, 1966.

26. On System in Diachrony and the Comparative-Historical Study of the Morphology of Cognate Languages. "III. Fachtagung für indogermanische und allgemeine Sprachwissenschaft", Münster, 1965; Wiesbaden, 1966.

дельных языков, также имеют черты, общие для языков данной группы. В рассматриваемом случае относительно тождественными оказываются подструктуры и подсистемы, являющиеся конститутивными во всех языках данной группы, что проявляется в их устойчивости в диахронии. Устойчивость указанных подструктур и подсистем также свидетельствует об иерархичности глагольной структуры и системы и обеспечивает их относительное тождество в истории конкретных языков.

Зависимость характера и хронологии появления видовых форм в отдельных германских языках от определенных соотношений в их структуре и обусловливающих эти пересечений и наложение связей в системе свидетельствует о том, что комбинаторика или группировки элементов и связей характерна и для системы, причем как в синхронии, так и в диахронии. Это позволяет предполагать, что для процесса развития комбинаторика перегруппировки структурных элементов и связей является неотъемлемым фактором.

Указанное обстоятельство отдаляет возможность полных методов анализа языка и то, что диахронное исследование или изучение языка в развитии неотделимо от анализа комбинаторики, имеется как структурных элементов, так и связей, то есть системы. Весьма существенным при этом представляется анализ связей не только между отдельными элементами, но и между подклассами элементов и понимание того, что выявленная связь является, возможно, наиболее частным, но не единственным типом связи. Нет элементов, не связанных со всеми другими, но из этого не следует, что всякий элемент связан со всеми другими, зависит от них и обусловлен ими.

Двоякое рассмотрение лингвистических объектов с точки зрения их структуры и системы или явления и того, что стоит за ним в совокупности с анализом комбинаторики в обоих планах, что представляет собой качественный анализ объекта через его количественную сторону, а не через его непосредственное восприятие, думается, может способствовать сближению некоторых направлений современного и традиционного языкознания, для которого, как представляется, характерно ограниченное исследование связей и их комбинаторики, то есть системы, а также такому качественному анализу лингвистических объектов, при котором изучается и количественная сторона и сам ответ рассматривается как многозначительный. Это определяется тем, что качество не то, что отличает данную единицу от другой или признак, по которому она противопоставлена другим единицам. Качество также не только набор бесконечного числа элементов и комбинаций элементов и связей между ними, чем определяется принципиальная неизменность любых единиц, но и бесконечное число свойств. При этом многие свойства характерны как для данной единицы, следовательно, отличает ее от других единиц, так и для ряда единиц. Последнее определяет пересекающиеся классы и объединения элементов по данным свойствам в инвариантные поля и наложение этих полей, поскольку их элементы имеют общие /инвариантные/ свойства. Инвариантные поля характерны для всех уровней; их частным случаем являются фонемные, семантические, морфемные и морфосемантические поля[27].

Анализ элементов с общими свойствами, объединенных в данные инвариантные

---

27. Some Considerations on the Notion of Invariant Field in Linguistics. "Philologica Pragensia", 8 (47), Praha, 1965; "General Systems", X, Ann Arbor 1965.

поля, тем самям представляет собой исследование способа существования данных элементов и тождественного, а не различного у них. Исследование объединечий элементов с общими функциями, которые могут обладать, но могут и не обладать общими свойствами, означает исследование структуры и системы или внешней и внутренней формы данных объектов и способа их функционирования, причем подобные функциональные структуры и системы, как правило, не совпадают с полем.

Наличие в языке объединений элементов с общими свойствами /инвариантные поля/ и объединений элементов с различными свойствами и общими функциями /структуры и системы конкретных объектов/ позволяет говорить о двух типах парадигматических классов и двух парадигматиках в языке[28]. Однако существует также объединение элементов, в которых совмещаются оба принципа /инвариантности и функциональности/. Наличие общих свойств и общих функций отмечается в случае морфо-семантических полей, характерных для морфологии и лексики, а также в случае синонимических рядов, что позволяет рассматривать синонимы, как функциональные объединения элементов с общими свойствами. Существование такого рода групп элементов позволяет рассматривать определенные явления двояко в зависимости от изоранного критерия. Так, рассмотренные выше группы элементов, обладающие общими свойствами и общими функциями, с точки зрения способа их существования могут анализироваться как морфо- семантические поля, а с точки зрения ихфункционирования - как частные структуры и подсистемы германского глагола[29].

Таким образом, благодаря существованию объединений элементов, обладающих общими свойствами и общими функциями, что приводит, в частности, к возникновению морфо-семантических полей, в которых осуществляется взаимодействие отдельных элементов, единицами синхронно-сопоставительного и сопоставительно-исторического изучения родственных языков мог,т быть как группы элементов и связи, так и поля, морфо-семантические поля.

Хотя в принципе неличные формы могут образовываться как от настоящего времени /3 л.мн.ч./ изъявительного и сослагательного наклонений, так и от форм прошедшего времени соответствующих наклонений, что зависит от конкретных морфологических и синтаксических условий, однако отдельные неличные и личные формы связаны неодинаково. Это позволяет рассматривать некоторые из них как конститутивные и говорить об иерархии элементов в пределах данной группы. Так, связь оказывается более тесной между инф.I и 3 л.мн.ч.наст.вр.изъяв.наклонения, что проявляется в том, что изменение одной из этих форм всегда отражается на другой. С другой стороны, формы систетического инф.II связаны причинной связью с формами прошедшего времени, так как характер синтетического инф.II зависит от характера 3 л.мн.ч. претерита, но сами эти формы не зависят от неличных форм.

Возникновение в структуре новых элементов, являющихся результатом действия данной связи, свидетельствует об определенном воздействии системы на структуру или о давлении системы. С другой стороны, развитие элементов структуры, проявляющееся не только в увеличении или в уменьшении их числа, но и в иных их группировках /ср. развитие аналитических форм времени и наклонения из словосо-

28. Some Considerations on the Notion of Invariant Field in Linguistics. "Philologica Pragensia", 8 (47), 2 - 3, Praha, 1965; "General Systems", X, Ann Arbor", 1965.

29. On System in Diachrony ... "Kratylos", 1966.

четаний/, ведет как к исчезновению прежних или появлению новых связей, так и к их перегруппировкам, что влияет на характер действия прежних связей, либо продолжающих действовать, влияя на структуру как и прежде, но с иной степенью интенсивности, либо утрачивающих возможность этого действия.

Такое воздействие структуры на систему, по-видимому, можно определить как давление структуры. Во взаимодействии структуры и системы роль структуры представляется определяющей, а принцип взаимодействия структуры и системы – основным механизмом развития, которое неотделимо от изменения конфигурации структуры и системы[30] и перегруппировок полей.

Думается, что аналогию, унификацию и стандартизацию форм в языке, которые иногда рассматриваются в качестве основных функций системы и как результат ее давления, более правомерно считать следствием давления структуры или притяжения поля, поскольку давление системы в ряде случаев сопровождается не унификацией, а появлением "нерегулярных" форм.

Притяжение поля является функцией инвариантности полей, [illegible] ты с общими /инвариантными/ свойствами. Это приводит к [illegible] групп элементов и к возникновению или закреплению соответствующих инвариантных свойств у элементов, включающихся в данную группу или поле, что, в частности, проявляется в фонологизации лишь тех аллофонов, которые имеют признаки, инвариантные элементам группы, в которую они включаются. Различной природой полей и структур, соответственно систем конкретных объектов, определяется несовпадение этих категорий и то, что для элементов отдельных структур характерно наличие многих неодинаковых свойств, что осуществляется [illegible] языковых объектов. Благодаря этому наличие общности морфемы [illegible] и элементов рассмотренных связей, по-видимому, [illegible], но, характерным для морфо-семантических полей, а быть [illegible] структуры, поскольку для возникновения связей определяющим является не общность свойств элементов, а общность их функций, что находит отражение в варьировании элементов данной связи.

Изложенное выше позволяет думать, что основной задачей сопоставительно-исторического изучения родственных языков является установление не [illegible], а общих черт в структуре и системе этих языков, рассмотренных в развитии, поскольку историческое исследование языка неотделимо от изучения развития как структурных элементов, так и связей между элементами. В то же время неоднородность группировок элементов и комбинаций связей в отдельных языках, в том числе элементов и связей общих для нескольких языков, делает необходимым выявление не только общих для нескольких или для всей группы, но и специфических для данных языков, моделей и категорий, а также установление того, в каких связях отдельные категории, в том числе общие для нескольких или для всей группы языков, находятся с другими категориями в данных языках и в данный период и определение типов связей между элементами данных категорий в данном языке в данный период.

При этом существенным также представляется изучение связей не только между отдельными элементами, но и между группами элементов и категориями, а также

---

30. On the Connection ... TPS. 1967; On the Principle of Interaction of Structure ans System in Language. "Annali dell' Instituto Universario Orientale", 8. Napoli, 1969.

установление иерархии и роли конкретных категорий и связей в развитии данной или нескольких систем и структур.

Наличие у ряда языков общих элементов /то есть общих черт в их структуре/ и общих связей /то есть общих черт в их системе/, позволяющее говорить об их родстве, делает оправданным изучение как структурно, так и системной общности, поскольку при определении степени близости родственных языков главным является не количество сходных грамматических категорий и элементов в этих языках, а то, находятся ли данные категории и элементы структуры данных языков в одинаковых связях и отношениях с соответствующими элементами в других языках.

Различием комбинаций элементов и связей, определяющих несходство конфигурацией структур и систем отдельных языков данной группы, обусловливается то, что, несмотря на общий источник их происхождения и наличие в их структуре многих сходных черт, они являются хотя и близкими, но отдельными языками.

Одной из причин различия конфигураций структур и систем родственных языков является неравномерность их развития, определяющая неодновременное появление в отдельных языках однородных категорий. Благодаря этому соотношение между элементами структуры данного языка /в том числе общими для других языков/ в данный период бывает иное, чем соотношение между элементами структуры другого языка, что и ведет к постепенному накоплению в отдельных языках специфических черт.

Неравномерностью развития близкородственных языков также объясняется неодновременность черт логического сходства в истории данной группы языков/например, германских/, в частности неодинаковая группировка этих языков с точки зрения состава отдельных моделей, категорий, корреляций[31] в различные периоды развития этих языков.

Таким образом, изложенное выше позволяет думать, что наряду с другими единицами при сопоставительно-историческом изучении родственных языков могут использоваться поля, которые, как и системы, могут быть синхронными и диахронными.

Наличие в языке систем и полей определяется двояким способом существования лингвистических явлений, что отражается в наличии двух принципов их группировки и в том, что ни один элемент языка не существует вне какой-либо группы. Таким образом, группы являются фундаментальным, естественным и неотъемлемым способом существования любых лингвистических явлений. Два принципа группировки лингвистических элементов обусловливают существование в языке функциональных и инвариантных групп элементов. Это позволяет говорить о двух типах парадигматических классов и о двух парадигматиках в языке и о возможности создания теорий функциональных и инвариантных групп лингвистических феноменов. Теория инвариантных групп, которые отражают поля, может привести к созданию теории поля, основой которой будут факты, а не экстралингвистические категории, в том числе понятийные.

Существование функциональных групп элементов в языке определяется тем, что элементы любых уровней, помимо коммуникативных функций, также обладают структурными функциями. При этом элементы лишь данных групп используются при соз-

---

31. М. Б. Раевский. К проблеме классификации родственных языков на современном этапе их развития /на материале скандинавских языков/. "Скандинавский сборник", IX, Таллин, 1964, стр. II - 18.

дании данных типов структур.

Существование инвариантных групп элементов обусловлено тем, что любые лингвистические элементы, наряду со свойствами, специфическими для отдельных из них, также обладают свойствами, характерными и для других элементов данного уровня. Подобные инвариантные группы представляется возможным рассматривать как инвариантные поля, частным случаем которых являются фонемные, морфемные, лексемные, семантические и морфо-семантические поля. Эти поля представлены в языке корреляциями, рядами и группами элементов с общими дифференциальными признаками: семами, морфемами, аффиксами, основами. Устойчивость некоторых из таких группировок позволяет говорить о существовании полей в диахронии или о диахронной природе некоторых полей и использовать их в качестве единиц сопоставления.

Постоянные перегруппировки элементов в соответствии либо с принципом инвариантности, либо с функциональным принципом, свидетельствуют о неправомерности рассмотрения системы, как чего-то упорядоченного или как любого элемента. Тем более неправомерно отождествление языка с системой. Постулат [illegible] типов парадигматики позволяет рассматривать систему, как сеть связей между элементами и группами элементов, обладающими общими либо дифференциативными, либо структурными функциями.

В языке инвариантные поля, представляющие собой объединение /группировки/ элементов с общими /инвариантными/ свойствами, по-видимому, можно рассматривать как способ существования лингвистических элементов.

Одним из отражений существования в языке инвариантных групп элементов является ассоциативный принцип, который является частным случаем отражения принципа инвариантности. В силу этого не элементы с общими свойствами, благодаря ассоциациям объединяются в инвариантные группы, а существование подобных групп, в частности в языке, приводит к возникновению ассоциативного принципа у отражающих субъектов.

Объективная, а не психологическая природа инвариантных групп элементов подтверждается как тем, что подобные группы характерны не только для языка, так и тем, что объем знаний о данной инвариантной группе неодинаков у отдельных субъектов и зависит не от их способности к ассоциациям, а от степени осведомленности в данном языке, то есть практики.

А.М. КУЗНЕЦОВ

О ТИПОЛОГИИ СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ ИМЕН РОДСТВА

В последнее время в лингвистике большое внимание уделяется проблемам, возникающим при рассмотрении материала не одного какого-нибудь языка, а в процессе анализа /в синхронном или историческом плане/ лингвистического материала самых разных языков. Данное обстоятельство способствует выдвижению на одно из первых мест сопоставительно-типологического изучения языков[1].

Главной целью типологического сопоставительного анализа является сопоставление целых языковых систем, что не возможно осуществить, не имея исчерпывающих или достаточно полных описаний различных структурных уровней разных языков. Между тем отсутствие подобных описаний характерно не только для малоизученных, но и для многих хорошо известных /в том числе европейских/ языков. Именно поэтому многие исследователи говорят теперь о необходимости создания частных типологий: фонологической, грамматической и семантической /лексико-семантической/, опирающихся на сопоставление системных описаний указанных языковых сфер[2].

В данной работе проводится описание смыслового содержания семантического поля имен кровного родства в четырех европейских языках /английском, датском, французском и испанском/, а также даются основные результаты сопоставительно-типологического анализа данного участка лексики, проведенного на основе полученного описания. Таким образом данная работа может быть отнесена к тому разделу лингвистической типологии, который занимается исследованием и сопоставлением лексико-семантических подсистем разных языков.

Для всякого вида семантического анализа /а тем более при рассмотрении явлений, относящихся к области лексической семантики/ важно определить, что понимается под значением той или иной языковой единицы. Как известно, в настоящее время существует множество различных подходов к решению вопроса о лингвистическом значении.

Здесь мы не будем останавливаться на подробном рассмотрении многочис-

---

1. В.Н.Ярцева. О сопоставительном методе изучения языков. "Научные доклады высшей школы". Филологические науки. 1960, №1. О различии в подходах к типологическому анализу родственных языков и языков, генетически между собой не связанных, см. в работе: В.Н.Ярцева. Принципы типологического исследования родственных и неродственных языков. Сб. "Проблемы языкознания". М., 1967.
2. Т.Милевский. Предпосылки типологического языкознания. "Исследования по структурной типологии". М., 1963.

ленных теорий и методов семантического анализа[3]. Укажем только, что в данной работе в качестве значения слова принимается некоторый набор сведений /информация/ о соотносимых с данным словом предметах и явлениях внеязыковой действительности, который передается через звуковую оболочку данного слова[4]. В качестве отдельных элементов такой информации рассматриваются семантические признаки, выделяемые при сопоставлении смыслового содержания по крайней мере двух слов и реализуемые в виде отдельных семантических компонентов данного признака в каждом конкретном слове.

Разумеется, при таком подходе к выявлению смыслового содержания слова необходимо отличать информацию, передаваемую исключительно через звуковую оболочку слова, от той, которая лежит за пределами данного слова, и в то же время иногда ошибочно приписывается ему. Иначе говоря, задача заключается в отграничении лингвистической информации от информации, выводимой из некоторой экстралингвистической ситуации, постоянно сопутствующей данному слову при употреблении его в речи. Смешение указанных двух явлений, а также подмена одного другим может привести к неправильному определению лингвистического значения слова.

Например, сопоставляя слова типа дочь - внучка, сын - внук, мы определяем семантический признак, характеризующий старшинство родственников по поколениям, т.е. то, что отличает информацию одного слова - элемента данной смысловой оппозиции от информации, передаваемой другим словом /первое слово обозначает родство в первом поколении выше от лица соотнесения, второе - во втором/. Указанный семантический признак является элементом смыслового содержания приведенных выше слов. Вместе с тем, при употреблении указанных слов в той или иной речевой ситуации информация о старшинстве по поколениям, заключенная в данном признаке, может переплетаться с информацией об абсолютном старшинстве лиц, обозначаемых указанными словами. При рассмотрении вопроса о соотношении семантического признака старшинства по поколениям и информации об абсолютном старшинстве можно легко убедиться, что последняя не входит в значение приведенных слов. Анализ терминов родства сын, внук, дочь, внучка а также соотносимых с данными словами денотатов показывает, что на основании семантического признака старшинства по поколениям нельзя с полной уверенностью судить об абсолютном старшинстве лиц, обозначаемых данными словами, поскольку в действительности имеют место случаи, когда лицо, обозначаемое словом внук /внучка/, старше лица, обозначаемого словом сын /дочь/, или когда племянник /племянница/ старше дяди /тетки/, при одном и том же лице соотнесения. Указанные случаи объясняют, почему смысловое содержание данных слов не противоречит смыслу высказываний типа Мой внук старше моего

---

3. По данному вопросу существует довольно большая литература. См., например: В.А.Звегинцев. Семасиология. М., 1957; Ю.Д.Апресян. Современные методы изучения значений и некоторые проблемы структурной лингвистики. "Проблемы структурной лингвистики". М., 1963.
4. Указанное понимание значения как информации, воспринимаемой через означающее знака, содержится в работе: О.Н.Селиверстова. Семантический анализ слов типа все, all и типа кто-нибудь, some в русском и английском языках. Канд. дисс. М., 1966. До некоторой степени сходное понимание значения см. A. Wallace. The problem of psychological validity of componential analysis. "American Anthropologist", 1965, v. 67, p. 5.

сына на один год или Мой дядя младше меня на пять лет. Приведенные выше примеры, на которых мы старались показать важность различения информации лингвистической и экстралингвистической, позволяет уточнить наше понимание значения следующим образом. Значение слова - определенный набор сведений /информация/ о соотносимых с данным словом предметах и явлениях внеязыковой действительности, который передается через звуковую оболочку данного слова и воспринимается без обращения к конкретным фактам реальной действительности.

Описание значений избранных нами лексических единиц проводилось на основе метода компонентного анализа, т.е. путем выделения минимальных смысловых единиц /семантических признаков и их компонентов/, необходимых и достаточных для полного описания терминов в том или ином языке.[5] Семантический анализ терминов кровного родства в английском, датском, французском и испанском языках показал, что данные слова в каждом из этих языков образуют отдельную семантическую группу, т.к. в их значении имеется по крайней мере один семантический признак, общий для всех единиц данной группы и служащий основанием для сравнения их значений, - интегральный семантический признак родства. Указанный семантический признак выделяется на основе противопоставления всех слов данной семантической группы - с одной стороны, и слов, не входящих в эту группу, но составляющих вместе с ними семантическую систему более общего вида - с другой /слова типа друг, товарищ, сотрудник, попутчик и т.д., обозначающие неродственные отношения между людьми/. Наличие данного семантического признака в составе значений терминов родства представляется достаточно очевидным, однако эксплицитное выделение его является обязательным условием, во многом обеспечивающим последовательное и исчерпывающее описание.

Затем были выделены все дифференциальные семантические признаки, характеризующие значения данной группы слов в каждом из четырех языков. Способ выделения дифференциальных семантических признаков основан на анализе семантических отношений внутри парадигматических рядов слов, в частности бинарных оппозиций. При этом мы исходили из того, что тот или иной семантический признак является релевантным для исследуемой группы, если в ней могут быть найдены по крайней мере два слова, противопоставленные только по этому признаку.

В качестве примера рассмотрим группу терминов кровного родства французского языка. Для определения дифференциальных семантических признаков, характерных для терминов французского языка, выберем какое-нибудь одно слово данной группы, например père, и исследуем его смысловые отношения с другими словами: 1/ père - fils; 2/ père - petit-fils; 3/ père - grand-père; 4) père - arrière-grand-père; 5)père-arrière-petit-fils; 6) père-oncle;

Как можно заметить, во всех перечисленных выше парах слов термин противопоставлен другому термину по какому-либо одному семантическому

---

5. Об особенностях использования метода компонентного анализа при описании лексического материала см.: "American anthropologist", 1965, v.67, p.5. Здесь же имеется большой список более ранних работ данного направления. В этой связи см. также: О.Н.Селиверстова. Обзор семантических работ по компонентному анализу. "Филол. науки", 1967, №5.

признаку. На основании первых пяти оппозиций можно выделить семантический признак, содержащий информацию о поколении, к которому принадлежит родственник, определяемый тем или иным словом. Условимся обозначать данный признак в сокращенном виде как /Сп/ - "старшинство поколений".

При рассмотрении шестой оппозиции а также пар слов типа mère - tante; frère - cousin, fils - neveu, fille- видно, что в каждой паре слов термин, расположенный в левой части, обозначает родство по прямой линии, а термин, расположенный справа - по боковой; по всем остальным признакам значения этих слов полностью совпадают. Следовательно, для данной группы слов французского языка релевантным является также семантический признак, который можно условно назвать "степенью бокового родства" /Бр/. Наконец, на основании седьмой оппозиции четко выделяется семантический признак "пола" /П/. Указанные дифференциальные семантические признаки, представленные в каждом слове в виде одного из нескольких возможных значений, полностью исчерпывают смысловое содержание терминов родства не только французского, но также английского и испанского языков.

Значения же исследуемой группы слов в датском языке определяются с помощью четырех дифференциальных семантических признаков, т.е. кроме тех трех признаков, которые были обнаружены при описании французских, английских и испанских терминов родства, в датском языке присутствует еще один очень важный признак, без которого невозможно определить значения многих лексических единиц рассматриваемой семантической группы. Этот признак передает информацию о том, через какого члена родственного коллектива осуществляется кровная связь, обозначаемая данным термином: родство по отцу, по матери, по сыну, по дочери и т.д. Указанный дифференциальный признак, названный нами признаком "направления родства" /Н/, обнаруживается при сопоставлении, например, следующих слов датского языка: farfader "дед", отец отца - morfader "дед, отец матери"; sønnesøn "внук, сын сына" - dattersøn "внук, сын дочери". Распределение семантических признаков в четырех исследуемых нами языках представлено на следующей таблице.

Сем. признак	Англ. яз.	Франц. яз.	Исп. яз.	Датск. яз.
/Сп/	+	+	+	+
/Бр/	+	+	+	+
/П/	+	+	+	+
/Н/	-	-	-	+

Наличие определенного набора семантических признаков[8], участвующих в определении смыслового содержания терминов родства в том или ином языке, рассматривается нами в качестве основной типологической характеристики, позволяющей судить о сходстве и различии указанных семантических полей терминов родства в разных языках. О важности данной типологической харак-

8. В данном случае речь идет только о дифференциальных семантических признаках, так как только эти признаки оказываются существенными при разграничении значений исследуемых слов; интегральный семантический признак родства присутствует в каждом из терминов, и в пределах данного семантического поля его значение не меняется, вследствие чего он не играет никакой роли при дифференциации значений терминов родства.

теристики, позволяющей судить о сходстве и различии указанных семантических полей терминов родства в разных языках, свидетельствует тот факт, что ею определяется целый ряд других особенностей семантики терминов родства, которые здесь не рассматриваются.

Исходя из наличия определенного набора признаков в том или ином языке, можно выделить некоторые семантические типы указанных семантических полей. Все группы имен родства, характеризующиеся тремя семантическими признаками /Сп/, /Бр/, /П/ /см. приведенную выше таблицу/, могут быть определены как англо-франко-испанский семантический тип. Имена родства, значения которых поддаются полному описанию с помощью четырех семантических признаков /Сп/, /Бр/, /П/, /Н/, относятся к датскому семантическому типу.

Такое распределение семантических полей терминов родства различных языков по семантическим типам проведено на основе одной типологической характеристики. Однако, как уже неоднократно отмечалось в лингвистической литературе, сопоставление определенных языковых явлений по какому-либо одному измерению не может считаться достаточным основанием для надежных типологических выводов. Представляется вполне очевидным, что чем больше оснований, по которым проводится сравнение того или иного языкового факта в различных языках, тем полнее и точнее типологическая характеристика сопоставляемых явлений, однако наличие по крайней мере двух координат совершенно необходимо.

В частности при исследовании терминов кровного родства в качестве второй типологической характеристики мы рассматривали свойство, связанное с особенностями лексемного членения семантических микрополей, выделяемых в рамках данного семантического поля. Как показал анализ терминов родства, значение каждой лексической единицы в любом из рассмотренных нами языков имеет в своем составе не меньше двух семантических признаков, причем эти два признака являются постоянными и содержатся как в словах, определяемых только двумя семантическими признаками, так и в словах с большим количеством признаков. В качестве таких постоянных семантических единиц выступают признаки /Сп/ и /Бр/. Сочетания отдельных компонентов данных признаков определяют границы семантических микрополей, на которые распадается поле терминов родства в каждом из языков.

При всем несходстве значений отдельных лексических единиц различных языков, входящих в одни и те же однозначно определяемые микрополя, общий семантический объем этих микрополей в каждом языке одинаков. Вместе с тем, способ членения семантических микрополей с помощью входящих в них слов меняется от языка к языку. Каждый из этих способов рассматривается нами как эксплицитное выражение структурной организации данного микрополя. Наша задача сводилась к выявлению всех вариантов членения микрополей в каждом из четырех языков и к последующему типологическому сопоставлению терминов в этих языках на основе полученных таким образом структурных видов микрополей.

В результате такого вида анализа было установлено, что все структурно-

семантическое различие микрополей терминов родства в английском, датском, французском и испанском языках определяется тремя видами семантических структур.

Иначе говоря, в первом случае в состав микрополя входит только один термин, и поэтому оно представлено в не расчлененном виде /например, микрополе "двоюродный брат, двоюродная сестра" в английском языке, которое определяется только одним термином cousin/. Во втором случае микрополе членится на две равные части /например, микрополе "двоюродный брат, двоюродная сестра" во французском языке: cousin, cousine, или в испанском языке: primo, prima/. В третьем случае микрополе членится на четыре части /например, микрополе "дед, бабушка" в датском языке: farfader, morfader, farmoder, mormoder/. Следует заметить, что иногда смысловое содержание одного и того же микрополя может быть представлено двумя и даже тремя способами одновременно. Примером может служить микрополе "племянник, племянница" в датском языке.

1	søskendebarn	"ребенок брат или сестры"

П	broderbarn	"ребенок брата"	søsterbarn	"ребенок сестры"

Ш	brodersøn "сын брата"	broderdatter "дочь брата"	søstersøn "сын сестры"	søsterdatter "дочь сестры"

Указанные виды семантических структур микрополей в четырех языках распределяются по-разному. Для микрополей терминов родства в испанском языке характерно наличие структуры П /т.е. все микрополя в испанском языке членятся на две равные части/. Английский и французский языки характеризуются видами семантических структур /1 и П/. Для датского языка характерно наличие всех трех видов структур. Такое распределение способов членения по разным языкам в основном подтверждает правильность выделения двух типов семантических полей терминов родства, основанного на семантических признаках. Вместе с тем, введение второй типологической характеристики позволяет уточнить полученные ранее результаты. В частности, внутри первого семантического типа, названного нами англо-франко-испанским, могут быть выделены два подтипа: англо-французский и испанский, что связано с тем, что микрополя в английском и французском языках представлены двумя видами семантических структур, тогда как для микрополей испанского языка характерно наличие только одного структурного вида.

Следовательно, в окончательном варианте распределение семантических полей терминов родства четырех исследованных нами языков может быть представлено так:

1/ англо-франко-испанский тип: 2/ датский тип.

а/ англо-французский;

б/ испанский.

Данное распределение групп терминов кровного родства по семантическим типам может быть проверено на основе количественных методов, широко используемых в современном языкознании, в частности путем определения меры семантической близости указанных групп слов в различных языках по следующей формуле:

$$S_{a,b} = \frac{s^2}{K \cdot L},$$

где $S_{a,b}$ - степень семантической близости. S - количество совпадающих по значению слов в языке A и B. K - общее количество слов в языке A, входящих в данную группу. L - общее количество слов данной группы в языке B. Числовое выражение степени семантической близости, определенной по указанной выше формуле, может принимать значения от 0 до 1, причем $S = 0$ лишь если $s = 0$, т.е. если в языках A и B нет ни одной пары терминов, которые бы полностью совпадали по значению; $S = 1$ лишь если $s = K = L$, т.е. если значения всех терминов родства в языках A и B совпадают.

Таким образом, для того, чтобы определить меру семантической близости групп терминов родства, необходимо знать общее количество совпадающих по значению терминов родства в каждой паре исследуемых нами языков.[8]

Как известно, возможны четыре варианта соответствий между лексическими единицами двух языков.[9]

1. Значение термина в языке A шире значения соответствующего термина в языке B. Например:

датск. søskendebarn "сын /дочь/ брата /сестры/"	англ. nephew "племянник"
датск. barnebarn "сын /дочь/ сына /дочери/"	англ. grandson "внук"

2. Значение термина в языке A уже значения соответствующего термина в языке B. Такое соответствие наблюдается, например, между следующими терминами:

исп. primo "двоюродный брат"	англ. cousin "двоюродный брат, "двоюродная сестра"
датск. farfader "дед, отец отца"	англ. grandfather "дед"

3. Значение термина в языке A и значение соответствующего термина в языке B пересекаются.

датск. sønnebarn "внук, ребенок сына"	англ. grandson "внук, сын сына /дочери/"
датск. broderbarn "ребенок брата"	англ. nephew "сын брата или сестры, племянник"

---

7. См. Ю.И.Левин. Об описании системы лингвистических объектов, обладающих общими свойствами. В.Я., 4, 1964.

8. Полностью равнозначными терминами двух языков мы считаем такие термины, которые определяются одинаковыми наборами семантических компонентов /по одному от каждого семантического признака/. Иначе говоря, равнозначные термины двух языков должны передавать одинаковую информацию о соотносимых с данными терминами денотатах /ср. наше определение значения/.

9. Л.Кадухин, Ф.Скороходько. Некоторые замечания о лексической семантике. "Исследования по структурной типологии". М., 1963.

4. Значение термина в языке А и значение соответствующего термина в языке В полностью совпадают.

датск. fader "отец"	англ. father "отец"
франц. grand-pere "дед"	англ. grandfather "дед"

Таким образом, для определения степени семантической близости групп терминов родства в каждой паре исследуемых нами четырех языков по приведенной выше формуле необходимо учитывать только четвертый вариант, т.е. случаи полного совпадения значений терминов. После соответствующего подсчета были получены следующие числовые значения степеней семантической близости для каждой пары языков.

датск.-англ.	датск. - франц.	датск.-исп.	англ.-франц.	франц.-исп.	англ. - исп.
0,41	0,47	0,35	0,90	0,80	0,70

Как видно из приведенных данных, наибольшее семантическое сходство характерно для английского и французского языков /0,90/, для французского и испанского /0,80/, английского и испанского /0,70/, что соответствует выделенному нами англо-франко-испанскому семантическому типу. В то же время тот факт, что в пределах данных трех языков семантическое сходство между английским и французским языками отмечено большими числовыми индексами /0,90/, чем сходство между английским и французским языками, с одной стороны, и испанским - с другой /0,70 и 0,80 соответственно/, свидетельствует о правомерности выделения внутри первого семантического типа двух подтипов: англо-французского и испанского.

Приведенные выше данные показывают также, что наименьшее семантическое сходство характерно для датского языка, с одной стороны, и английского, французского и испанского - с другой /0,41; 0,47; 0,35 соответственно/. Таким образом и эти числовые характеристики семантической близости подтверждают, что и второй семантический тип /датский/ выделен нами правильно.

Исходя из всего выше изложенного мы можем сказать, что проведенная нами проверка результатов сопоставления терминов родства в четырех языках путем определения меры семантической близости свидетельствует о правильности выделения типов семантических полей терминов родства, основанных на сходстве семантических признаков и на сходстве семантических структур микрополей, а также о типологической релевантности данных характеристик при исследовании и сопоставлении семантического поля терминов родства в различных языках.

Н. И. ДМИТРИЕВА

СИНТАГМАНТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ УТОЧНЯЮЩЕЙ КОНСТРУКЦИИ В СОВРЕМЕННОМ НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ И СЕМАНТИКА ОТНОШЕНИЙ ЕЕ КОМПОНЕНТОВ

Изучение неоднородного ряда имен существительных внутри синтагмы показывает, что характер отношений компонентов ряда, независимо от того, выступает ли он в функции подлежащего, дополнения, обстоятельства, определения или предикатива, обусловливается в первую очередь семантикой сочетающихся слов. Именно в зависимости от этого между компонентами ряда существительных устанавливаются отношения либо определительного, либо уточняющего характера.

Возможность двоякого характера отношений слов может объясняться системой значений, присущей каждому слову, которая проявляет себя в условиях определенного построения в предложении. На эту способность слов указывает И. В. Арнольд[1]. "Значение, в том числе и лексическое, не может существовать в языке само по себе, вне определенных форм. Несущая лексическое значение языковая форма основывается на противопоставлениях состава и последовательности единиц: фонем в морфеме, морфем - в слове и слов в словосочетании. Возможность объединения в одном слове системы значений, т.е. возможность семантического варьирования слова опирается таким образом на различные оппозиции в плане выражения, которые охватывают как морфологические, так и синтаксические характеристики слова и его лексическую валентность".

Таким образом из вышесказанного становится очевидным, что семантико-синтаксическая и функциональная характеристика сочетающихся слов находится в зависимости от состава сочетающихся компонентов.

Задачей нашей статьи является рассмотрение лексического наполнения неоднородного ряда имен существительных в немецком языке со смысловыми отношениями уточнения, рассматриваемого в современной грамматической литературе как уточняющая конструкция, и семантики отношений ее компонентов.

Смысловые отношения уточнения, как и другие синтаксические отношения, складываются из конкретной семантики сочетающихся слов.

Картина сочетания имен существительных в плане уточнения значения одного из них другим очень пестра. Они могут сочетаться следующим образом:

1. И. В. Арнольд. "Семантическая структура слова в современном английском языке и методы ее исследования". Просвещение, Л-д, 1966, стр. 16.

1. Имя нарицательное конкретное + имя нарицательное конкретное:

Gomulka zog ein kleines Kärtchen aus der Tasche, ein Bild seiner Mutter. (Die Abenteuer des Werner Holt)

2. Имя нарицательное + имя собственное:

Mir scheint, der Mann, dem hier Gewalt gegeben ist zu binden und zu lösen, unser Herr Mager, hat nicht Miene eines Gerberus. (Lotte)

3. Имя собственное + имя нарицательное:

...und Käte, meine Frau, sieht unsere Kinder morgens mit dem Schulranzen auf dem Rücken weggehen. (Und sagte kein einziges Wort)

4. Имя собственное + имя собственное:

Fräulein Dengelmann, Veronika, die Jüngere, den Kopf voll Lockenwickel, stand am Bett und brachte Tee. (Die Abenteuer des Werner Holt)

5. Имя существительное абстрактное + имя существительное конкретное:

Der Schatten springt und hüpft und nähert sich: ein schwerfälliges Boot und drei Männer. (Semester).

6. Имя существительное абстрактное + имя существительное абстрактное, границы значения которого определены более точно:

In seinem Innern braute sich ein neues Gefühl zusammen: brennender Haß. (Die Abenteuer des Werner Holt).

Как видно из вышеприведенных примеров, исходя из лексико-семантической характеристики имен существительных, нельзя сколько-нибудь строго говорить об определенной закономерности их сочетания в плане уточнения.

Фактически получается, что уточнять (в широком смысле слова) друг друга могут не только имена существительные разных лексико-семантических групп, но и имена существительные одной группы. Такая возможность сочетания двух или более имен существительных, обусловленная необходимостью уточнения значения одного с помощью другого, свидетельствует о том, что, вероятно, нельзя говорить, что каждой лексико-семантической группе существительных может быть свойственно только значение одного порядка: именам абстрактным - значения обобщенного порядка, а именам нарицательным конкретным - только конкретное значение. В этом смысле нам представляется правильной точка зрения С. Д. Кацнельсона, считающего, что словам повседневного обихода, как и абстрактным понятиям науки свойствен абстрагирующий характер". Все слова, как единицы языковой системы, выражают нечто общее. Даже имена собственные, которые часто упоминаются в этой связи в качестве исключения, содержат в себе элемент обобщения. Выделяя какое-либо лицо, собственное имя объединяет различные состояния и аспекты его деятельности, различные периоды его физического и духовного развития. Обобщение в данном случае получает направление иное, чем в родовых именах, но из этого следует лишь то, что представляемый в родовых словах тип обобщения не универсален"[2].

Лексическое значение слова, основанное, таким образом, на обобщении

---

2. С. Д. Кацнельсон. "Содержание слова, значения и обозначения". М-Л, 1965, стр.9-10.

предполагает в своем содержании не одно, а несколько значений, каждое из которых может актуализироваться только в контексте. Говоря об имени существительном актуализация его значений осуществляется с помощью грамматических средств, к которым относятся определенный и неопределенный артикли, число, а также с помощью лексических средств, которыми являются присоединяемые к имени существительному слова.

В первую очередь задача актуализации значений имени существительного относится к словам-определениям, функция которых состоит в ограничении предмета или явления от ряда ему подобных по признакам сходства или различия.

Сочетаясь с именем существительным, определительное слово ограничивает, таким образом, объем понятия, лежащего в основе этого имени.

Ограничение объема понятия, обозначаемого именем существительным, происходит различным образом и зависит от конкретных случаев сочетания определяемого и определяющего слова.

В сфере ограничения объемов понятий функционирует и рассматриваемая нами так называемая уточняющая конструкция, грамматическая особенность которой заключается в том, что в ней как опорный, так и уточняющий его компонент, выражены именами существительными.

Оформляясь внешне с первым существительным, грамматически по типу бессоюзной сочинительной связи, второе существительное, так называемый уточняющий компонент, на самом деле, обретает характер подчинительной связи и с первым существительным и со сказуемым, так как становится составной частью словосочетания с подчинительной связью. Это подтверждается в контексте графически. Имя существительное, сочетающееся с другим именем существительным с целью уточнения его семантического значения, обособляется запятыми или тире с двух сторон, за исключением тех случаев, когда оно замыкает предложение. В результате двустороннего обособления происходит его не только смысловое, но и функциональное подчинение первому существительному.

Второстепенность грамматического значения обособленного существительного для предложения не отражается, однако, на его лексической значимости для предложения в целом. Даже наоборот, те же грамматические средства, с помощью которых подчеркивается его второстепенность с точки зрения члена предложения и его структуры (он не является необходимым элементом структуры предложения), выделяют его семантическую весомость в речи.

Обособляясь, имя существительное выделяется интонационно и логически и приобретает особую важность в актуализации смыслового содержания грамматически ведущего слова.

Изучение конкретного языкового материала показывает, что актуализация лексического значения в применении к имени существительному сводится к различным способам конкретизации его значения, находящим выражение не только в различных смысловых оттенках, но и поддерживаемых различными грамматическими формами.

В современном немецком языке эти способы намечены В. Г. Адмони[3]. Обрисованные в общих чертах, они могут служить исходными положениями для дальнейшего изучения смысловых отношений, которые возникают между сочетающимися именами существительными в процессе актуализации их значения в речи. В результате анализа языкового материала нами устанавливаются следующие смысловые типы уточняющих конструкций.

1. Уточняющая конструкция, отношения компонентов которой характеризуются смысловым оттенком раскрытия содержания.

В уточняющей конструкции в процессе актуализации значения ее опорного компонента между этим компонентом и уточняющим его вторым компонентом могут устанавливаться отношения со смысловым оттенком раскрытия содержания одного компонента с помощью другого. Такой оттенок отношения возможен в том случае, если опорный компонент конструкции выражен именем существительным абстрактным и обозначает только общее понятие, широко употребляемое в речи, или общее понятие с локальным значением, например:

Zwei Jahre lang hatte ihm Fahrenberg hier Vertrauen geschenkt bei dem, was sie unter sich Abrahmen nannten - die Zusammenstellung der Strafkolonne aus ausgesuchten Häftlingen und die Auswahl der Begleitmannschaft. (Das 7. Kreuz).

Второй компонент сочетания, представляющий собой целую субстантивную группу, раскрывает содержание понятия, выражаемого первым компонентом, так называет конкретно его содержание. Первый и второй компоненты сочетания обозначают понятия, которые относятся к одной сфере или с необходимостью допускают друг друга. Специфика семантики отношений поддерживается морфологическими формами: нулевой формой артикля в опорном компоненте и неопределенной или определенной формой в уточняющем компоненте. В таких сочетаниях первый компонент может быть представлен и именем существительным с переносным значением, лишенным какой-либо конкретности. Второй компонент в таком случае наполняет его конкретным содержанием и делает понятным смысл высказывания. Он может быть как абстрактным, так и конкретным, например:

Da er durch seine Rückkehr bewiesen hatte, was die Triebfeder seiner Handlung war, seine Furcht, war auch das Mittel gegeben, womit man ihn kurieren, wenn er etwa noch starr blieb. (Das 7. Kreuz).

Plötzlich hupte es, ein, zwei, drei, alles flitzte, nach rechts und links, kam die motorisierte SS, der Vetter von Anton Greiner. (Das 7. Kreuz).

Раскрытие содержания первого компонента возможно и в том случае, если он выражен именем существительным конкретным, которое только называет предмет, но не обнаруживает его содержание:

Sie reicht dem Kellner eine Note, zehn Mark, das macht drei Mark, Trinkgeld, aber sie kann nicht warten, bis er herausgibt (Der 9. November).

---

3. В. Г. Адмони. "Введение в синтаксис современного немецкого языка", Москва, 1955, стр.311.

Второй компонент представляет собой имя существительное предметного конкретного значения. Оба компонента выражают понятия, предполагающие друг друга. Семантическая близость сочетающихся имен существительных подчеркивается наличием неопределенной формы артикля перед опорным компонентом и нулевой формой перед уточняющим компонентом, представляющим собой понятие вещественного содержания первого компонента.

2. Уточняющая конструкция, отношения компонентов которой характеризуются смысловыми оттенками уточнения.

Смысловые отношения между компонентами уточняющей конструкции могут характеризоваться оттенком уточнения значения первого компонента вторым. Отношения уточнения устанавливаются между сочетающимися именами существительными в том случае, если первое из них - имя нарицательное представляет только общее понятие места, а второе, также имя существительное нарицательное или собственное, дает конкретное название этого места:

1. Ein kleiner Ort, Kostheim, sah auf den Fluß mit seinen Nuß- und Kastanienbäumen. (Das 7. Kreuz).

2. Georg entdeckte einen geeigneten Ort, eine Mauernische. (Das 7. Kreuz).

Общий характер значения первого компонента подчеркивается неопределенной формой артикля. В этом случае при актуализации значения этого компонента через имя собственное употребляется нулевая форма артикля, а при актуализации с помощью имени нарицательного конкретного неопределенная форма, подчеркивающая единичность конкретного предмета.

Второй компонент конструкции - имя собственное, характеризуется смысловыми отношениями уточнения, и в том случае если первый обозначает конкретное понятие из сферы социальной принадлежности или называет должность лица.

Называя конкретно имя или фамилию данного лица, он предельно актуализирует значение первого компонента и делает возможным отличить данное лицо от других лиц той же социальной или профессиональной принадлежности, например:

1. Ihm gegenüber saß der scheue, stille, bucklige Wirt, Herr Glienicke, zwischen ihnen stand die Flasche. (Der 9.November).

2. Nur Soldaten hatten im Hause des Generals und eine Wirtschaftlerin, Therese, die irgendwo hinten im Zimmer hauste und die man nie sah.(Der 9.N.)

Второй компонент конструкции при актуализации значения первого характеризуется отношением уточнения к первому компоненту, если первый выражен именем существительным - нарицательным и дает общее название лицу по признаку внешних данных, возраста, рода занятий, например:

1. "Ach", sagte Georg, wegen dem Kleinen, dem Heini.(Das 7. Kreuz)

2. Und was ich nicht mehr aushalten kann, ist gerade dies Geschwafel von unseren Alten, den Fahrenberg. (Das 7. Kreuz)

Уточняющие смысловые отношения внутри компонентов обусловлены взаимоотношением понятий, обозначаемых грамматически ведущим компонентом и зависимым от него вторым компонентом, как общего к частному.

Аналогичные отношения устанавливаются и тогда, когда первый компонент называет конкретное лицо по линии родственных отношений, а второй компонент представляет собой имя собственное этого лица, например:

1. Die Frau, die Elli, die seinen Namen hatte, war sicher bewacht (Das 7. Kreuz).

2. Hast du meine Kusine, Frau v.Dönhoff, schon besucht? (Der 9.November)

Первый компонент, имя нарицательное, может обозначать общее родовое или видовое понятие, второй компонент - имя собственное, уточняя это понятие, ограничивает его объем и обогащает таким образом его содержание, например: Hat dieser Kerl, der Georg, keine Augen gehabt, dachte der Vater, daß er sie sitzen ließ? (Das 7. Kreuz)

В этом сочетании первый компонент, называя конкретное понятие со всей совокупностью его признаков, в силу определенной ситуации нуждается в конкретизации его значения. Конкретизация достигается, как и во всех предыдущих случаях, благодаря второму компоненту, границы значения которого строго определены.

8. Уточняющая конструкция, отношения компонентов которой характеризуются смысловым оттенком добавочного сообщения.

Между компонентами в уточняющей конструкции могут устанавливаться отношения с преобладающим значением добавочного сообщения, например:

1. Er erkannte seine älteste Schwiegertochter, Alois' Frau, am Geklapper der Milcheimer. (Das 7. Kreuz)

2. Sie waren die Kinder jenes SS-Führers, mit dem sein Schwiegervater, der alte Mettenheimer, bei dem Verhör geprahlt hatte. (Das 7. Kreuz)

Значение добавочного сообщения обусловливается семантикой сочетающихся имен существительных и выявляется только в контексте. Компоненты конструкции, характеризующиеся отношениями такого плана, представляют собой понятия, которые логически допускают друг друга, но могут не характеризоваться близостью своих значений.

В то время как первый компонент называет конкретный предмет или лицо, второй компонент сообщает об этом лице или предмете дополнительные данные, необходимые с точки зрения данной ситуации. Конкретность обозначаемого первым компонентом лица подчеркивается лексическими средствами, определениями, выраженными притяжательными местоимениями и прилагательными.

Второй компонент, характеризующийся значением добавочного сообщения, выступает в данном сочетании как относительно равноправный семантически с первым:

1. Wie sie dann in den Hof hineingingen, Georg und Paul, da stand die Frau Grabber, die Tante Katharina, selbst auf der Torschnelle, da sie eben die Fuhre verabschiedet hatte. (Das 7. Kreuz)

2. Der das sagte, ist der Lersch, der Nazivertrauensmann. (Das 7. Kreuz).

Семантическая разнозначность обоих компонентов конструкции находит подтверждение в грамматических формах: оба имени существительных оформ-

лены с определенным или неопределенным артиклем. Кроме того, сочетание имен существительных, где второй компонент выступает в функции дополнительного сообщения, характеризуется особой интонацией, которая отличает их среди других групп с общим уточняющим значением. Оба компонента сочетания имеют и одинаковое логическое ударение. О таких группах нельзя сказать, что ударение одного компонента превышает степень другого:

1. Gestern Abend bin ich im Anker gewesen, da ist dem Holzklötzchen seine Tochter gekommen, die Hinkende. (Das 7. Kreuz)

2. Heute Abend war da noch eine Minute gewesen, eine Bresche. (Das 7. Kreuz)

С точки зрения структурной организации конструкция со смысловым оттенком добавочного сообщения допускает как контактное, так дистантное расположение ее компонентов, например:

Erst jetzt bemerkte er, daß Hauptmann Wunderlich, einer der drei anwesenden Offiziere, ein Freund des Dönhöffschen Hauses, noch immer stand. (Der 9.N)

Закономерность контактного расположения компанентов может объясняться логически намерениями говорящего. Говорящий называет сначала уже известный предмет или лицо, а затем сообщаются его дополнительные характеристики[4].

Дистантное расположение компанентов в таком сочетании может обуславливаться требованием семантики первого компонента, который в силу своей синсемантии должен сочетаться с другим словом, с помощью которого он выражает свое значение[5]:

Er gab ihrem strengen Vater schuld, dem Tapezierer Mettenheimer. (Das 7.Kr)

Однако такая дистантность не типична для данной конструкции, так как она не отражает в полной мере ее специфику.

Другая дистантность наглядно представлена в следующем примере:

Das Grau seiner Augen wurde stumpfer, als er dann an den Mann dachte, zu dem er jetzt gehen mußte, dieser Mann aus Köders Abteilung. (Das 7. Kreuz)

Говорящий или пишущий излагает мысль о конкретном человеке в законченной форме, которая свидетельствует о том, что все необходимое для информации сказано. Конкретность лица подчеркивается грамматическим оформлением слова с определенным артиклем. Однако, по ходу мыслей возникает необходимость, в силу определенных причин, в дополнительной информации о человеке. Эта часть информации подается говорящим в форме добавочного сообщения и грамматически оформляется в виде присоединительной конструкции. О том, что необходимость дополнительной информации возникла после того, как основная мысль закончена, свидетельствует несогласование в падеже слов, соотносятся друг с другом по смыслу.

---

4. П. Пискунов. "Позиция обособленных определений по отношению к господствующему слову". "Русский язык в школе" № 4, 1963.
5. Е. Б. Гулыга. "Автосемантия и синсемантия как признаки смысловой структуры слова". "Филологические науки", № 2, 1967, стр. 68.

Отсутствие грамматического согласования в данном случае подчеркивает характер добавочного сообщения этих членов предложения. Специфика семантической, интонационной и структурной характеристик такого сочетания имен существительных дает основание говорить о нем, как об особом способе конкретизации семантического значения ведущего компонента - способа добавочного сообщения и выделять такое сочетание в самостоятельную конструкцию.

Смысловые отношения с оттенком добавочного сообщения устанавливаются в сочетаниях имен существительных-нарицательных, например:

1. Ein Schutzhäftling, von Beruf Elektrotechniker. setzte inzwischen, gleichfalls unter Aufsicht, ein Paar Lampen um. (Das 7. Kreuz)

2. Die Frauen begleiteten ihn bis in die Kreisstadt, zum Bahnhof. (Die Frau).

В сочетаниях, компоненты которых представлены именем нарицательным и именем собственным или наоборот:

1. Mein einziger Sohn, Robert, hat unter dem Befehl des Herrn General gekämpft. (Der 9. November)

2. Belloni, Artist, mit seinem gewöhnlichen Namen Anton Meier, war vom Trapez weg verhaftet worden. (Das 7. Kreuz)

В сочетаниях существительных - имен собственных:

Jetzt trat auch wirklich der junge Helwig, jener Fritz Helwig aus Darre - Scule, hinter der Mauer heraus in das Tor hinein. (Das 7. Kreuz)

4. Уточняющая конструкция, отношения компонентов которой характеризуются смысловым оттенком пояснения.

В уточняющей конструкции конкретизация лексического значения опорного компонента может осуществляться путем пояснения значения первого компонента вторым. Смысловые отношения пояснения устанавливаются среди имен существительных не только тогда, когда компоненты выражают понятия-синонимы, как это считает Ю. Г. Усищева[6]. Многочисленные факты языка показывают, что значение пояснения возникает между именами существительными далеко не синонимичными по своему значению, например:

Vor der linken Schmalseite des roten Gebäudes, einer landwirtschaftlichen Schule, lag ein Gewächshaus. (Das 7. Kreuz)

Понятия, выражаемые компонентами сочетания, не характеризуются элементами синонимии в их значении. Их можно скорее рассматривать как понятия, относящиеся к одной сфере, как отношения общего и частного. Тем не менее, смысловые отношения этих компонентов представляют собой отношения пояснения. Первый компонент называет конкретный предмет, подчеркивает его внешнюю сторону, а второй компонент обнаруживает внутреннюю специфику предмета, показывая характер назначения его[7]. Отношения пояснения обусловлены контекстом и сигнализируются пояснительной интонацией. Как замечает Л. В. Шишкова, смысловые отношения, возникающие в

6. Ю. Г. Усищева. "К вопросу о отграничения "уточнения" и "пояснения" в современном русском языке". В кн. Южно-Сахалинский институт, 2 конференция. Тезисы докладов, Южно-Сахалинск, 1967. 7. В. Г. Адмони. "Введение в синтаксис современного немецкого языка. М., 1955, стр. 313.

сочетаниях имен существительных, могут менять характер отношения между компонентами: "Возникновение смысловых отношений между компонентами сочиненного единства приводит к утрате ими отношения однородности"[8].

В таком случае компоненты сочетания не характеризуются синтаксической однофункциональностью, так как поясняющий член не просто повторяет атрибутивную функцию поясняемого члена. Это обусловлено тем, что второй компонент такого сочетания соотносится с общим для них членом-сказуемым только через первый.

Подчинительный характер второго компонента подчеркивает грамматическая форма неопределенного артикля, выступающего в данном случае в индивидуализирующем значении и невозможность перестановки компонента на первое место. Синтаксическая функция второго компонента сводится к пояснению семантического значения первого компонента, но как член предложения он выполняет ту же функцию, в которой выступает ведущее слово сочетания, так как образует с ним одно синтаксически функционирующее единство.

Смысловые отношения пояснения устанавливаются тогда, когда компоненты сочетания выражены именами существительными нарицательными и когда первый компонент называет конкретный предмет или лицо, а второй компонент поясняет содержание (1 вышеследующее предложение) или элементы предмета (2 предложение) и т.п.:

1. Ich hatte außer dem noch eine Flasche Grappa vom Mistro delle Frate mitgenommen, einen Alten Schnaps aus [illegible], Kirsch und Marc in Frankreich. (Die Macht...)

2. Auf dem Kopfende des Tisches, am Ehrenplatz, saß die Schwester Anastasia von den Königsteiner Ursulinen. (Die 7. Kammer)

С точки зрения понятий, выражаемых компонентами сочетания, можно сказать, что одно из них допускает другое. Благодаря семантической близости выражаемых ими значений[9].

Благодаря логической однолинейности высказывания становится возможным пояснение одного компонента другим.

Поясняя название конкретного вещества (1 предл.), конкретного места (2 предл.) второй компонент, актуализируя значение первого, конкретизирует таким образом его значение в соответствии с коммуникативным заданием предложения[10].

---

8. Л. В. Шишкова. "Синтаксические группы с сочинительной связью". В кн. "Проблемы германской и романской филологии". Ученые записки ЛГПИ, т.295-а, Л., 1967, стр.216.

9. Л. В. Шишкова. "Синтаксические группы с сочинительной связью". "Проблемы германской и романской филологии", ч. 2,[illegible]-а, Л., 1967, стр.[illegible].

10. С. Д. Кацнельсон. "Содержание слова, значение и обозначение". Изд-во Наука, Л., 1965, стр.53. (под актуализацией значения мы понимаем уточнение значения слова относительно его объема)

Отношения пояснения возникают в уточняющей конструкции и тогда, когда первый компонент - имя собственное, сочетается с именем нарицательным, обозначающим родственные отношения, занимаемую должность, звание или положение лица в момент речи:

1. Otto, der Sohn des Generals, sprach mit lauter, heller Stimme. (Der 9. November)

2. Dönhoff, der Batteriechef, tat gar nichts. (Der 9. November)

Отношения компонентов сочетания носят пояснительный характер и в том случае, если первый из них называет имя собственное, а второй, владельца этого имени:

Irmgard, die Jüngere, hatte reiches kastanienbraunes Haar. Jütta, die Ältere war dunkelblond. (Die Abenteuer des Werner Holt)

Сочетаемость имен собственных с переменой предметной отнесенностью[11], к которым относятся имена лиц, с различными словами дополнительных характеристик, объясняется назывным характером этого разряда имен существительных[12]. Как отмечается исследователями[13], имя собственное само по себе ничего не раскрывает, кроме общеродовых черт. В немецком языке, кроме того, родовое значение может не отражать реальные различия биологического пола. Поэтому имя собственное способно максимально актуализировать свое родовое значение и в этом смысле превосходит нарицательное имя[14]. Этим объясняется тот факт, что имя собственное чаще других выступает в паре с уточняющим его компонентом. "Следовательно, имя собственное отличается ситуационной или контекстуальной синсемантией[15].

Способы актуализации, как и сама актуализация значения имени, зависит от реальных условий объективной действительности и коммуникативных намерений говорящего.

Она возможна как через название общего понятия, так и через название конкретного лица или предмета.

Как видно из приведенных примеров, значение первого компонента актуализируется благодаря пояснению принадлежности этого имени определенному лицу. Конкретное лицо представлено по возрастному принципу. Оформление слова, обозначающего это лицо, с определенным артиклем вызывается грамматическими причинами: с одной стороны, необходимостью обозначить категорию определенности, а с другой - морфологической формой слова - сравнительной степенью субстантированного прилагательного.

[illegible] И. В. Арнольд. Семантическая структура слова в современном английском языке и методика ее исследования. Просвещение. Л., 1965, стр.[illegible]. 12. С. Д. Кацнельсон. Содержание слова, значение и обозначение. Изд-во Наука. М., 1965, стр.[illegible]. 13. Е. В. Гульга. Автосемантия и синсемантия как признаки смысловой структуры слова. Филологические науки. [illegible] 1967. Е. Куцилевич. Положение имени собственного в языке. Сб. статей по лингвистике, М., 1962, стр. 252. 14. С. Д. Кацнельсон, см. указ. работу. 15. Е. В. Гульга, см.указ.раб., стр.65.

Актуализация значения существительного через название общего понятия видна на следующем примере:

Sie rauchte auch auf der Straße, während sie Butzi, einen belgischen Griffon, an die frische Luft brachte. (Der N 9. November)

Второй компонент сочетания, оформленный с неопределенным артиклем, подчеркивает видовой характер выражаемого понятия и обозначает предмет в его существенных признаках, абстрагированных от признаков индивидуальных.

Поясняющий компонент может быть оформлен и с определенным артиклем или притяжательным местоимением и обозначать конкретный предмет в его единичности:

Zuweilen schrieb Dora an ihn, zuweilen kam auch ein Brief aus dem Felde, und Petersen, der Diener, zeigte ihn Frieda, der Zofe, und flüsterte:"von ihm

Конструкция имени существительного с пояснительными смысловыми отношениями характеризуется, как правило, двухкомпонентностью и контактным положением ее членов.

Однако, рассматривать эти структурные признаки, как имеющие дифференцирующую силу нет никаких оснований, т.к. в языковой практике, как показывают примеры, выявляются и случаи многокомпонентных и дистантных пояснительных конструкций.

Это обстоятельство подтверждает справедливость мнения И. В. Арнольд считающей необходимым различать обязательные и факультативные признаки языковых явлений: "Поскольку речь представляет собой процесс, управляемый не жесткими, а вероятностными закономерностями, всякие попытки классифицировать ее элементы только при помощи жестких критериев заранее обречены на неудачу. Оставаясь на уровне научной строгости, можно говорить о наиболее вероятных для слов данного класса комбинациях признаков, причем некоторые признаки будут обязательными, а другие факультативными[16].

Исходя из этого положения, в применении к сочетаниям существительных с пояснительными смысловыми отношениями, обязательным или дифференцирующим признаком сочетания следует считать пояснительную интонацию, а факультативными его двухкомпонентность и контактное положение компонентов.

В основу синтаксического отношения пояснения следует класть, на наш взгляд, не лексическую синонимию, как полагает Ю. Г. Усищева, а контекстуальную обусловленность, вытекающую из коммуникативного задания каждого конкретного предложения.

Уточняющие конструкции имен существительных с пояснительными отношениями следует рассматривать как частный случай актуализации лексического значения имени существительного.

Итак, как показывает анализ состава субстантивных уточняющих конструкций, сочетания ее компонентов характеризуются определенной

---

16. И. В. Арнольд, см.указ.работу, стр.63

систематизированностью, узуальностью, благодаря чему становится возможным говорить о наличии в немецком языке синтагматического значения уточнения с таким формальным признаком как определенная система сочетаемости.

Система сочетаемости слов одного субстантивного состава, обусловленная необходимостью уточнения значения одного имени другим, представлена в современном немецком языке сочетанием компонентов, обозначающих понятия, которые соотносятся друг с другом как часть и целое, как общее и частное, и одно из которых может:

1) раскрывать содержание другого,
2) предельно или относительно уточнять его содержание,
3) дополнять его содержание,
4) пояснять содержание другого.

Постоянство контекстуальных условий, выражающееся в определенной системе сочетаемости компонентов, рассматриваемой в лингвистике как дистрибутивный формальный признак, дает основание ставить вопрос и в немецком языке об уточняющей конструкции как самостоятельной синтаксической категории.

Н. И. ДМИТРИЕВА

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ И ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ СУБСТАНТИВНЫХ АППОЗИТИВНЫХ ГРУПП В СОВРЕМЕННОМ НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Содержательные признаки приложения, как синтаксического явления, базирующего на аппозиционных отношениях, возникающих между именами существительными (или субстантивированными частями речи) складываются из отношения индивидуального понятия о субстанции или явления к понятию о свойстве-качестве или к понятию о роде.

Неоднородность содержания приложения, так четко сформулированная А. А. Шахматовым, находит выражение в различных синтаксических связях аппозиционных компонентов по отношению к опорному компоненту: с одной стороны атрибутивной связи, с другой - предикативной (или полупредикативной), которые присутствуют в аппозиционных сочетаниях имплицитно.

В явном виде эта грамматическая неоднородность выражается только в различных смысловых отношениях сочетающихся субстантивных компонентов: в определительных или уточняющих, например: 1) So brachte er selbständig die erbärlichsten Zensuren nach Hause, worüber sein Vater, ein langer, sorgfältig gekleideter Herr mit sinnenden blauen Augen, der immer eine Feldblume im Knopfloch trug, sich sehr erzurnt und bekummert zeigte;

2). ...und der Peter nickte, und die Lena, die Frau, nickte auch, dann sagte der Johann gute Nacht...

Аппозиционные отношения компонентов 1-го предложения являются по своему характеру атрибутивными, т.к. они аналогичные синтаксическим отношениям, которые устанавливаются в предложении между именем существительным и определением, выраженным именем прилагательным, основным значением которого является обозначение как качественных, так и относительных признаков того предмета или явления, которое оно определяет. Атрибутивный тип синтаксической связи между этими компонентами базируется не только на семантике синтаксических отношений и находит свое формальное выражение в самом типе определения, но и может структурно выражаться через определительное придаточное предложение, например: ...worüber sein Vater, der ein langer, sorgfältig gekleideter Herr mit sinnenden blauen Augen war,...

Придаточное определительное предложение, вводимое относительными местоимениями однозначно эксплицирует тип синтаксической связи, как зависимой атрибутивной связи, которая вводит в предложение зависимые определения.

Аппозиционное сочетание а во 2-ом предложении, отношения компонентов которого характеризуются уточняющей семантикой, такой трансформации в придаточное определительное предложение не допускает.. ... und die Lena, die(die) Frau war,... Невозможность преобразования второго компонента этого сочетания в компонент придаточного определительного предложения обусловлена спецификой логико-грамматических отношений его с опорным компонентом, с которым он соотносится как часть и целое, общее и частное.

Аппозитивная связь в таких сочетаниях может трансформироваться в грамматически развернутую субъектно-предикативную связь: (die) Lena war die Frau.

Способность обоих компонентов таких сочетаний выступать в позиции главных членов предикативной единицы связана с их лексическими значениями, противопоставленными друг другу как значения конкретного и отвлеченного, частного и общего, родового и видового. Она обнаруживает полупредикативный (или предикативный) характер отношений между компонентами таких сочетаний, о котором говорят исследователи, начиная с А.А. Шахматова (Е. В. Кротевич, М. Г. Шатух, М. Г. Сапрыкина и др.).

Полупредикативная (или предикативная) связь компонентов таких групп отличает их от аппозитивных групп с подчинительной атрибутивной связью и накладывает отпечаток на их синтаксическую функцию в предложении. Компоненты с уточняющей семантикой оказываются в сфере синтаксической позиции опорного компонента и функционально уподобляются ему.

Специфической особенностью синтаксической функции этого компонента в отличие от компонента с определительной семантикой является как раз его способность выступать в функции только опорного компонента, т.е. способность повторять или дублировать ее. Атрибутивный компонент такой функции не имеет.

Таким образом, одинаковые в своем морфологическом составе субстантивные аппозитивные группы при ближайшем рассмотрении обнаруживают не только структурно-семантическую, но и функциональную неоднородность, которая дает возможность ставить вопрос об их дифференциации.

И. К. РОМАНЕЕВА

ИЗ ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ СИСТЕМЫ СКЛОНЕНИЯ МЕСТОИМЕНИЙ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

К классу местоимений условимся относить лишь так называемые личные и возвратные местоимения. Все прочие группы слов, традиционно включенные в этот класс (так наз. неличные местоимения) уже в эпоху древнейших русских памятников с точки зрения морфологических средств обнаруживают большую близость к классу имен прилагательных, не имея в то же время ничего общего с местоимениями личными.

Местоимения в русском языке образуют очень своеобразную и весьма компактную группу (всего 3 лексических единицы), характеризующуюся, однако, довольно высокой частотой употребления в речи. Эта группа на протяжении истории языка менялась сравнительно мало, стойко сохраняя древние грамматические особенности. Однако и здесь в период, зафиксированный письменными памятниками, наблюдается определенное движение, развитие. Задачей настоящей статьи является попытка проследить моменты этого развития посредством сопоставления трех "синхронных срезов" на следующих временных этапах:

I – XI век, эпоха первых восточнославянских письменных текстов;

II – XIУ век, период формирования великорусской народности;

III – современный русский литературный язык.

Парадигмы склонения местоимений в памятниках XI в. и в современном русском литературном языке приводятся соответственно по "Исторической грамматике русского языка" В.И.Борковского и П.С.Кузнецова [1] и по академической "Грамматике русского языка" [2]. Они имеют следующий вид:

I. 1-ое лицо

	Ед. ч.	Мн. ч.	Дв. ч.
И.	азъ, я	мы	вѣ
Р.	мене	насъ	наю
Д.	мънѣ, мн	намъ, нъі	нама
В.	мене, ма	насъ, нъі	на
Т.	мъною	нами	нама
М.	мънѣ	насъ	наю

1. В.И. Борковский и П.С. Кузнецов. Историческая грамматика рус.языка изд. АН СССР, М., 1963, стр. 213-214.
2. Грамматика рус. языка, изд. АН СССР, т. 1, М., 1953, стр. 389,393.

	2-ое лицо			Возвратное
	Ед. ч.	Мн. ч.	Дв. ч.	
И.	ТЫ	ВЫ	ВА	–
Р.	ТЕБЕ	ВАСЪ	ВАЮ	СЕБЕ
Д.	ТОБѢ,ТИ	ВАМЪ,ВЫ	ВАМА	СОБѢ,СИ
В.	ТЕБЕ,ТА	ВАСЪ,ВЫ	ВА	СЕБЕ,СА
Т.	ТОБОЮ	ВАМИ	ВАМА	СОБОЮ
М.	ТОБѢ	ВАСЪ	ВАЮ	СОБѢ

Ш.

	1-ое лицо		2-ое лицо	
	Ед. ч.	Мн. ч.	Ед. ч.	Мн. ч.
И.	я	мы	ты	вы
Р.	меня	нас	тебя	вас
Д.	мне	нам	тебе	вам
В.	меня	нас	тебя	вас
Т.	мной	нами	тобой(ою)	вами
М.	мне	нас	тебе	вас

Возвратное

И. –
Р. себя
Д. себе
В. себя
Т. собой(ою)
М. себе

Более подробно остановимся на склонении местоимений, представленном в русских памятниках Х1У в. [3]. Нас будут интересовать при этом лишь те формы, которые претерпели изменения на протяжении истории.

Склонение местоимений, восстанавливаемое по новгородским памятникам Х1У в., не является единым. Различия связаны с жанровыми особенностями исследованных текстов. Основные жанры древнерусской письменности Х1У в.- документально-деловой, повествовательный и церковно-книжный. При этом жанровая специфика отдельных текстов в самом общем плане определяется соотношением в пределах этого текста двух элементов, формирующих структуру древнерусского письменного языка: 1) книжно-письменной традиции, которая воплощает нормирующее, консервативное начало, и 2) особенностей живой речи, так называемого народно-разговорного субстрата. Проблема отражения письменной традиции в текстах различных жанров осложняется тем, что для древнерусского языка Х1У в. вообще и для его новгородского варианта в частности сама эта традиция неоднородна. Она может носить двоякий характер соответственно двум типам письменного языка: книжно-славянскому (русифицированному церковнославянскому) и народно-литературному [4], имеющему собственно русскую основу [4].

---

3. Материалом для исследования послужили памятники одинаковой локальной принадлежности: все они писаны в Новгороде. Перечень текстов и условные сокращения их названий см. в конце статьи.

4. В.В. Виноградов. Основные проблемы изучения образования и развития древнерусского литературного языка "Исследования по славянскому языкознанию", АН СССР, 1961, стр. 49-50.

Располагаясь на определенном временном и локальном участке, тексты различных жанров не составляют полярной противоположности друг другу, а образуют как бы ярусы. Тексты верхнего яруса (церковно-книжный жанр) оказываются в наибольшей степени связанными церковнославянской традицией и потому наиболее четко нормированными, дающими минимальное количество отклонений в сторону народно-разговорной речи. В текстах нижнего яруса (документально-деловой жанр), напротив, связь с традицией ослаблена, нормы менее строги, что создает почву для более широкого воздействия народно-разговорного субстрата [5]. Повествовательный жанр занимает промежуточное положение, и соотношение двух рассматриваемых структурных элементов в его пределах может колебаться в зависимости от индивидуальных особенностей представляющих его текстов.

Переходим к детальному рассмотрению интересующих нас местоименных форм в новгородских формах Х1У в. (Всего их найдено 205).

1. Форма им. ед. местоимения 1-го лица

Здесь представлены три словоформы: ꙗазъ, азъ, ꙗ. Из них ꙗ встречается только в тексте документально-делового жанра, а именно в берестяной грамоте № 131. Эта грамота является частным письмом, поэтому наличие в ней словоформы ꙗ (повторенной трижды), несомненно отражает особенность живого новгородского диалекта. Варианты ꙗазъ и азъ представлены как в документально-деловом, так и в повествовательном жанре (в произведениях церковно-книжного жанра данной словоформы вообще не встретилось). Различие между ними по преимуществу носит стилистический характер: словоформу азъ находим в берестяной грамоте духовного содержания (№ 42); в летописи употребление этой словоформы ограничено религиозными отступлениями. Словоформа ꙗазъ, напротив, является стилистически нейтральной, выступая в различном окружении. Соотношение по употребительности словоформ ꙗазъ и азъ в Синодальном списке равно 7:7, а в документально-деловых текстах 9:2. Такая разница отражает различную степень воздействия церковнославянской традиции на язык текстов соответствующих жанровых групп.

2. Форма род. ед.

Нормальными в исследованных текстах являются словоформы МЕНЕ, ТЕБЕ, СЕБЕ. Наряду с этим, в берестяных грамотах и в летописи засвидетельствованы словоформы род. СЕБЮ и род.вин. МЕНЮ. Наличие этих словоформ следует расценивать как отражение текстами соответствующих жанровых групп новообразования, свойственного живому новгородскому диалекту. По мнению М.А.Гадолиной, форма род. и вин. ед. на -ю начала появляться в древнерусском языке, точнее, в его северных говорах в последних десятилетиях Х1У в. и лишь в отдельных случаях [6]. В подтверждение этого М.А.Гадолина

---

5. Н.И. Толстой. К вопросу о древнеславянском языке как общем литературном языке южных и восточных славян, "Вопр.языкозн.", 1961, № 1.

6. М.А. Гадолина. К истории некоторых форм личных и возвратного местоимений в русском языке XII-XVII вв., "Труды ин-та языкознания", т. 5, стр. 36. Ср. также приводимый П.С. Кузнецовым пример вин. МЕНЮ из новгородской грамоты ок. 1396 г. (П.С. Кузнецов. Очерки по исторической морфологии русского языка, изд. АН СССР, М., 1959, стр. 114-115). У А.К. Соболевского ("Лекции по истории рус. языка", М., 1907, стр. 187) приведены как наиболее ранние примеры из памятников ХУ в., московских по происхождению.

приводит примеры из московских грамот конца XIУ в. Найденные нами примеры (МЕНЯ Вг, № 286, СЕБЮ Нл, л.165 б) у нее отсутствуют.

3. Форма дат.-мест. ед.

Здесь наряду с словоформами ТОБѢ, СОБѢ встречаются словоформы ТЕБѢ, СЕБѢ. Наличие таких вариантов характеризует тексты всех трех жанровых групп, но должно интерпретироваться по-разному.

Форма СЕБѢ является единственно возможной в языке "Слов" о. Моисея, где она может быть объяснена церковнославянской традицией. Об этом свидетельствует и написание СЕБЄ, где конечное Є на месте Ѣ передает более открытый характер старославянского [ě] сравнительно с древнерусским[7].

В "Законе судном людям" находим только СЕБѢ, однако это может быть случайным, так как соответствующие словоформы (как и словоформы местоимений вообще) встречаются там крайне редко.

В летописном тексте наблюдается довольно четкая дифференциация форм ТОБѢ, СОБѢ и ТЕБѢ, СЕБѢ. Если первые являются стилистически нейтральными и выступают в самом различном контексте, то вторые отмечены только в записях, характеризующихся высоким стилем. Здесь также встречается написание СЕБЄ, указывающее на принадлежность соответствующей словоформы церковнославянской традиции.

В текстах документально-делового жанра нормальны словоформы ТОБѢ, СОБѢ. В "Русской правде", "Уставе Ярослава" и договорных грамотах они являются единственно возможными. Однако в берестяной грамоте № 94 находим форму СЕБѢ. Характер содержания и графические особенности этой грамоты делают маловероятным предположение о влиянии церковнославянской традиции[8]. Возможно, этот пример свидетельствует о наличии в новгородских говорах XIУ в. (по крайней мере, в части их) формы ТЕБѢ, СЕБѢ, наряду с формой ТОБѢ, СОБѢ.

4. Форма тв. ед.

При нормальных МНОК, ТОБОК, СОБОК однажды встретилась форма СОБОЮ. Она найдена в тексте документально-делового жанра, а именно в "Русской правде". Такая форма отражает явление живого языка - утрату конечного [u] во флексии [-oju]. Отсутствие подобной формы в летописном тексте - случайность, так как там встретилась субстантивная словоформа ДОУМОЮ, отражающая результат такой же эволюции флексии [-oju]

---

7. См. Н.Н. Дурново. Очерк истории русского языка. Госиздат, М.-Л., 1924, стр. 258.

8. Грамота является челобитной крестьян новгородскому посаднику Юрию Онцифоровичу. Интересующая нас словоформа входит в состав незаконченной фразы: ѿ СЕБѢ ГНЕ... В.И. Борковским ("Лингвистические данные новгородских грамот на бересте", 1953-1954 гг., М., 1954, стр. 124) она толкуется как дательный падеж.

9. Ср. следующее высказывание А.А. Шахматова: "Нет достаточных оснований для признания вообще во всех русских памятниках форм ТЕБѢ, СЕБѢ заимствованными из церковнославянского языка... По-видимому, многие русские говоры сохраняли общеславянские формы ТЕБѢ, СЕБѢ (А.А. Шахматов, Историческая морфология русского языка, Учпедгиз, М., 1957, стр. 159.

5. Энклитические формы вин. пад. выступают в исследованных текстах наряду с полными, образуя варианты МЕНЕ-МЮ, ТЕБЕ-ТЮ, СЕБЕ-СЮ, НАСЪ-НЪІ, ВАСЪ-ВЪІ (энклитических форм дат. пад. в памятниках не встретилось). Эти варианты обнаруживают определенную тенденцию к стилистической дифференциации. Словоформы МЮ, ТЮ, СЮ, НЪІ, ВЪІ тяготеют к возвышенному, торжественному стилю. Таковы МЮ Нл,л.131 а; ТЮ Нл,л.л. 130б,131а; СЮ Нл,л.л.131а,140а; НЪІ Нл,л.л.125аб,126б,138а, 145а, 151б; ВЪІ Нл,л. 145б, а также ТЮ в Бг, № 128 -грамоте, содержащей молитву богородице. Словоформы МЕНЕ, ТЕБЕ, СЕБЕ, НАСЪ, ВАСЪ, напротив, стилистически нейтральны, выступая как в обычном повествовании, так и в религиозных отступлениях. Впрочем, такая дифференциация не проведена полностью: словоформу МЮ находим и на л. 160 б Синодального списка, где она выступает в обычном повествовании, при передаче прямой речи, и в "Русской правде", с. 30 (также при передаче прямой речи; впрочем, здесь употребление энклитической формы может объясняться следованием более древнему оригиналу: соответствующая форма наличествует во всех списках Правды).

\+ + +

Проведенный анализ позволяет восстановить для древнерусского языка Х1У в. следующую систему склонения местоимений (приводятся лишь формы, претерпевшие изменения на протяжении истории):

И. АЗЪ, АЗЪ, МЮ
Р. МЕНЕ, ТЕБЕ, СЕБЕ || СЕБЮ [10]
Д., М. ТОБѢ || ТЕБѢ, СОБѢ || СЕБѢ (СЕБЕ) [11]
В. МЕНЕ, МЕНЮ(МЕНА) || МЮ, ТЕБЕ || ТЮ, СЕБЕ || СЮ
Т. МНОЮ, ТОБОЮ, СОБОЮ || СОБОН

Можно сделать вывод: в древнерусском языке Х1У в. (точнее, в его новгородском диалекте) уже имели место все те новации, которые отличают современное склонение местоимений от того, каким оно предстает в эпоху первых наших памятников. Многие из этих новаций, однако, еще не сделались общеязыковым достоянием, их употребление ограничено текстами, которые в силу своей жанровой специфики наиболее чутко реагируют на изменения в живой речи. Таковы им. ед. Ю, род. ед. СЕБЮ, вин. ед. МЕНЮ, тв. ед. СОБОЙ.

Так в небольшом фрагменте русской морфологической системы - склонении местоимений - мы имеем один из примеров того, как диахроническая эволюция языка преломляется в рамках синхронных отношений.

Исследованные тексты и их условные сокращения:

1. Новгородские грамоты Х1У в., изданные А.А.Шахматовым (Нг). "Исследования по русскому языку" под ред. И.В.Ягича, т. 1, СПб, 1885-1895.
2. Новгородские грамоты на бересте из раскопок 1951-1955 гг. (Бг). А.В.Арциховский и М.Н.Тихомиров, Новгородские грамоты на бересте, М.1958;

10. Знак || указывает на вариантные отношения в пределах одной формы.
11. В скобках даны графические варианты форм.

А.В.Арциховский, Новгородские грамоты на бересте, М., 1954; А.В.Арциховский и В.Л.Борковский, Новгородские грамоты на бересте, М., 1959.
"Русская правда" (Р) по сборнику Мусина-Пушкина Х1У в. "Русские достопамятности", изд. Кмпер. Общества истории и древностей Российских, ч. 2, М., 1843.
4. "Закон судный людям" (З). по тому же сборнику.
5. "Устав Ярослава о мостах" (У) по тому же сборнику.
6. Два слова отца Моисея (С) по Хлудовскому сборнику Х1У в., ИОРЯС, т. ХУП, кн. 3, СПб, 1912.
7. Новгородская 1 летопись по Синодальному списку (Нл), изд. Археографической комиссии, СПб, 1875.

И.К. РОМАНЕЕВА

К ИСТОРИИ СКЛОНЕНИЯ ИМЁН ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Очередная задача в области изучения русского именного склонения состоит, как кажется, в том, чтобы представить процесс диахронической эволюции склонения имён как ряд последовательных "синхронных срезов". С ориентацией на эту задачу и построена настоящая статья, имеющая целью описать систему склонения имён прилагательных в одном из её локальных вариантов и на определенном временном этапе. В качестве материала избраны древнерусские письменные тексты, относящиеся к XIУ веку - начальному периоду формирования русской /великорусской/ народности и принадлежащие к одной диалектной общности - новгородской. Это новгородские грамоты XIУ в., изданные А.А.Шахматовым / в дальнейшем сокращённо Нг/ [1], новгородские грамоты на бересте из раскопов 1951-1955 гг. /в дальнейшем Бг/[2] "Русская правда" /Р/ по сборнику Мусина-Пушкина XIУ в.[3],"Закон судный людям" /З/ и "Устав Ярослава о мостах" /У/ по тому же сборнику, два слова отца Моисея /С/ по Хлудовскому сборнику XIУ в.[4], часть Синодального списка Новгородской I летописи /Нл/[5], выполненная почерком начала XIУ в.

Перечисленные памятники неоднородны в жанрово-стилистическом отношении, что находит отражение и в представленном в них склонении прилагательных. С точки зрения жанра все названные тексты могут быть разбиты на три группы: С, З - произведения церковно-книжного жанра; Нл - повествовательный жанр; Р, У, Нг, Бг - тексты документально-делового жанра.[6]

Исследованный материал представляет 3928 словоформы прилагательных от 802 различных слов. При этом из рассмотрения исключены краткие формы, склонение которых аналогично наиболее продуктивным типам склонения существительных. С другой стороны, слова типа МОЙ, ВАШЬ, ВЕСЬ, а также КТО и ЧТО /так называемые "неличные местоимения"/ включаются в рассмотрение, т.к. имеют общие с полными прилагательными средства формообразования. В даль-

---

1. Исследования по русскому языку, под ред. И.В.Ягича, т.1, Спб, 1885-95.
2. А.В. Арциховский и М.Н. Тихомиров, Новгородские грамоты на бересте, М. 1953; А.В. Арциховский, Новгородские грамоты на бересте, М., 1954; А.В.Арциховский, В.И.Борковский, Новг. грамоты на бересте, М., 1958.
3. Русские достопамятности, изд. Импер. Общества истории и древностей Российских, ч. 2, М., 1843.
4. ИОРЯС, т. ХУП, кн. 3, СПб, 1912.
5. Изд. Археографической комиссии - Новгородская летопись по Синодальному харатейному списку, СПБ, 1875.
6. Ср. такое же деление древнерусских памятников с т.зрения содержания, а след. и жанра у Г.О. Винокура /"Русский язык" М., 1959/ Л.П. Якубинского /"История древнерусского языка", М., 1953/.

нейшем они будут называться местоимёнными прилагательными, а о с т а л ь н ы е прилагательные там, где они должны быть противопоставлены местоимённым, - собственно прилагательными. Образуя довольно компактную группу с т. зрения входящих в неё лексических единиц, местоимённые прилагательные характеризуются, однако, высокой частотой употребления в текстах /2401 словоформа/.

Склонение полных и местоимённых прилагательных условимся называть адъективным.

Основным средством выражения морфологических различий прилагательных в исследованных текстах являются флексии. Инвентарь флексий адъективного склонения выглядит следующим образом: нулевая флексия; -a, - o, - u, - i - однофонемные; -ij, - oj, - ěj, -ěm, -im, -om, -ěch, -ich - двухфонемные; -ije, -oje, -ogo, -ago, -omu, -umu, -aja, -oja, -iga, -uju, -oju, -em'i, -im'i - трёхфонемные. Строение однофонемных флексий можно обозначить как V, двухфонемных - как V + C, трёхфонемных - как V + C + V, где V обозначает гласную фонему, C - согласную. В рассматриваемых флексиях используются 6 гласных фонем /a, o, u, i, e, ě/ и 5 согласных /m, m', g, ch, j/.

Частота употребления флексий адъективного склонения в парадигмах может быть охарактеризована с помощью таких таблиц:

а/ нулевая и однофонемные флексии:

	ø	- a	- o	- u	- i
в ед.ч.	2	I	2	I	-
во мн.ч.	-	2	-	-	2
всего	2	3	2	I	2

б/ двухфонемные флексии.

	- ij	- oj	- ěm	- im	- om	- ěch	- ich	- ěj
в ед.ч.	2	4	2	I	1	-	-	2
во мн.ч.	-	-	I	I	-	2	2	-
всего	2	4	3	2	I	2	2	2

в/трёхфонемные флексии:

	-oje	- ogo	- ago	-omu	-aja	-oja	-ija	-uju	-oju	-ěm'i	-im'i	-iji
в ед.ч.	2	2	2	I	I	I	I	I	I	-	-	-
во мн.ч.	-	-	-	-	2	-	-	-	-	I	I	I
всего	2	2	2	I	3	I	I	I	I	I	I	I

Приведенные таблицы позволяют отметить следующее:

I. Большой удельный вес полифонемных флексий в парадигмах адъективного склонения. Если нулевая и однофонемные флексии используются 10 раз, то полифонемные 35 раз.

2. Большинство флексий адъективного склонения имеет одно или два значения. Трёхзначными являются только флексии -aja и ěm, одна флексия-

– oj – четырёхзначна.

3. Для адъективных флексий всех групп характерно преимущественное использование в парадигмах единственного числа. Это связано с тем, что во множ. числе прилагательные вообще имеют гораздо меньше различных форм сравнительно с единственным, что в свою очередь является следствием утраты родовых различий в косвенных падежах множ. числа.

Для адъективного склонения, представленного в исследованных текстах, характерна вариантность флексий, т.е. использование более чем одной флексии для выражения одного парадигматического значения. При этом различаются варианты, имеющие различные сферы употребления, и "свободные" варианты, не дифференцированные на морфологическом уровне.

Источником появления вариантов первой группы является наличие в некоторых формах особых флексий у местоимённых прилагательных. Это с одной стороны нулевая и однофонемные флексии, характеризующие прямые падежи: им.- вин, ед. м. рода – ø , им.- вин. ед. ср.р.– o, им. ед.ж. р., им.-вин. мн. ср.р.– a , вин. ед.ж.р. – u, им.- вин. мн. м. р. –i ; с другой – полифонемные флексии, начинающиеся с ě и характеризующие косвенные падежи местоимённых прилагательных с твёрдыми основами и слова ВЕСЬ: тв.ед.м.-ср.р. и дат. мн. –ěm , род.- мест. мн. –ěch , тв. мн. –ěm'i. Соответственно этому имеем варианты – ø – ij,–oj, o – oje; a –aja, u – uju ; i – iji ; ěm – im ; ěch – ich; ěm'i–im'i.

Для текстов различных жанров в той или иной мере характерна подвижность границ употребления этих вариантов, выражающаяся в распространении флексий собственно прилагательных на местоименные основы. Вот некоторые примеры: им.- вин. ед.м.р. ИНЫЙ Нг /ср. ИНЪ Р/; ТЫИ Нг, ТОИ З /ср. ТЪ З, Нг/; КОТОРЫЙ Р , СИИ З; им.-вин. ед. ср. р. ИНОЕ Бг, Нл, З / ср. ИНО Р,З/; ВСЯКОЕ С , /ср. ВСИКО З/;им. ед. ж.р. КОТОРАЯ Нл, Р; вин. ед. ж.р. ИНУЮ Нл /ср. ИНУ З/; им.-вин. мн. м.р. ОВИИ Р /ср. ОВИ Р,Нл/; ИНИИ – ИНЫИ Нл /Ср. ИНИ – ИНЪ Нл/ , СИИ Нл /ср. СИ Нл/; КОТОРИИ Нл; тв. ед. м.-ср.р. САМЫМ Р; ТИМЪ Нг / ср. ТЪМЪ Нг, Р.З; ВСИМЪ Нг.З, /ср. ВСЪМЪ Нг ,З,Нл /; КИМЪ Р; род.-мест. мн. ИНЫХЪ Нг,Нл; ВСИКАХЪ, ВСЯШИХ Р;ТЫХЪ Нг, /ср. ТЪХЪ Нг,Нл,З/ ВСИХЪ Нг,Р /ср. ВСЪХЪ Нг,Р/; дат. мн. ТИМЪ Р, ТЫМЪ Нг / /ср. ТЪМЪ ,Р,Нл/;ВСИМЪ Р,З / ср. ВСЪМЪ Нл;ИНЫМЪ Нл; вин.мн.м.р. ИНЫХЪ Р, Нл / ср. ИНЪХЪ Нл, Р/; ОВЫХЪ Нл; КОТОРЫХЪ Нл; тв. мн. ВСИМИ Нг, Нл,З /ср. ВСЪМИ Нг,Нл/; ТЫМИ Нг /ср. ТЪМИ Нл,З/.

Как видно из этих примеров, описываемое взаимодействие форм приводит к колебаниям, нередко в пределах одной лексической единицы. При этом различные местоимённые прилагательные ведут себя по-разному. Так, слова КОТОРЫЙ, ИНЫЙ особенно часто представляют формы с флексиями собственно прилагательных, слова ОНЪ и САМЪ, по преимуществу сохраняет особые флексии. Особенно пёструю и прихотливую картину представляют колебания форм в парадигмах местоимённых прилагательных ТЪ /ТОТЪ, ТЫИ, ТОИ/ и ВЕСЬ,наиболее широко представленные в Нг. Грамоты № № 8,13,17 как правило дают формы с флексиями прилагательных, в грамотах № № 6,7,9,10 соответствующие слова обычно сохраняют особые флексии. В "Русской правде" формы ТЪМЪ, и ТЫМЪ,ТИМЪ/ ВСЪХЪ и ВСИХЪ выступают в непосредственном соседстве. В "Законе судном людям" находим ТЪХЪ, ТЪМИ,, но ВСИМЪ, ВСИМИ. В последних двух памятниках

не все приведённые формы достаточно показательны, т.к. там наблюдается смешение Ѣ и И. По той же причине непоказательна форма ВСИМИ в Нм. Во всех остальных случаях летописный текст представляет формы рассматриваемых слов с сохранением специфических флексий местоимённых прилагательных.

Осуществление тенденции к распространению флексий собственно прилагательных на местоименные основы ведёт, с одной стороны, к углублению противопоставления адъективного и субстантивного склонений, поскольку однофонемные флексии местоименных прилагательных совпадают с флексиями соответствующих форм склонения существительных. С другой стороны, действие этой тенденции способствует установлению большего единообразия парадигм внутри самого адъективного склонения.

К числу "свободных" вариантов в адъективном склонении относятся следующие: варианты ого – аго в род. ед. м.- ср.р.; ому – уму в дат. ед.м. ср. р.; ом – ěм в мест. ед. м.-ср. р.; ой < ija / oja в род. ед. ж.р.; ой-ěй в дат. мест. ед. ж.р., i-а в вин. мн. ж. и ср. р.; i, iji-ijě в вин.мн. м.р.

Употребление этих вариантов определённым образом связано с жанрово-стилистической дифференциацией исследуемых текстов. Рассмотрим конкретно каждый такой случай.

I. Распределение флексий род. ед. м.- ср. ср.-ого и-аго среди основ собственно прилагательных. В текстах церковно-книжного жанра флексия –аго нормальна /для соответствующей формы собственно прилагательных/ .

В летописи она употребляется наряду с – ого ,почти с той же частотой; наконец, в документально-деловых текстах флексия – аго представлена единичными примерами.

Есть основания считать, что образования на – аго были свойственны живому древнерусскому языку,[7] однако, достаточно рано ,по крайней мере, с XII века/[8] начали заменяться там образованиями на – ого. Почти полное отсутствие форм на – аго в исследованных грамотах, в " Уставе Ярослава" свидетельствует о том, что к XIУ веку в новгородском диалекте такая замена уже завершилась. Поэтому все образования на – аго ,встречающиеся в новгородских памятниках этого времени, следует считать книжными. Не противоречит этому заключению единичный пример из грамот ВЕЛИКАГО Нг, № I2, т.к. приведенная словоформа входит в состав социально-политического термина КНЯЗЯ ВЕЛИКАГО. Можно предположить, что этот термин в официальном языке договорных грамот принадлежал высокому стилю.[9] В изученном списке "Русской правды" большинство словоформ на – аго содержится во вступлении, характеризующемся особой торжественностью стиля и тяготением к книжным нормам.

7. См., напр., А.А. Шахматов, Историческая морфология русского языка. Учпедгиз. М., 1957, стр. 189.

8. См.П.С.Кузнецов.Очерки исторической морфологии русского языка, изд-во АНСССР, М., 1959, стр. I50-I5I.

9. Ср.такое же предположение относительно слова КНЯЗЬ в диссертации А.Н. Дворомысловой "К истории склонения в русском языке",М.,1961.

В основной части найдено лишь 3 словоформы на - ago . Между прочим, в более раннем Синодальном списке "Правды" /1282 г./, также имеющем новгородское происхождение, примеры на - ago представлены шире: в соответствующих местах Пушкинского списка находим образования на - ago . Примечательно также, что все примеры на - ago в текстах документально-делового жанра представляют собой образования от прилагательных с ударением на основе: по-видимому, в этих случаях написание АГО не противоречило так резко языковым нормам писца.

В летописном тексте обнаруживается четкая стилистическая дифференциация: словоформы на - ogo как стилистически нейтральные, противопоставлены словоформам на - ago ,употребляющимся как правило при определении понятий, связанных с церковной терминологией.

В церковно-книжных текстах флексия - ago является нормальной. Не нарушает этой нормы и словоформа вин-род. чьѥ гѡ, поскольку слово ЧЬЬ /чьѥ/ склонялось как местоимение и в старославянском языке.[10]

2. Флексия дат. ед. м.-ср. р.-umu представлена единичным примером ЧЄСТИМУ в летописном тексте. По предположению А.А. Шахматова,[11] формы прилагательных на - umu существовали в живом древнерусском языке. Однако замена их формами на - omu /нормальными для языка всех изученных нами текстов/ произошла, по-видимому, очень рано, раньше, чем замена - ago на - ogo ; как отмечает П.С. Кузнецов, форма на - omu была распространена в живом древнерусском языке уже в эпоху древнейших наших памятников.[12] Поэтому интересующий нас пример из Синодального списка, несомненно, должен объясняться влиянием церковно-славянской традиции. Отсутствие примеров на - umu в исследованных текстах церковно книжного жанра может объясняться их меньшим сравнительно с летописью объёмом при большой редкости подобных форм вообще в древнерусских текстах эпохи до второго южнославянского влияния.

3. Соотношение флексий мест. ед. м.-ср. р. - om - ěm в словоформах собственно прилагательных.

Церковно-книжные тексты знают только - ěm . В летописи, напротив, нормально - om , два примера на - ěm найдены в записях церковного характера. Из текстов документально-делового жанра словоформы на - ěm довольно широко представлены в "Русской правде", между тем как грамоты и "Устав Ярослава" дают только - om . Учитывая это, можно предположить, что флексия - om в соответствующей форме была нормой живого языка Новгорода XIУ в. Словоформы на - ěm следует признать тогда книжными. Распространённость же их в "Русской правде" можно отнести за счёт сохранения черт оригинала, приняв во внимание и то, что формы на - ěm держались в древнерусском языке довольно долго по сравнению с формами на - umu и - ago .[13]

---

10. См. Н. Ван-Вейк, История старославянского языка, пер. с нем., М., 1957, стр. 285.

11. А.А. Шахматов. Историческая морфология русского языка. Учпедгиз, М., 1957, стр. 189.

12. П.С. Кузнецов. Очерки по исторической морфологии русского языка, изд-во АН СССР, М., 1959, стр. 149.

13. А.А. Шахматов связывает это с тем, что - ě в прилагательных поддерживалось влиянием конечного - ě в существительных. ВЫМОЛЬМЬ ГОРОДЪ /указ. соч., стр. 320/.

4. Распределение флексий род.ед.ж.р. -oj и -ija, - oja по основам прилагательных. Две последних флексии объединяются на том основании, что обе они представляют собой в древнерусских текстах результат влияния церковнославянской традиции /на это указывает их конечный элемент [ja] - обычное фонетическое соответствие старославянскому ę на древнерусской почве/. Напротив, флексия - oj представляет собой результат фонетической эволюции восточнославянской флексии - ojě . Флексия -oj нормальна и стилистически нейтральна в документально-деловых текстах и в летописи. Напротив, флексии -ija и - oja /первая характеризует собственно прилагательные, вторая-местоименные/ являются в соответствующих жанрах стилистически ограниченными: в летописи они представлены в записях церковного характера, в "Русской правде" - в её торжественной вступительной части. В грамотах и "Уставе Ярослава" формы на -oja и - ija полностью отсутствуют. Иное положение в церковно-книжных текстах. Флексии-ija и -oja являются здесь нормой, тогда как -oj встречается только один раз в словоформе ЧЮЖЕИ.

5. Флексия дат.- мест. ед. ж.р. -oj в словоформах собственно прилагательных выступает лишь в текстах делового и повествовательного жанров. Этот факт, несомненно, следует отнести за счёт влияния народно-разговорной основы, поскольку распространение флексии -oj , характеризовавшей первоначально лишь местоименные прилагательные, на основы собственно прилагательных имело место на древнерусской почве. Оно находит отражение уже в древнейших наших памятниках.[14] Старая флексия -ěj представлена единичным примером в "Русской правде": "БОЮАРЬСТѢИ /С.П. Обнорский объясняет это образование положением в заглавии статьи, не принадлежавшем первоначальному тексту, а вставленном при позднейшей обработке Правды /[15] и столь же изолированной словоформой из Синодального списка ВЕЛИЦѢИ л.154а, найденной в записи церковного характера. Всё это, а также полное отсутствие случаев употребления -ěj в грамотах и "Уставе Ярослава" даёт основание предполагать, что к XIУ в. эта флексия уже исчезла из новгородских говоров. В церковно-книжных текстах флексия -ěj в соответствующей форме прилагательных является единственно возможной, что следует объяснять традицией.

6. Флексия вин. мн. - i в тексте документально-делового жанра /а именно в "Русской правде" отмечена в местоименных словоформах жен. и ср. рода: ВАШИ Р,с. 3; СВОИ Р, с.10.

Такое употребление флексии - i неизвестно текстам повествовательного и церковно-книжного жанра /ср. ж. род СВОЮ Нл, 131а; и др.; НЛ, л.118а; ВСА С и др.; сред. род СВОЮ Нл,лл.127а, 131а; З, с.79; ВСА С/. Оно отражает явление, имевшее место в живом древнерусском языке- установление единой для всех родов формы им.- вин. множ.прилагательных и свидетельствует о том,что распространение этой формы осуществлялось в различных жанрах не одновременно.[16]

14. См. Н.С. Кузнецов, указ. соч., стр. 154.

15. С.П. Обнорский,"Русская Правда" как памятник русского литературного языка,сб. С.П.Обнорский,Избр.работы по рус.яз".Учпедгиз,М.,1960, стр.129-130.

16. По данным А.И.Соболевского,случаи отражения этого явления наблюдаются в русских памятниках /в том числе в духовной новгородца Климента/ с XIII в.:см. А.И.Соболевский. Лекции по истории русского языка. М.,1907, стр. 209.

7. Флексия -ijě в вин. множ. прилагательных муж. рода фиксируется только летописным текстом. Этот факт следует толковать как отражение письменной традиции в языке Синодального списка, причём традиции собственно русской, на что указывает конечное ě флексии. Традиционной форму на - ijě считаем на том основании, что тексты документально-делового жанра совсем не знают её: там в вин. мн. м. рода представлены лишь словоформы на - i , - iji, образованные под влиянием формы именит. падежа.

8. Формы винительного-родительного, характеризующиеся флексиями - ěch, -ich и употребляющиеся в тех случаях, когда прилагательные относятся к одушевлённым существительным, выступают только в текстах документально-делового и повествовательного жанров. Явление это, связанное с формированием во множ. числе категории одушевленности - неодушевлённости, имело место во всех древнерусских говорах / и наибольшее распространение получило как раз в тех из них, которые легли в основу русской народности/. Отсутствие форм вин.- род. в церковно-книжных текстах следует поэтому отнести за счёт традиции. Следует отметить, что язык церковно-книжных текстов, насколько позволяет судить изученный материал, не представляет условий для развития во множ. числе категории одушевлённости-неодушевленности, т.к. формы вин.пад. отличаются там от форм именит. либо флексиями /мягкая разновидность/, либо видом основы /твёрдая разновидность/.

И. Н. ГОРЕЛОВ

К ВОПРОСУ ОБ ИНДИВИДУАЛЬНОМ В РЕЧИ

Существует, в основном, две противостоящие точки зрения по затрагиваемой проблеме. Одна из них может быть сформулирована словами Ар. Чикобавы: "Не бывает двух индивидуумов, речь которых можно было бы считать абсолютно идентичной. Индивидуальный характер и коллективная сущность языка составляют противоречие, являющееся главным внутренним стимулом языковых изменений"[1]. Другая точка зрения вытекает из предположения, что бессознательный характер использования готовых выражений в условиях постоянного столкновения индивидуальных вариантов, приводит к неизбежному сближению форм выражения в условиях сходных ситуаций. Ф. де Соссюр считает: "Язык есть социальный элемент речевой деятельности вообще, внешний по отношению к индивиду, который сам по себе не может ни создать язык, ни его изменить... Изо всех общественных установлений язык представляет наименьшее поле для проявления инициативы"[2].

Первая точка зрения восходит к концепции Г. Пауля (чтобы не затрагивать еще более ранних источников), оказавшей самое серьезное влияние на становление и утверждение в лингвистической литературе представления о речевом акте как о явлении сугубо индивидуальном и творческом. Отсюда были сделаны и выводы прикладного характера, касающиеся принципов методики обучения иностранным языкам. Однако Г. Пауль, говоря об индивидуальном и творческом в речи, имел в виду нечто, существенно отличающееся от представлений его более поздних сторонников и интерпретаторов: "Индивид не отдает себе отчета в своей творческой деятельности. Процесс образования языка отличается этим от процесса художественного творчества... Овладение языком приходится на ранний период развития, когда во всех психических процессах вообще еще недостаточно проявляются намерение и сознание, когда в них еще мало индивидуальности... Из того обстоятельства, что язык служит орудием общения, не **и з б е ж н о в ы т е к а е т, ч т о о н о т в е р г а е т в с е ч и с т о и н д и в и д у а л ь н о е**, так или иначе навязываемое ему, не впитывая и не удерживая ничего такого, что не

1. Г. Пауль. Принципы истории языка. Изд. ИЛ. М., 1960, стр.

было бы санкционировано согласием данной общности людей"[3]. Однако сторонники противоположной точки зрения предпочитают цитировать другое высказывание Г. Пауля: "Всякое языковое творчество всегда индивидуально"[4], не раскрывая приведенного выше разъяснения самого Пауля. Ясно, что индивидуальное и творческое по Пауло мыслилось им в пределах, весьма жестко ограничивающих общие (неречевые и неязыковые) понятия "индивидуальное" и "творческое", когда он оперировал ими в лингвистической сфере. Ведь и Ф. де Соссюр писал, что "речь есть индивидуальный акт воли", но предлагал различать в этом акте "а) комбинации, при помощи которых говорящий субъект пользуется языковым кодексом с целью выражения своей личной мысли; б) психофизический механизм, позволяющий ему объективировать эти комбинации"[5]. Таким образом, было бы правильным утверждать, что речь индивида индивидуальна, поскольку, поскольку это не нарушает общепринятых норм использования уже имеющихся в распоряжении языкового сообщества средств выражения мысли, и что речь можно назвать творческим актом, если таким же актом можно назвать любой другой, предполагающий конструирование некоего целого из уже имеющихся готовых блоков путем комбинации последних. Но набор готовых блоков, как известно, ограничен; ограничены весьма существенно и возможности комбинаций. Не существует, по-видимому, никакой "свободы выбора", если имеется в виду обычный процесс коммуникации, регулируемый установлениями узуса. Другое дело, что в определенных пределах индивид потенциально в состоянии использовать те или иные возможности. Однако следует выяснить, насколько широки эти пределы и насколько реально использование потенциальных возможностей, если учесть, что:

а) условия жизни в целом остаются стабильными на протяжении достаточно длительного времени;

б) преемственность жизненного опыта, культурные традиции и повседневные жизненные ситуации поддерживают вышеуказанную стабильность;

в) развитие языка происходит, как правило, без резких качественных скачков, заметных более в развитии условий общественных отношений;

г) самые радикальные изменения в системе представлений, общественных отношений (научные, технические и социальные революции) не сопровождаются никакими качественными скачками в языке;

д) общеязыковые нормы все в большей степени оказываются достоянием языкового коллектива в целом, тогда как на речевую деятельность индивида накладываются дополнительные ограничения в виде норм профессиональных, возрастных и других подъязыков;

е) унификация внутри подъязыков осуществляется гораздо быстрее, чем унификация общеязыковых норм.

Широко распространено в литературоведении понятие "индивидуальная речевая характеристика персонажа". Наши наблюдения показывают, что э ф ф е к т и н д и в и д у а л и з а ц и и р е ч и п е р с о н а ж а

---

3. Г. Пауль. Принципы истории языка. Изд. ИЛ. М., 1960, стр. 41-42 (разрядка моя - И. Г.).
4. Т а м ж е, стр. 40.
5. Ранее цитированное соч., стр. 38.

достигается только по контрасту с речевыми особенностями другого персонажа, входящего в другую социальную, возрастную, половую или профессиональную группу.

При чтении произведений (драматических) А. Чехова, М. Горького, Н. Погодина, Ф. Вольфа, а также более ранних - Г. Гауптмана, А. Островского и др. читатель не сомневается в том, что одна реплика может принадлежать, скажем, только Фирсу, а другая - только Гаеву. Но, как показывают наши эксперименты, реплики, взятые у всех персонажей-слуг, всех персонажей - купцов, всех персонажей-мастеровых и т. п. так, чтобы все группы реплик, не смешиваясь между группами, воспринимались носителями данного языка как единый поток, оцениваются как принадлежащие одному лицу, представителю какой-нибудь одной группы. Не случайно авторы пьес либо заставляют своих героев вводить в свою речь некоторые дополнительные дифференцирующие кривизны ("так-с", "значит", "нуте-с", "грит" /"говорит"/), либо специально отмечают в своих ремарках: "Степан говорит вяло и медленно", "Аня всегда говорит громко, с экзальтацией", "Виктор немного картавит" и т. д.

В практике театров хорошо известна специальная работа вдумчивого актера над речью персонажа с целью достижения такой четкой индивидуализации, которая далеко не всегда может быть усмотрена в тексте драматического произведения.

Особенно заметно, как унифицируется язык, используемый такими средствами массовой коммуникации, какими являются газеты. Не зря бытует выражение "газетный язык" для характеристики совершенно сложившегося и весьма специфичного подъязыка недостаточно квалифицированных журналистов. Нами исследовано более 120 экземпляров институтских многотиражек 12 названий, выпускаемых педагогическими институтами и некоторыми другими вузами. Экспериментальный словарь по темам "Работа учителя", "Бытовые нужды студентов", "Спортивная работа", составленный на материале 16 экземпляров газет 4-х названий, может с успехом служить для использования при составлении статей такой же тематики для всех других указанных газет. Почти неизменными остаются также: а) доминирующий тип предложений, б/ словосочетательные модели и в) средняя длина предложения (измерение по числу слогов).

Обратимся, однако, к сфере, в которой унификация менее всего ожидается - к сфере поэзии. Обратившись к заголовкам стихотворений, мы исследовали около 200 сборников 80-ти авторов периода 1880-1968 гг. Результаты анализа подтверждают, во-первых, известные данные о частотности появления тех или иных звуков русской речи, во-вторых, данные частотных словарей, что говорит в пользу выбора материала для наших целей. Обнаруживается ряд регулярных совпадений в частотной характеристике начальных слов и типов словосочетаний. В алфавитном порядке это выглядит так:

А. А ты, а мне, а я, а я + глагол, а я + не + глагол.

Б. Был, было, без, будто + существительное, будто + прилагательное + существительное.

В. В, в это (этом, этой), весь (вся, все), весна, вечер, вечерний.

Г. Где, год(н), грустно (грустная, грусть), голубой, город, гори.

Д. День, даль, друг, дорога.
Е. Есть, еще.
Ж. Жизнь, жить, живой (ая), женщина.
З. За, за + прилагательное + существительное, за + существительное, заря, золотой, здесь + глагол.
И. И, и вновь (опять), и мне, и ты, и я, и вот, и он, и вот + глагол.
К. Кто + глагол, как, куда + глагол, когда + глагол, когда же, кто-то, к + существительное, какой (ая).
Л. Люблю + местоимение, любимая, лист, лишь, лето.
М. Мой + существительное, мне + глагол, мне (не) надо, мы + предлог, мечта (ть).
Н. На + прилагательное + существительное, не + глагол, над + существительное, нас, ночь (ной, ая).
О. О, об, она + глагол, он, от + существительное, от + местоимение.
П. По + существительное, после + существительное, пока + глагол, песня, поет, прощай, под + прилагательное + существительное, прошу + местоимение, поздно.
Р. Радость, ранний (ая) + существительное, рука, рассвет (ает).
С. С + существительное, с + местоимение, слышал, сегодня, свет, сердце + глагол (прилагательное).
Т. Ты + глагол, там, там, где, ты меня (мне).
У. У + существительное, у + прилагательное + существительное, у + местоимение, уже, утро (м).
Ф. Отсутствует. Исключения: "Фискал" (Минаев), "Февраль", "Фуфайка больного" (Б. Пастернак).
Х. Хорошо, хороший (ая), хорошо, что, хоть (хотя), холодный (ая).
Ц. Цвет (н, ное).
Ч. Что, чем, чего, черный + существительное, чем я, чем ты.
Ш. Шел (шла), шаги (шагами), шум (ный, ая).
Щ. Отсутствует.
Э. Это (т), эта, этой + существительное.
Ю. Отсутствует.
Я. Я + глагол, я + не + глагол, я + в + существительное, я + в + прилагательное + существительное, я снова (вновь).

Анализ 80 стихотворений 9 немецких авторов дает сходные результаты.

Разумеется, мы никак не собираемся отрицать, что именно в сфере поэзии наблюдаются наиболее яркие и образные окказиональные образования на уровне словосочетаний. Достаточно обратиться к творчеству Рильке, Бехера, Блока, Маяковского, Пастернака, Цветаевой, Хлебникова, чтобы убедиться в этом лишний раз. Показательно, что оригинальные словосочетания (вроде блоковского "синий плен" или есенинского "черный ветер") воспринимаются большинством носителей данного языка именно как необычные, трудные, субъективные. Но ведь именно они являются свидетельствами стремлений поэтов добиться преодоления обобщающей функции слова, достичь неповторимости субъективного образного впечатления.

Особого внимания заслуживают неологизмы на уровне слова, т. е. новые об-

разования из ранее известных морфологических элементов, например "вре - мирь" (у В. Хлебникова), составленный из "времени" и "снегиря". Однако неполноценность подобных творческих актов не должна вводить в заблуждение в том смысле, что всякий речевой акт вообще может рассматриваться как творческий. С гораздо большим основанием можно утверждать, что в повседневной речевой деятельности мы пользуемся либо полностью готовыми блоками, либо новыми (относительно!) комбинациями по аналогии с ранее известными.

Потребности быстрого и эффективного обучения иностранному языку предполагают в свете вышесказанного следующую рациональную организацию учебного материала:

1. Изучение и создание типов наиболее частых ситуаций общения. В этом отношении большую пользу может принести изучение изобретений известного литературоведа А. Веселовского и его школы относительно "бродячих сюжетов"

2. Отбор лексических единиц в связи с частотными параметрами в условиях типичных ситуаций общения (в связи с п. 1).

3. Отбор словосочетательных и синтаксических моделей в том же плане.

4. Обнаружение и описание типичных трансформационных правил.

5. Определение очередности введения языковых структур, основанных на указанной выше базе.

6. Обеспечение стимулирующих ситуаций для использования и комбинирования готовых блоков и для создания "новых" по аналогиям.

Ю.В.ВОРОБЬЁВ

ЭВОЛЮЦИЯ СТРОФИЧЕСКИХ ФОРМ АНГЛИЙСКОГО СОНЕТА

Сонет - одна из наиболее древних и сложных и одновременно - одна из наиболее привлекательных форм в мировой поэзии. Интерес к нему неоднократно возрождался у поэтов разных времен, стран и народов.

Ни одной другой поэтической форме не посвящалось столько исследований, сколько их было посвящено сонету, и тем не менее, сонет всё ещё предоставляет богатейший материал для изучения, особенно стиховеду-лингвисту.

Сонет возник в первой половине XIII века. Предполагается, что его изобретателем был сицилийский поэт, один из придворных императора Священной Римской империи Фридриха II. Вскоре сонет распространился по Италии, и уже оттуда проник в Прованс и северную Францию.

Но окончательное утверждение сонета, всеобщее признание его как одной из ведущих и, пожалуй, самой излюбленной формы европейской поэзии, связано с именем Петрарки. Хотя до него сонеты писали Данте и Гвидо Кавальканти, именно Петрарка канонизировал сонет, окончательно определил законы его формы и внутреннюю композицию, создал ему мировую славу. После Петрарки началось триумфальное шествие сонета по Европе.

Петраркинский сонет состоял из четырёх строф, относящихся к двум разным моделям - двух катренов и двух терцетов. Общий линейный объём его - четырнадцать строк. Метр - пятистопный ямб /или в силлабическом стихосложении - одиннадцатисложник/.

Схема рифмовки была такова: катрены строились на повторении одной пары рифм в охватном порядке: abba abba ; самым распространённым порядком рифмовки терцетов у Петрарки был скользящий тернарный строй- cde cde ; значительно реже встречались другие варианты - cdc dcd, cde dce, cdc cdc, cde dec.

Каталектика была почти всегда женской. Это вытекало из особенностей итальянского языка и обусловленной им поэтической традиции. Альтернанс, следовательно, не соблюдался.

Высокие требования предъявлялись к отбору лексики. Знаменательные слова в сонете запрещалось использовать более, чем один раз.

Остановимся ещё на композиционном строении петраркинского сонета. Очень многие стиховеды, и в первую очередь англичане и англисты, считают, что основным в структуре сонета было деление на октаву и секстет, а деление на катрены и терцеты было только условным, рифменным.

Мы никак не можем согласиться с такой точкой зрения и будем категорически её оспаривать, ибо не следует смешивать канонический петрархинский сонет с тем, что из него сделали в Англии.

Условным в классическом сонете было как раз деление на октаву и секстет. Это было деление чисто композиционно-тематическое. Два катрена образовывали Basi - основную тематическую часть сонета. Два терцета создавали Volte - поворот темы.

Но и катрены и терцеты у Петрарки обладали стройной самостоятельностью, слуха каждый своему специальному назначению.

Первый катрен давал основной тезис, второй - развитие этого тезиса; первый терцет давал антитезис, второй терцет - развязку, вывод. И при этом все катрены и терцеты сохраняли полную синтактико-семантическую самостоятельность.

"Двумя терцетами кончается сонет. Мысль заверш[illegible] терцет", - писал по этому поводу Буало [illegible]

То же самое утверждает и Чарльз Томлинсон: "[illegible] ет свою особую роль или функцию, так же как и каждый [illegible], и [illegible] они должны быть раздельны, а не переходить один в другой."

Практически справедливость этого положения до[illegible] лучшие образцы сонетистов - последователей Петрарки [illegible] и [illegible], Ронсара, Дю-Белле и Уайета.

В английскую поэзию сонет пришел в пору ее возрождения, расцвета и реформации.

Это было время формирования и становления английского национального литературного языка, когда упорядочение и унификация языковых норм сопровождались повышенным интересом к классическим образцам и традициям. В английской поэзии утвердился рифмованный [illegible]-тонический стих и [illegible]лись поиски новых форм.

Но естественно, что классические языковые нормы вообще и нормы классической поэзии в частности, пересаженные в английскую почву, приспосабливались к условиям английского языка и так или иначе видоизменялись. Поэтому нет ничего удивительного в том, что и сонет, занесённый в конце ХУ-начале ХУ1 века в Англию из Италии, тоже подвергся там определённым изменениям.

В начале ХУ1 века сэр Томас Уайет, признанный первым английским сонетистом, перевел с итальянского языка на английский несколько сонетов Петрарки. Среди них был "Sonnetto in Vita 91", то есть девяносто первый сонет из цикла, написанного при жизни мадонны Лауры. Этот сонет, один из первых, написанных на английском языке, ещё не собственно английский, но переведённый с итальянского языка по чисто петрархинским канонам. И в нём, вместо традиционной для итальянского сонета женской рифмы, мы обнаруживаем сплошной акталектический стих с твердыми мужскими клаузулами, которые придают его ритмическому рисунку своеобразный модуляционный характер.

---

1. Буало Н. Поэтическое искусство М., 1957 г., стр. 70
2. Ch.Tomlinson. The Sonnet. London, 1874, p.9.

Следует упомянуть ещё одно изменение, внесённое Уайетом. Вместо тернарной рифмовки в терцетах он ввёл в двух последних строках второго терцета парную рифму cdd. Возможно, это и положило начало отделению заключительного двустишия и разрушению секстета в английском сонете.

Вскоре после Уайета тот же сонет был переведён его не менее талантливым современником Генри Говардом графом Сарри. Его сонет тоже состоит из четырнадцати строк пятистопного ямба с одними мужскими окончаниями, но внутренняя структура периода у Сарри значительно отличается от сонетов Петрарки и Уайета.

Синтаксически он, как и следовало быть, разбит на два катрена и два терцета. Но смысловая композиция и схема рифмовки делят сонет на три катрена и заключительный дистих с рифмовкой abab cdcd efef gg. Как видно из этой схемы, вопреки итальянской традиции, катрены не связаны между собой единством рифмовки. Так впервые возникла форма, которую впоследствии стали называть шекспировским или английским сонетом.

Существует несколько версий, объясняющих появление формы английского сонета. Профессор Сэинтсбери, например, считал, что эта форма возникла на основе слияния двух семистишных королевских строф, традиционных для английской поэзии того времени 3.

Эта гипотеза маловероятна. Во-первых, при сложении двух королевских строф, получается формула, очень сложная и не имеющая почти ничего общего с английским сонетом.

Во-вторых, при более внимательном изучении оказывается, что переход от петраркистского сонета к английскому был вовсе не таким уж неожиданным, и до известной степени был подготовлен самим Петраркой.

Прежде всего, перекрестная схема рифмовки в катренах в то время уже не была новшеством. Из 317 сонетов Петрарки в 11 были перекрёстнорифмованные катрены, с той лишь разницей, что они строились на одной паре рифм: abab abab.

Далее, почему-то принято считать, что идея выделения в конце сонета парнорифмованного двустишия впервые возникла у Уайета. В то же время в нескольких сонетах Петрарки встречались терцеты с рифмовкой cdd dcc. Уайет и Сарри, первые английские переводчики Петрарки, должны были это знать.

Что же касается замены в английском сонете двух пар рифм четырьмя, то причин на это много, и в основном они связаны с различиями в просодии и морфологической системе английского и итальянского языков.

Во-первых, строй итальянского языка - синтетический, с развитой морфологической системой, богатой суффиксами и флексиями, то есть тем, что обеспечивает языку обширный рифменный вокабуляр.

Строй английского языка, наоборот, - аналитический. Его морфологическая система значительно беднее итальянской. Поэтому, если в итальянском языке набрать две четверки одинаковых рифм для катренов не составляет труда, то в английском языке это становится серьёзной проблемой.

George Saintsbury. A History of English Prosody. N-Y, 1961.

Во-вторых, изучая английскую строфику, нельзя не заметить, что охватная схема рифмовки не популярна в английском стихе. Кроме катренов классического сонета и родственной им мемориальной строфы, они встречаются очень редко.

Это вполне достаточные основания для того, чтобы из двух возможных вариантов катрена выбрать перекрёстнорифмованный и ввести две самостоятельных пары рифм для каждого катрена. Тем более парадоксально выглядит после этого тот факт, что в английской поэзии на протяжении более чем четырёх веков петраркинская форма сонета, несмотря на все трудности, успешно конкурирует с шекспировской.

Английская поэзия не ограничилась двумя описанными формами сонета. В течение ХУ1 и первой половины ХУП веков было создано ещё несколько новых вариантов. Но петраркинская и шекспировская формы всегда занимали господствующее положение среди других вариантов сонета, почти не уступая друг другу.

К сожалению, неправильное понимание композиционной роли октавы и секстета привело к тому, что у английских сонетистов вошло в моду писать сонеты в виде " two sentence - and sense - units " , а нередко они, по милтоновской методе, вообще не признают синтактико-семантических границ между катренами и терцетами.

После Уайета и Сарри сонет получил широкое распространение в английской поэзии. О степени его популярности красноречиво говорит тот факт, что только за одно пятилетие /1592 - 1597 гг./ в Англии было опубликовано около двух с половиной тысяч сонетов. Англия ХУ1 - ХУП веков дала мировой поэзии таких великолепных сонетистов как Спенсер, Сидней, Шекспир, Дрейтон, Флетчер.

В конце ХУП века, в связи с зарождением классицизма, интерес к сонету пропадает и он на целое столетие исчезает из английского стихосложения. Второе рождение сонета произошло в конце ХУШ - начале Х1Х веков, и обязан он этим прежде всего первому поколению английских поэтов-романтиков. С этого времени мы и начнём своё описание.

Всего в английской поэзии ХУШ и Х1Х веков мы обнаружили сорок девять вариантов сонета. По изменениям основных строфообразующих параметров эти варианты можно разбить на четыре основных типа: 1/ модель петраркинского сонета с вариациями в секстете; 2/ модель Сарри /шекспировский/; 3/ различные комбинации двух первых моделей; 4/ самостоятельные варианты, не подпадающие ни под одну из предыдущих моделей. Рассмотрим эти четыре типа.

1. Петраркинская модель.

Основная модель Петрарки состояла из двух охватнорифмованных катренов на одну пару рифм и двух терцетов, связанных скользящим тернарным строем. Из 317 его сонетов 116 написаны в этой форме. В Англии второй половины ХУШ века такие сонеты писал Каупер, в Х1Х веке - Китс, Теннисон, Хопкинс. Например;

"Warrior of God, whose strong right arm debased
The throne of Persia, when her Satrap bled

At Issus by the Syrian gates , or fled
Beyond the Memmian naphtha-pits, disgraced
For ever - thee (thy pathway sand-erased)
Gliding with equal crowns two serpents led
Joyful to that palm-planted fountain-fed
Ammonian Oasis in the waste.
There is a silent shade of laurel brown
Apart the Chamian Oracle divine
Shelter'd his unapproached mysteries:
High things were spoken there, unhanded down;
Only they saw thee from the secret shrine
Returning with hot cheek and kindled eyes." (A.Tennyson).

Это сонет Теннисона, посвящённый Александру Македонскому. Его строение подтверждает то, что мы говорили выше. Синтаксически весь сонет состоит из двух предложений. Первое из них полностью совпадает с границами октавы, второе - с границами секстета.

Деление на катрены и терцеты отражается только в схеме рифмовки. Внутреннее синтактико-семантическое строение сонета ещё более сумбурно. В октаве на восемь строк семь строчных переброcов, то есть ритм и синтаксис в строке не согласованы. При полном совпадении трёх параметров модели /схемы рифмовки, метра и линейного объёма/ - это всё-таки не петраркинский сонет. В нём нарушен основной параметр: синтактико-семантическая законченность и самостоятельность строф не соблюдается. Таким образом, композиционно-синтаксические различия провели резкую грань между итальянским и английским вариантами классического сонета.

Из вариантов итальянского сонета в английской поэзии чаще всего нам встречался вариант с чередованием двух троек рифм в терцетах, с охватным расположением:

" A flock of sheep that leisurely pass by,
One after one; the sound of rain, and bees
Murmuring; the fall of rivers, winds and seas,
Smooth fields, white sheets of water, and pure sky;
By turns have all been thought of; yet I lie
Sleepless, and soon the small birds melodies
Must hear, first uttered from my orchard trees;
And the first cuckoo's melancholy cry.

Even thus last night, and two nights more, I lay,
And could not win thee, sleep! by any stealth:
So do not let me wear to-night away:
Without thee what is all the morning's wealth?
Come, blessed barrier betwixt day and day,
Dear mother of fresh thoughts and joyous health!"(W.Wordsworth).

В этом сонете мы видим ту же самую композицию из двух "sentence - and sense - units ". Первый синтаксический период, охватывающий октаву,- пейзаж, описание бессонной ночи. Второй период, секстет - обращение ко сну.

При такой единой, сплошной синтактико-семантической структуре о строфической раздельности и самостоятельности терцетов не может быть и речи, а могучая связующая сила, терционная рифмовка в секстете, становится просто не нужной, ибо она связывает то, что и без того невозможно разъединить. При внешнем сходстве этой модели с итальянским сонетом, это тоже разные вещи.

В следующем варианте схема рифмовки секстета - перевёрнутая скользящая терна. Этот вариант был довольно распространён в XIX веке:

"Happy is England! I could be content
To see no other verduce than its own;
To feel no other breezes than are blown
Through its tall woods with high romances blent:
Yet do I sometimes feel a languishment
For skies Italian, and an inward groan
To sit upon an Alp as on a throne,
And half forget what world or worlding meant.
Happy is England, sweet her artless daughters;
Enough their simple Loveliness for me,
Enough their whiter arms in silence clinging:
Yet do I often warmly burn to see
Beauties of deeper glance, and hear their singing,
And float with them about the summer waters." (J.KEATS).

Хотя по формальному строению этот сонет ближе к итальянскому образцу, чем все предыдущие, своей композицией он ещё больше отличается от этого образца.

Если по итальянскому канону октава давала тезис и его развитие, а поворот к антитезису начинался в девятой строке, то у Китса здесь октава и секстет - самостоятельные, хотя и связанные друг с другом части, каждая из которых построена по принципу бинарной семантической оппозиции.

Обе части, как бы развивающие и дополняющие друг друга, связаны между собой абсолютным анафорическим параллелизмом. Первый катрен и первый терцет, восхваляющие Англию, начинаются одной и той же фразой - "Happy is England". Противопоставляемые им второй катрен и второй терцет начинаются одним и тем же противительным союзом "yet" Это индивидуальная композиция, не характерная для канонического сонета.

В третьем варианте итальянского сонета в терцетах обратный тернарный строй рифмовки. У Петрарки такой схемы не было, но у его последователей в Италии и других странах она появилась. В английской поэзии этот сонет встречался в XIX веке:

Not from without us, only from within,
Comes or can ever come upon us light
Whereby the soul keeps ever truth in sight.
No truth, no strength, no comfort man may win,
No grace for guidance, no release from sin,
Save of his own soul's giving. Deep and bright

As fire enkindled in the core of night
Burns in the soul where once its fire has been
The light that leads and quickens thought, inspired
To doubt and trust and conquer. So he said
Who Sidney, flower of England, lordliest head
Of all we love, loved: but the fates required
A sacrifice to hate and hell, ere fame
Should set with his in heaven Giordano's name". (A;Swinburne).

В этом сонете Свинберна чисто милтоновский синтаксис. Из 14 строк только две заканчиваются точкой: четырнадцатая и, совершенно невпопад - третья. Синтактико-семантических границ нет не только между катренами и терцетами, но и между октавой и секстетом.

Предложения заканчиваются где-то в середине строк и обрываются в их конце из-за частых строчных перебросов: "Its fire has been ..... the light that leads" , или: "the fates required ..... a sacrifice to hate."

Сонет написан на одном дыхании, но этого дыхания явно не хватает. Поэтому интонация получается прерывистая, неровная.

Последний вариант итальянского сонета, на котором мы остановимся, строится, как и предыдущие, на одной паре рифм в катренах, но с перекрёстным расположением.

"Wan Sculptor weepest thou to take the cast
Of those dead lineaments that near thee lie?
Or sorrowest thou, pale Painter, for the past,
In painting some dead friend memory?
Weep on; beyond his object Love can last:
His object lives: more cause to weep have I:
My tears, no tears of love, are falling fast,
No tears of love, but tears that love can die.
I pledge her not in any cheerful cup,
Nor care to sit behind her where she sits, -
An pity - hint it not in human tones,
But breathe it into earth and close it up
With secret death for ever, in the pite
Which some green Christmas crams with weary bones."(A.Tennyson).

Как мы видим, помимо перекрёстной рифмовки, сонет этот отличается строго мужской каталектикой. Терцеты рифмуются так же, как и в первой модели.

В синтактико-семантическом плане этот сонет несколько более правилен, чем предыдущий. Его катрены синтаксически раздельнооформлены и отделены от секстета композиционно. Терцеты, хотя и не самостоятельны, но разделяются противительным словом "but". Судя по схеме рифмовки катренов, рассмотренная модель является одной из предшественниц английского сонета, к которому мы сейчас и перейдем.

2. Модель Сарри /шекспировский сонет/.

Как мы уже говорили, традиционный английский сонет, первые созданный Сарри, состоит из трёх катренов с перекрёстной рифмовкой и двумя отдельными парами рифм для каждого катрена и из заключительного парнорифмованного двустишия.

Эта форма имела только один вариант - спенсеровский сонет, который по нашим данным в ХУШ и Х1Х веках не встречался, за исключением комбинированных моделей.

У английских стиховедов существует мнение, что итальянская форма более удобна для отдельных, самостоятельных сонетов, а английская форма - для циклов. Тем не менее, все собранные нами примеры этой модели взяты не из циклов, а представляют собой самостоятельные произведения.

"Thou gentle look, that didst my soul beguile,
Why hast thou left me? Still in some fond dream
Revisit my sad heart, auspicious smile!
As falls on closing flowers the lunar beam:
What time, in sickly mood, at parting day
I lay me down and think of happier years;
Of joys, that glimmered in hope's twilight ray,
Then left me darkling in a vale of tears.
O pleasant days of hope - for ever gone!
Could I recall you! - But that thought is vain.
Availeth not persuasion's sweetest tone
To lure the fleet-winged travellers back again:
Yet fair, though faint, their images shall gleam
Like the bright rainbow on a williwy stream." (S.Coleridge).

Как ни странно, но и в этой модели сонета границы между катренами и терцетами определяются лишь схемой рифмовки. Синтаксически друг от друга отделены только октава и секстет. Это отличительная особенность английских сонетов ХУШ и Х1Х веков. Вне зависимости от модели, по которой они были написаны, в них признавалось только такое деление.

Что касается шекспировской модели сонета, то она была очень распространена в ХУ1 - ХУП веках, а в ХУШ и Х1Х веках был гораздо более употребителен английский вариант итальянского сонета, а также - различные смешанные формы.

3. Смешанные модели.

Смешанные модели сонета представляли собой комбинации различных вариантов и схем. В них можно встретить октаву, написанную по Петрарке или Спенсеру, а секстет - по Сарри, при самом хаотическом милтоновском синтаксисе. Рассмотрим несколько вариантов такого сонета.

Схема рифмовки первого варианта полностью соответствует основной петраркинской модели, но в её октаве, по образцу шекспировского сонета, своя пара рифм для каждого катрена.

"As when with downcast eyes we muse and brood,
And ebb into a former life, or seem

To lapse far back in some confused dream
To states of mystical similitude;
If one but speaks of hems or stirs his chair,
Ever the wonder waxeth more and more,
So that we say, "All this hath been before,
All this hath been, I know not when or where!
So, friend, when first I looked upon your face,
Our thought gave answer each to each, so true -
Opposed mirrors each reflecting each -
That tho' I knew not in what time or place,
Methought that I had often met with you,
And either lived in either's heart and speach." (A.Tennyson).

Здесь опять традиционное деление на октаву и секстет, но при этом октава синтаксически чётко подразделяется на катрены, хотя и в пределах одного предложения /знак "точка с запятой"/после четвёртой строки указывает на значительную, хотя и не полную самостоятельность первого катрена.

Во втором варианте октава рифмуется по схеме спенсеровского сонета, а секстет - по итальянской схеме:

"Though roused by that dark vizir Riot rude
Have driven our Priestley o'er the ocean swell;
Though Superstition and her wolfish brood
Bay his mild radiance, impotent and fell;
Calm in his halls of brightness he shall dwell
For lo!. Religion at his strong behest
Starts with mild anger from the Papal spell,
And flings to earth her tinsel-glittering vest,
Her mitred state and cumbrous pomp unholy;
And Justice wakes to bid the oppressor wail
[illegible] at the wrongs of patient [illegible]
And from her dark retreat by Wisdom won
Meek Nature slowly lifts her matron veil
To smile with fondness on her gazing son." (S.Coleridge).

Синтаксически этот сонет написан в виде одного предложения, то есть, синтактико-семантических границ между октавой и секстетом нет, хотя первый катрен и выделяется точкой с запятой.

Отсутствие строфических границ в этом сонете может ослабить всю эффективность сильнейшей спенсеровской схемы рифмовки в катренах, из которой четыре рифмы первого катрена переходят на нечетные позиции второго катрена. Рифмовка терцетов аналогична схеме рифмовки вилланели.

4. Самостоятельные варианты.

Есть немногочисленные варианты сонета, не укладывающиеся ни в одной из перечисленных схем. Каждый велик. Мы не в состоянии описать их все и потому остановимся только на двух.

Схема рифмовки первой модели этого типа строится на двух секстетах и одном парнорифмованном двустишии:

"[illegible], [illegible] with just disdain,
Bears thee by cruel men and impious call'd
Fanatic, for thy zeal to loose the inthrall'd

From exile, public sale, and slavery's chain.
Friend of the poor, the wrong'd, the fetter-gall'd,
Fear not lest labor such as thine be vain.
Thous hast achieved a part; hast gain'd the aer
[illegible]
[illegible]
And weave delay, the better hour is near
That shall remunerate thy toils severe
By peace for Afric, fenced with British laws.
[illegible]
From all the just on earth, and all the blest above."(W.Cowper).

Этот необычный сонет написан в конце XVIII века В.Каупером. Его синтаксико-семантическое членение совпадает со схемой рифмовки. Композиция сонета [illegible] двустишие дает сразу вывод. Это то, что называют эпиграмматическими [illegible]ями.

Последний вариант сонета, заслуживающий упоминания, - это рифмованный сонет, первые образцы которого появились в английской поэзии в начале [illegible] века. Среди них можно назвать, например, сонеты [illegible] Browning" и Джона Китса "What the Thrush said". Остановимся на сонете Лендора:

"There is delight in singing, though none hear
Beside the singer; and there is delight
In praising, though the praiser sit alone
And see the prais'd far off him, far above.
Sheakspeare is not our poet, but the world's,
Therefore on him no speech! and brief for thee,
Browning! Since Chaucer was alive and hale,
No man hath walked along our roads with step
So active, so enquiring eye, or tongue
So varied in discourse. But Warmer climes
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]

Четырнадцать строк-пятистопного ямба с одними мужскими окончаниями. Ни одной рифмы. И всё-таки это сонет. При таком построении трудно говорить о каком-то внутреннем делении на строфы. [illegible] но первое четверостишие, в котором автор говорит о том, как приятно воспевать друга, даже тогда, когда его нет рядом. Вся последующая часть сонета обращена к Роберту Браунингу и посвящена восхвалению [illegible]

Синтаксическая структура этого сонета довольно сложна. Об этом говорит уже тот факт, что из десяти строк второй части сонета приходится семь строчных переброс.

Нерифмованная форма сонета - очень редкое явление не только в Англии,

но и во всей европейской поэзии. Очевидно, известные нам образцы были написаны в порядке эксперимента.

Описанные нами модели сонета – это лишь основные, наиболее часто встречающиеся формы. Те десять моделей, которые мы включили в это краткое описание – всего лишь одна пятая часть собранного нами материала. В то же время не оставляет сомнений, что каждая из этих моделей заслуживает более детального и пристального изучения.

Е.В.БОРОНИН

О СТРОФИЧНОСТИ ГЕРОИЧЕСКОГО КУПЛЕТА В АНГЛИЙСКОЙ ПОЭЗИИ XVIII И XIX ВЕКОВ

Строфика - один из способов формальной организации поэтического текста. Членение стиха на равномерные, регулярно повторяющиеся единицы макроконтекста имеет с одной стороны большое просодическое значение. Многократное повторение одинаковых метрических и рифменных [illegible] усиливает звучание стиха, создает дополнительный ритмический эффект. С другой стороны, просодическое единство и замкнутость строф [illegible] четко очерчивают границы логико-синтаксических периодов, составляющих эти строфы. Несовпадение просодических и синтактико-семантических границ строфы вызвало бы резкое противодействие этих двух строфообразующих линий и привело бы к нарушению нормального восприятия стиха. Поэтому мы совершенно убеждены в том, что деление стиха на строфы оправдано лишь в случае полного совпадения их просодических и логико-синтаксических границ, то есть в случае синтактико-семантической законченности строф.

Подобно абзацу в прозе, строфа содержит самостоятельную авторскую мысль, законченное авторское высказывание, которое оформляется в виде некоего сверхфразового единства или сложного синтаксического целого. В соответствии с этим мы рассматриваем синтактико-семантическую замкнутость строфы как обязательный признак строфичности.

Простейший и наиболее рудиментарный тип строфы - двустишие. Это два стиха, связанные парной рифмовкой /аа/. Линейный объем этой строфы - минимален, и схема рифмовки не допускает никаких вариаций. Поэтому единственным переменным параметром этой модели остается ее метрическая схема. Причём, из-за предельной ограниченности линейного объёма, метрическая протяжённость стиха становится и основным показателем синтактико-семантической ёмкости строфы. То есть, для того, чтобы быть строфой, двустишие должно выражать законченное авторское высказывание. А две строки, ограниченные малой метрической протяженностью, чаще всего не вмещают в себя законченной авторской мысли. Поэтому строфическое двустишие в поэзии вообще и, в том числе, в английской поэзии - явление довольно редкое.

Вот строки, которые считает самым коротким двустишием в английской поэзии: *

"Lines on the Antiquity of the Microbe".

"Adam
Had 'em." (Strickland Gillilan).

На первый взгляд это двустишие обладает всеми необходимыми признаками строфичности. Оно выражает самостоятельную авторскую мысль, обладает синтаксической и интонационной законченностью. А теперь попробуем оторвать двустишие от заголовка. "Они были у Адама". Сразу возникают недоуменные вопросы: Что было? Почему именно у Адама? Мы убеждаемся в том, что предложение, составляющее это двустишие, само по себе не имеет никакого значения. Оно содержит констатацию факта, а сам этот факт в нём не выражен. Более того, сама констатация факта /"микробы были ещё у Адама"/ - только предпосылка для вывода /"следовательно, они не менее древни, чем человек"/, который в двустишии тоже не выражен. Для того, чтобы сделать такой вывод, нужен контекст, из которого это предложение вырвано. Для данного двустишия таким контекстом служит его пространный заголовок.

Приведённое двустишие - только курьёз, шутка, но оно показывает, насколько трудно вместить законченное авторское высказывание в рамки двустишия, составленного из метрически коротких строк. В нашем примере для этого понадобился заголовок, втрое больший по объему, чем само двустишие.

Английский стих отличается особой лаконичностью. Это общепризнано, и именно это создает одну из основных трудностей при переводе английской поэзии на русский язык. Но и эта лаконичность имеет предел. По крайней мере, в английской поэзии ХVII-ХIХ веков мы не встречали строфических двустиший с метрической протяжённостью короче четырёхстопного ямба.

Вообще в английской поэзии двустишие - одна из самых распространённых строфических форм, особенно у поэтов-классицистов ХVII-ХVIII веков. Из форм двустишия наиболее развиты были две модели - короткий куплет и героический куплет. Нас в данном случае интересует вторая из этих моделей, и прежде всего - формы её функционирования, то есть то, как она себя ведёт в коротких стихотворениях и больших поэмах.

Как уже упоминалось, вследствие ограниченного линейного объёма, синтактико-семантическая законченность и, следовательно, строфичность двустишия зависит преимущественно от метрической протяжённости его строк. В английской поэзии заметно стремление к умеренной длине строки, для ямба - от трех до пяти стоп. Поэтому героический куплет, стоящий на верхней границе этой нормы, является оптимальной формой двустишия. Он состоит из двух парнорифмованных строк пятистопного ямба.

Введённый Чосером в ХIV веке, героический куплет до сих пор остаётся одной из самых популярных форм английского стиха. Это общепризнанная модель английских стихотворных эпиграмм, эпитафий, афоризмов. Именно в виде героического куплета пишутся заключительные, эпиграмматические строки английского сонета и римской октавы. Но всё это - лишь один из

аспектов функционирования героического куплета.

Сами понятия эпиграммы и афоризма предполагают законченное высказывание, лаконичное и сжатое по форме, выразительное по содержанию:

"Prudent simplicity"

"That thou mayst injure no man, dovelike be,
And serpentlike, that none may injure thee!" (W.Cowper).

Такие куплеты образуют отдельные, даже как правило, одиночные строфы, которые выражают законченную самостоятельную авторскую мысль. Нечего и говорить о том, что такие куплеты всегда строфичны.

А теперь посмотрим, как строятся куплеты в больших последовательностях:

"A lavour'd long exordium, sometimes tends
(Like patriot speeches) but to paltry ends;
And nonsense in a lofty note goes down,
As pertness passes with a legal gown:
Thus many a bard describes in pompous strain
The clear brook babbling through the goodly plain:
The groves of Granta, and her gothic halls,
King's Coll., Cam's stream, stained windows and old walls:
Or, in advent'rous numbers, nearly aims
To paint a rainbow, or - the river Thames." (G.Byron).

В этом отрывке из "Hints from Horace" Байрона пять куплетов составляют одно предложение. Их связывают союзы "and, thus, or", их разделяют знаки пунктуации; точка с запятой, двоеточие, указывающие на их синтактико-семантическую связанность, в них наблюдается полное единообразие временных форм предикации. Словом, о синтактико-семантической и строфической самостоятельности куплетов здесь говорить трудно.

Строфическая модель в обоих рассмотренных случаях была одна и та же - модель героического куплета, но синтактико-семантическое строение строф и межстрофические связи в этих двух случаях сильно отличаются друг от друга

Эти различия объясняются довольно просто. Несмотря на сравнительно большую метрическую протяжённость героического куплета, его линейный объём минимален и синтактико-семантическая ёмкость всё же очень мала. Поэтому для того, чтобы выразить в столь тесной форме законченную мысль, необходимо упрощённое логическое построение и особая синтаксическая структура высказывания.

Всё это возможно в кратком афоризме или эпиграмме, но говорить постоянно эпиграммами или афоризмами невозможно. В больших стихотворных произведениях с широкой темой и сложными рассуждениями синтактико-семантические рамки двустишия становятся прокрустовым ложем для авторских мыслей. Мысли начинают выходить за пределы строфической формы и объединять в пределах одного высказывания различное, иногда довольно большое число двустиший.

И обе эти формы,совершенно различные функционально, называют одним и тем же термином - героический куплет.

Повидимому, их необходимо разграничить. Поскольку обе строфы формально строятся по одной и той же модели, и отличаются только функционально,

их и должно рассматривать как два варианта одной строфической модели и терминологически именовать, например, первый - эпиграмматическим куплетом, второй - героическим.

Здесь мы рассматриваем только второй из двух вариантов - героический куплет, функционирующий как строфическая единица в больших стихотворных произведениях.

Своё название героический куплет получил в значительной мере от того, что поэты - классицисты ХУП - ХУШ веков переводили героические поэмы Гомера и Вергилия именно в форме таких десятисложных куплетов. С тех пор героический куплет в английском стихосложении оказался связанным с возвышенной эпической тематикой.

Хотя десятисложный куплет существовал в английской поэзии со времен Чосера, создателем его классической структуры был, повидимому, поэт середины ХУП века Эдмунд Уэллер. Взяв за основу французские александрийские двустишия, к тому времени уже тщательно отработанные, он реорганизовал внутреннюю структуру английского куплета, придав синтактико-семантическое равновесие строкам и законченность всей форме:

"Thyrsis, a youth of the inspired train,
Fair Sacharissa loved, but loved in vain.
Like Phoebus sung the no less amorous boy;
Like Daphne she, as lovely, and so coy!
With numbers he the flying nymph pursues,
With numbers such as Phoebus' self might use!" (Edmund Waller).

Симметричность этих строк удивительна /учитывая, что мы не выбирали их специально, а взяли первые строки от начала стихотворения/. Стихи в каждом куплете совпадают по длине, ритмический ряд в каждом стихе совпадает с синтаксическим единством. Мы не обнаружили во всём стихотворении ни одного случая строчного переброса даже внутри куплетов. Первые полустишия в обоих стихах второго и третьего куплетов совершенно идентичны. Такой анафорический параллелизм ещё более объединяет эти строфы.

Именно с Уэллера начинается более чем вековое господство героического куплета в английском стихе. Признавая это, Александр Поп назвал форму, существовавшую до Уэллера, "that former savagery". Куплеты Уэллера можно без колебаний считать строфичными.

Второй период развития английского героического куплета связан с именами Драйдена и Попа, представителей первого и второго поколений поэтов - классицистов, у которых все произведения, за редчайшим исключением, были написаны героическими куплетами.

Переводя на английский язык древнегреческих и римских классиков, они заменяли античные гекзаметры героическими куплетами. Это оказало большое влияние на строение куплетов.

Классические поэты древности выработали характерные типовые синтаксические конструкции для некоторых строфических и метрических схем. Английские классицисты следовали их нормам, тем более, что языковые пропорции элегических двустиший Овидия, Вергилия и Горация в достаточной мере соответствовали пропорциям английского десятисложного куплета.

В результате появилась так называемая "золотая строка" Драйдена. Примерной нормой этой строки были: один глагол и одно прилагательное на два существительных. Приблизительно таких же пропорций, хотя и с некоторыми отклонениями, придерживался последователь Драйдена, Поп:

"'Tis hard to say, if greater want of skill
Appear in writing or in judging ill;
But, of the two, less dangerous is the offence
To tire our patience, than mislead our sense." (A.Pope).

У классицистов было обязательное требование, чтобы в конце каждого куплета была логическая пауза, то есть, чтобы окончание куплета совпадало с окончанием какого-то синтактико-семантического единства, и чтобы после него обязательно стоял знак пунктуации. Англичане называют такую форму "stopped couplet". Но какую степень синтаксической законченности имел этот "stop", значения не имело.

Как уже говорилось выше, в нашем понимании синтактико-семантическая законченность и самостоятельность - обязательный признак строфы, без которого членение стиха на строфы теряло бы свой смысл. Немецкий стиховед Майер писал: "Если бы в стихотворении большинство строф имело "enjambment", вряд ли можно было бы говорить о строфической форме"[1].

Мы задались целью сопоставить героические куплеты XVIII и XIX веков с точки зрения их синтактико-семантической законченности и вытекающей отсюда строфичности. Для этого нам необходимо было уточнить ещё два понятия.

У англичан признаком замкнутости куплета считается любой знак пунктуации в конце его, а незаконченным куплет признают в том случае, если в конце его имеет место строчный переброс в следующий куплет.

Для нас в применении к синтактико-семантической завершённости строфы строчный и строфический переброс практически равнозначны, поскольку оба они оставляют строфу "открытой".

Исходя из этого, мы провели подсчёт синтактико-семантической законченности героического куплета в XVIII и XIX веках на 1000 куплетов, то есть, на 2000 стихов - по 500 куплетов на каждый век.

Подсчёты велись по следующим принципам: 1/ точка - признак полной законченности куплета /равно как и восклицательный и вопросительный знаки/; 2/ точка с запятой и двоеточие, приблизительно равные по значению,- признаки неполной законченности; 3/ запятая или отсутствие знака - признаки незаконченности куплета.

Для подсчётов по XVIII веку мы взяли 250 куплетов из "The rape of the lock" А.Попа и 250 куплетов из "Tirocinium" В.Каупера. Результаты следующие:

---

1. Meyer R.M., Grundlagen des mittelhochdeutschen Strophenbaus",

Автор	Колич. строф	Колич. строк	Точка	Точка с запятой	Запятая
А.Поп	250	250	126	99	25
В.Каупер	250	500	89	45	116

Результаты довольно показательные. У Попа, "правоверного" классициста, нормы выдержаны строго. У него наблюдается, хотя и единичный, но всё же перевес в сторону полной законченности куплетов, а запятых, означающих безусловный строфический переброс, только 25.

У Каупера, поэта переходного периода от классицизма к романтизму, уже наблюдается весьма заметное отклонение от нормы: точка, то есть полная законченность куплетов – чуть больше одной трети, а запятых почти половина.

Всё же по этим признакам героический куплет ХУШ века можно, хотя и с некоторой натяжкой, признать строфическим.

В Х1Х веке картина совершенно иная. Мы взяли для подсчётов по этому веку 250 куплетов из "Endymion" Китса и 250 куплетов из "Julian and Maddalo" Шелли. Критерии подсчёта несколько меняются. У ранних английских романтиков начала Х1Х-века проявился резкий протест против стилистических норм классицистов и, в том числе, против норм синтаксических. Поэтому мы вынуждены были подсчитывать строчные перебросы на границах куплетов, которых у Попа и Каупера не было совсем. Результаты подсчёта таковы:

Автор	Колич. строф	Колич. строк	Точка	Точка с запятой	Запятая	Строчн. переброс
Китс	250	500	17	16	40	177
Шелли	250	500	33	28	76	113

Изменения по сравнению с ХУШ веком разительны. У Китса, бунтаря против классических канонов, преобладает строчный переброс – 177 из 250, а полностью закончены только 17 куплетов. Практически межстрофические границы у него не соблюдаются.

Шелли, так же как и Байрон, придерживался более умеренных взглядов. Возражая против стилистического педантизма классицистов, они при этом не отказывались от поэтического наследия этой школы. Поэтому у Шелли, поэма которого была написана годом позже, чем поэма Китса /1818 – 1819 г./, количественный перепад не так резок. Тем не менее, и у него число полностью законченных куплетов не превышает 13% при 113 строчных перебросах между куплетами.

На основании результатов подсчёта мы делаем вывод: героический куплет ХУШ века можно считать строфическим. Героический куплет Х1Х века вследствие разрушения его синтактико-семантических границ не строфичен.

Строго рассуждая, мы не должны были бы вообще считать героический куплет строфой. Оснований для этого много. Вот строки из пушкинской "Полтавы":

"Богат и знатен Кочубей.
Довольно у него друзей.
Свою омыть он может славу.
Он может возмутить Полтаву
Внезапно средь его дворца
Он может мщением отца
Постигнуть гордого злодея". /А.С.Пушкин/.

Сравним этот отрывок с любым из приводившихся ранее отрывков из стихотворений, написанных героическим куплетом. Это сравнение тем более основательно, что русский четырёхстопный ямб, как показали исследования, функционально эквивалентен английскому пятистопному ямбу[2].

В отрывке из "Полтавы" те же эквиметричные строки, что и в героическом куплете, в нём та же самая парная рифмовка. Парнорифмованные периоды обладают не меньшей степенью синтактико-семантической законченности, чем английские куплеты. Так же, как и в героических куплетах, в "Полтаве" нет полиграфического членения на строфы. Почему же в таком случае один из них строфический стих, а другое - астрофический? Очевидно, что считать героический куплет строфой можно только из любезности.

Мы признаем английский героический куплет XVIII века строфой из уважения к английской поэтической традиции, которая выделила его как самостоятельную форму. Признаём условно, поскольку формальным требованиям строфичности он не удовлетворяет.

---

2. Гаспаров М.Л. Рецензия на книгу R.Kemball, Alexander Blok: "A study in rhythm and metre", "Вопросы языкознания", 1966 г., № 6, стр. 137-139.

А.А.ПАЛИЙ

ВИЛЬЯМ СОМЕРСЕТ МОЭМ
(очерк жизни и творчества)

Вильям Сомерсет Моэм прожил очень долгую жизнь. Он родился 25 января 1874 года в Париже; отец его занимал должность юриста британского посольства. Эта профессия была наследственной и традиционной в семье Моэмов уже в течение столетия. Вильям очень рано потерял родителей. Его мать много лет болела туберкулезом. Она умерла в 38 лет, оставив шесть сыновей. Сомерсету Моэму было тогда восемь лет. Нежную и преданную любовь к ней Моэм сохранил на всю жизнь; до последнего своего дня он хранил на ночном столике фотографию матери. Через два года, в 1884г., умер и отец; мальчика отправили к дяде Генри Моэму,приходскому священнику из Уитстебля в графстве Кент.

У Моэма было очень несчастливое детство. Никем не любимый,очень нервный ребенок, незащищенный,легко ранимый, он жил в окружении людей ограниченных и черствых; среди глупых юнцов, его товарищей по школе, зло и жестоко высмеивавших его маленький рост, заикание,неприспособленность. Его изводили и тиранили мелочными придирками учителя. Среди них нашелся только один по-настоящему благородный человек (остальные коллеги, разумеется,презирали его за прекраснодушие и идеализм).Перед одиноким мальчиком он открыл мир книг, огромный мир подлинной красоты, доброты и правды.

Характер дяди, большого эгоиста, человека довольно скупого,недалекого и крайне догматичного, никак не мог способствовать развитию у мальчика уважения к религии. Бог обманул его и в самой большой надежде: однажды вечером,когда Вилли был еще подростком,он молился особенно долго, страстно прося бога исцелить его от заикания; он был уверен, что на следующее утро начнется новая жизнь, прекратятся издевки, насмешки над ним. Но каким же горьким было его разочарование, когда он проснулся утром таким же заикой. Так подтачивалась в мальчике вера во всемогущество и милосердие бога.

Даже много десятилетий спустя, будучи уже всемирно известным писателем, Моэм не мог без рыданий вспоминать все переживания и унижения своего детства.Заикание, от которого Моэм страдал всю жизнь,оказало огромное влияние на его характер, сделало его очень сдержанным, молчаливым, внешне непроницаемым, человеком, всегда носившим маску.

В 16 лет, когда он окончил среднюю школу в Кентербери, перед Моэмом

встала проблема выбора профессии. Его заветной мечтой всегда было стать писателем, но дядя, конечно, не хотел слышать об этом; его племянник мог выбрать только одну из немногих профессий, достойных настоящего джентльмена, например, карьеру священника. Однако за внешним послушанием, некоторой мягкостью в молодом человеке скрывалась уже тогда большая сила воли, способность к сопротивлению, стремление идти своей дорогой. В 17 лет он уезжает в Гейдельберг, где в течение нескольких лет посещает университет и, главное, с большим интересом изучает окружавшую его среду. Особый интерес вызывают у него лекции по философии Куно Фишера. Из всех философских школ его больше всего привлекает агностицизм.

Учеба в Гейдельберге, поездки по Германии - все это кончилось осенью 1892 года, когда Моэм поступил в медицинскую школу при больнице святого Томаса в Лондоне. Нельзя сказать, чтобы Моэм изучал медицину очень усердно. Гораздо больше внимания он уделял европейской литературе, истории и философии.

Заканчивая учебу в медицинской школе, он прошел практику в трущобах Лэмбета; практика дала ему материал для первого романа "Лиза из Лэмбета" (октябрь 1897г.). Как Моэм сам подчеркивал, он старался передать в этом романе как можно более простыми средствами все, что он видел и слышал, ничего не добавляя и не придумывая.

Этот роман - история трагической любви молодой девушки-работницы. Лиза по кругу своих интересов и представлений ничем особенным не выделялась в своей среде; она имела несчастье полюбить человека уже женатого, имевшего детей. Лиза не могла перенести того взрыва злобы, ненависти, глумления, с которым обрушились на нее соседи; девушка умерла.

На молодого автора романа несомненно повлиял натурализм; сказалось в книге, пожалуй, и стремление проявить свое знание анатомических и физиологических подробностей, которое иногда любят демонстрировать молодые медики.

Длительное знакомство с обитателями трущоб дало Моэму и хорошее знание "кокни", на котором написаны, собственно, все диалоги романа. В этом во многом еще несовершенном произведении можно однако увидеть некоторые художественные особенности и некоторые темы, которые станут потом ведущими в творчестве писателя: живость языка, стремление к занимательности; неприятие всяких форм морального угнетения, предрассудков, ограничений.

В интервью, которое Моэм дал журналистам в день своего девяностолетия, он сказал: " Я писал мой первый роман "Лиза из Лэмбета" по ночам, когда я учился в медицинской школе. Это было в 1897 году. Этот роман был основан на реальной жизни, которую я наблюдал будучи студентом-медиком. Я от всей души рекомендую профессию врача как подготовительную почву для писателя. Когда люди находятся в больнице, они смущены и испуганы. Вы видите людей без масок. Вы видите, жизнь, которая кровоточит и дурно пахнет".

Еще студентом Моэм начал вести первую из своих многочисленных запис-

ных книже . Его записные книжки никс да не были дневниками; записи в них чаще служили исходным материалом, как бы сырьем для его произведений. Сюда же заносились его философские размышления, раздумья над жизнью и т.д. Собственный жизненный опыт научил его ненавидеть страдания и боль, безрадостный, тупой труд по принуждению, разнообразные проявления лицемерия.

Вот некоторые из его записей, относящихся к 1894-1896 годам: "Чем умнее человек, тем более он способен страдать"[1], "Я никогда не бываю более счастлив, чем в минуту, когда новая мысль приходит в голову, и новый горизонт постепенно открывается моим глазам. Меня осеняет свежая идея, и я чувствую, как от повседневности я возношусь в голубые эмпореи духа. Оторвавшись на минуту от всех земных забот, я, кажется, витаю в воздухе"[2]. "Я не собираюсь отзываться неодобрительно о кровавых войнах, которые ведут цивилизованные народы против нецивилизованных, отмечу только, что их единственное оправдание то, что сила всегда права. Говорить, что побежденный варварский народ обретает счастье, когда победители силой навязывают ему свою цивилизацию, - лицемерие..."[3].

В 1897 году Моэм закончил медицинскую школу и сразу же оставил медицину. Он поселился в Севилье, которую назвал божественным городом. Здесь был написан роман "Артистический темперамент Стефана Кери", но так как ни один издатель не давал Моэму за него столько денег, сколько он просил, роман не был опубликован, и к счастью, так как на этом же материале Моэм создал впоследствии свое лучшее произведение "Бремя страстей человеческих".

В 1902 году был опубликован еще один роман - "Миссис Краддок", названный так по имени главной героини. Берта с детства была мечтательницей. Встретив Краддока, она полюбила в нем свою мечту, созданный ее собственным воображением идеал, которому реальный Эдвард очень мало соответствовал. Берта любила необыкновенно страстно и такой же страстности, такой же силы любви требовала от Эдварда. Но он просто не был способен на такое чувство. Это был человек весьма ограниченный и ординарный, вполне довольный всем и собой в первую очередь. Он абсолютно не был в состоянии понять глубину любви Берты, артистизм ее натуры, тонкость ее вкуса. Эдвард гордился тем, что он великолепно умеет обращаться с женщинами, и утверждал, что последние вполне заслуживают того же ухода, что и цыплята в курятнике: "Их нужно кормить и не мешать им кудахтать". Берту поражало, что человек столь невежественный и вульгарный может пользоваться столь большим уважением: по всей округе он считался образцом помещика, консерватора, мужчины, патриота и англичанина. А Берта, пережив унижения безответной и непонятой любви, крушение своих самых светлых надежд, начала испытывать к Эдварду чувство близкое к отвращению и нена-

---

1. Maugham W. S. A Writer's Notebook. London, 1949, p.15.
2. Maugham W. S. A Writer's Notebook. London, 1949, p. 17.
3. Там же, стр.23.
4. Maugham W.S. Mrs. Craddock. New York, 1928, p. 357.

висти,а потом и полное безразличие. Теперь она хорошо представляла, что значит просыпаться утром в подавленном настроении, зная, что надо пережить еще один день; она поняла, какое облегчение может принести вечер: ведь за ним будут несколько ночных часов забвения. Она молила бога дать ей возможность заснуть и не проснуться.Так проходили месяцы и годы. Эдвард Краддок погиб в результате нелепой случайности,во время охоты. Обдумав всю свою жизнь, поплакав, сколько могла, Берта занялась чтением какого-то романа. Смерть мужа принесла ей успокоение. Впервые за много лет она почувствовала себя свободной, свободной от мучительной любви к человеку, недостойному такой любви.

Моэм проявил себя в этом романе не только хорошим психологом, он сумел написать о внутренней жизни человека,о жизни его души столь увлекательно, что роман читается с большим интересом и напряжением.

В "Миссис Краддок" есть еще один персонаж, заслуживающий внимания, - тетка Берты мисс Ли. Одинокая (с удовольствием и легкостью, однако, переносящая свое одиночество), средних лет женщина, она хорошо разбирается в людях, в побудительных мотивах их поведения.Мисс Ли не любит никого осуждать,она относится к окружающим с большой долей иронии и скептицизма, ибо "не верит ни во что, кроме людской глупости" [5]. Мисс Ли перешла и в следующий роман писателя "Карусель", вышедший в сентябре 1904г. Здесь она становится объединяющим центром романа, она знает истории жизни и сердечные тайны всех героев, она - и наблюдатель, и советчик.

После выпуска "Миссис Краддок" Моэм продолжает путешествовать по Испании и Италии, а вскоре переезжает в Париж.

Жизнь парижской богемы, какой Моэм увидел ее в 1903 - 1905 годах, он описал потом во многих главах "Времени страстей человеческих". Пока же он оставался мало известным писателем, к тому же совершенно материально не обеспеченным.

Молодой писатель мечтает о популярности, да и своих материальных побуждений он тоже не скрывает. Это ему принадлежит утверждение, что деньги подобны шестому чувству, без которого не могут развиваться остальные пять.

Моэм начинает заниматься драматургией. Если Б. Шоу вел в конце XIX - начале XX века страстную борьбу за возрождение театра, за новую интеллектуальную драму, то задачи и цели, которые ставит перед собой Моэм, были гораздо более скромными. Создавая свои первые комедии,он хотел доставить публике удовольствие и заставить зрителей посмеяться.Первые его пьесы "Леди Фредерик" (1903 г.), "Миссис Дот" (1904 г.), "Джек Стро" (1905г.), "Пенелопа" (1908г.) - веселые комедии, полные остроумных диалогов, афоризмов, шуток. Они не содержат почти никаких элементов критики господствующей морали или каких-либо других аспектов общественной жизни.Герои комедий-представители буржуазной интеллигенции,высших классов;все их действия подчинены лишь стремлению устроить свои личные дела.

---

5. Maugham W.S. Mrs. Craddock. New York, 1928, p. 46-47.

Так, главная героиня комедии "Миссис Дот" занята устройством своих матримониальных дел. Она очень любит Джеральда Хэлстона, который, к несчастью, уже помолвлен с Нелли, дочерью леди Сэлленджер. Пока Джеральд был бедным молодым человеком, леди Сэлленджер не особенно торопила брак своей дочери; но вот Джеральд неожиданно становится наследником богатого состояния и титула, и мать Нелли ни за что не хочет выпустить их из рук. У миссис Дот свои планы, и она уверена, что "если женщина хочет чего-либо, она обычно добивается этого"[6]. Джеральд становится ее женихом, не подозревая, что все это было тщательно разработано и подготовлено миссис Дот.

В пьесе "Смит", написанной в 1909 году, Моэм впервые попытался осудить праздную и никчемную жизнь паразитических слоев эдвардианской Англии. Главного героя пьесы автор назвал Фрименом не случайно (Free man-свободный человек); оказавшись банкротом, он уехал в Африку, чтобы там начать иную жизнь. Он узнал тяжелый труд, и одиночество, и гордость от сознания, что он всего может добиться собственными силами. Теперь он мечтает иметь собственную семью. "Мне не нужно ничего, кроме крыши над головой,и хорошей еды, и жены,и детей. Если ты готов работать ради этого, то иметь это не трудно. И мне не нужно ничего больше, кроме закатов, и рассветов, и звезд в небе, чтобы любоваться их красотой. И мне бы хотелось, чтобы мои родные любили меня. И за все это я согласен терпеть и мерзкую погоду, и тяжелые времена, и болезни, и разлуки, и смерть... И все это я назову благом"[7]. Нельзя сказать, чтобы его представления о любви были слишком романтичными:"Если вы поселите вместе сильного, здорового мужчину и сильную здоровую женщину, любовь придет. Я обещаю полюбить всякую женщину, если она не будет полной уродиной и если у нее будет хороший характер и хороший аппетит"[8]. Когда Фримен приехал в Лондон, он поселился у своей сестры. Постепенно все увиденное в ее доме стало приводить его в ужас: чудовищный эгоизм Розы, полное безразличие ее друзей к чему бы то ни было, кроме игры в бридж и сплетен. Из всех людей, встреченных им в доме сестры, только служанка Смит оказалась той женщиной, простой, доброй и честной, о которой он мечтал. Она-то и соглашается стать женой Тома Фримэна.

Число критических замечаний по адресу того общества, которое описывает Моэм, растет от пьесы к пьесе, хотя ирония автора и не переходит в обличительный сарказм.

Следующей по времени написания была пьеса "Превзошедшие нас" (Our Betters"). Комедия была написана в 1915 году, но как и "Земля обетованная" впервые была опубликована в 1928 году. Главная героиня комедии леди Грейстон или просто Перл - действительно в своем роде перл. Она умуд-

---

6. Maugham W.S. Plays, V.2. London, 1934-1938, p. 24
7. Там же, стр. 173.
8. Там же, стр. 178.

ряется выпутаться из самых щекотливых положений. Мужа своего Перл глубоко презирает и не ставит ни во что. Постоянно играя на претенциозности своего любовника Артура Фенвика, она живет за его счет, что не мешает ей забавляться и другими любовными приключениями, например, с Тони Пакстоном. Этот молодой бездельник живет нахлебником у богатых пожилых дам. О его умственных способностях можно судить хотя бы по такому разговору между Перл и очередной покровительницей Тони герцогиней де Сюррен:

Перл: Почему он не займется какой-нибудь работой?

Герцогиня: Я пыталась найти что-нибудь для него, но это так трудно. Ты имеешь столько влияния, Перл. Но можешь ли ты сделать что-нибудь? Я была бы так благодарна.

Перл: Что он умеет делать?

Герцогиня: Все, что угодно. И как ты знаешь, он хорош собой.

Перл: Знает ли он французский или немецкий?

Герцогиня: Нет, у него нет дара к языкам.

Перл: Может ли он печатать и стенографировать?

Герцогиня: О, нет. Бедняжка, от него едва ли можно ожидать этого.

Перл: Умеет ли он вести счета?

Герцогиня: Нет, он не силен в цифрах.

Перл (задумчиво): Ну что, я вижу, что единственное, для чего он подойдет, это - правительственное учреждение"[9].

Живые, легкие, остроумные комедии сделали Моэма очень популярным драматургом; он продолжал писать и романы.

С 1911 по 1914 год он писал "Бремя страстей человеческих". Тяжело пережитое самим писателем в детстве чувство неполноценности, одиночества, мучительные раздумья юности, поиски смысла жизни, стремление найти возможности самовыражения, - весь этот комплекс причин вызвал появление романа. "Книга сделала для меня то, чего я ждал от нее... Она освободила меня от страданий и горестных воспоминаний, которые мучили меня",-писал Моэм в предисловии к роману. Тема обретения внутренней свободы, тема освобождения от давящего груза условностей и предрассудков раскрывается в "Бремени страстей человеческих" так ярко и впечатляюще, как ни в каком другом произведении Моэма.

В реалистической картине жизни, созданной автором, представлены самые разнообразные слои общества: семья приходского священника и провинциальная школа; лондонские клерки, студенты и продавцы; университетская молодежь и парижская богема; художники и писатели, занятые поисками смысла жизни и смысла творчества. Среди этих людей живет главный герой романа-Филип Кэри. Он учится у них, с ними сталкивается, спорит, через них пытается осмыслить свою жизнь. Среди людей, с которыми встречается Филип, много было таких, кто не знал, что такое счастье, которым было вообще безразлично, есть ли какой-то смысл в их существовании. Они жили просто потому, что родились на свет.

---

9. Maugham W.S. Selected Plays. Penguin Books, 1963, p. 367.

Жизнь самого Филипа едва не оказалась загубленной любовью к женщине совершенно ничтожной и не заслуживающей такой любви. В конце романа Филип - взрослый, возмужавший человек. Он знает, что счастье, уверенность в себе, смысл жизни он найдет в своей семье, в умении стоически переносить любые невзгоды, в работе врача, которая принесет пользу многим людям.

Стоицизм и в то же время живой интерес ко всем проявлениям жизни отличали и самого Моэма. Он хотел узнать как можно больше и насладиться всем, что может дать жизнь в области ли человеческих отношений или в искусстве, спорте, путешествиях, еде, роскоши и где бы там ни было еще. Он стремился принять в жизни активное участие.

X

X X

С начала Первой мировой войны Моэм находился во Франции в качестве офицера медицинской службы в санитарном отряде Красного Креста. Здесь он встретился с Джеральдом Хакстоном, сыгравшим очень большую роль в его жизни. В своей последней книге "Оглядываясь назад" Моэм писал, что Хакстон сразу же привлек его к себе своей огромной жизнеспособностью, энергией и авантюрным духом. После войны Джеральд с его общительностью и светскостью помогал Моэму при встречах с новыми людьми, содействуя, таким образом, писателю в отыскании исходного материала для его рассказов.

Джеральд был способным переводчиком. Он перевел несколько книг Моэма на французский язык, но при всем этом больше интересовался гонорарами патрона, чем его книгами. Хакстон был избалован вниманием; много пил и репутацию имел самую дурную. За непристойное поведение он был выслан из Англии и никогда больше не имел права на возвращение (это в частности, было одной из причин, почему Моэм с 1928 года почти все время жил на юге Франции на своей вилле Мореск). Влиянием же Хакстона в значительной степени была вызвана и семейная драма Моэма - развод с женой, известной в двадцатых годах художницей-декоратором.

В годы Первой мировой войны Моэм побывал в разных европейских странах. В 1915 году он был уже на службе в Интеллидженс сервис. Повседневную работу разведчика писатель нашел однообразной, скучной и просто нелепой. В 1916 году его посылают в Россию, с заданием, ни больше ни меньше, как предотвратить большевистскую революцию. Разумеется, подобная "миссия" была обречена на провал, и Моэм это очень скоро понял. Но оценить значение Октябрьской революции он не смог. По справедливому замечанию Г.В.Аникина, "Октябрьская революция не внесла коренных изменений в его взгляды буржуазного интеллигента"[10].

Следующие два года после возвращения из России из-за обострения туберкулеза Моэм провел в санатории в Шотландии. И все это время занятый

---

10. Г.В.Аникин. Трагическое в романах Моэма "Луна и грош" и "Раскрашенная вуаль". Ученые записки Пермского университета. Проблемы метода и стиля в прогрессивной литературе Запада. XXв. №145.1966г.,стр. 80.

самыми разнообразными делами, переезжая из страны в страну, находясь на излечении в санатории, он продолжал писать.

В 1919 году в Лондоне вышел новый роман писателя "Луна и грош", посвященный трагической судьбе Поля Гогена. Бенгт Даниельсон, написавший книгу о жизни Гогена в Полинезии, обнаружил, что Моэм несколько "вольно обращается с фактами из биографии Гогена"[11]. Но Моэм, видимо, и не ставил перед собой задачи с большой степенью точности описать все биографические подробности. Биография Гогена интересовала Моэма не столько сама по себе, сколько как история жизни, как судьба человека искусства. Повествование в романе ведется от лица рассказчика, случайно познакомившегося с семьей Чарльза Стрикленда. Стрикленд был в то время заурядным биржевым маклером. Жена относилась к нему несколько снисходительно; она вращалась в среде художественной интеллигенции, любила устраивать приемы. Внезапно вся эта идиллия кончилась: Чарльз Стрикленд бросил работу, семью - все ради того, чтобы получить возможность писать картины. Он не может не писать, как не может утопающий не пытаться выплыть. Потом начинается жизнь, похожая на путешествие по девяти кругам ада: страшная бедность, голод, болезни, полное одиночество и непризнание. Но все это не оказывает ни малейшего влияния на Стрикленда, он не может не писать. Тяжелые страдания художника, вызванные тупостью и неспособностью окружающих с интересом и терпимостью отнестись к необычному, новому, большой талант Стрикленда и его верность самому себе - все это вызывает у читателя огромную симпатию к нему. Но погруженный только в себя, живя одним стремлением - писать и выразить себя в своих полотнах, он бездушно отворачивается от всех, кто любит его, кто жертвует собой для него, кто хоть как-то стремится помочь ему. Автор романа создает образ очень сложного человека, в котором жестокость, чувственность, эгоизм сочетались с величайшим идеализмом. Стрикленд жил беднее, а работал больше, чем любой подмастерье. Он не шел ни на какие компромиссы с обществом, оставаясь равнодушным к славе и деньгам. Моэм был убежден, что судьба творческой личности неизменно трагична, потому что "в каждом веке найдется лишь несколько умов, способных принять новую идею без ужаса"[12].

С огромным скептицизмом относился Моэм к возможности улучшения, облагораживания человеческого характера, тем более к возможности создания человеческого общества на справедливых началах. Писатель предлагал своим героям искать утешения лишь в собственной душе или отправляться на поиски счастья, иной среды, лучшей жизни в южные моря, в далекие страны. Многие годы почти непрерывных путешествий [illegible] миру и для самого Моэма были в известной степени отдохновением и [illegible]авлением от необходимости подчиняться всем условностям и догмам английского буржуазного общест-

---

11. Бенгт Даниельсон. Гоген в Полинезии. Стокгольм, из-во "Форум". Перевод с издания 1964 г. "Искусство", стр. 8.
12. Maugham W.S: A Writer's Notebook. London, 1949, p.25.

ва. Увиденное и услышанное во время путешествий стало основой для многих новых произведений писателя. В двадцатые годы им написаны путевые очерки, роман "Раскрашенная вуаль" (1925 г.), ряд новых пьес, в их числе "Круг" (1920г.),"Жена Цезаря" (1922г.),"К востоку от Суэца"(1922г.), "Верная жена" (1927 г.), "Священное пламя" (1929 г.) и три первых сборника рассказов.

Роман "Раскрашенная вуаль" - еще одна книга о трагическом одиночестве творческой личности. Если в романе "Луна и грош" это был художник, то здесь один из центральных героев - ученый-бактериолог Вальтер Фейн. Сдержанный, скромный, молчаливый человек, он был постоянно занят своей работой и книгами. Местное общество колониальных чиновников относилось к ученому с изрядной долей пренебрежения.Для них Вальтер был всего лишь жалким интеллигентиком, не стоящим внимания. Своей жене Китти Вальтер казался человеком весьма заурядным.Тщеславная и деспотичная мать Китти привила ей свои пошлые вкусы и взгляды.

Жизнь с мужем в охваченном холерной эпидемией китайском городке, встречи и знакомства с людьми, столь не похожими на то общество,в котором она жила до сих пор, переродили Китти. Огромное уважение начал вызывать у нее Вальтер, делавший все возможное и невозможное, чтобы прекратить эпидемию, по двадцать раз в день рисковавший жизнью и погибший в конце концов в результате одного из опытов, которые он проделывал над собой. Живя в этом городке, Китти впервые задумалась над тем, сколь узким был мирок представлений и понятий,в которых ее воспитывали. Вот она познакомилась с уполномоченным правительства Ваддингтоном и его женой--монголкой,страстно преданной своему мужу: "...Китти до сей поры всегда слышала, что китайцы - вырождающийся, грязный, отвратительный народ.Теперь же перед ее глазами на одно мгновение приподнялся угол завесы, и она мельком увидела мир, полный чудных красок и таинственного значения, мир, о котором она и во сне не мечтала... До сих пор Китти уделяла Китаю, куда ее закинула судьба, только поверхностное и слегка презрительное внимание. В обществе, где она жила, так и полагалось. Теперь она вдруг почуяла что-то отдаленное, таинственное. Вот он каков Восток, старый, мрачный, неисповедимый. Верования и идеалы Запада казались ей грубыми в сравнении с теми, которые она смутно угадывала в этой изящной женщине..."[13]. Но самое неизгладимое впечатление и самое благотворное влияние на Китти оказало знакомство с сестрами-надзирательницами из воспитательного дома. Их милосердие - воплощение того, пусть абстрактного, но гуманистического идеала доброты, в котором Моэм видел оправдание жизни. В рассуждениях Ваддингтона о жизни сестер из воспитательного дома Китти находит те истины, которые становятся воплощением смысла жизни и для нее самой: "Вот что я думаю: если то, на что они надеются, - только иллюзия, все же жизнь прекрасна. Смотреть без отвращения на мир, в кото-

---

13. С. Могам. Китти. Изд-во "Мысль", 1927, стр. 82, 139.

ром мы живем, можно только тогда, когда видишь красоту, которую люди от времени до времени извлекают из этого хаоса. Картины, которые они рисуют, музыку, которую они сочиняют, книги, которые они пишут и жизнь, которую они проживают. Из всего, что я перечислил, самая высшая красота - это прекрасно прожитая жизнь.Это - самое совершенное произведение искусства"[14].

По сравнению с легкими развлекательными, веселыми довоенными комедиями, пьесы, написанные Моэмом в двадцатые годы, отличаются постановкой более глубоких социальных проблем. Хотя писатель не поднялся до отрицания общепринятых моральных, духовных ценностей буржуазного общества, многие из них он подверг сомнению.

Семейные отношения, право на развод, на самостоятельную, независимую жизнь для женщины - тема таких пьес, как "Круг" и "Верная жена". Около 30 лет назад молодая и очаровательная леди Китти (пьеса "Круг") бросила своего мужа Клива Чэмпион-Чини и пятилетнего сына Арнольда и бежала с лордом Портэсом в Италию. Лорд Портэс был в то время известнейшим политическим деятелем;его прочили в премьеры. Многообещающая карьера предстояла и мужу леди Китти. Она имела все, что только можно пожелать. Но все это она бросила и вместе с лордом Портэсом уехала в Италию. Какое-то время они наслаждались безграничной свободой и счастьем. Но очень скоро пришло отрезвление. Их не принимали в обществе, карьера лорда Портэса кончилась, жизнь их оказалась разбитой. Когда молодая жена Арнольда Элизабет приглашает в дом свою свекровь, к ней приезжает увядшая, располневшая, не в меру раскрашенная, болтливая,попросту не очень умная и очень немолодая женщина.Желчным и раздражительным стал и лорд Портэс. К величайшему неудовольствию Арнольда (уже весьма преисполненного амбиции, всегда занятого политикой, увеселениями и устройством дома, но только не заботами о своей жене) в доме в то же время оказывается и его отец Клив Чэмпион-Чини. Гостящий в доме у молодых супругов Эдвард Льютон (он занимается фермерством в Кении) горячо любит Элизабет; он предлагает ей бежать с ним в Кению, начать там иную жизнь. Правда, Эдвард не обещает ей безоблачного счастья, у него нелегкий характер, он бывает раздражительным и ревнивым, с ним не всегда легко ладить; он знает, что Элизабет будет чувствовать себя часто одинокой и тосковать по дому. "Я не предлагаю тебе мир и покой, - говорит он. - Я предлагаю тебе волнения и тревоги. Я не предлагаю тебе счастья. Я предлагаю тебе любовь "[15]. Элизабет готова идти за ним; Арнольд, его тщеславные стремления, бесконечные приемы и вечера - все это ей совершенно чуждо и скучно.

Отец Арнольда пытается помешать побегу Элизабет и Эдварда. Он дает сыну совет: сказать Элизабет, что она свободна, что он готов пожертвовать своей карьерой ради нее. Препятствия на пути к браку с Тедди Льюто-

---

14. С. Моэм. Китти. Изд-во "Мысль", 1927. стр. 159.
15. Maugham W.S. Selected Plays. Penguin Books, 1963, p. 261.

ном будут устранены, и половина о.арования этого приключения пропадает. Когда Клив Чэмпион-Чини рассказывает леди Китти и лорду Портэсу об этом плане, все трое начинают смеяться. Клив от того, что заранее предвкушает победу своей ловкости над простодушием Элизабет; а леди Китти и лорд Портэс потому, что слышат вдали шум мотора. Они знают, что никакие уловки уже не помогут ни Арнольду, ни его отцу. Элизабет и Эдвард уехали, потому что как и леди Китти и лорд Портэс много лет назад предпочли любовь "добропорядочности" и преуспеянию.

Тема пьесы "Жена Цезаря" не является особенно новой в драматургии, это - тема борьбы и победы чувства долга над страстью. Действие происходит в Каире, в доме очень крупного чиновника английской колониальной администрации сэра Артура Литтла. Молодая жена сэра Артура Вайолет влюбляется в секретаря своего мужа Рональда Пэрри, способного и красивого молодого человека. Сэр Артур знает о любви Вайолет и даже не упрекает ее ни в чем, он может понять, что двадцатидвухлетний Рональд - более подходящая партия для его молодой жены чем он сам. Но он считает, что миссия его в английской колониальной системе столь важна, что его жена должна быть достойна его положения, репутация ее должна быть безупречной. Как и жена Цезаря, Вайолет должна быть вне подозрений. Чувство долга одерживает победу. При этом ни Вайолет, ни сэру Артуру, не приходит в голову, что долг, об исполнении которого столько говорят, является чем-то искусственным, выдуманным для оправдания английской политики в многочисленных колониях.

В рассказах Моэм подвергнет критике колониальный быт и колониальное общество, в пьесе же он выступает скорее как бесстрастный наблюдатель, которого больше интересует проявление страстей и внутренних переживаний героев, чем внешние условия их существования.

Пьеса "Священное пламя" - также пьеса о любви, только о любви жертвенной, милосердной. Морис Фабре был когда-то летчиком, отважным, веселым, обаятельным. Потом он попал в авиационную катастрофу, после которой превратился в полного инвалида. Только его сиделка знает, какие муки он переносит. Но вот однажды утром Мориса находят мертвым. Сестра Уэйленд обвиняет жену Мориса Стеллу в убийстве. Сиделка, одинокая молодая женщина, признается, что всегда нежно любила Мориса; он был для нее ребенком и другом, возлюбленным и богом; она не надеялась на ответную любовь, потому что знала, что Морис всем сердцем любит Стеллу, только одну Стеллу. Сестра уверена, что Стелла настолько эгоистична, настолько занята собой, что способна была отравить Мориса, чтобы избавиться от него. Все окружающие ошеломлены и напуганы обвинениями сиделки. В конце концов страшный секрет раскрывает мать Мориса миссис Фабре.

Миссис Фабре понимала переживания Стеллы и ничего не требовала от нее. Но она знала, что если Морис утратит единственную свою надежду и опору - любовь Стеллы, жизнь для него будет кончена. Когда-то, сразу же после катастрофы миссис Фабре дала обещание сыну, что если жизнь станет

для него невыносимой, она поможет ему умереть. Миссис Фабре нашла в себе силы выполнить обещание.

Молодым героиням своих произведений Моэм обычно мало симпатизирует, как правило, это - весьма энергичные, страстные, часто хищные и очень эгоистичные особы. Восхищают писателя женщины типа миссис Фабре, женщины уже поборовшие свои страсти, умудренные всем пережитым, человечные и терпимые к людским слабостям.

Пьесы, написанные Моэмом в начале тридцатых годов, были его последними произведениями драматургического жанра. К ним относятся "За оказанные услуги", "Кормилец", "Шеппи".

В пьесе "За оказанные услуги" Моэм выразил свое отношение к Первой мировой войне. Один из героев пьесы Сидней Ардсли, вернувшийся с войны слепым, понял, что все его поколение было принесено в жертву тщеславию, алчности и глупости тех, кто правил страной, что все красивые призывы к чести, патриотизму и славе были лишь трескучей болтовней.

Моэма очень привлекали такие персонажи, которые пытаются порвать с привычными условиями существования, отказаться в какой-то степени от конформизма, которые бунтуют, правда лишь анархически и индивидуально, против господствующих предрассудков своей среды.

В пьесе "Кормилец" таким бунтарем становится биржевой маклер Чарльз Бэтл. В его жизни наступает день, когда он понимает, что не хочет больше вести скучное и монотонное существование, подчиненное только одной цели: добывать деньги, чтобы удовлетворять прихоти своей претенциозной жены и эгоистичных детей. Он сыт всем этим по горло и решается бросить работу, оставить семью, уехать из Англии, чтобы путешествовать, работать, жить, как ему нравится, чтобы насладиться романтикой. В начале пьесы, пока Чарльз еще не появился на сцене, его дети и жена в разговорах со своими приятелями и друг с другом непрерывно сетуют на то, как им надоел Чарльз, как он скучен, однообразен, начисто лишен чувства юмора. Создается впечатление, что они с удовольствием бы избавились от него. Обычно комедии имеют счастливый конец, герои в них добиваются исполнения желаний. Желание жены Чарльза Бэтла и его детей избавиться от своего "кормильца" исполнилось, и, вероятно, этим объясняется подзаголовок, который автор дал своей пьесе, - комедия. Этим и, наверное, еще тем, что чувство юмора, на отсутствие которого так жаловались его домочадцы, оказывается у Чарльза развитым больше, чем у них всех.

Главное действующее лицо последней по времени написания пьесы Моэма "Шеппи" (1933г.) - талантливый (иным словом его не назовешь) парикмахер Шеппи работает в известном лондонском салоне, и клиенты готовы сколько угодно ждать в очереди, чтобы попасть к нему. Неожиданно Шеппи выпадает удача - выигрыш в восемь тысяч фунтов. Хозяин салона готов сделать его своим партнером. Жена надеется, что ей больше не придется заниматься тяжелой домашней работой. Особенно много надежд и планов у дочери Флори. Теперь она сможет скоро выйти замуж за Эрнста Тернера. Это - весьма че-

столюбивый молодой человек, он мечтает о политической карьере; деньги тестя были бы ему весьма кстати. Но тут вдруг с Шеппи случается что-то непонятное. Впервые внимательно всмотревшись в окружающий мир, он замечает, сколько в нем нищеты и страданий, унижений и несправедливости. Он хочет следовать заветам Христа, он готов приютить у себя в доме карманного воришку и уличную проститутку. Он собирается раздать свои деньги всем, кто нуждается.

Эти планы приводят в ужас его домашних. Врачи признают Шеппи сумасшедшим, так как считают, что только маньяк может увлечься благородными и бескорыстными побуждениями. Эрни и Флори без сомнения упрятали бы старика в сумасшедший дом, но смерть смилостивилась над ним.

Написав "Шеппи", Моэм объявил, что он оставляет драматургию, потому что все, что он здесь хотел сказать и сделать, он сделал. Цели, которой он добивался, писатель достиг: его пьесы не могут не доставлять удовольствия большой увлекательностью, живым языком, пленяющим своей естественностью и остроумием. Одаренность Моэма в драматургии подтверждает такой авторитет в этой области как Джон Гилгуд. Вспоминая свой опыт работы над постановкой "Шеппи", Гилгуд пишет: "Я с восторгом прочел в рукописи эту новую пьесу Сомерсета Моэма, которая еще ни разу не ставилась...Пьесу Сомерсета Моэма было трудно ставить. Я чувствовал, что она так хорошо написана и точно построена, что о каких-либо радикальных изменениях текста, за исключением незначительных вымарок, не может быть и речи. Постановка ее была головоломкой, которую следовало либо решать правильно, либо вовсе не решать... Моэм - большой талант, но человек до странности замкнутый и необщительный... Надеюсь все же, что он понял, насколько я восхищен его творчеством"[16].

X

X X

В тридцатые годы Моэмом было опубликовано 19 книг, среди них новые сборники рассказов и путевых очерков, романы "Пироги и пиво", "Тесный угол", "Театр", первые работы литературно-критического и философского характера: "Подводя итоги", "Книги и Вы". Число произведений писателя должно показаться особенно значительным, если учесть, что работе он уделял лишь три часа ежедневно. День Моэма был строго регламентирован. Он всегда вставал рано и начинал день чтения серьезной литературы: философских книг или античных трагедий. После завтрака он уединялся в своем кабинете и работал. Обычно Моэм писал без черновиков, но потом в текст вносил много исправлений. Конечно, содержание произведения, композиция, развитие сюжета,- все это обдумывалось писателем задолго до того как он садился за письменный стол. Он жил жизнью своих героев, видел их, слышал их голоса. Он начинал писать только тогда, когда все содержание произведения было у него полностью обдумано.

---

16. Джон Гилгуд. На сцене и за кулисами. Режиссерские ремарки. Изд-во "Искусство", Л., 1969, стр. 181, 183.

Обычно он писал пьесы так же, как романы и короткие рассказы, не ставя заголовка: он не хотел стеснять себя заранее приготовленными рамками.

В тридцатые годы Моэм был одним из самых высокооплачиваемых писателей. По словам Карла Пфейфера, "продуктивность Моэма как писателя и его талант продавать свои книги по самой высокой рыночной цене принесли больше пользы его кошельку, чем его репутации"[17].

С 1928 года писатель живет на юге Франции, его вилла Мореск находится как раз между Ниццей и Монте Карло. Моэм окружает себя атмосферой роскоши: ливрейные лакеи, дорогие автомобили, яхта, плавательный бассейн. В эти же годы он покупает полотна Матисса, Ренуара и других любимых им художников.

Презирая мелкий снобизм буржуазии, Моэм сам хотел быть "снобом высшего класса". Он подчинил свое поведение, внешние проявления своего характера совершенно определенному кодексу "истинного джентльмена". От природы раздражительный и легко ранимый, он воспитывал в себе выдержку, безразличие к мнению окружающих, доброжелательность. С большой тщательностью он создавал свой характер, но поведение его не всегда отвечало тому идеалу джентльмена, к которому он стремился. Он мог быть снисходительным к чужим слабостям и мог поднять скандал в ресторане из-за того, что ему недостаточно быстро подали черепаховый суп. Получив гонорар в полмиллиона долларов, он мог ездить по городу в автобусе, из экономии или просто скупости не тратясь на такси. Но он мог и не жалея сил помогать какому-нибудь молодому писателю или любому другому человеку, которого он едва знал. Он всегда стремился быть умеренным и скромным, не любил говорить о своих произведениях, не навязывал своего мнения. Для Моэма было характерно острое чувство юмора, и он особенно любил посмеяться над людьми претенциозными, лицемерными и недалекими.

В романах, написанных в тридцатые годы, Моэм по-прежнему уделяет много внимания жизни людей творчества: писателей, актеров; рассказы же, написанные в этот период, охватывают гораздо более широкий круг тем.

В двадцатые годы английская литература, по словам В.В.Ивашевой, была пронизана скепсисом и горечью, порожденными глубокой неудовлетворенностью и смятением. "Чем больше дискредитировалось все социальное, тем больше выявлялась потребность бегства в "частный мир" от порядка вещей, не выдержавшего испытания"[18].

Для модернизма, господствовавшего в английской литературе в двадцатые годы, характерной чертой "стал подчеркнутый, демонстративный отход от общественной проблематики, замыкание в рамках частного мира отдельной личности, кропотливое изучение ее ощущений, переживаний и реакций, исследование подсознательного"[19]. Резкое повышение общественной актив-

---

17. Pfeiffer Karl Graham. W. Somerset Maugham. A Candid Portrait. New York, 1959, p. 137.
18. В. В. Ивашева. Английская литература. XX век. Изд-во "Просвещение", М., 1967, стр.8.
19. Там же, стр.9.

ности, связанное с антифашистской борьбой, отразилось и в литературе. "Можно с полным основанием сказать, что тридцатые годы в английской литературе - годы торжества и победы реализма"[6]. Гуманизм, антифашизм- вот что объединяло писателей-реалистов. Все эти явления литературной и общественной жизни влияли, конечно, и на творчество Моэма. Он оставался приверженцем реалистической манеры письма и, как правило, неодобрительно относился к формалистическим исканиям модернистов.

Роман "Пироги и пиво", появившийся в 1930 году, многими критиками был воспринят как карикатура на Т.Гарди, хотя Моэм и отрицал какие-нибудь гадкие намерения со своей стороны. Скорее он стремился дать правдивый портрет знаменитого человека, которому обычные человеческие слабости и недостатки не мешают быть выдающимся писателем.

Вдова очень известного писателя Дрифилда Ами и ее старый знакомый Алрой Керр, писатель довольно второстепенный и конъюктурный, собирается написать книгу о "великом писателе", ничем не запятнанном и безупречном во всех отношениях. Искусственности, лживости и хамству Ами Дрифилд и Алроя Керра Моэм противопоставляет Рози, первую жену писателя. Рози - одна из немногих героинь писателя, к которой Моэм относился с любовью и сочувствием. Моэм любил раскрывать неожиданные стороны характера. Он как бы говорил своим читателям: смотрите, за респектабельной внешностью и добропорядочным поведением часто скрываются алчность, злость, невежество, нетерпимость, ограниченность. А вот в образе Рози он показал нечто противоположное; за внешним легкомыслием и беспечностью скрывается душа любящая, способная на самопожертвование, благородство и бескорыстие.

Название романа "Тесный угол", изданного в 1932 году в Лондоне, во многом может объяснить предпосланный ему эпиграф: "Жизнь тесна человеческая, и тесен тот угол на земле, где он обитает".

Роман "Тесный угол" - одно из тех произведений Моэма, где характер человека представлен как клубок противоречивых, не поддающихся обузданию страстей, где идеальная доброта обречена на поражение, потому что она слишком далека от реальности, и где сама реальность присутствует лишь как фон, на котором происходят все перипетии в судьбах героев.

Тема освобождения от "бремени страстей" - [illegible] тема в творчестве Моэма, она является основной и в романе "Театр", изданном в 1937 году. [illegible] - история жизни Джулии Ламберт, всеми признанной лучшей английской актрисой. Уделив много внимания рассказу о любовных переживаниях своей героини, Моэм в сущности мало раскрыл внутренний мир актрисы. Обычно работа Джулии над ролью ограничивается раздумьями о том, как она будет выглядеть на сцене.

Кроме романов и пьес в 20-е и 30-е годы Моэм выпускает ряд сборников рассказов: в 1921 году - "Трепет листа" (среди рассказов: "Дождь", "Ту-

---

[6] Р. Б. Иванова. Английская литература. XX век. [illegible] "Просвещение" М. [illegible] стр. 101-102.

молуту", "Падение Эдварда Барнарда"), в 1926 году - "Дерево казуарины" ("За час до фейв-о-клока", "Сила обстоятельств", "Письмо" и другие), в [illegible] году - "Эшендон" ("Мисс Кинг", "Предатель", "Густав", "Его Превосходительство" и другие); в 1931 году - "Шесть рассказов, написанных от первого лица" ("Творческий импульс", "Джейн", "Добродетел " и другие), в [illegible] году - "Космополиты" ("Счастливчик", "Ленч", "Сальваторе", "Дом", "Продаже", "Поэт" и другие), в 1940 году - "Пестрая смесь" (The Mixture [illegible] "Шкура льва", "Лорд Маунтдрагоу", "Три толстушки из Антиба", "Сокровище" и другие).

В [illegible] году в Лондоне вышло полное собрание рассказов Моэма в трех томах, куда вошло около ста новелл. Жанр новеллы получил особое развитие в английской литературе в конце прошлого - начале нынешнего века, при этом влияние творчества новеллистов Франции, России, Америки на английских авторов было весьма значительным. Разочарование в викторианских нормах морали, политики, нравственности вело к поискам иных ценностей, в том числе к поискам и экспериментам в литературном творчестве. "Может быть, поэтому возникла благодатная почва для внезапного расцвета новеллы - этого короткого динамичного жанра, гораздо более удобного для экспериментирования, чем роман... В новеллах испытывались различные варианты решения тех проблем, которые не поддавались разрешению в романе"[1].

Реалистические традиции Диккенса и Теккерея продолжал в своем творчестве Томас Гарди, а позднее Джон Голсуорси и Уэллс. С позиций "эстетизма" выражал духовное убожество самодовольного викторианского общества Оскар Уайльд. Миру расчетливых дельцов, их монотонной, пресной жизни противопоставили Конрад, Роберт Стивенсон и некоторые другие неоромантики представители мир далеких морей, стран и захватывающих приключений. Описанию колониального быта и прославлению идеи "империи" посвятил свое творчество Р.Киплинг. К.Мэнсфилд была одной из основательниц "психологической школы" в английской новеллистике. Рассказы занимают очень большое место и в творчестве Моэма.

Занимательность вымысла и увлекательность, прекрасное владение языком, обаяние персонажей - все это сделало Моэма очень популярным автором [illegible]. Четкость, ясность их композиции делали рассказы писателя удобными для переделки в сценарии. По рассказам Моэма было поставлено множество фильмов, радиопьес, телеспектаклей.

Особенностью писательской манеры было стремление сохранить позицию [illegible], стремление, во многом порожденное особенностями внутренней [illegible] Моэма. Очень много рассказов написано Моэмом от первого [illegible], что это делает его рассказы более правдоподобными. Кроме [illegible] рассказчик может передать только то, что он видел, слышал или пережил сам. Значит, многое остается недосказанным, значит, автор пре-

---

[1] [illegible] Заметки об английской новелле. Послесловие к сборнику "Английская новелла". Л., 1961.

доставляє многое воображению и суду самого читателя. Рассказы Моэма повествуют о жизни людей в разных странах. Действие происходит то в азиатских колониях Англии, то в Испании, то в какой-нибудь другой европейской стране (если речь идет, например, о рассказах из цикла "Эшендон, или британский агент"), наконец, в самой Англии. Национальные, исторические или экзотические особенности всегда создают очень удачный фон в рассказах Моэма. Но его главное внимание сосредотачивается на характерах людей, странных и своеобразных, которые в силу тех или иных обстоятельств оказались вовлеченными в необычные условия и события.

Большой заслугой Моэма является умение сделать рассказы увлекательными, заставить читателя с нетерпением перелистывать страницы книги, стараясь угадать развязку, которая всегда оказывается неожиданной. Моэм не раз повторял, что своим учителем он считает Мопассана. У Мопассана учился он мастерству рассказа, однако социальная сущность мопассановских новелл почти не исследовалась Моэмом. Но и у Моэма встречается немало рассказов, в которых звучит бескомпромиссность и подлинное негодование против основ существующего общества.

Таков знаменитый рассказ "Дождь", где непримиримость к религии, ненависть к ее догматизму, к инквизиторскому стремлению ее миссионеров навязывать свои взгляды как единственно правильные, допустимые и обязательные выражена особенно откровенно. Таков рассказ "За час до файв-о-клока" с его обличением ханжества, ставшего второй натурой многих респектабельных буржуа. В рассказе "Творческий импульс" объектом едкой иронии Моэма являются претенциозность и снобизм.

Хотя цикл рассказов об Эшендоне назван "Эшендон, или британский агент", он менее всего напоминает серию невероятных шпионских похождений. Если здесь и говорится о шпионской деятельности, то скорее как об очень утомительном, скучном и однообразном времяпрепровождении. Эшендон прежде всего - писатель, его больше всего интересуют встречи и знакомства с новыми людьми, с их судьбами и характерами.

Рассказывая о жизни колониальных чиновников, об их отношениях с туземцами, Моэм почти нигде прямо не осуждает колониализм как систему и политику, но он заставляет своих читателей задумываться над тем, какие нравственные уродства порождаются расистскими предрассудками ("Вероломство", "Сила обстоятельств" и многие другие рассказы).

Моэм был убежден, что писатель должен вскрывать внутреннюю противоречивость в характерах своих героев, показать их не такими, какими они хотят казаться, но какими являются на самом деле. Так у Моэма человек, казавшийся тщеславным, мелочным, себялюбивым, оказывается способным на сочувствие и понимание чужих переживаний (рассказ "Мистер Всезнайка"), а человек, производивший впечатление весьма порядочного, оказывается жестоким, холодным, расчетливым (рассказ "Рука друга").

Моэм писал рассказы и о любви, о стремлении к свободе, о поисках счастья. Он написал и много просто анекдотичных историй, которые приятно рассказывать в веселой компании, собравшейся за праздничным столом. Мас-

терство рассказчика сделало новеллистику Моэма одной из лучших и важнейших страниц его творчества.

Сборник рассказов "Пестрая смесь" был последним, изданным до войны. Совершив в 1937 году большую поездку по Индии, Моэм возвращается к себе на виллу Мореск. До последних дней лета 1939 года жизнь на вилле оставалась неизменной: приезжали и уезжали гости, каждый день выходила в море яхта, стучал на корте теннисный мячик. Все старались жить только безмятежным настоящим. Но с начала войны всему этому пришел конец.

X

X X

С осени 1939 года до начала лета 1940 года Моэм совершил несколько поездок в Англию, Францию и США. В это время он написал серию очерков "Франция в войне" и работал над романом "За час до рассвета". Эти произведения писались в пропагандистских целях. Они отличаются несвойственной Моэму слащавостью и сентиментальностью. Написанные по заданию британского министерства информации, они не дают всестороннего показа событий и не содержат критического анализа тех причин, которые привели ко Второй мировой войне.

Журналистская деятельность писателя была вскоре прервана немецкой оккупацией Франции. Моэм вернулся на виллу Мореск, но долго оставаться там не мог. Геббельсовское министерство пропаганды объявило его книгу "Эшендон, или британский агент" запрещенной, и Моэм имел все основания опасаться "специальной обработки".

С помощью британского консула в Ницце Моэм получил место на пароходе, шедшем из Канн в Англию. После очень тяжелого двадцатидневного путешествия корабль, наконец, достиг Англии.

С октября 1940 года Моэм поселился в Америке. Уклад его жизни, тот уровень комфорта, к которому он привык, почти не изменились, и самая большая жертва, на которую он пошел, состояла в том, что ему пришлось теперь жить на 1500 долларов в месяц. Моэм уделял много внимания переписке с читателями, особенно если они были военнослужащими. Он высылал им книги, рекомендовал литературу для чтения, вообще старался помочь им, чем мог.

В 1944 году в Лондоне вышел новый роман писателя "На острие ножа". Много раз приезжая в Индию, Моэм с большим усердием занимался изучением этой страны, ее философии, истории, искусства. "Добро превыше всех истин" - это "глубоко индийское понимание философии жизни"[22] оказало огромное влияние на мировоззрение Моэма. Люди, воплощающие бескорыстные поиски Истины и Добра, были любимыми героями писателя. К ним относится и Ларри Дарел из романа "На острие ножа". В качестве эпиграфа к роману взяты слова из "Упанишад": "Трудно пройти по острию ножа, и так же, говорят мудрые, - труден путь к спасению". Погоня за деньгами, карьерой,

---

22. Махабхарата. Четыре сказания. Перевод с санскрита. Изд-во "Художественная литература". М., 1969. Вступительная статья С. Липкина. "Слово предания" стр. 9, 10.

комфортом – все эти обычные стимулы в жизни других людей не существовали для Ларри. Он стремился только к всепрощению, бескорыстию, сочувствию чужим страданиям и покою в собственной душе. Рассказчик, от лица которого ведется повествование, мало верит в успех задуманного Ларри: увлечь других людей примером своей чистой жизни. Рассказчик уверен, что на таких людей, как американцы, с их беспокойством, деловитостью и индивидуализмом, едва ли может хоть как-то повлиять один человек. "Но я попытаюсь, – говорит Ларри. – Ведь и колесо изобрел один человек. И закон гравитации открыл тоже один человек. Ничто не исчезает бесследно. Когда человек достигает чистоты и совершенства, он привлекает тех, кто ищет правду. Возможно, что жизнь, которую я собираюсь вести, окажет влияние и на других, может быть, результат будет столь же небольшим, как рябь, что расходится по пруду от брошенного в него камня. Но одна маленькая волна порождает другую, другая – третью. И так же может случиться, что несколько людей увидят, что мой образ жизни дает покой и счастье, и тогда они в свою очередь научат других тому, чему научились сами".

Все симпатии Моэма на стороне Ларри. Поэтому по сравнению с Ларри столь никчемными и суетными кажутся все другие герои романа: Изабель, бывшая невеста Ларри, которой в жизни нужны были лишь комфорт и обеспеченность; ее дядя Эллиотт Темплтон с его безмерным снобизмом и единственным жизненным стремлением – вращаться среди "сильных мира сего"; муж Изабель Грей, который видел свое жизненное призвание в том, чтобы ежедневно просиживать в конторе положенные часы. Роман заканчивается ироническим замечанием автора о том, что совершенно неожиданно для себя он написал книгу со счастливым концом: ведь все его герои добиваются желаемого.

Среди произведений, написанных Моэмом в послевоенные годы, – роман "Тогда и теперь"(1946г.), сборник рассказов "Творения случая" (1947г.), "Записные книжки писателя" (1949г.), а также отдельные литературно-критические статьи и сборники: "Точки зрения", "Десять романов и их авторы" и другие.

В основе романа "Тогда и теперь" – история возникновения известной комедии Никколо Макиавелли "Мандрагора". Моэм обратился к событиям итальянской истории XVI века. Италия разделена на множество мелких княжеств, она слаба, стала добычей более сильных соседей. Ватикану не удалось объединить страну, не удается это и Цезарю Борджиа, одному из главных героев книги. Человек незаурядный и сильный, безжалостный и неразборчивый в средствах, обладающий громадной "жаждой власти", он стремится создать в Италии единое централизованное государство. Для достижения своей цели он, как и всякий тиран, не брезгует никакими средствами: убийством вчерашних друзей, подкупом, всепроникающей системой доносов и слежки. Жертвой его рискует стать и купеческая республика города Флоренции. Вот почему отцы города посылают в Имолу, ко двору Цезаря Борджиа, Макиавелли в качестве флорентийского посла, правда, без каких-либо конкретных полномочий и прав. У Макиавелли трудная задача. Он должен посто-

янно твердить герцогу о дружественном отношении к нему Флоренции, но не давать никаких конкретных обещаний. Флоренция бедна, ее покой и безопасность зависит от покровительства французского короля Людовика XII, друга весьма ненадежного, всегда готового предать союзника во имя собственной выгоды.

Макиавелли довольно тонко и ловко справляется со своей задачей. Небольшое любовное приключение, которым при этом попутно занимается флорентийский посол, сталкивает его со многими людьми. Среди них был и католический священник Тимотео, чью продажность и подлость Макиавелли позднее зло высмеял в своей комедии "Мандрагора".

В романе Моэма нет всестороннего освещения политических взглядов Макиавелли, но Моэму удается раскрыть источники той уничтожающей сатиры на ханжество и корыстолюбие католического духовенства, какой является комедия Макиавелли.

Сборник "Творения случая" вышел в Лондоне в 1947 году. В него вошли такие рассказы, как "Жена полковника", "Обломки кораблекрушения", "Видимость и реальность", "Мать", "Санаторий", "Счастливая пара", "Бумажный змей", "Непокоренная" и другие. Это рассказы о бесчеловечности фашизма и ненависти к нему ("Непокоренная"), о светлой и романтичной любви, побеждавшей болезнь и смерть ("Санаторий"), о необузданных страстях и загубленных жизнях ("Обломки кораблекрушения", "Мать"), наконец, просто забавные анекдоты ("Видимость и реальность", "Жена полковника"). Они отличаются тонкостью и точностью психологических зарисовок и занимательностью, которой может похвастаться не каждый детектив.

Философские и литературно-критические работы писателя заслуживают отдельного исследования и будут рассмотрены в специальной статье.

Последние годы жизни писателя прошли во Франции на вилле Мореск, куда Моэм вернулся в 1946 году со своим новым секретарем и преданным другом Аланом Сирлом.

В день своего девяностолетия Сомерсет Моэм сказал журналистам: " Возраст, знаете ли, дает большие преимущества... Это кое-что значит - быть освобожденным от ревности, зависти, внутреннего беспокойства - вещей, которые искажают правильное суждение о жизни. Теперь, когда мои личные пристрастия фактически угасли, я нахожу, что смотреть вокруг и развлекаться наблюдением человеческих нравов - восхитительно. Откровенно говоря, иногда удивляюсь, как я прожил такую долгую жизнь, не имея тех преимуществ, которые дает мне мой возраст".

В действительности настроения писателя в конце его жизни не были столь безмятежными и ясными. Страх перед смертью и старостью был свойственен ему, как и всем людям. Недаром он проходил регулярный курс "омоложения" (специального лечения) в Швейцарии.

В старости он часто бывал раздражительным, ворчливым, причинял много хлопот своему секретарю и слугам. Особенно мучительными были для него воспоминания обо всех унижениях, неудачах и поражениях, которые он перенес, обо всех ошибках, которые он совершил.

Мучимый угрызениями совести, он повторял: "Я был страшным, отвратительным человеком. Мои знакомства с другими людьми кончались тем, что меня все ненавидели"[23].

Моэм умер 16 декабря 1965 года. Племянник писателя Робин Моэм, часто бывавший у него в последние годы жизни, пишет:"Оглядываясь назад, я вижу, что хотя иногда я побаивался своего дяди, я всегда любил его, но боюсь, что никогда не понимал до конца. Лишь очень немногие из друзей Моэма могли проникнуть сквозь барьеры его болезненной застенчивости, вызванной несчастьями молодости. Только некоторым из них удалось увидеть, да и то мельком, его подлинный характер"[24].

В произведениях Моэма, далеко не полный список которых приведен в данной статье, много противоречивого, круг рассмотренных в них тем и поднятых проблем достаточно ограничен. С презрением относясь к буржуазному лицемерию, буржуазной морали, буржуазным взглядам на искусство, писатель никогда не стремился и не призывал к социальному переустройству того общества, одним из преуспевающих членов которого он сам был.

Творчество Моэма неоднородно по качеству. Однако оно представляет собой интересное явление английской литературы. Лучшие его произведения продолжают такие традиции английского критического реализма, как стремление к глубокому психологическому анализу и утверждение"права личности на автономию, на своеобразный духовный мир"[25].

---

23. Robin Maugham. Somerset and the Maughams. New York. 1966. p. 209.
24. Там же стр. 213.
25. От Эразма Роттердамского до Бертрана Рассела (Проблемы современного буржуазного гуманизма и свободомыслия). Изд-во "Мысль",М.,1969, стр.55.

В. М. ФИЗИКОВ

СИБИРСКИЕ РАССКАЗЫ Г. А. МАЧТЕТА И НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ НАРОДНИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Художественная проза народников была непосредственно связана с традицией демократической литературы 60-х годов. Семидесятники [illegible] воспринятой демократическую идеологию своих предшественников. Они попытались создать " партию народа в литературе " и еще настойчивее сказали о своей вере в " возможность крестьянской социалистической революции".[1]

Художественная литература народников 70 - 80-х годов не была, разумеется, зеркалом их политической программы. "Народничество как литературное течение, стремящееся к исследованию, правильному истолкованию народной жизни,- совсем не то, что народничество как социальное течение, указывающее путь"ко всеобщему благополучию ",- писал Г. В. Плеханов.[2]

Отметив излишнюю категоричность этого суждения /"совсем не то"/, уточним : творчество писателей-народников было подлинно реалистическим и не укладывалось в рамки их доктрины.

Говоря о художественных особенностях творческого метода народников, исследователи прежде всего отмечают социальный аспект изображения. "Писателями-социологами" назвал народников-беллетристов Плеханов. Он справедливо писал, что "народническая беллетристика...ищет в народе не человека вообще, с его страстями и душевными движениями, а представителя известного общественного класса, носителя известных общественных идеалов".[3] Сами народники открыто говорили о том, что их искусство - "на социологической подкладке" /выражение Н. Златовратского/.

Недаром Г. А. Мачтет писал о своем художественном методе : " Я думаю, что теперь прошло время...обрисовки типов и характеров людей. Их у нас довольно, - целая портретная галерея. Задача современных беллетристов : обрисовка типов не людей, а типов общественных явлений, если можно так выразиться, и типов людей касаться только постольку, сколько это необходимо для данного типа явления".[4]

---

1. В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, изд. 5, т. 1, стр. 271.
2. Г. В. Плеханов. Сочинения. Т. X. Госиздат, М.-Л., 1925, стр. 39-40.
3. Там же, стр. 14.
4. ИРЛИ, ф. 285, оп. 2, № 152. Письмо Г. А. Мачтета к А. М. Скабичевскому от 14. 2. 1887 г. Ср. продолжение этой мысли в автобиографии Мачтета /1896 г./ " В своей литературной деятельности я держался взгляда, что беллетрист должен давать не портреты, которых у нас целая галерея, а будить настроения читателя картинами жизни". - ИРЛИ, ф. 277, № 540. Того же взгляда придерживался и С. Каронин - см. Григорий Мачтет. Николай Златовратский. Петр Павловский. - "Русские ведомости", 1892, № 133.

Стремление уловить ведущие тенденции общественного развития, активно вмешиваться в жизнь определяю стиль народнической литературы.

А. Скабичевский указывал также на ее резкую полемичность: "...Каждое являющееся ныне художественное произведение...носит характер борьбы, преследует непосредственные практические цели".[5]

Усиление социологического акцента в изображении действительности писателями-народниками, перенесение внимания с отдельной личности на общественную среду, ее формирующую, с судьбы человека на судьбу народную- все это тенденции, отчетливо наметившиеся уже у шестидесятников - в творчестве Чернышевского, Щедрина, Слепцова, Левитова. Они стали основой творческого метода народников.

Народ - движущая сила истории. Этот тезис, в своеобразном преломлении в революционной народнической программе, оказался в сосредоточенном внимании народников-беллетристов к общественной идеологии, выяснению "идеалов, которые с большей или меньшей отчетливостью живут в народной массе"[6].

Начиная с ранних опытов-сибирских рассказов, Г.А. Мачтет попытался по-своему оценить важнейшие явления социальной жизни России 70 - 80-х годов. Вполне понятно, что в основе всего его творчества оказывается коренной вопрос России того времени - крестьянский вопрос.

Тема народа - центральная в творчестве Г. А. Мачтета. Недаром он называл себя писателем " земли и народа".

Впервые эта тема серьезно поставлена в сибирских рассказах Мачтета- /1863-85/.[7] Несмотря на самостоятельность сюжетов каждого из них, жанровую их пестроту / сказка, рассказ, бытовой очерк /, разнообразие типов повествователей, сибирские рассказы Мачтета можно считать единым циклом. Их объединяет тематическая близость и общая задача автора - показать бесправную жизнь сибирской деревни, влияния " мирского " мировоззрения на отдельную личность.

Современники Мачтета широко использовали форму цикла очерков и рассказов, открытую еще Пушкиным и развитую литературой 50 - 60-х годов /Помяловский, Слепцов, Щедрин/. Еще раньше Мачтета свой сибирский цикл написал Н. Наумов/"Сила солому ломит"/-1863-73/. Следует отметить в этом ряду циклы Г. Успенского / "Крестьянин и крестьянский труд ",1880, "Власть земли", 1882/, С. Каронина /"Рассказы о парашкинцах",1880,"Рассказы о пустяках",1883/, Н. Златовратского/"Очерки деревенского настроения",1881/, Ф. Нефедова /"Наши фабрики и заводы",1872/.

Преобладание в 70-80-х годах в народнической литературе жанра очерка и небольшого рассказа объяснялось главным образом неустановившимся характером изображаемой действительности, неясностью ее только возникающих форм. "...Произведения литературы утратили цельность,-писал Щедрин в 1863 г.,- потому что в самой жизни нет цельности".[8]

---

5. А. Скабичевский. Беллетристы-народники.Спб.,1888 стр.251.
6. /П.Засодимский/.Русская жизнь/Вместо предисловия/. - "Русское богатство", 1883 № 1,Ц, стр.87.
7. "Мирское дело","Вторая правда","Мы победили!","Сон одного заседателя".
8. Н.Щедрин/М. Е. Салтыков/. Полное собрание сочинений.Т.У1, Гослитиздат,М.,1941,стр.200.

Отмечает эту особенность современной жизни и Н.Златовратский в "Очерках деревенского настроения": "В настоящее время противоречия жизни не отлились еще в определившихся и совершенно сложившихся образах. Настоящая эпоха деревенской жизни, как известно, эпоха критическая, эпоха борьбы;..старое так плотно переплетается с новым, нарождающееся, так запутывается в настоящий гордиев узел, что нужна чрезвычайная сообразительность, чтобы из этого хаоса выделить элементы, которые должны сделаться в недалеком будущем руководящим настроением"...[9]

Недаром многие произведения Г.Успенского, С.Каронина, Н.Златовратского, Г.Мачтета и др. получают подзаголовки: "заметки", "отрывки", "наблюдения", "очерки".

С помощью очерка, рассказа, зарисовки народники стремятся активно вмешаться в современную им жизнь, не дожидаясь, пока устоятся и оформятся ее ведущие тенденции. Просветительский, публицистический пафос творчества народников сказался, таким образом, и на жанровом своеобразии их произведений. Они почти не писали романов, и сами признавались, что только гениальный художник может воплотить в законченных эпических формах неясные, чуть тлеющие, зарождающиеся явления жизни.

Однако народники не ограничились лишь фиксацией впечатлений. Многие из них решали задачи исследовательского характера. В очерках С.Каронина и [illegible], произведениях Н.Златовратского выявляются [illegible] пореформенной деревни, основные нравственные черты русского крестьянина, которые определяют его дальнейшую судьбу.

Цикл очерков и рассказов позволял увеличить диапазон наблюдений, подойти к явлению с разных сторон, уточнить одно явление другим. Комбинация нескольких очерков /цикл/ помогала сцепить отдельные факты, уловить самое трудное - движение, развитие жизни, ее тенденции.

Рассматривая сибирские рассказы Мачтета не порознь, а единым циклом, мы можем уловить эволюцию взглядов писателя на крестьянскую общину в 1882 - 85 г.г.

* * *

В литературе 70-80-х годов жила легенда о свободной Сибири. Огромная страна, не знавшая власти помещиков, богатая свободными, непаханными землями, казалась более вольным краем, чем центральная Россия. Недаром в Сибирь тянулись тысячи поселенцев в надежде найти здесь крестьянское счастье.[10]

В сибирских рассказах Г. А. Мачтет вслед за Н. И. Наумовым[11] срывает маску со "свободной" Сибири. Здесь - то же бесправие, та же кабала народа, что и во всей России.

---

9. См. "Отечественные записки", 1881 №4, стр. 194.

10. Даже Г. Успенский, очень трезво расценивавший положение русского крестьянства в 80-е годы, [illegible] фантастически объясняет переселение мужиков в Сибирь. В очерке "Равнение по одно" /1882/ он пишет: "Идет на переселение не круглый бедняк, - надо имет хоть какие-нибудь средства, чтобы пройти тысячи верст и начать жизнь заново"..., а "кулак-кулак, [illegible] крестьянин, которому стало стыдно наживать деньги "грехом", - вот он и идет на новое место. / "Русская мысль", 1882 № 1, стр.237./

11. Первый сборник рассказов Наумова создан в 1874 г.

Писатель избирает главными объектами изображения нравы царской администрации в Сибири, подневольную жизнь "свободного" народа, духовный мир сибирских крестьян.

В своих рассказах[12] Мачтет решает не исследовательскую, а скорее просветительскую задачу: показать читателю настоящее лицо Сибири, обратить внимание его на несвободное, "загнанное" крестьянство, одновременно показав духовную силу и красоту народа, возбудить в читателе негодование против жестоких законов жизни.

Таким образом, ссыльный писатель уже в ранних произведениях стремится достичь главной цели современной литературы, которая, с его точки зрения, заключается в том, чтобы "возбудить настроение читателя картинами жизни".

В жизни крестьянства Мачтета интересует прежде всего ее нравственное содержание. Такой подход к мужику был типичен для всей народнической литературы. Да и не только для нее: тот же аспект изучения народного характера занимал и Г.Успенского, Л.Толстого, Лескова, Достоевского...

Для того, чтобы понять, в чем своеобразие постановки вопроса о нравственной природе крестьянства в творчестве Г.А.Мачтета, нужно, очевидно, выяснить, что же интересует писателя больше всего в миросозерцании сибирского крестьянина. Что для него является главным, определяющим в нравственном мире мужика ?

Прежде всего то, что непосредственно связано с общинным характером его жизни. Мачтета совершенно не занимает ни экономика деревни, ни семейно-бытовая сторона отношений крестьян. Он выбирает такие сюжеты, в которых "мирское" начало как бы испытывается на прочность. И в "Мирском деле", и в "Мы победили!", и во "Второй правде" внешние обстоятельства жизни складываются для общины неблагоприятно. Ей угрожает "разор", даже гибель /"Мы победили!"/. В эти минуты крайнего напряжения, чрезвычайной активности всех членов общины, в час испытания автор и наблюдает, как в крестьянине раскрывается все лучшее, на что он способен. Внешний, кульминационный момент проявления общинного мировоззрения интересует Мачтета. Сибирский цикл рассказов построен на резком контрасте. Противопоставляя нравственное богатство и стойкость народа ничтожеству его хозяев, писатель показывает, что "власть имущие" не в состоянии выдержать даже малой доли тех испытаний, что выпадает на долю простого мужика / "Сон одного заседателя" /.

В нашей работе цикл рассматривается в двух планах. 1-как представлены у Мачтета хозяева "вольных" мужиков, царские чиновники. 2-какова картина социальной и нравственной жизни сибирского крестьянства.

Начнем анализ с откровенной сатиры Мачтета на сибирскую администрацию - сказки "Сон одного заседателя".

Волшебная сказка пишется по классическим законам жанра, предусматривающего всякие чудеса и превращения. Главный персонаж ее - заседатель,

---

12. Все они написаны в ссылке и почти сразу напечатаны: "Мирское дело"-в "Неделе", 1883, "Вторая правда"-в "Отечественных записках", 1883, "Мы победили!"-в "Наблюдателе", 1884, "Сон одного заседателя"-там же, 1885

чиновник, всесильный в Сибири. Он продает волку свою душу, а заодно и должность:обстоятельства впервые сложились для заседателя несчастливо-волк должен был его съесть. Так волк оборачивается заседателем.

С другой стороны, сказка традиционно развертывается и в реальном плане: все"превращения" происходят с заседателем во сне/только во сне,только в сказке сибирскому чиновнику-самодуру грозят такие карн/,вполне реалистичны и многочисленные детали, насыщающие повествование. Доктор, заседатель и др., как водится, занимаются делом о"мертвом теле", т. е. об убийстве, и пьют привычную очищенную водку, и волк-оборотень, присвоив одежду, усы и бакенбарды заседателя, тут же демонстрирует "законные"приемы "воспитания" подчиненных - "хлопнул ящика, по заведенному, раза два в зубы,- для памяти".[13]

Мачтет убеждает, что волшебные превращения ничего не изменили в сибирской округе, вверенной ранее заседателю, а теперь волку: по-прежнему царит грабительство, несправедливость, беззаконие.

Вот когда солоно пришлось бывшему заседателю. На собственной незадачливой судьбе испытал он безысходность жизни бесправного человека.

Заседатель пытается работать, но попадает в тюрьму, пытается возмутиться несправедливостью жизни, опереться на закон, но смиряется перед грубой силой. Остается только один выход - уйти из жизни. "Что в ней, в такой жизни? Беда, горе лютое, один позор и больше ничего!-Ни людям, ни себе! Хотел он жить человеком, не вышло!"[14]

Вот ядро сюжета мачтетовской сказки: жить по-человечески, пытаться быть человеком невозможно : жесткие законы, введенные "заседателями-волками", делают жизнь для всякого, кто не облечен властью и силой,-каторжной, бессмысленной.

Причудливо изменив реальный мир фантастическим поворотом сюжета, Мачтет сумел показать действие несправедливого социального закона - в современной жизни торжествует безграничная власть сильного. Реальный план волшебной сказки позволил автору перевести события из области некоторой абстракции / что свойственно всякой сказке / в русло современности. Так создается сатирическая сказка Мачтета.

Его заседатель не имеет имени. Это подчеркивает обобщенный, типический аспект изображаемых событий.

Иначе решается та же тема бесправия народа перед лицом "законности и порядка", неограниченного произвола чиновничества в рассказе 1883 г. "Мы победили!" Случай,в нем описанный, исключительный. В глухом лесу заседатель неожиданно "открывает" деревню старообрядцев. Составляется стратегический план пленения свободных "туземцев" во имя "государственных интересов". В общей композиции цикла этот рассказ подтверждает обязатель-

---

13. Этот принцип "обнаженной"подчеркнутой типизации /"как водится"/ и насыщения фантастического сюжета реальными деталями позволяет сравнить манеру Мачтета в сказке о заседателе с реалистическим стилем Гоголя /в петербургских повестях, например/.

14. Полное собрание сочинений Г. А. Мачтета. Т.1У, Киев,/1902/,стр. 366. В дальнейшем ссылки даются прямо в тексте: римской цифрой обозначен том, арабской - страница.

ность, всеобщность действия того неправедного закона жизни, которому посвящен "Сон одного заседателя".

Автор находит остроумное художественное обоснование для откровенно-сатирического изображения "отцов" сибирской деревни - чиновников, блюстителей законных порядков. Мачтет избирает рассказчиком человека из среды этих "отцов". Тот повествует совершенно откровенно, смакуя подробности, нисколько не стесняясь: ведь он разговаривает с "цивилизованным" читателем, а не с "дикарями", вроде тех, чью деревню "открыл" в лесу местный начальник.

Рассказ, таким образом, получает силу обличительного документа - подлинного, правдивого, вскрывающего беззаконие и безнравственность угнетателей народа как бы "изнутри".

Характер грубой среды господ и чиновников - "победителей" проявляется в пошлости их повседневной жизни и в откровенном удивлении и возмущении представителей закона: как это крестьяне посмели жить свободно в своем лесу, как это они умирали и множились, работали и творили все необходимое без управ, паспортов, денег, без питейных заведений, наконец! Отсюда-страстное желание "накрыть деревню", а "дикаря", живущего "беззаконно", сделать "полезным обывателем".

Господа не смущаются тем, что крестьяне живут по собственным, выработанным веками "законам": любовно и дружно работают, свято соблюдают равенство и нравственную чистоту, беспрекословно подчиняются дедовским обычаям.

С презрением говорит повествователь о том, что эти "фанатики", вросшие в скиты и бежавшие в тайгу от "мирского греха", довольствуются своим "обществом", "самобитными зинунами". Им довольно, чтобы светило солнце, луна и звезды, чувства они смешивают с "внутренним побуждением" - что им культура, "наше благоустройство"! Все дикари одинаковы,- заключает он свои наблюдения,- от Сибири до Африки и Полинезии.

Сквозь иронию рассказчика проступает серьезный взгляд автора. Мачтету как раз понятно и дорого в крестьянах то, над чем издевается чиновник: их живое чувство коллектива, "общества", непосредственность, искренность в проявлении эмоций, близость народа природе.

Ярче всего характер безнравственной среды господ проступает в приготовлении карательной экспедиции против "открытой" деревни. Событие было "выдающееся". Оно всколыхнуло сонную провинциальную жизнь - все пришло в движение. Предлагались различные меры усмирения непокорных крестьян/"непременно сквозь строй-с!"... Только исправник мучается: не хватает свободных кандалов. Даже дамы, местные "львицы", учатся стрелять из револьвера, стрелять так, чтобы "попасть прямо в сердце"!/

Осада деревни, расправа с крестьянами, циничная радость "победителей", завершивших экзекуцию пикником,- все это изображено мачтетом с большой художественной силой.

Понятны упоение битвой с "дикарями", экстаз рассказчика при описании "завоевания" деревни - центрального эпизода его повествования /для Мачтета главное содержание заключено в ином повороте сюжета - героическом

сопротивлении общины/: "Мы летели верхом, с гиком и звоном, опережая в быстроте самый ветер. Земля гудела от копыт наших коней, звон бубенцов заглушал карканье вороньих туч. Воздух дрожал и колебался от наших кликов"/1У, 318/. В порыве эмоции рассказчик, конечно, не чувствует, что его эффектная, торжественная речь звучит неожиданно иронически: "С востока летел заседатель и махал шашкой, с севера - исправник с проводником-бродягой, с юга - подвыпивший стряпчий...Мы мчались уже деревней, от периферии"./1У, 318-319/

"Не ушел ни один!" - с гордостью сообщает повествователь. Планомерная, хитро задуманная осада увенчалась полным успехом. "Мы победили!" - так торжествующе назван рассказ. Через несколько лет освоенная "цивилизацией" деревня изменилась до неузнаваемости. Как верный знак новой "культуры" в селе возвышается кабак. Деревня теперь глядит бодро и весело...Звучат удалые песни. Один образчик Мачтет приводит в самом конце рассказа:

За полштофчик сладкой водки
Перережу хоть три глотки...
Любо-хорошо !

"Мачтет утверждал проникновение буржуазных отношений в самые отдаленные уголки Сибири как факт всесторонней капитализации страны", пишет современный исследователь,[15] имея в виду рассказ "Мы победили!" Старая община в Тяжной погибла. Для нее наступили "новые времена" с "новыми песнями". Но вряд ли уместно в картине пьяной гульбы крестьян видеть примету буржуазных отношений в деревне, растлевающее влияние капитализма.

С большим мастерством писатель выражает в рассказе свою позицию. Голос автора нигде не слышен открыто. Но мы чувствуем его боль, гнев, возмущение управителями народной жизни в сатирической интонации, с которой говорится обо всех участниках "открытия" и усмирения непокорной сибирской деревни, в лирических описаниях крестьян. Мы ощущаем авторскую позицию в создании героического вожака "мира" Прова, в подробном и явно сочувственном рассказе о восставшей деревне, наконец, в соотнесении различных эпизодов. Например, после потрясающего по своему драматизму описания расправы с крестьянами, без всякого перехода следует сцена веселого пира "победителей".

Итак, Г. А. Мачтет в своих сибирских рассказах показывает настоящее лицо "свободной" Сибири. Даже в самые глухие ее уголки проникает "цивилизация", а иначе говоря - грабительство и произвол царских администраторов, чиновников. Показывая, что и в сибирской деревне царит то же бесправие и беспросветность крестьянского существования, что и повсеместно в России, Мачтет подвергает беспощадному обличению "хозяев" некогда свободного края.

На фоне несправедливостей, беззакония и бесчисленных "прижимок", ко-

---

15. См. тезисы доклада Л. Е. Лихопудовой "Особенности реализма Г. А. Мачтета в сибирских рассказах". - В кн.: "Тезисы научно-теоретической конференции". Караганда, 1968, стр. 37-39.

торые обрушивались на крестьян со стороны больших и малых начальников /о сельских богатеях и все возрастающем их влиянии в сибирской деревне Мачтет, в отличие от Наумова, пока не пишет/, картина деревенского "мира" кажется у Мачтета идеализированной.

Об этом справедливо писали и критики и более поздние исследователи.[16]

Мужик человечнее всех, имеющих власть над ним. В "Сне одного заседателя" эта мысль высказана слишком прямолинейно, и это придает сказке оттенок мелодраматизма. Логика ее доказательства проста: все отвернулись от заседателя, попавшего в беду, вручает его только мужик Пахом. В самые тяжелые минуты он тут как тут - кормит, поит, одевает беднягу, дает ему в долг лошадь...

Откровенная ирония, которая проступает, например, в аналогичной ситуации сказки Щедрина о мужике и двух генералах, у Мачтета снимается. Во всем, что касается заседателя и генералов, взгляды народника и Щедрина совпадают, но в отношении к мужику они расходятся. Салтыков-Щедрин не принимает терпеливости крестьянина, Мачтет симпатизирует отзывчивости своего Пахома. Правда, в сказке писателя-народника это фигура второстепенная. В финале Мачтет преодолевает известную мелодраматичность повествования, возвращаясь к резкой насмешке: "Говорят,- иронизирует автор,- что заседатель, переживший столько бед и страданий, стал гнать волков и помогать людям. Впрочем, иные утверждают совсем наоборот". /1У,364/

Совестливой, гуманной описана крестьянская община и в другом сибирском рассказе Мачтета "Мирское дело".

В нем три больших компонента. 1 - экспозиция. Община убивает своего давнего недруга, вора Кузьку и с трепетом ждет расправы за "грех". 2-приезд заседателя. Расследование. Здесь на первом плане - противопоставление бесправного "мира" и всесильного чиновника. 3 - община хоронит убитого ею человека. Это центральная сцена рассказа. Речь повествователя, суховатая, сдержанно-объективная в первых частях, становится взволнованной, лирически окрашенной.

Малостливые "братаны", уже и так разорившиеся на взятке начальству, собирают последние деньги Аксинье, подруге погибшего вора, дарят ей корову. Идеализация общины проявляется и в стиле рассказа: в идиллическом пейзаже,[17] в том, что вся композиция завершается ложно романтическим описанием раскаяния убийцы пред Аксиньей: "Не своей волей я...От мира,- мирское дело...Прости!" Он стоял бледный, дрожащий, опустив глаза в землю.-Бог простит!- ответила Аксинья, кланяясь". /1У,307/

Если в "Мирском деле" автора интересует только психология крестьянской массы, в рассказе "Мы победили!" Мачтет создает, наряду с коллективным "портретом" общины, ярко индивидуализированный характер деревенского патриарха Прова, твердо стоящего за "мирские" порядки, стойко принимающего на свои плечи беду, обрушившуюся на его лесную деревню.

---

16. См. Б. Жеребцов. Сибирский литературный календарь. Иркутск,1940, стр.103; К. С. Тунакова. Н. Г. Чернышевский о Г. А. Мачтете.- В кн.:"Народ - герой русской литературы". Казань,1963, стр.153.

17. "Как только Божье солнце пролило потоки тепла и света на грешную землю,а навстречу ему ясно улыбалось живое утро."- см.1У,305 - 306.

Читатель почти ничего не знает об обычаях крестьян-общинников в естественных, "мирных" условиях - рассказ случайного очевидца их житья очень скуп. Но повествователь-чиновник непосредственно участвует в подавлении мятежа деревни, и автор получает психологическое основание для подробного изображения непокорства сибирских крестьян.

Сначала они представляются "победителям" угрюмым, понурым "стадом" пойманных зверей. Но автор замечает их мертвенно-бледные лица, внутреннее напряжение и ненависть мужиков. Толпа едина в своем протесте. Ее духовное состояние еще больше проясняется в "лирическом отступлении" повествователя: "Мне показалось, что толпа раскачивается, как раскачивается таран, прежде чем ударить. Я не раз подмечал это движение в бушующей толпе"../1У,324/

Есть что-то неотвратимое в поведении толпы. Недаром мужицкий гнев сравнивается с бурей, неминуемо настигающей путника в степи. Так же падает на голову поработителей возмущение деревни: весь "мир" взялся за колья. Правда, вспышка подавлена быстро и жестоко. И все же даже пулями невозможно искоренить непокорство. Восьмидесятилетний Пров не принимает новых порядков, принесенных на его землю "черными воронами". Его преследуют, как дикого зверя, но крестьянин неволе предпочитает смерть. В последние минуты этот мужицкий протестант кажется былинным героем- спокойным, гордым, величественным.

В героической судьбе Прова, по мысли Мачтета, сосредоточилось все лучшее, что сохранилось в общинном миросозерцании: преданность общественным интересам, самоотверженность.

Тип народного заступника, народного глашатая - один из самых любимых не только Мачтета, но и других писателей-народников /Иван Калинин у Наумова, Дмитрий Кряжев у Засодимского/. Но, если и Калинин, и Кряжев вынуждены были покориться враждебной "миру" силе кулачества, Прова и гибель не смогла сломить. Такая цельность характера героя очень дорога Мачтету. В пристальном внимании писателя к крестьянам протестующим сказался, с одной стороны, радикализм взглядов Мачтета, активного участника революционного народнического движения, а с другой,- своеобразие жизненного материала. Сибирские крестьяне, не знавшие крепостничества и помещичьего гнета, нередко выделяли из своей среды натуры незаурядные, смелые, вольнолюбивые.[18]

Не следует, однако, преувеличивать значения стихийного протеста общины в рассказе Мачтета. В работе Л. Е. Лихопудовой читаем:"Все/?/ герои Мачтета - протестанты. Символом зреющей в народе силы выступает предводитель "мира" Пров. Писатель убежден, что нельзя обмануть, уничтожить, но нельзя убить в нем стремление к свободе. Народ непобедим. Мачтет высоко ценил революционные инстинкты, возлагал на них большие надежды, ожидая из искр народного недовольства пламень крестьянского

---

18. Примечательно, что главным героем рассказов Наумова о сибирской деревне 70-80-х годов был правдоискатель, способный к протесту против кулака и иных сельских властей, что сюжеты рассказов В. Короленко "Сон Макара", "Убивец" дали писателю Сибирь.

восстания".[19]

Во-первых, в независимости Проза нет еще ничего революционного. Говорить о вере писателя в крестьянскую революцию, конечно, можно: Мачтет был народником. Но в сибирских рассказах эта вера пока не нашла художественного воплощения. Нет основания для столь решительных выводов об идейном содержании сибирского цикла.

Во-вторых, нельзя не учитывать и того, что протестант Пров трагически погибает. Конечно, его смерть прекрасна. И прав Б. Мейлах, говоря о моральной победе народного героя:"Смысл рассказа "Мы победили!" шире того эпизода, который послужил ему сюжетом. Непокорность народа - вот впечатление, которое выносит читатель. Да, вопреки названию, победителем остался погибший Пров, а не те, кто праздновал победу под звуки оркестра".[20]

Утверждая нравственное превосходство народа над его угнетателями, Мачтет все же отчетливо сознает, что крестьянский "мир" ничего не может противопоставить грубой силе "цивилизованных" грабителей. В этой неравной борьбе община могла бы опереться только на стойкость своих нравственных принципов, выработанных коллективной мыслью "мира". Но Мачтет показывает, как уязвимо общинное миросозерцание в крестьянине. В этом плане интересен портрет мужика Кузьки в рассказе "Мирское дело". Бесстрашный охотник, он не боялся один ходить на медведя. Но, убив вора по приговору "мира", Кузька совершенно преображается. Он стоит перед убитым "бледный, как труп, с широко вытаращенными глазами, а руки его дрожат, как осиновые листья"/1У,300/. Убийство потрясло крестьянина, лишило спокойствия и уверенности. Он мучается своим преступлением, стыдится его. А ведь по "мирским" законам он не совершил ничего греховного. Но, видимо, для мужика это слабое утешение.

Ту же хрупкость, беззащитность "мирского" принципа жизни рисует Мачтет и в рассказе "Мы победили!" С глубокой болью и сочувствием к погибшей старообрядческой общине автор описывает метаморфозу сибирской деревни. Возникает естественный вопрос: почему так быстро она совершилась, почему так скоро воцарился в Таежной владелец пятейного заведения? Очевидно, слишком слаба сила сопротивления общины, нет стойкости, крепости "мирского" идеала в мужике. Крестьянин верен общине и ее законам не по убеждению, не сознательно, а только благодаря привычке, стихийно. Поэтому так непрочно общинное начало и в отдельной личности, и в целом коллективе.

Это объективное изображение процесса внутреннего разлада жизни общины вступает в противоречие с попыткой Мачтета идеализировать деревню. Он пытается показать мужицкую массу единой в своем мнении, настроении, не различает в толпе индивидуальных движений, словно не замечает поведения отдельного человека. Характерно описание крестьян в "Мирском де-

---

19. См. "Тезисы научно-теоретической конференции". Караганда, 1968, стр.38-39.
20. Б. Мейлах. Русские повести 70-90-х годов XIX века. - В кн.: "Русские повести XIX века 70-90-х годов". Т.1, ГИХЛ, М., 1957, стр. XXX.

же": "Толпа...переглянулась и потопталась на месте"...Или:"Толпа набожно перекрестилась","..заходило в толпе","мужчины почесали затылки", "старики взяли свечи","гневно заголосила толпа как один человек". На - сколько живо, реально, пластично удаются Мачтету "отрицательные" персонажи, враги деревенского "мира", настолько неестественно, заданно ведет себя толпа крестьян. Очевидно "сопротивление" жизненного материала автору - в общине уже нет единства, которое хочет описать Мачтет.

Таким образом, объективная правда жизни оказалась сильнее субъективных намерений писателя. Мачтет ясно сочувствует крестьянской общине, но не может не заметить ее кризиса, слабости "мирского" идеала.

Так в сюжетном цикле появляется проблема будущей судьбы общины. Ею занимались многие писатели-народники в конце 70-80 х годах. Остановимся на этом несколько подробнее.

Н. Н. Златовратский упорно отстаивает идею живой русской общины. Глазами крестьян-общинников, полных достоинства и веры в "мирские", дедовские устои, смотрит автор на окружающую жизнь. В общине для него - единственное спасение:"Мир - это защита, и сила, и правда". К такому выводу приходит Златовратский в романе "Устои". Одновременно,в 1881 г., он публикует в "Отечественных записках" "Очерки деревенского настроения", интересный цикл, который, кстати, почти не исследован в литературе.

Златовратский не мог не видеть, что старая, патриархальная община разрушается на глазах. Крестьянин, осознает в себе личность,начинает осмыслять критически окружающий мир. Идет разложение семейно-общинного патриархата. В деревне появляется кулак, сила наглая, дерзкая, ничем не брезгующая. В общине-разброд, старики хотят уходить из "мира". И писатель-народник выдвигает собственную концепцию развития русской общины. Расслоение деревни Златовратский представляет как процесс объединения различных групп крестьян, т. е. создания новой общины внутри старой. Это перерождение "мира", по Златовратскому, идет стихийно, но вполне реально. Таким образом, народник хочет спасти самый идеал общинной жизни русского крестьянина. Очевидны утопизм и искусственность такой идеи.[21]

П. В. Засодимский не пытается приукрасить процесс разложения русской общины. Она погибает - это для него ясно. Вся полнота власти и авторитета в деревне перешла в руки кулаков. Нет экономического равенства-нет и общины. В "Хронике села Смурина"/1874/ автор рассказывает о попытке сильного, мыслящего "мирского" человека - Дмитрия Крякева отстоять независимость общины. Но кулацкое Закружье оказалось сильнее. Герою приходится покинуть родную деревню. От него отвернулись все, для кого не жалел он ни сил, ни самой жизни.

Финал "Хроники" грустный. С болью убеждается Крякев в том, что ему ничего не удалось добиться. Торжествуют кулаки - Прокудовы, Лисины, Чирковы. И в более поздних произведениях Засодимского - "...го во что горазд" /1883/, "Федька Бавнаенок"/1889/, "Черные вороны"/1885/ - писатель показывает распад крестьянской общины под напором сельской буржуазии.

---

21. Еще более идеализированным представляет Златовратский общинника в очерках "На родине"-"Отечественные записки" 1881, № 11, 12.

Еще полнее процесс "раскрестьянивания" русской деревни, разложения общины, превращения мужика-общинника в пролетария исследуется Н. Е. Каронинымъ-Петропавловским /"Рассказы о парашкинцах", 1880, "Рассказы о пустяках", 1883/. Каронин видит в крестьянстве разнообразие талантливых, самобытных индивидуальностей. Один мужик - охотник до чтения и письма, верный помощник "мира" во всех спорах с барином и начальством /"Безгласный"/, другой больше всего на свете хочет учиться /"Ученый"/, третий мужик ищет самостоятельности, он независим и прям в своих суждениях /"Больный человек"/, четвертый - дядя Минай - фантазер, мечтатель...

В каждом из них начинает пробуждаться сознание. В этом Каронин видит важнейшую тенденцию развития общественной жизни России 70-80-х годов.

Однако жестокая действительность пока не дает расти крестьянскому сознанию. Фрол Пантелеев - "мирской человек" - становится "безгласным". Страх и забитость парализуют сопротивление тягостям жизни "вольного" мужика Егора Панкратова. Всем верховодят старые /помещик/ и новые / кулак Епишка/ хозяева деревни, заключившие между собой союз. И кончился "героический" период Парашкина. Распадается "мир". Сначала уходят отдельные общинники /Дема/, а потом и вся деревня двинулась на заработки, кто куда. Начался период мелочей и пустяков. Разваливается крестьянское хозяйство, семья, все поглощают заботы о сегодняшнем дне, о куске хлеба. Мужик превращается в бездомного шатуна, не знающего покоя /"Пустяки"/. Ничто уже не связывает его с хозяйством, с родной деревней. Каждый живет сам по себе, думать о других уже некогда. Поэтому столько злобы и зверства в некогда дружной общине. Крестьянин одинок "на миру" - к такому выводу приходит Каронин. "Происходила невидимая борьба между особью и миром, - пишет он в рассказе "Братья"/1881/. - Мало помалу каждый сельский житель стал сознавать, что он ведь человек, как все! и создан для себя, и больше ни для кого, как именно для себя! И каждый ведь сам может жить, устраиваясь без помощи бурмистра, кокарды и "отчества"!" [22]

Каронин повествует о драме крестьянской общины чуть иронически, спокойно, как об исторически свершившемся факте.

В сибирских рассказах Г. А. Мачтета мы тоже видим, как гибнет община в самых глухих и отдаленных углах Сибири. [23] Но Мачтет не может писать об этом так хладнокровно, как его товарищ по ишимской ссылке Каронин. Недаром крестьянский вопрос вызывал у них такие жаркие споры. Мачтет с глубокой грустью пишет в сибирском цикле о том, как иссякают силы крестьянской общины. Тем острее тоска по исчезающему "мирскому" идеалу. В

---

22. С. Каронин/Н. Е. Петропавловский/. Сочинения в 2 т. т. Т. 1. Госиздат, М., 1958, стр. 482.

23. Такую же точку зрения высказал и П. Засодимский /"Пропал человек", "Из жизни лесной стороны"/. Один из последних защитников "мирских" обычаев крестьянин Андрей Прохоров /"Пропал человек"/ вынужден уйти из деревни в лесную нору. Но, как и Прову из рассказа Мачтета, Андрею не удается спасти свою независимость: его лесная келья уничтожена становым приставом. Рассказы Засодимского и Мачтета создавались одновременно - в 1883г. Тем показательнее: наблюдая крестьянскую жизнь в разных концах России, писатели приходят к одинаковому выводу о кризисе общины.

80-х годах писатель еще надеется на то, что кризис общины - явление временное, преходящее, хотя чутье реалиста подсказывало Мачтету совсем и ое. Отсюда сложное, двойственное отношение писателя к решению вопроса о будущем русской общины: с одной стороны, стремление писать объективно, трезво, а с другой,- склонность к идеализации "устоев , резкость анти - тезы "народ - его угнетатели , сентиментально-романтические приемы повествования /"Мирское дело"/.

В этом, втором плане Мачтет сближается с позицией Златовратского. В рецензии на сборник "Крестьянских повестей и рассказов" Н. Златовратского /1884/ критик "Отечественных записок" писал о том, какой путь избирает беллетрист для изучения народных идеалов.[24] Путем априорных заключений Златовратский определяет, где ему искать "истинные, исконные начала" народной жизни,- в общине и артели. Он пишет только о тех явлениях жизни, которые предохранили общину или артель от враждебных влияний.

Такой "избирательный", субъективный метод изучения действительности был чужд Мачтету. Как ни дорого народнику все, что связано с общинным характером крестьянина, Мачтет приходит к объективности изображения жизни как главному критерию правдивости произведения.

В его рассказах мы слышим голоса различных повествователей, причем их точка зрения может вовсе не совпадать с авторской. Объективность повествования усиливается его документальной основой: рассказчик, как правило,- участник событий.

Мачтет хочет написать реальную, а не идеальную картину нравственного состояния сибирского "мира . В поведении, в миросозерцании общины он видит не одни только положительные стороны /"Вторая правда"/. Влияние "мирской" нравственности на отдельного человека во "Второй правде" впервые у Мачтета рассматривается как трагическое.

Таким образом, во взгляде Мачтета на крестьянскую общину не было той цельности, которая отличала более последовательную концепцию Каронина . Мачтет в этом смысле был типичным народником, в то время как Каронин 80-х годов сближается с революционно-демократической идеологией.

* * *

Изображение крестьянства писателями-народниками не было в их творчестве одинаковым, раз навсегда данным. С развитием жизни менялись и их взгляды на роль общины. Если в 70-х годах Наумов рисовал общину единым коллективом, в 80-х он показал ее внутреннее раздоение, порожденное эволюцией русской экономики и общественной жизни, характером крестьянина -собственника.

Ф. Нефедов претерпел свойственную многим народникам эволюцию к буржуазному либерализму.

С. Каронин, начав как правоверный народник, уже в 1883 г. создает свое лучшее произведение - повесть "Снизу вверх". Это хроника формирования рабочего человека, произведение, показавшее процесс изживания

---

24. См. "Отечественные записки", 1884, № 3.

рабской психологии, привитой укладом патриархальной деревни.

Эта повесть, по замечанию М. С. Горячкиной, "выводит Каронина из рамок народнической беллетристики и сближает с литературой революционных демократов".[25]

Последнее замечание вполне справедливо, и тем не менее не следует "выводить" С. Каронина "за рамки народнической беллетристики". Для идеологии и литературы народников характерна как раз непоследовательность, "выходы" за пределы правоверной народнической доктрины. Широко известно, что В. И. Ленин неоднократно подчеркивал двойственный /мелкобуржуазный/, эклектичный характер народничества.

Почти в каждой народнической статье 70-80-х годов можно встретить одновременно аргументы и от Маркса, и от Бакунина, от Энгельса и Лаврова. Не следует преувеличивать этих своеобразных амплитуд колебания: все они, в частности, и развитие взглядов С. Каронина на русскую общину, совершались в рамках одной, народнической идеологии.

Не будем удивляться и тому, что, даже идеализируя общину, беллетристы-народники не замалчивали, а резко подчеркивали ее недостатки, отрицательные стороны крестьянского быта. Это общая черта всей реалистической литературы народничества. /Наумов, особенно Каронин, Мачтет/. Этим, кстати, народники 70-80-х годов /"старые" народники, по терминологии В. И. Ленина/ отличались от своих либеральных преемников 90-х годов. Эту особенность отметил еще Г. В. Плеханов: "Старые народники бесстрашно описывали то, что совершалось перед ними; они не боялись истины, потому что еще не вкусили от древа познания добра и зла, потому что им даже и в голову не приходило, что истина противоречит их "идеалам". Г-н Воронцов и ему подобные подкрашивают действительность и подслащивают мужика, потому что они поняли, что неподкрашенная действительность, неподслащенный мужик сводит на-нет их "идеалы".[26]

Сибирские рассказы Г. А. Мачтета показывают, что даже на очень коротком отрезке времени /1882-85 г.г./ точка зрения писателя-народника на крестьянскую общину была неодинаковой.

Несколько идеализируя общинные идеалы в рассказе "Мирское дело"/1882/ сожалея о гибели крестьянского братства и чистоты цельного общинного миросозерцания в рассказе "Мы победили!", Мачтет отказывается от идеализации и сентиментальности, показывая трагизм отношений сельского "мира" и отдельной личности в рассказе "Вторая правда"/1883/.

* * *

Сюжет "Второй правды" вначале прямо перекликается с событиями, описанными в "Мирском деле". Деревенский "мир" взял на душу "грех"- самосудом расправился с вором, досаждавшим всему сельскому люду. Но дальше все усложняется по сравнению с написанным ранее рассказом.

---

25. См. М. С. Горячкина. Своеобразие реализма народнической прозы. - В кн.: "Проблемы типологии русского реализма". "Наука", М., 1969, стр. 395
26. Г. В. Плеханов. Сочинения. Госиздат, М., Т. 1Х, стр. 164.

Заседатель, тертый калач, получивший от "мира" взятку, пытается замять преступление, но молодой доктор Кохин ревностно стоит на страже честности и закона, попираемого грабителем. В этом - его правда, правда "честного интеллигента".

Невиновный крестьянин, "выделенный" общиной потерпеть за "общество", в конце концов гибнет в тюремной больнице. Только тогда открывается доктору и вторая,"мирская" правда, правда общинного самосуда.

Убеждения молодого энтузиаста Кохина, полного надежд и желания переустройства жизни, вступают в противоречие с "грубой" действительностью. Жизнь оказывается настолько сложной, что Кохин очень скоро должен был распроститься с романтическими намерениями и признать, что субъективные желания, не учитывающие всех реальных противоречий, неисполнимы.

Пафос содержания рассказа как раз и заключается в мысли автора о необходимости объективного изучения всех сторон жизни.

Эта идея претворяется и в своеобразной форме повествования. Мачтет доверяет вести рассказ человеку, нравственная позиция которого вовсе не совпадает с его собственной. Характер рассказчика не разработан автором подробно, но некоторые черты его проступают уже в "лирическом" зачине рассказа. Усложненный синтаксис вступления, витиеватость речи сочетаются с откровенной грубоватостью и категоричностью суждений и несколько настораживают читателя:"Если вы думаете, что на свете всего одна "правда", вы рискуете, по уверению Кохина, понести разочарование и впасть в большие ошибки в жизни. Он думает, что их две и, что самое главное, они находятся будто бы в вечном противоречии друг с другом. Прав он или не прав,-это не мое дело"/1У,258/. Последнее замечание звучит достаточно определенно. В дальнейшем эта сторона сознания рассказчика /откровенность обывателя/ будет развиваться в повествовании. "Образованная", даже "изысканная" речь /"понести разочарование","я не адепт двух правд"/, разбавленная грубовато-просторечной лексикой, дорисовывает этический портрет повествователя:"я простой рассказчик и не намерен говорить ни , ни . Во-первых, это завело бы нас слишком далеко, а я инстинктивно, по свойственной всем обывателям привычке, боюсь всякой "дали"; во-вторых, я не адепт "двух правд". Что бы я ни приводил в подкрепление своих доводов, Кохин будет стоять на своем и на все мои аргументы будет мне совать "свой личный опыт"/1У,258/.

Итак, рассказчик-обыватель, и потому он прежде всего хочет спокойствия. Он не желает волноваться из-за разногласий с доктором. Так своеобразно обоснована в рассказе Мачтета объективность повествования. Рассказчик не только не примешивает к нему собственных субъективных замечаний, но даже не старается построить свой рассказ таким образом, чтобы факты оправдали его позицию.

Создается иллюзия полной объективности оценок, несмотря на то, что личность повествователя в рассказе выступает очень активно.

Во второй части рассказчик формально остается прежним, но фактически им становится сам автор. Здесь начинается суд над Кохиным, и судит доктора сама жизнь, логика событий, сложных, противоречивых, трагических.

Отношение рассказчика к доктору Кохину двойственно. Он уважает его мнение и одновременно иронизирует над ним. Некая старомодная изысканность оборотов его речи уживается с откровенной грубостью /"будет совать мне "свой личный опыт"/. Дальнейшее повествование об этом "опыте" Кохина окрашено иронией: "Понятно, было время, когда Кохин, как и все, имел только "одну" правду в своем распоряжении. Он был тогда весел, смеялся, волосы его вились, глаза метали искры, так что дамы только складывали ручки в сладкой истоме при одном его приближении. Этот период обнимал всю университетскую жизнь и первые месяцы службы городовым врачом в N-ском округе, куда его послали "отбывать университетскую стипендию"/1У, 259/.

Нескрываемая насмешка над романтичностью Кохина /волосы его вились, глаза метали искры/, выразительность так называемого "изящного" слога /дамы складывали ручки в сладкой истоме, период обнимал его университетскую жизнь/ - все это стилистически очень четко характеризует отношение рассказчика к герою повествования.

Ирония чувствуется и в том, что драма Кохина, оказавшегося как бы между двух правд, сведена чуть не до уровня анекдота: "Если и с одною правдой, говорят, жить иногда туго и во всяком случае хуже, чем без всякой, то отсюда отнюдь не рискованно заключить, что с двумя, пожалуй, и еще хуже. Да к тому же, если обе они находятся в противоречии друг с другом, так ведь положение человека сильно смахивает уже на то, в каком должен находиться двоеженец в момент встречи обеих жен"/1У, 259-260/.

Но, несмотря на всю иронию, рассказчик уважает своего оппонента, честно опровергает слухи, распространяемые местным "бомондом" о горьком запое Кохина, говорит о добром, отзывчивом сердце доктора. Характерно и то, что рассказчик даже не помышляет об одностороннем, необъективном изложении: если он будет приводить аргументы в пользу своей правоты, то, само собой разумеется, нужно давать слово и Кохину.

Чехов утверждает необходимость внимательного, многостороннего анализа жизни.

Противоречие, в котором запутался Кохин, создает для него, действительно, безысходную ситуацию. Его представления о справедливости, честности, казавшиеся непреложными, вдруг оказываются несостоятельными.

Кохин ликует, оттого что ему удалось разоблачить взяточника-заседателя. Но доктор не учитывает, что теперь чиновник, раздосадованный неудачей, начнет преследовать общину за преступление /"затягают за грех" - говорят Кохину крестьяне/. Так, желая восстановить справедливость, доктор оказывается виновником несчастья целой деревни. Он потерял почву под ногами /характерное для романтика состояние/.

Односторонний, романтически взгляд на жизнь не выдерживает первого серьезного столкновения с действительностью. Но романтик еще побеждает в Кохине. Он отказывает в просьбе общины "замять дело". Виновного берут под стражу. Так начинается драма "честного" романтика. Вой и ненависть всей деревни провожают доктора. Кохин мучительно переживает свою "победу", столь неожиданно обернувшуюся его поражением и новым преступлением

- самого Кохина перед мужиками.

Нравственная драма интеллигента достигает кульминации, когда в больницу Кохина попадает деревенский парень, признавший себя виновным в убийстве. Доктор подозревает, что Петров принял чужую вину, постоял за "мир" "по хересью". И перед смертью крестьянин признается ему в этом, открывая "мирскую правду".

Логика повествования объективно приводит к тому, что виновным в смерти крестьянина оказывается не доктор только /Петров не захотел, чтобы его лечил враг общины/, но и крестьянский "мир". Рисуя патриархальные отношения деревни, Г. А. Мачтет позволяет умереть страдальцу за общее дело, и в такой развязке нет никакого любования "гуманными" общинными обычаями. Никакого смягчения этой трагической ситуации автор не допускает.

"Мир" совершает насилие над личностью, поручая ей "пострадать за себя" - таков один из важнейших выводов рассказа.

"Не смущай, доктор", - просит его крестьянин, когда Кохин пытается лечить парня. Доктор - враг "мира", а врага можно только ненавидеть. Нельзя принимать от него милости, в данном случае - помощи. Вот почему: "Не смущай, доктор". Молодому парню хочется жить, но он подавляет в себе это естественное желание, связанный моральными нормами "мира". Человек обрекает себя на смерть. Такой вывод есть приговор автора "мирскому" мышлению. ○

Таким образом, отношение Мачтета к крестьянской общине двойственно. Автор, несомненно, сочувствует общинной "правде". Но она так же однобока, как и "правда" интеллигента Кохина. Мачтет убеждает, что и для "мира", и для доктора характерен романтический тип мышления, не учитывающий сложности связей и явлений. Две "правды" и две драмы показывает автор в рассказе.

Кохину, для которого все было ясно и просто, оказалась непосильной сложность действительности - она сломила романтика. Доктор как-то быстро охладел и "сотерял" по меткому выражению местных обывателей. Он по-прежнему - милый и внимательный человек, но теперь и Кохин боится всякой "сложности" /ср. с предисловием рассказчика/ и не в состоянии разобраться в обступивших его противоречиях.

Бессилие интеллигента, пытающегося быть "другом народа", - один из важнейших итогов "Второй правды". Нестойкость принципов, упрощенность понимания жизни, трусливость обывателя, трагическая раздвоенность крестьянского "мира" - вот против чего направлено произведение Мачтета.

Рассказчик, повествующий о трагедии доктора Кохина, упрощает мир. Так ему легче жить. Кохин ощутил на собственном опыте сложность жизни, но интеллигенту не хватило закваски принципиально определить свое место, свою правду.

Автор не дает готового решения. Он сталкивает в рассказе различные точки зрения, сопоставляет все ситуации и приводит читателя к необходимости мыслить самостоятельно. В этом еще один урок "Второй правды".

И в других сибирских рассказах Мачтет, как мы видели, стремился к

объективности изучения жизни. Во "Второй правде" это проявилось более отчетливо. И потому совершенно несостоятельно устойчивое в дореволюционной литературе мнение о Г. А. Мачтете как о писателе, который не считался с художественной правдой во имя публицистических целей творчества.

Публицистический пафос Мачтета-реалиста, конечно, проявился в сибирском цикле. Он - в отчетливости выражения авторской позиции, в резкости сопоставления противоположных явлений жизни.

Но первые рассказы Мачтета о народе показывают, как постепенно обогащается представление автора о мире. Во "Второй правде", например, усложняется позиция рассказчика. Если в других сибирских рассказах повествователь либо сочувствовал безраздельно общине /"Мирское дело"/, либо, напротив, был ей врагом /"Мы победили!"/, во "Второй правде" рассказчик - из не-"мирской" среды, но он уже не захлебывается от административного восторга, а начинает задумываться над сложными вопросами жизни.

Во "Второй правде" иначе "организовано" и художественное "пространство" - мир делится не только на "свои - чужие". Доктор сочувствует мужикам, он - не"свой" и среди сонвателей, господ, и для народа Кожин - чужак, даже враг. Крестьянин Петров подчиняется законам крестьянской общины, он - "свой","мирской" человек, но и в нем рождается нечто такое, что отъединяет его от правоверных общинников /"Не смущай, доктор!"/.

Так мир расслаивается, картина его становится более сложной, связи явлении - более разнообразными, богатыми.

" " "

Сопоставляя взгляды Мачтета на крестьянскую общину в разных рассказах сибирского цикла, мы видим их эволюцию. В "Мирском деле" писатель еще идеализирует "устои", во "Второй правде" логика автора иная: если взаимоотношения "мира" и личности уже начинают осмысляться как отношения трагические, если интересы отдельной личности входят в противоречие с интересами всей общины, если крестьянин почувствовал в себе человека, - значит, появились признаки внутреннего неблагополучия общины. Она не выдерживает внешнего давления "цивилизации", община и внутренне не представляет собой единства. Так, уже в рамках первого цикла рассказов Мачтета возникает трудный для писателя-народника вопрос: если община не - способна выжить /при всем сочувствии автора к ее идеалам/, тогда за чем будущее? Мачтет хотел бы надеяться, что "мирское","общественное" начало в крестьянине выживет, не погибнет,-это близко его социалистическим утопиям народника. Но писатель видел, как изнутри разлагается "мир": интересы отдельного человека игнорируются. В жизни общины нет гармонии.

Мачтет не может дать определенного ответа на вопрос о том, как будет развиваться крестьянская психология, нравственность. Он попробует это сделать позже, в 90-е годы.

Таким образом, начав как просветитель с отдельных зарисовок крестьянской общины в Сибири, нравов ее администрации, Г. А. Мачтет приходит к необходимости исследования противоречивой природы крестьянства. Исследовательский подход только еще зарождается в сибирском цикле Мачтета, но очень важно, что уже в раннем творчестве народник приходит к нему.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Г. Г. Едиг. Определительные придаточные предложения в нижненемецком говоре Алтайского края 3
Г. Г. Едиг. Предицированные обстоятельства времени в нижненемецком говоре Алтайского края 14
Е. А. Григорьева. Морфология именительного падежа существительных нижненемецкого говора Омской области 28
Г. И. Валл. О сложнопроизводных образованиях в нижненемецком говоре Омской области 40
К. И. Митрофанова. Словообразовательные модели простых имен прилагательных в средневерхненемецком языке 44
Л. Б. Рункова. Функциональные и семантические особенности причастия I в древневерхненемецком языке XI века 50
С. В. Постникова. К вопросу о структурно-морфологической классификации сравнительных конструкций, вводимых в состав простого предложения союзами сравнения «wie» и «als» 66
Г. М. Каланча. Отличие ритма стиха от ритма прозы в плане функциональной роли ритма 79
Л. Б. Ткачева. Пути образования авиационных терминов в английском языке 85
З. Ф. Беляева. Модальные глагольные сочетания в американской художественной прозе 99
З. Ф. Беляева. Некоторые статистические характеристики распределения модальных глаголов (на материале американской художественной и научно-технической прозы) 129
Г. С. Щур. О сопоставительно-историческом изучении родственных языков . 146
А. М. Кузнецов. О типологии семантического поля имен родства . . . 160
Н. И. Дмитриева. Синтагматическая модель уточняющей конструкции в современном немецком языке и семантика отношений ее компонентов . 168
Н. И. Дмитриева. Структурно-семантическая и функциональная дифференциация субстантивных аппозитивных групп в современном немецком языке 180
И. К. Романеева. Из истории развития системы склонения местоимений в русском языке 182
И. К. Романеева. Из истории склонения имен прилагательных в русском языке 188
И. Н. Горелов. К вопросу об индивидуальном в речи 195
Ю. В. Воробьев. Эволюция строфических форм английского сонета . . 200
Ю. В. Воробьев. О строфичности героического куплета в английской поэзии XVIII и XIX веков 211
А. А. Палий. Вильям Сомерсет Моэм (очерк жизни и творчества) . . . 218
В. М. Физиков. Сибирские рассказы Г. А. Мачтета и некоторые особенности народнической литературы 230

ПД 10606 Подписано к печати 11/XI-71 г. Объем 16 п. л.
Омская обл. тип., 1971 г. Зак. 8161, т. 750.

Цена 1 руб.

UNIVERSITY OF ILLINOIS-URBANA
3 0112 125171238